

ДЕТСКИЕ ЧТЕНИЯ

2022 № 2 (022)

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ) РАН

ДЕТСКИЕ ЧТЕНИЯ. 2022 № 2. ВЫП. 22

ISSN 2304–5817

ISSN (Online) 2686–7052

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Мария Литовская

Светлана Маслинская

Инна Сергиенко

Анна Димьяненко

Джулия Де Флорио

Евгения Лекаревич

Ольга Лучкина

Яна Тимкова

Анна Сенькина

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ирина Арзамасцева (Москва)

Всеволод Багно (Санкт-Петербург)

Марина Балина (Bloomington, USA)

Валентин Головин (Санкт-Петербург)

Дорена Кароли (Bologna, Italy)

Карен Коатс (Cambridge, UK)

Марни Компанияро (Padova, Italy)

Андрей Костин (Санкт-Петербург)

Марина Костюхина (Санкт-Петербург)

Мария Майофис (Москва)

Дорота Михулка (Wrocław, Poland)

Сара Панкеньер-Вельд (Santa-Barbara, USA)

Сергей Ушакин (Princeton, USA)

Эрика Хабер (Syracuse, USA)

Выпускающий редактор *Светлана Маслинская*

© Авторы статей, 2022 ; При оформлении обложки использована иллюстрация из

Агнивцев Н. Я. Твои наркомы у тебя дома / Стишки Н. Агнивцева; Картинки

К. Елисеева [и] К. Ротова. М.: Октябренок, [1926?].

.....
Санкт-Петербург

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции	6
Манифест Европейского общества исследователей детской литературы	8

АРХИВ. «ВЛИЯТЕЛЬНЫЙ ВЗДОР»: СОЦИОЛОГИЯ ДЕТСКОГО ЧТЕНИЯ В РОССИИ

Сергей Ушакин

Теперь мы знаем из какого вздора: о чтении и социологии . . .	12
---	----

ПЕТР КАПТЕРЕВ

Подражания детей книжным героям и подвигам (1893)	27
---	----

[Г-ЖА НАВОЗОВА]

Дети-читатели (1898)	33
--------------------------------	----

КОНСТАНТИН ДОМЕТТИ

К вопросу о внеклассном чтении (1900)	37
---	----

НАТАЛЬЯ ЛЕОНТЬЕВА

О детском чтении: (Из наблюдений учительницы) (1905)	42
---	----

АННА ПОКРОВСКАЯ, ПАВЛА РУБЦОВА

Практическое применение метода спроса (1926)	74
--	----

МИХАИЛ ГАСТФЕР

Изучение детских читательских интересов (1927)	84
--	----

Ю. ПОЗНЯКОВА

Опыт сравнения детских читательских интересов по методу спроса за 1925 и 1928 гг. (1929)	96
---	----

ИССЛЕДОВАНИЯ

Анна Сенькина

Школьная книга для чтения в российском парламенте, или Об одном эпизоде из истории цензуры и критики учебной литературы в начале XX века	104
--	-----

Валентина Веремко, Станислав Степанов

Гигиена детского и юношеского чтения в России на рубеже XIX — XX вв.	132
---	-----

<i>Кирилл Маслинский, Светлана Маслинская</i>	
В канон через тираж: о неравенстве доступа писателей к печати детских книг в советскую эпоху	145
<i>Дмитрий Сергеев</i>	
Социология современной книжки-картинки: одинокое материнство по выбору и его влияние на детскую литературу	174
<i>Екатерина Ромашина</i>	
Каталоги издательства М. О. Вольфа как источник по истории детской книги в России	196
<i>Ольга Селиванова</i>	
Как составить идеальный указатель? (взгляды О. И. Капицы на библиографию детской литературы)	217
<i>Ольга Мязотс</i>	
«Что читать о России детям в США?» Опыт рекомендательной библиографии, 1949 г.	233
<i>Константин Лемешев</i>	
Е. А. Разина — учительница и детская писательница: в поисках профессионального пути	252
<i>Никита Катанав</i>	
Мистификация как авторская стратегия в сборнике А. Крученых «Собственные рассказы, стихи и песни детей» 1923 г.	273
<i>Марина Жиркова</i>	
Начало творческого пути детского писателя и поэта Саши Черного	286
<i>Марина Костюхина</i>	
«Вызывание духа Бианки» (по материалам переписки М. Зверева и Н. Сладкова)	303
<i>Татьяна Рожкова</i>	
Литературный опыт уральского забойщика и лесника И. А. Гагарина: школьное чтение в практике сочинительства	319
<i>Лев Григорян</i>	
Эволюция замысла сказки «Семь подземных королей» А. М. Волкова в 1963–1967 гг.	340
<i>Валентин Головин</i>	
Музицирование и пение в повести Аркадия Гайдара «Тимур и его команда»	366

<i>Софья Лойтер</i> «Кондуит и Швамбрания» Льва Кассиля: история текста . . .	388
--	-----

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Алла Грачева</i> О необычайных приключениях благородных вождей Пантеры, Сержанта и их друзей в горах Луизиана, лесах Сидонии и в американских прериях: детская проза академика С. Ф. Платонова	404
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Нина Барковская</i> Литературная кинология. Рец. на кн.: М. С. Костюхина. От Муму до собачки Сони: образ собаки в детской литературе и школьном чтении. СПб.: изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021	429
--	-----

КОНФЕРЕНЦИИ

<i>Екатерина Асонова, Елена Романичева</i> Событийность как фактор институциональности детской литературы (IV международная конференция-форум «детская литература как событие»)	437
--	-----

ОТ РЕДАКЦИИ

В разнообразную деятельность по производству и поддержанию того, что мы называем литературой, вовлечено множество различных социальных акторов. Детская литература исключением не является. Но, обращаясь к ее институциональной истории, убеждаешься, насколько мало мы знаем о деятельности издательств, выпускавших книги для детей, сообществ и библиотек, занимавшихся организацией детского чтения, книготорговли, профильных журналов, научно-исследовательских институтов. Выпускавшиеся в советское время и в недавнем прошлом словари детских писателей дают представление о составе литераторов, творивших для детей, однако, попытки уточнить публикаторские или рецептивные контексты их творчества обычно наталкиваются на большие нарративы о детской литературе как убежище или, напротив, пространстве педагогического и чиновничьего насилия. Точно так же история библиографии детской литературы сводится к библиографиям библиографий и практически лишена исследований о персональном вкладе конкретных библиографов в документирование детской книги, равно как и об институциональном регулировании ее учета.

Исследования, представленные в 22 выпуске «Детских чтений», разнообразны по материалу и широки по проблематике. С одной стороны, в них анализируются политические, экономические и медицинские контексты в истории детской книги. Участие парламента Российской империи в решении судьбы учебной книги для начальной школы, хлопоты медиков-гигиенистов по поводу качества полиграфии изданий для детей, масштабная панорама эволюции канона детской литературы в советское время, современные попытки непрофессиональных авторов прорваться на книжный рынок детской литературы.

С другой стороны, это изучение участия издателей детской книги (М. Вольф) и ее библиографов (О. Капица и Э. Б. Мартин) в конструировании «видимости» определенных групп произведений, в привлечении внимания компетентных взрослых потребителей к таким сегментам книжного предложения для детей, которые эксперты по тем или иным причинам решили «высветить».

В-третьих, это анализ биографических и творческих траекторий литераторов, взявшихся писать для детей. В отличие от привычных в таких случаях «фаталистских» подходов к предопределенности писательской судьбы («родился детским писателем»), авторы статей о Елизавете Разиной, Алексее Крученых и Саше Черном показывают, какие экстралитературные факторы могут стать определяющими на пути писателя к ребенку-читателю. Еще одним аспектом изучения социального контекста произведений литературы может быть анализ влияния на содержание и форму текстов индивидуальных наблюдений как профессионального (Аркадий Гайдар), так и непрофессионального авторов (Иван Гагарин).

Наконец, размышления Сергея Ушакина о (невеселой) судьбе социологии детского чтения в России, позволяющие критически взглянуть на развитие социологических методов изучения детского чтения в СССР. Аннигиляция ребенка из поля зрения библиотечарей и педагогов, занимавшихся изучением детского чтения, и замещение его статистикой «спроса» и «запросов», позволяют понять специфику советской библиотечной работы с детьми, наследие которой оказалось очень живучим.

Отдельно хочется обратить внимание читателей выпуска на манифест новой организации — Европейского общества исследователей детской литературы. В известном смысле этот документ — объект будущей институциональной истории литературы для детей. В сегодняшней ситуации это начинание видится нам весьма прогрессивным, а участие в нем представляется безусловно благотворным для всех исследователей детской литературы.

Одна из задач «Детских чтений» — заполнять пустующие ячейки в мозаичном панно будущей истории детской литературы — или, выражаясь иным языком, — изучать разнообразные виды практик, характеризующих поле культурного производства литературных текстов для специфической аудитории, а также формы взаимодействия между ними. Этот номер журнала мы рассматриваем как еще один шаг в этом направлении.

Светлана Маслинская и Мария Литовская

МАНИФЕСТ ЕВРОПЕЙСКОГО ОБЩЕСТВА ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Małgorzata Cackowska (University of Gdansk)

Marnie Campagnaro (University of Padova)

Anna Czernow (University of Poznan)

Nina Goga (Western Norway University of Applied Sciences)

Svetlana Kalezić Radonjić (University of Montenegro)

Bettina Kümmerling-Meibauer (University of Tübingen)

Jörg Meibauer (University of Mainz)

Smiljana Narančić Kovač (University of Zagreb)

Мы предлагаем создать сообщество/сеть, сосредоточенное на исследовании европейской детской литературы. Ниже мы рассмотрим достоинства этой идеи, а также вероятные проблемы, которые необходимо будет решить. Во-первых, обратим внимание на то, что значительная часть истории европейской детской литературы сегодня ещё не исследована должным образом, а ученые, занимающиеся детской литературой, время от времени испытывают трудности с публикацией своих работ в международных журналах. Поэтому эффективность их деятельности ограничивается национальной аудиторией, а исследования практически не видны. Темы обсуждений на международных конференциях часто ограничиваются англоязычным литературным канонem и отражают исследовательские интересы, зависящие от англоязычной культурной традиции. Однако очевидно, что Европа имеет богатую традицию детской литературы, которая всегда была важной частью мировой литературы и вносила свой вклад в мировой диалог культур. Поэтому международные исследования детской литературы могут только выиграть от создания европейского общества исследователей детской литературы.

Общество можно понимать как образование, способствующее более или менее свободной коммуникации ученых и/или учреждений, которые смогут регулярно обмениваться информацией. Научное общество, имеющее фиксированное местоположение, устав и доход, предполагает приложение значительных организационных усилий, которые, однако, могут быть оправданы представительством общества в организациях, финансирующих исследовательскую деятельность. Поэтому представляется необходимым

рассмотреть вопрос о том, какая форма организации для нашего общества может быть наиболее подходящей.

Важно подчеркнуть, что членом общества/сети может стать любой человек, интересующийся европейской детской литературой. Таким образом, членство ни в коем случае не ограничивается гражданами Европы. Европейское общество/сеть исследователей детской литературы в перспективе может объединить несколько тысяч участников, хотя, конечно, многое зависит от того, какие преимущества могут получить члены общества.

Каковы цели общества/сети? Первая цель — поддержка исследований по всем направлениям изучения европейской детской литературы с исторической, теоретической, эмпирической и практической точек зрения. Вопреки тенденции к маргинализации или игнорированию истории литературы, общество относится к этому аспекту со всей серьезностью и планирует поддерживать усилия, направленные на изучение истории литературы отдельных стран или регионов. Теоретическому осмыслению детской литературы, как в ее автономии, так и в ее общности со взрослой литературой, должно быть придано особое значение, в том числе и в части изучения национальных и региональных традиций. Там, где это возможно и имеет смысл, исследования детской литературы должны «работать» эмпирически, например, в технологиях цифровых гуманитарных наук (DH) или в развитие эмпирических психологических методов (например, eye movement, EEG и др.). Кроме того, важен исторический, теоретический и эмпирический взгляд на практику преподавания европейской детской литературы в образовательных учреждениях. Желательно, чтобы изоляция педагогических усилий в соответствующих образовательных традициях отдельных стран и регионов была преодолена и можно было бы пойти по пути компаративистских методов преподавания детской литературы. Несмотря на многочисленные усилия по развитию и укреплению отношений между различными странами Европы, наши знания о соседях, не говоря уже о других европейских партнерах, зачастую являются более чем скромными. Таким образом, важной задачей европейского сообщества по изучению детской литературы могла бы стать помощь в организации обмена научной информацией между странами и регионами и повышение доступности материалов исследований для всех заинтересованных сторон.

Типичной академической процедурой, служащей этой цели, является издание журнала, посвященного исследованиям европейской детской литературы. Такой журнал должен соответствовать

самым высоким академическим стандартам (двойное слепое рецензирование), но прежде всего он должен всемерно поддерживать авторов в совершенствовании их рукописей. Качество журнала отражается не в высоком проценте отказов, а в уровне взаимодействия с авторами и рецензентами. Другой стратегией могло бы стать издание серии книг «Исследования в области европейской детской литературы». Конечно, такие проекты требуют усилий множества специалистов, что не так-то просто воплотить в жизнь в ситуации характерной институциональной маргинализации исследований детской литературы в университетах, но, если можно надеяться на укрепление академической сплоченности в Европе и привлечение в эту сферу молодых ученых, такие проекты не безнадежны. Другой задачей видится организация семинаров и конференций, посвященных исключительно европейской детской литературе. Поскольку успех исследований в первую очередь зависит от молодых ученых, первоочередной задачей сообщества является их поддержка. Существующие инициативы, такие как европейская магистерская программа, летние школы и др., могут быть расширены за счет студенческих конференций, организованных самими студентами.

Предполагаемое общество не будет конкурировать с IRSCLE (Международное научное общество исследователей детской литературы). Напротив, международные организации, а также различные общеевропейские и национальные организации могли бы разумно дополнять друг друга. В некоторых европейских странах уже есть свои академические сообщества по изучению детской литературы. Они могли бы объединиться в единую сеть и сотрудничать в рамках европейской структуры. Сотрудничество изолированных прежде национальных исследователей в рамках европейского исследовательского общества детской литературы укрепит их статус и влияние на национальные и европейские институты. Например, можно рассмотреть возможность подачи заявки на финансирование в ЕС для общеевропейского исследовательского проекта по истории и теории детской литературы. Кроме того, национальные исследовательские центры или библиотеки, специализирующиеся на детской литературе, могут использовать возможности общества для интенсификации международного сотрудничества.

Отдельные европейские страны могут выступать в качестве организаторов и принимающих сторон конференций и др. и представлять свое культурное наследие в аспекте литературных связей с другими европейскими странами. Было бы желательно, если бы небольшие страны и регионы также организовывали семинары и

конференции, которые могли бы быть поддержаны европейским сообществом по изучению детской литературы.

На первом этапе деятельности сообщества можно было бы собрать представителей всех европейских стран, заинтересованных в сотрудничестве, и избрать из их числа руководящий комитет. Более сложная задача заключается в создании общества с юридическим статусом и демократической системой выборов на все должности. Такое общество могло бы собирать членские взносы и поэтому иметь собственные финансовые ресурсы.

«Европа» не должна пониматься в чисто формальном смысле, например, как члены ЕС. Важно включить в наш проект европейцев, не являющихся членами ЕС (например, Черногорию, Россию, Украину, Норвегию), и допустить включение соседей европейских стран, например, Израиля, Марокко или Турции. Напомним, что все исследователи, интересующиеся европейской детской литературой — как в Европе, так и за ее пределами — приглашаются к участию в нашем обществе.

Но не возникнут ли трудности с общением? Для многих ученых английский язык остается препятствием. Это влияет на свободу выступлений с докладами на международных конференциях и на готовность публиковать статьи на английском языке. Мы предполагаем, что общим языком общения будет английский, но это не должно делаться в ущерб другим языкам и их литературам. Скорее, европейское сообщество по изучению детской литературы должно способствовать исследованиям произведений национальных и региональных детских литератур на языках оригинала и выступать за двуязычные издания.

22 июля 2022

АРХИВ. «ВЛИЯТЕЛЬНЫЙ ВЗДОР»: СОЦИОЛОГИЯ ДЕТСКОГО ЧТЕНИЯ В РОССИИ

Сергей Ушакин

ТЕПЕРЬ МЫ ЗНАЕМ ИЗ КАКОГО ВЗДОРА: О ЧТЕНИИ И СОЦИОЛОГИИ

Во введении к архивному блоку «„Влиятельный вздор“: социология детского чтения в России» предлагается краткий обзор попытки создать в конце советского периода концептуально новую и методологически эффективную социологию чтения и литературы. Группа социологов и историков, работавшая в Государственной библиотеке им. В. Ленина в 1970–1980-х гг., настаивала на необходимости видеть в литературе социальный институт, основная задача которого заключалась в артикуляции и популяризации базовых элементов индивидуальной и групповой идентичностей. Избегая психологизации чтения и читателей, эти социологи выводили на первый план специфически литературный аспект чтения: в отличие от многих других выразительных и художественных форм, литература обладает возможностью тематизировать — то есть организовывать в виде связного нарратива — абстрактные ценности, неочевидные допущения и фоновые установки. Взаимоотношения между читателем и литературой анализировались на трех уровнях — феноменологическом, морфологическом и функциональном, а чтение трактовалось как процесс моделирования читателем себя и своего социального и природного окружения. Предлагая этот позднесоветский подход в качестве общей рамки для понимания архивного блока, Ушакин отмечает, что работы 1890–1920-х гг. оказываются во многом созвучными позднесоветским попыткам понять роль и функции чтения. Наряду со сходствами, разумеется, были и существенные отличия. Например, ранние работы о детском чтении отличались повышенным вниманием к феноменологической стороне этого процесса,

---

Сергей Александрович Ушакин
Принстонский университет,
Принстон
oushakin@princeton.edu

к его моральным и воспитательным эффектам. Социологические исследования потребления литературы, которые стали складываться во второй половине 1920-х гг. устойчиво демонстрируют совсем иной методологический подход: сбор статистических данных о тематических запросах читателей из разных демографических категорий оказался во многом самоцелью. Чтение как социальная практика в итоге оказалась «безлюдной»: индивидуальные читательские практики (и сами читатели) вытеснила статистика групповых читательских «запросов» в детских библиотеках. Социология чтения, иными словами, стала синонимичной сбору и обработке разнообразных количественных данных. С критики этой социологической традиции и начнется в 1970-х гг. попытка создать новую социологию чтения и литературы.

Ключевые слова: социологический концептуализм, функционализм, литературная промышленность, воображаемые сообщества, читательская аудитория, позднесоветские гуманитарные исследования, позитивизм, идентичность

Что ни говори, а чтение — могучее орудие, часто перерабатывающее по-своему юную человеческую душу. ...Белинский справедливо сказал, что человек всю жизнь помнит тот вздор, который он читал в детстве, и который ему тогда нравился. Такая книга служит для него своего рода Америкой: она открывает ему новый мир.

Наталья Леонтьева, 1905 г.

В нашей же стране само слово «социология литературы» имеет крайне дурную репутацию, причём социология как таковая не может нести за это какую бы то ни было ответственность.

Лев Гудков и Борис Дубин, 1994 г.

У социологии чтения в России прихотливое происхождение. В 1994 г. в предисловии к сборнику работ по социологии литературы и чтения советские исследователи Лев Гудков и Борис Дубин напоминали читателям, что центром выработки «концептуальной системы социологии литературы» в позднесоветское время стала группа исследователей из сектора книги и чтения Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина (ГБЛ) [Гудков, Дубин

1994, 9]. Именно там в 1978–1984 гг. были сделаны первые значимые попытки перейти от накопления данных о читателях и изданиях к социальному анализу читательских практик.

Интеллектуальный прорыв, как известно, тогда не состоялся. В 1984–1985 гг. — на заре перестройки — руководство ГБЛ работу группы остановило, и большинство подготовленных текстов до печати допущено не было [Там же, 100–103]. Итоги деятельности «социологов-концептуалистов» ограничились аннотированным библиографическим указателем и реферативным сборником зарубежных исследований по социологии литературы [Гудков, Дубин, Рейтблат 1982], [Проблемы социологии 1983]. Основная часть подготовленных работ была опубликована позднее — в основном уже после распада СССР.

В 1980-е гг. «концептуализм» и «системность» в анализе чтения оказались преждевременными. Позднесоветская «социология чтения» практиковала совсем иные установки и методы. Используя в качестве своего информационного источника широкую сеть библиотек на территории СССР, сектор книги и чтения ГБЛ «регулярно снима[л] надежную информацию о чтении в стране», фиксируя массовые читательские предпочтения с помощью данных, которые собирали более трёхсот библиотек [Гудков, Дубин 1994, 100–101]. Именно этот институционально-организационный — *библиотечный* — контекст во многом и предопределил подходы и приоритеты социологических исследований массового чтения. Упор делался не столько на качество выводов, сколько на количество данных. Валерия Стельмах, руководитель сектора книги и чтения ГБЛ, прямо говорила в 1990 г. об узкоцеховой и сугубо утилитарной направленности сложившейся области знания:

Социология чтения возникла в сфере библиотековедения как прикладное научное направление, ориентированное на практические задачи отрасли: уточнение профиля комплектования фондов библиотек, совершенствование форм и методов работы с читателем и пропаганды книги, расширение охвата населения библиотечным обслуживанием и т. д. [Стельмах 1990, 13].

Подводя общий итог, Стельмах тогда с сожалением отмечала, что социология чтения, — следуя логике развития социологии в целом, — свелась к сбору статистики: «Она была вынуждена сама „обсчитывать“ отрасль, создавая исходную фактографическую базу своей работы» [Стельмах 1990, 10].

Гудков и Дубин (работавшие в ГБЛ под руководством Стельмах) шли в своей критике «отраслевых обсчетов» еще дальше. В 1994 г. они недвусмысленно констатировали кризисное состояние социологии чтения, отмечая, что вал фактографической информации привел социологию литературы и чтения «к параличу собственно аналитической работы», и предлагали обширный список последствий этого плачевного состояния:

Вопросы теоретического плана, разработки связанных концепций читательского поведения, структуры литературной системы, динамики культурных образцов и проч. не просто отодвигались в сторону, но и всячески блокировались как не имеющие практической значимости, сомнительные в методологическом и т. д. отношениях. В результате собственный концептуальный и методический язык этих довольно широко ведущихся разработок представляет собой мешанину из литературоведческих, психологических, педагогических и социологических понятий, операциональных терминов, вкусовых суждений и определений, рутинных оценок и административных установок. <...> Без какой-то интерпретации эти сведения не дают возможности ни понять все целое, ни выработать необходимые политические решения в этих областях. О перспективности работы можно судить хотя бы по тому, что социологи проспали книжный бум 1970-х годов, затем — журнальный взрыв 1986–89 годов. Несмотря на всю научную канцелярию такого рода, книжный дефицит вырос в несколько раз и достиг критической точки, а из библиотек только за 1988 г. ушло свыше 3 миллионов читателей [Гудков, Дубин 1994, 101].

Эти бескомпромиссные и безжалостные выводы социологов можно было бы легко связать с ситуацией застоя, политическим давлением и академической несвободой позднего социализма. Но, судя по всему, социально-политический контекст был лишь отчасти повинен в том, что к середине 1980-х гг. социология чтения оказалась в состоянии «аналитического паралича», методологической «мешанины» и фактографического «прикладничества». В вышедшей в 2022 г. «Общей теории чтения» Юлия Мелентьева, заведующая Отделом проблем чтения Научного центра исследований истории книжной культуры Российской академии наук, на основе обширного обзора литературы приходит к выводу, который совпадает по сути с диагнозом Гудкова и Дубина тридцатилетней давности. Как пишет Мелентьева,

анализ изучения чтения в контексте различных наук показывает, что методология изучения этого феномена, по сути дела, не разработана.

Во всяком случае, ни в одной из научных областей, изучающих чтение, не существует чётко сформулированных научных подходов — методологии — к его изучению. Изучение чтения происходит зачастую без глубокого осмысления всех его граней, аспектов, внутренних и внешних проявлений [Мелентьева 2022, 184].

Показательно, что сама Мелентьева четкой методологии изучения чтения не предлагала, ограничившись обзором литературы и общими ссылками на важность «системного, деятельностного и историко-культурологического подходов» [Мелентьева 2022, 183–190].

Постоянство жалоб на теоретическую и методологическую «неразработанность» социологии чтения важна, но абсолютизировать эту «неразработанность» не стоит. За последние два десятилетия появилось достаточно работ, предлагающих нетривиальные подходы и выводы¹. Более того, на мой взгляд, во многом невосребованными до сих пор остаются наблюдения и обобщения, к которым пришли в середине 1980-х гг. участники «концептуального поворота» в ГБЛ. Не вдаваясь в детали, я напомним лишь несколько ключевых идей того времени, которые, как мне кажется, позволят более продуктивно воспринимать архивную подборку текстов о социологии детского чтения в России.

* * *

Исходная позиция «социологов-концептуалистов» в отношении литературы и чтения была насколько бесспорной, настолько и очевидной. Словно следуя В. Белинскому, они также акцентировали формообразующий эффект литературы (вздорной и не только)². А именно: в современном (секулярном) обществе задача института литературы заключалась прежде всего «в поддержании культурной идентичности общества (соответственно, в фиксации функционально специализированных форм и механизмов личностной, а тем самым и социальной идентичности)» [Гудков, Дубин 1994, 12]. При этом социологи добавляли важную деталь: действенность чтения виделась не в его символическом или эмоциональном эффекте, а в его организующих возможностях. Задача «фиксации форм и механизмов» выводилась из *специфики* самой письменной культуры, а именно, из ее способности *тематизировать* — то есть придавать связанное образное и повествовательное выражение — «различным ценностно-нормативным структурам» [Там же 1994, 98].

Разумеется, социальная задача литературы только *художественной* тематизацией ценностей и норм не исчерпывалась. Как отмечали социологи, образное и повествовательное оформление социально значимых установок имело важный *социологический* эффект: тематизация выступала «эффективным средством интеграции систем культурных значений и, следовательно, личностной и групповой идентичности, как бы эти значения ни различались содержательно» [Там же 1994, 98]. Принципиальным, иначе говоря, был не художественный «вздор» сам по себе, а его способность форматировать «мягкий воск мозга». Под воздействием литературной обработки (фокализация, типизация, сюжетостроение и т. п.) конкретные индивидуальные или узкогрупповые ценности, установки и ориентации приобретали характер «неспециализированных („общечеловеческих“) значений и образцов действия, чувствования, отношения к различным символическим объектам» [Там же 1994, 14]. Именно благодаря своей способности организовывать и транслировать смыслы и поведенческие модели, литература и превращалась в основной способ консолидации разнобразных «воображаемых сообществ»³.

Формообразующая роль литературы и чтения, таким образом, понималась двояко: производство текстов, образов и представлений о жизни сопровождалось здесь производством их потребителей — то есть читательских сообществ. Поэтическая функция («словесное творчество») и социальная функция («формирование аудитории») оказывались неразрывно связанными. В этом отношении показательно, что повышенная потребность в литературе, по мнению социологов, выражалась наиболее заметно у групп, которые нуждались в «нормализации» своего образа жизни. В ситуации онтологической нестабильности чтение помогало противостоять «эрозии традиционных механизмов воспроизведения идентичности» и давало возможность бесперебойно воспроизводить уже сложившиеся «ценностно-нормативных регуляции» [Гудков, Дубин 1994, 107].

С точки зрения своей динамической роли чтение в итоге выступало своеобразным индикатором социальной мобильности. В свою очередь, стабилизация социальной позиции вела к резкому снижению формообразующей значимости чтения: «достижение статуса полноправного члена» той или иной группы, как правило, сопровождалось резким падением «объема чтения и значимости литературы в системе ценностных ориентаций» [Там же, 109]. Характерно, что в традиционных (и сходных с ними по своей структуре) обществах этот прагматический («социализирующий») аспект чтения

приобретал четко выраженный *поколенческий* смысл, воспринимаясь в качестве «молодежного или даже детского (а следовательно, „несерьезного“») занятия [Там же, 109] — то есть в виде «вздора», который нужно прочитать и запомнить в детстве, чтобы потом двигаться дальше.

Восприятие литературы как «средства упорядочивания действительности» с помощью «специфических аксиоматических форм, определяющих порядок и условия культурного и социального взаимодействия различных групп» [Там же, 104], которое предложили «социологи-концептуалисты» в 1980-е гг., отразилось в трех важных методологических разграничениях в изучении чтения. *Феноменологический* уровень анализа чтения должен был выявить количественную и качественную специфику отношений *читателей и литературы* («распространённость, интенсивность, частота контактов с источниками» [Там же, 103]; «способы» чтения; особенности восприятия прочитанного и т. д.). В свою очередь, *морфологический* анализ предполагал «описание устойчивых структур социального взаимодействия по поводу литературных текстов», выявление «элементов, ролей, групп, институтов» и прочих составляющих *системы производства, распространения и потребления литературы* [Там же, 103]. Наконец, *функциональный* анализ чтения и литературы давал возможность установить их «регулятивный потенциал» [Там же, 22] в конкретных социокультурных сообществах. В данном случае чтение уже не исчерпывалось ни особенностями индивидуальных взаимодействий между читателем и книгой (феноменологический уровень), ни системными возможностями «литературной промышленности» в целом (морфологический уровень); речь шла о влиянии читательского опыта на другие области жизни (напр. «формовка» поведения читателей; организация их потребностей, желаний и удовольствий; согласование и гармонизация их смысловых установок; «шлифовка» навыков их коммуникативной и содержательной деятельности и т. д.) [Там же, 12, 22]. Три уровня анализа, таким образом, удачно разграничили эмпирическую и методологическую автономность *индивидуальной, внутрисистемной и межсистемной* социологии читательских практик, позволяя при необходимости выводить на первый план соответственно личность, литературу или общество в целом.

***

Статьи, вошедшие в архивную подборку «*Детских чтений*», вряд ли являются идеальной иллюстрацией четкой аналитической

схемы, предложенной на излете советской власти «социологами-концептуалистами». Эти статьи демонстрируют уровни анализа, обозначенные выше, но их главное темой стали не столько *методы изучения* чтения, сколько *проблематичность чтения* как социальной практики. Примечательность этих статей, охватывающих почти четыре десятилетия — с 1890 до 1930 г., — собственно, и заключается в отражении постепенной трансформации понимания социальной роли чтения и литературы в российском обществе. Морально-педагогическая озабоченность по поводу влияния художественной литературы на детей у Петра Каптерева (1893) и Константина Дометти (1890) перерастает у Натальи Леонтьевой (1905) в желание институализировать — *отрегулировать и упорядочить* — процесс чтения и доступ к литературе. В свою очередь, этот дидактизм и воля к контролю сменяется у Анны Покровской и Павлы Рубцовой (1926), Михаила Гастфера (1927) и Ю. Поздняковой (1929) стремлением зафиксировать подчеркнуто «объективную» картину читательского спроса, не обременяя себя при этом какими бы то ни было моральными, политическими, педагогическими или эстетическими соображениями. Помимо этой общей траектории — от осознания «двигательной силы» художественных образов в 1890-х гг. к чтению как выражению потребительского спроса в 1920-х, статьи предлагают ряд любопытных наблюдений и выводов. Отмечу лишь несколько из них.

Интересно, что из всех статей архивного блока наибольшее «родовое сходство» в понимании социологии чтения с позднесоветскими социологами демонстрирует самая ранняя статья Петра Каптерева (1849–1922), преподавателя петербургских гимназий, автора многочисленных работ по семейному воспитанию и российской истории. В своей статье о подражании книжным героям Каптерев предложил своеобразную теорию миметического чтения. Для Каптерева чтение не сводимо к игре воображения; прочитанное становится способом моделирования будущих поступков, оно переводится в реальную деятельность, наделяя литературные образы («типизация») «двигательным значением» [Каптерев 1893, 123]. Как отмечается в статье, «разнообразные впечатления», полученные (в том числе и) при чтении, не только не проходят бесследно, но и «невольны влекут» читателя «в ту сторону, которая ими указывается, заставляют совершать соответствующие движения» [Там же, 123]. Книжные впечатления, говоря языком Гудкова и Дубина, приобретают *регуляторную способность*, заставляя читателя гармонизировать его переживания с его поведением: «стоит только

толкнуть дитя, показать ему образец, и дитя потянется за образцом, полетит за героем, какой бы он ни был — книжный или действительный — как мотылек на огонек» [Там же, 125].

Примечательно, что в своем объяснении социального эффекта литературы Каптерев во многом использовал доводы, схожие с доводами Гудкова и Дубина. Эмоциональная сила литературных образов, их способность выступить «триггерами» тех или иных действий и поступков становилась возможной благодаря специфической социальной позиции ребенка, отмеченной «недостаточной установленностью» взглядов и мнений, «отсутствием чего-либо неизбежного». Миметическая деятельность ребенка под воздействием литературы оказывалась у Каптерева своеобразным поиском подходящей формы:

ничего твёрдого и достаточно определившегося в нем еще нет, в нем все бродит, кипит и бурлит, все только готовится отлиться в определённую форму, но еще не отлилось. Как отольется, в какую именно форму — это будет во многом зависеть от влияний, действующих на дитя. Одно из таких влияний есть книжные герои и подвиги [Там же, 126].

Небольшая анонимная заметка «Дети-читатели», опубликованная в журнале «Воспитание и обучение» (1898, № XI) «по записям» учительницы Навозовой, рассматривает «подражательность» книжным героям с противоположной стороны. Чтение в данном случае является не формообразующей ступенью в развитии собственных моделей социального поведения, а уходом от такого поведения. На примере эмоциональных этнографических зарисовок показано, как чтение может превратиться в своеобразное орудие колонизации. «Книжный мир» способен заполнить ребенка «чужими фразами... чужими мыслями, не прочувствованными впечатлениями», создавая в итоге внутренний мир, в котором нет «ничего своего — ни мысли, ни чувства, ни ума, ни сердца» [Дети-читатели 1898, 424].

Для автора заметки основная причина такого колонизирующего воздействия «книжного мира» состоит в отсутствии противодействия со стороны родителей. «Колониализм» в данном случае спровоцирован, а не предопределён. Пагубное (формообразующее) влияние неконтролируемого чтения является результатом бегства от реальности двойного рода: родителей — от детей, и детей — от родителей. «Начитанность» в итоге становится самоцелью, превращаясь из способа организации жизни в форму альтернативной — *книжной* — жизни.

Если две первые статьи подборки в основном опираются на феноменологический и функциональный анализ чтения, то статья Константина Дометти (1863–1904), военного, воспитателя Первого Кадетского корпуса в Петербурге, предлагает версию морфологического подхода, демонстрируя взаимодействие читателей-кадетов со сложившейся системой ротных и фундаментальных библиотек. Новый институциональный контекст чтения радикально меняет и тип обозначенных проблем, и способы их решения. Моральная оценка выходит на первый план. «Хотя кадеты читают много, — общает Дометти, — они читают непозволительно скверно» [Дометти 1900, 345]. В содержательном отношении «скверность» используется как стилистическая и жанровая категория: «скверной» является сама «занимательная *словесность*» (в отличие от полноценной и полезной *литературы* военного, исторического и естественно-исторического содержания) [Там же, 345–346].

У Дометти восприятие литературы как способа моделирования и организации жизни (так характерное для Каптерева) полностью уступило место восприятию чтения как деятельности сугубо неподтвержденной и зачастую — несвоевременной:

Пусть читают, но не много, или вернее, не *многое*, хотя бы даже *много*. <...> Чтение запоем не может принести существенной пользы. <...> Обильное чтение, как занятие чисто пассивное, приучает ум пассивно следить за чужой мыслью. <...> Без преувеличения можно сказать, что на развитие воли чтение может действовать даже расслабляющим образом [Там же, 347].

Неудивительно, что выход из этой ситуации находился в «упорядочении, систематизации и разумной экономии» чтения; в согласовании

содержания с той ступенью развития, а главное — возраста, на которой находится средний воспитанник; пусть он читает неторопливо, а вдумчиво; вдуматься же он может лишь в то, что ему уже известно раньше или что состоит из знакомых и известных ему элементов [Там же, 347].

Таким образом, литература как *институт* регуляции и синхронизации индивидуальных установок и смыслов с социальными запросами и ожиданиями окончательно превращалась в *объект* контроля и регуляции. А чтение, в свою очередь, служило способом воспроизводства уже известного. Подробная статья литературного критика Натальи Леонтьевой представляет собой попытку операционализировать эту идею контроля за чтением.

Для Леонтьевой — в отличие от Дометти — контроль являлся не столько формой жесткой регламентации, сколько проявлением «мягкой силы»: «Такой важный двигатель как чтение нельзя забрасывать и оставлять в небрежении, он требует ухода, и уход этот приносит прекрасные плоды» [Леонтьева 1905, 116]. Выбор книг, доступных ребенку, должен был учитывать «детскую индивидуальность» [Там же, 117]. Проблема заключалась в методах такого учета.

Эта статья 1905 г. удивительным образом описывает арсенал приемов, которые лягут в основу советской социологии чтения — анализ учетных записей в библиотеках дополняется здесь читательскими дневниками («контрольные тетради») и опросами учеников о прочитанном. На основе этих данных Леонтьева и реконструировала карту читательских предпочтений, пытаясь — в конечном итоге — противопоставить «бессистемному и беспорядочному» чтению [Там же, 140] чтение «сознательное», «регулируемое», лишённое «вредной односторонности» [Там же, 128, 125]. Цель учета и контроля, таким образом, заключалась в рационализации читательских практик. Разумеется, на деле рационализация *практик* оказывалась способом дисциплинирования *читателей*. Просто научить читать было уже недостаточно. Важно было научить «*читать разумно*» [Там же, 119].

Три статьи 1920-х гг., завершающие подборку, можно рассматривать с одной стороны, как своеобразное продолжение логики изучения чтения, сложившейся в предыдущий период, а с другой стороны, — как попытку решительно порвать с прежними подходами. Как и в исследованиях конца XIX в., регуляция чтения осуществляется здесь «снизу» — через изучение специфики читательских предпочтений. Но на этом сходства практически исчерпываются, и статьи демонстрируют появление новых тенденций.

Наиболее очевидной является методологическая гегемония «метода спроса»: наличие готовой инфраструктуры (государственные библиотеки и библиотечные работники) теперь целиком определяет способ производства знания о чтении. Сам процесс чтения при этом предельно инструментализируется, сводясь к читательскому *запросу*. Исчезновение *процесса* чтения из поля зрения исследователя закономерно сопровождается исчезновением *субъекта* чтения: индивидуальный читатель растворяется в агрегированных группах, сконструированных по признакам пола, возраста и социального происхождения.

Любопытно, что *тематизация* проявляется и в этой форме анализа: с ее помощью происходит организация (консолидация) разрозненных публикаций в тематические кластеры («сказка», «приключения», «бытовая книга» и т. д.). Собственно, тематизация, понятая таким способом, и является главным эвристическим компонентом этих исследований чтения. Благодаря ей происходит пересечение читательских практик и агрегированных групп — маленькие девочки читают сказок больше, чем большие; девочки в целом читают сказок больше, чем мальчики в целом; мальчики читают приключенческих книжек больше, чем девочки, а дети рабочих читают больше новых («революционных») книг, чем дети кустарей, ремесленников и служащих.

При всей своей информационной насыщенности, исследования «спроса», как справедливо отмечает Михаил Гастфер, приходят к довольно очевидным выводам: «Данные, добытые настоящим исследованием, вполне совпадают с тем знанием детских интересов, которое имеет каждый детский библиотекарь из своего опыта работы с детьми» [Гастфер 1927, 59]. Менее очевидно другое. Эти три статьи, прочитанные вместе, отмечают момент становления самодостаточной и самореференциальной области знания, в которой ссылки друг на друга и воспроизводство методологии друг друга оказываются важнее попыток понять социальную реальность и социальные процессы, которые, собственно, и вызвали к жизни изучение чтения. Здесь же и берет свое начало и «образ социолога как „человека считающего“» [Стельмах 1990, 10].

Именно с деконструкции этого образа и этих методов в середине 1980-х гг. и начнется вторая попытка создания отечественной социологии чтения, вызванная желанием «вернуть в игру» и читателя, и процесс чтения, и саму систему литературы.

Примечания

¹ Приведу лишь несколько примеров для обозначения спектра подходов: Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту и другое работы по исторической социологии русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2009; Чтение в XXI в.: традиции и тенденции / сост. и общ. ред. О. В. Моревой. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014; Венедиктова Т. Литература как опыт, или «Буржуазный читатель» как культурный герой. М.: Новое литературное обозрение, 2018; См. также статьи по социологии чтения, опубликованные в журнале «Детские чтения».

² О влиятельности детского чтения Белинский сокрушался в одной из своих рецензий: «Человек всю жизнь помнит всякий вздор, который читал

он в детстве и который тогда особенно ему нравился. Из этого видно, какое великое счастье для детей, когда их мягкий и впечатлительный, как воск, свежий, не засоренный пустяками и вздорами, не усталый, не истомленный мозг обогатится только полезными и дельными впечатлениями! Это должно быть одною из главных забот воспитания, чтобы и приятное было полезно. Но несчастны те дети, которых юный мозг засорится сперва чтением детских книг и потом водевилями, вздорными романами и всякою подобною дрянью! Лучше бы им все ничего не читать!» [Белинский 1956, 139].

- ³ О романе и газете как основным средствам, с помощью которых и осуществлялось «репрезентирование» нации как воображаемого сообщества, см. классическую работу Бенедикта Андерсона [Андерсон 2016, 73–95].

Литература

Источники

Белинский 1956 — Белинский В. Г. Новая библиотека для воспитания, издаваемая Петром Редкиным. Сын рыбака, Михаил Васильевич Ломоносов. Альманах для детей, составленный П. Фурманом // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 10: Статьи и рецензии. 1846–1848. М.: Издательство АН СССР, 1956. С. 139.

Гастфер 1927 — Гастфер Е. [М.?] Изучение детских читательских интересов // Красный библиотекарь. 1927. № 7, июль. С. 49–59.

Дети-читатели 1898 — Дети-читатели // Воспитание и обучение. 1898. № 11, нояб. С. 419–425.

Дометти 1900 — Дометти К. К вопросу о внеклассном чтении // Педагогический сборник. 1900. № 4. С. 344–349.

Каптерев 1893 — Каптерев П. Подражания детей книжным героям и подвигам // Воспитание и обучение. 1893. № 4, апр. С. 121–129.

Леонтьева 1905 — Леонтьева Н. О детском чтении (из наблюдений учительницы) // Образование. 1905. № 11–12. С. 111–141.

Исследования

Андерсон 2016 — Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2016.

Гудков, Дубин, Рейтблат 1982 — Гудков Л. Д., Дубин Б. В., Рейтблат А. И. Книга, чтение, библиотека: Зарубежные исследования по социологии литературы: Аннотированный библиографический указатель на 1940–1980 гг. М.: ИНИОН, 1982.

Гудков, Дубин 1994 — Гудков Л. Д., Дубин Б. В. Литература как социальный институт: Статьи по социологии литературы. М.: Новое литературное обозрение, 1994.

Мелентьева 2022 — Мелентьева Ю. П. Общая теория чтения. Изд. 2-е, доп. М.: Наука, 2022.

Проблемы социологии 1983 — Проблемы социологии литературы за рубежом: Сб. обзоров и реф. / [отв. ред. В. Д. Стельмах, Е. А. Цурганова]. М.: ИНИОН, 1983.

Стельмах 1990 — Стельмах В. Д. Социология чтения: реальное и желаемое // Книга и чтение в зеркале социологии / [сост. В. Д. Стельмах, Н. К. Лобачев]. М.: Книжная палата, 1990.

References

Anderson 2016 — Anderson, B. (2016). *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranении natsionalizma* [Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism] (transl. V. Nikolaeva). Moscow: Kanon-Press-Ts; Kuchkovo pole. (In Russian).

Gudkov, Dubin, Reytblat 1982 — Gudkov, L. D., Dubin, B. V., Reytblat, A. I. (1982). *Kniga, chtenie, biblioteka: Zarubezhnye issledovaniya po sotsiologii literatury: Annotirovanny bibliograficheskiy ukazatel' na 1940–1980 gg.* [Book, Reading, Library: Foreign Studies in Sociology Literature: An Annotated Bibliography 1940–1980]. Moscow: INION.

Gudkov, Dubin 1994 — Gudkov, L., Dubin, B. (1994). *Literatura kak sotsial'nyy institut: Stat'i po sotsiologii literatury* [Literature as a social Institute: Essays on Sociology of Literature]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Melentyeva 2022 — Melentyeva, Yu. P. (2022). *Obshchaya teoriya chteniya* [Theory of reading] (2nd ed.). Moscow: Nauka.

Problemy sotsiologii 1983 — Stel'makh, V. D., Tsurganova, E. A. (Eds.) (1983). *Problemy sotsiologii literatury za rubezhom: Sb. obzorov i ref.* [Problems of sociology of literature abroad: A Collection of Reviews and Ref.]. Moscow: INION.

Stel'makh 1990 — Stel'makh, V. D. (1990). *Sotsiologiya chteniya: real'noe i zhelaemoe* [Sociology of reading: real and desirable]. In V. D. Stel'makh, N. K. Lobachev (Eds.), *Kniga i chtenie v zerkale sotsiologii* [Book and reading in the mirror of sociology]. Moscow: Knizhnaya palata.

Serguei Alex. Oushakine

Princeton University; ORCID: 0000-0002-6758-2135

THE FOUNDATIONAL TRASH: ON READING AND SOCIOLOGY

In his introduction to the archival cluster of essays on children's reading practices, Serguei Oushakine provides a brief review of important late Soviet attempts to devise a conceptually innovative and methodologically robust sociology of reading and literature. Associated with the State Library named after V. Lenin, a group of social scientists approached literature as an institution whose main aim was to articulate and popularize the basic features of the individual and group identity. Staying away from psychological explanations, these researchers foregrounded instead the specifically literary dimension of reading: unlike many other artistic and expressive forms, literature is capable of *thematizing* — that is, organizing in a coherent narrative — abstract values, unclear assumptions, and background orientations. Approaching literature phenomenologically, morphologically, and functionally, these scholars significantly modified the dominant understanding of reading, seeing it as a process of modeling the reader's perception of themselves, their human and non-human environment.

This late soviet approach to literature and reading, then, is used to frame the archival essays collected in the cluster. Surprisingly, many of them appear to follow the logic crystallized in the 1970s-1980s. There were some dramatic differences, too. Earlier works on children's reading practices tended to preoccupy themselves with phenomenological aspects of reading, its moral and developmental consequences; the sociological studies that emerged in the late 1920s, exhibited a very different trend: collecting large data about thematic interests of different demographic categories of readers became the goal in itself. As a result, reading as a social practice became radically "depopulated": individual readers were overshadowed by statistical groups, and reading practices were replaced by readers' library requests. Sociology of reading, in other words, was quickly equated with collecting and organizing various data. It was precisely the hegemony of this positivist approach that would be challenged in the 1970s.

Keywords: sociological conceptualism; functionalism; literary industry; imagined communities; readership; late Soviet humanities; positivism; identity

Петр Кантерев

ПОДРАЖАНИЯ ДЕТЕЙ КНИЖНЫМ ГЕРОЯМ И ПОДВИГАМ (1893)

*Впервые опубликовано в: Воспитание и обучение. 1893. № 4,
апр. С. 121–129.*

Кому не приходилось читать в газетах известий о том, как какие-нибудь 12–14-летние мальчики, увлекшись рассказами Майн-Рида, Купера и подобных писателей, решились отправиться в Америку, чтобы самим испытать приключения, описанные в заманчивых произведениях названных авторов; как, тайком, конечно, от родителей, они условились в плане предприятия, запаслись провиантом и деньгами и в одно прекрасное утро вместо школы укатили по железной дороге к северо-американским дикарям; как они издержали все деньги, обыкновенно очень небольшие, сели весь провиант, были высажены на какой-либо станции и возвращены родителям, отъехав от родного городишка насколькo станций, — кто не читал и не слышал таких историй? Если детям, по обстоятельствам от них не зависящим, не удавалось уйти в ту далекую страну, в которой жил и действовал излюбленный ими книжный герой, то они старались по крайней мере дома подражать его великим подвигам: воздвигали где-нибудь на задворках шалаш, соответственно вооружались луками, дубинами, ятаганами и серьёзнейшим образом пародировали диких обитателей Северной Америки.

Если прочитанная, увлекающая детей книга практикует о мирной жизни и деятельности, в пределах окружающей природы и общественной среды, то она нередко вызывает подражательность не меньшую, чем первая книга, изображавшая подвиги героев американских территорий. Мальчик стремится подражать своему герою во всем: в воззрениях и суждениях, в манерах, в походке, в образе речи, в отношениях к людям; на его авторитет он постоянно ссылается, его имя призывает, часто всуе. Желая подражать, дети не боятся лишений, связанных с возможно точным уподоблением своему герою: они отказываются от некоторых удовольствий, удобств, изменяют образ жизни, готовы бывают претерпеть даже

страдания. Жан-Жак Руссо в своей исповеди сообщает, что он так увлекался подвигами героев Плутарха, что однажды попробовал сунуть свою руку в огонь, желая подражать известному римскому герою Муцию Сцеволе, который совершил из патриотизма этот подвиг.

Подобных фактов можно привести очень много. Они согласно свидетельствуют о том, что дети весьма серьезно увлекаются подражанием книжным героям и подвигам, что они стараются копировать своих образцов во всем и при осуществлении своих намерений принимают самые рискованные решения, не боясь ни препятствий, ни лишений. Подражание книжным героям и подвигам есть весьма распространенный, часто встречающийся в детской жизни факт: это не мимолетное явление, а характерное свойство детства. Поэтому важно знать: в чем его корень? где его начало? почему дети так страстно увлекаются книжными героями и подвигами?

Причины этого явления довольно разнообразны. Прежде всего, при стремлении проникнуть в самый корень приведённых фактов, нужно составить правильное понятие о природе образов или представлений, о тех картинах, которые изображаются в книгах. Они обыкновенно считаются чем-то совершенно теоретическим, не имеющим никакого отношения к поступкам: поступки и движения особое дело, а представления особое, каждый класс явлений существует сам по себе отдельно. Такой взгляд на природу представлений неправилен: каждое представление имеет двигательную силу, вызывает соответствующее себе движение. Образы имеют двоякое значение: теоретическое и деятельное, практическое. Деятельное, двигательное значение образов различно: наименьшей двигательной силой владеет какая-либо одна черта, одно его свойство, одна часть: большая двигательная сила принадлежит целому образу, производящему и большее теоретическое впечатление: еще сильнее побуждает к движениям совокупность образов, целая картина, и еще сильнее ряд картин, сменяющихся не как пришлось, а в известном порядке так что от их смены получается одно целое гармоническое впечатление. Присутствовать при зрелищах, читать романы и рассказы, быть свидетелем различных происшествий не значит быть созерцателем, зеркалом, по которому скользят самые разнообразные впечатления, не оставляя на нём никакого следа: все эти факты затягивают в себя человека, как болота, невольно влекут его в ту сторону, которая ими указывается, заставляют совершать соответствующие движения. Люди экспансивные, малоспособные

задерживать в себе различные впечатления, обыкновенно отображают получаемые впечатления сейчас же: они при виде сильных, быстрых движений совершают подобные же движения в малых размерах, при слушании рассказа имеют соответственные мимические выражения. Не все так делают, многие остаются спокойными и бесстрастными при виде самых поразительных картин. Это зависит от различных, задерживающих подражательные движения обстоятельств, от соображений о неудобстве движения, нежелания обнаружить свое настроение, желания показать себя выше других, увлекающихся зрелищем, т. д. Многие подражательные движения проходят незамеченными.

В частности, сила подражания книжным героям и подвигам будет весьма много зависеть от талантливости изображения героя и его подвигов. Чем лучше будет обрисован герой, чем живее будут пересказаны деяния, им совершенные, чем ярче окажутся краски повествователя, чем стройнее, гармоничнее будет произведение, тем больше и двигательной силой будет владеть образ героя, тем более подражателей он найдёт, тем точнее и в то же время смелее будут действия подражателей. Прекрасное образцовое повествование может вызвать много подражателей и подражаний; бездарное и неинтересное — ни одного, за полным бессилием, безжизненностью и расплывчатостью образов.

Указанная причина подражания детей книжным героям и подвигам общего характера: она имеет одинаковое применение как к детям, так и ко взрослым. Есть еще причины увлечения детей книжными героями, имеющие свой источник в особенностях специально-детской натуры.

Детство есть период усиленного роста и разностороннего физического развития. В это время организм не только в состоянии покрывать все необходимые жизненные затраты, но имеет еще излишек материала и энергии, которые и идут на рост и деятельность. Каждое дитя по состоянию своего организма, если оно не больно, требует деятельности, жаждет ее; всякие влияния падают на обильные детские силы, как благодатный дождь на жаждущую землю, как искра на порох. Только коснитесь так или иначе этой тучной и разрыхленной почвы, лишь что-нибудь бросьте в нее, и она принесёт обильный плод. У человека зрелого, а тем более пожившего, жизненная борьба отняла много сил, лишков энергии у него нет или очень мало; потому и увлечь его на подражание трудно, надо уже слишком сильно задеть его. Жизненный труд, ежедневные обычные хлопоты оставляют ему мало досуга, его энергия занята, силы

наполнены до краёв; у детей же всего в волю — и сил, и свободы, и времени. Стоит только толкнуть дитя, показать ему образец, и дитя потянется за образцом, полетит за героем, какой бы он ни был — книжный или действительный, — как мотылёк на огонёк.

Увлечение детей книжными героями и подвигами обусловливается еще недостаточной установленностью детских мнений и взглядов, отсутствием чего-либо незыблемого в детском развитии. Дитя находится в периоде формировки своей личности. Взрослый, хорошо ли, худо ли, закончил период образования своего я, он определённый человек, ко всему относится с известных точек зрения. Его суждения, взгляды, поступки — при подробном знании личности — можно предсказывать. Дитя представляет собою совершенно другое явление: ничего твёрдого и достаточно определившегося в нем еще нет, в нем все бродит, кипит и бурлит, все только готовится отлиться в определённую форму, но еще не отлилось. Как отольется, в какую именно форму — это будет во многом зависеть от влияний, действующих на дитя. Одно из таких влияний есть книжные герои и подвиги. Они сильно действуют на детей, как сильно действуют на них настоящие, в жизни встречающиеся вожаки, выдающиеся люди.

Можно ли признать достаточно объясняющими подражания детей книжным героям и подвигам приведённые причины? Нам кажется, да. Если каждый образ есть живая сила, побуждающая к соответственной деятельности, а стройный ряд образов — сила во много раз большая; если у детей всегда на лицо избыток энергии, ищущей выхода и приложения, если они за недостатком устойчивости и твердости во всей своей натуре легко поддаются всяким влияниям, — то, нам кажется, не представляется больших затруднений понять, почему книжные герои так сильно влияют на детей, вызывая их подражания, соединённые с лишениями, трудами и потерями. Конечно, остается еще разъяснить одно затруднение: почему не все дети одинаково увлекаются подражанием книжным героям? Но этот вопрос легко разрешается различными индивидуальными особенностями детей.

Есть дети быстро усваивающие, а есть и медленные натуры; есть с живым воображением, легко и живо представляющие себе все, о чем они читают или слышат, как будто они сами присутствовали при событии, — есть дети с тугим воображением, мало способные перенестись в другую страну, стать в другое положение, превратиться в другую личность: у каждого дитяти есть свои пристрастия, привычки, что-нибудь любимое, что может сходить-

ся или не сходиться с свойствами данного героя и качествами его деянии. В первом случае подражательность, находя благоприятную себе почву, — так как между книжным героем и его подражателем окажется симпатия душ, одинаковость настроения, — достигает наиболее высоких ступеней: во втором случае подражательность встретит серьёзные препятствия в противоположных фактах. Подобными индивидуальными различиями, нам кажется, всегда можно объяснить различную степень подражательности детей книжным героям и подвигам.

Изложенные соображения показывают, что подражательность детей книжным героям и подвигам есть необходимое явление в детской жизни, от него уберечься невозможно, — единственное средство против него ничего не давать детям читать. Но так как на подобную меру решиться трудно, то приходится заботиться о доброкачественности детского чтения. Оно важно не только как средство умственного и эстетического развития детей, но и как вдохновитель и руководитель их поступков, как образователь их воли. Конечно, не всякая книга побудит детей ехать в Америку или совершить подобное выходящее из обыкновенных границ подражание, но влияние прочитанной книги может сказаться и действительно сказывается множеством мелких подражательных движений, слов, выражений, проходящих незамеченными. Дети нередко удивляют родителей такими поступками, мыслями, чувствованиями, которые, взятые сами по себе, не представляют ничего особенного, необычайного, но которые несколько непонятны по сравнению с той обстановкой, среди которой дети живут. На такие действия и мысли обстановка не наводит, а между тем они на лицо. Причина очень часто кроется в подражаниях прочитанному, которое дало новый материал детской мысли, подтолкнуло на новые действия. Большинство читаемого детьми материала способно вызывать их на подражания, иногда мало приметные, от невнимательного глаза совсем даже ускользающие, но которые в общей своей массе оказываются довольно серьезно и глубоко влияющими на общий ход детской психики.

Подражательность детей книжным героям и подвигам легко может быть чрезмерной, превзойти здравую, разумную норму. Для предупреждения такой подражательности весьма полезно знакомить детей возможно шире с действительностью, ее законами, условиями и разнообразными проявлениями. Человек, мало знакомый с действительностью, витающий в заоблачном мире, легче и сильнее увлечется подражательностью книжным героям и подви-

гам, чем человек, хорошо знающий жизнь и условия обыкновенной общественной и личной деятельности. Дон Кихот слепо следовал книжным образцам, потому что он совсем не знал и не понимал действительной жизни, условий того времени, в которое жил. Его верный оруженосец был совсем другой человек: он так глубоко был погружен в современную действительность, что не мог понять книжных увлечений своего господина. У детей замечается то же явление: чем меньше их фактические знания, чем дальше отступает у них реализм перед мечтательностью, тем более ревностными и эксцентричными подражателями книжных героев они оказываются. Такие дети не знают и не понимают препятствий в своей страстной подражательности, — в Америку так в Америку, в разбойники так в разбойники, в освободители угнетённых так в освободители угнетённых. У детей, мало интересующихся действительностью, но очень много читающих и подражающих читаемому, образуется особенное настроение, мечтательное, возвышенное; их поведение и отношение к другим имеют особый характер; их тон приподнятый; в одно и то же время они и сильны, и слабы. По мере возраста дитя пусть окунется с головой в действительность; это предохранит его от эксцентричных подражаний книжным героям и подвигам и от бесплодного сентиментализма.

[г-жа Навозова]

ДЕТИ-ЧИТАТЕЛИ (1898)¹

Впервые опубликовано в: Воспитание и обучение. 1898. № 11, нояб. С. 419–425.

Дети — читатели представляют такое разнообразие и по выбору материала для чтения и по отношению к читаемому и к самому чтению, что едва ли где менее возможна систематизация и группировка по типам, как именно в этой массе детей-читателей. Не говоря уже о личных особенностях ребенка, об особенностях воспитывающей его среды, чуть не каждое случайное, мимолетное явление, с которым пришлось столкнуться ребенку, отражается на нем как читателе.

Вот, напр., мальчик-любитель французских романов. Он учится только еще во 2-м классе, когда обыкновенно знание языка очень невелико. А он с усердием, достойным лучшей доли, каждую удобную минуту отдает этому чтению, несмотря на его трудности, на необходимость заглядывать в словарь. Дело объясняется очень просто. За ним дома никто не смотрит, никому нет дела до того, читает ли он, что читает, как читает. Отец вечно занят, вечно спешит куда-то и развез только иногда, увидя своего сына за книгой, потреплет его мимоходом по щеке и скажет:

—Читаешь? Ну, читай, читай...

У матери тоже то дела, то гости, то надо же наконец и отдохнуть. Она устраивается поудобнее на кушетке и берется за новенькую желтенькую книжку. Вздумает мальчик спросить ее о чем-нибудь, подойдет к ней, скажет.

—Ну, хорошо, хорошо! После! Не мешай мне! прикончит мать разговор в самом начале.

И мальчик видит, как только что оживленное, веселое лицо его матери изменяется при этих словах, что он сделал ей неприятное, оторвав на минутку от книги. «Должно быть, думает он, — что-нибудь очень интересное попало ей». Он сам от своих учебников, от тех книжек, каких ему когда-то накупили, готовь оторваться, когда угодно и насколько угодно времени. Что же она-то читает?

Он знает только одно, что мамины книги — французские и что сам он ничего не понимает в французской книге. Как же быть? Надо бы узнать получше, надо бы и ему добраться до этой интересной книги. И вот начинаются жалобы, что без особого учителя французского языка ему трудно учиться в училище, что надо бы брать отдельные уроки языка. Просьбы не имели успеха. Тогда начинаются новые просьбы — купить словарь. «Учитель велел, говорит на этот раз сын, — что мне колы-то получать!» И отец, которому давно уже надоели эти приставанья с французским языком, рад наконец отвязаться и дает сыну денег на покупку словаря. В тот же день мальчик обегал чуть не всех букинистов и, торгуясь елико возможно, купил не только словарь, но и самоучитель. Книги, правда, очень засаленные, в рваных переплетах, с каким-то дурными запахом... но что до этого! Они обернули словарь в бумагу, на случай, если отец увидит, но отец уже позабыл и о французском языке, и о словаре, и мальчик с такой энергией, какой у него еще не бывало до сих пор, засел за французский язык. По всем предметам он стал учиться хуже, и только учитель французского языка с каждым уроком все более и более был доволен им, и отметки мальчика по этому предмету все шли в гору, к великому удивлению остальных учителей. Пользуясь тем, что мать мало обращала на него внимания, он добрался уже до ее книг. Понимая из пятого в десятое, пропуская сплошные страницы и останавливаясь на коротких строчках разговоров, изредка прибегая к словарю, мальчики улавливали кое-как фабулу романа, испытывая какую-то особенную удовлетворенность и гордость собой. Что было бы дальше с мальчиком, когда он вошел бы во вкус самого содержания книги, трудно сказать, но одно событие круто изменило дело. Событие это было исключительным явлением в жизни мальчика: мать, быть может, впервые обратила внимание на занятия и внутреннюю жизнь своего сына и на некоторое время отдалась заботам о нем. Вызвал эту перемену случай. Мальчик, едва-едва плетшийся в училище, получил по французскому языку высший бал, написав заданную работу лучше всех в классе. Было решено пригласить мать, чтобы разъяснить это странное явление: кто подозревал постороннее участие в работе ученика, кто просто списывание... Явилась мать, испуганная, встревоженная. Она, оказалось, и не подозревала, что сын ее так хорошо учится по французскому языку, она и внимания не обращала на эту разницу в отметках по французскому языку и другим предметам.

— Конечно, списал! Где ему самому так придумать... Вы накажите его...

А дома начались расспросы. И мальчик в эти редкие для него минуты внимания к нему чистосердечно рассказал все. И для матери это были тоже редкие минуты. Быть может, впервые поняла она, что тут рядом с ней жил своей жизнью бедный ребенок, в семье, но одинокий и заброшенный, с отцом и матерью, но беспомощный и осиротелый. А она-то могла отгонять его, могла раздражаться на него за приставание... И быть может, захочет она повернуть своего сына на другую дорогу, дать другое направление его интересам, другое направление его настойчивости в преследовании цели. И это не трудно ей: ведь руки матери так сильны, что могут многое переделывать, и так нежны, что могут ничему не повредить, если только в ней вспыхнет деятельная любовь к своему ребенку.

А вот другая семья, другой и ребенок-читатель. За ним следит горячо любящая его мать. Она воспитывает в нем вкус к самыми лучшими, самыми благодетельными, по ее мнению, книгам, самые благородные, возвышенные мечты о будущем. И мальчик часто говорит о великих людях, об их подвигах, завидует им.

— Пустяки! Иной раз остановит его разговоры более легкомысленный товарищ. — Все равно, не быть ведь тебе ни Пушкиными, ни Суворовыми, ни Колумбом... Что тут и завидовать!

— Как не быть? Горячо прерывает мальчики, и густой румянец покрывает его щеки, глаза сверкают. — Захочу, и буду! Ты этого не понимаешь! Иной раз, как читаешь какое-нибудь путешествие, так точно сам где-нибудь в Америке или в Африке бродишь по непроходимым лесам, среди дикарей, и всяких опасностей...

— Ну, уж что тут хорошего! Голодай, мучайся... Да еще, того и гляди, съедят тебя, поджарят, как зайца...

— Эх, ты! Ты не знаешь, какие великие люди бывают! Что они испытывают, чтобы прославиться на весь свет...

Мальчик пользовался самым заботливым, по-видимому, воспитанием. Мать рано выучила его читать, с малых лет он заучивал басни, декламировал их при гостях, читал вслух, и его осыпали аплодисментами за выразительность чтения. Мать окружала его строго избранными книгами и заставила его полюбить чтение; чтением он наполнял каждую свободную от уроков минуту, читал вечером, в праздники, с неохотой отрываясь от книги, когда его звали обедать, пить чай... Учился он хорошо, особенно по географии и истории, сочинения писал гладко, складно. Все учителя были довольны его уверенными, быстрыми ответами, все признавали за ним великолепную память, большую начитанность. Но раз и относительно его сочинения явилось сомнение. Пригласили мать.

Но эта мать, все время направлявшая своего сына, заговорила совсем не так, как мать любителя французских романов.

— Что? вскрикнула она в ответ на вопрос учителя, вся вспыхнув от негодования. — Это Сашу-то моего вы подозреваете в списывании? Ха-ха-ха! Он списал! Он спросил у других! Да он у нас так много читал с самых малых лет, что ему ничего не стоит написать про какие-то приметы осени или весны, как там было...

Учитель не сразу нашелся, что ответить.

— Да знаете ли вы, господин учитель, продолжала возмущенная мать, — что это сочинение Саша написал в какой-нибудь час-полтора, не больше... Даже и не подумал над ним. Впрочем он и никогда не думает долго... Спросите его о чем хотите, и он моментально ответит вам так, как будто книга какая... да так кстати, так дельно и серьезно, что и взрослый не каждый сумеет...

— Я и об этом хотел с вами поговорить, начал опять учитель. — Я знаю, что он много читает, даже слишком много... Это может вредно отозваться на его здоровье, он может совсем расстроить себя!

Ответ не заставил себя долго ждать:

— Мы все живем, чтобы приносить посильную помощь ближнему, отечеству. И сына своего я готовлю для того же!

Откланялась дама и ушла. И взглянул учитель еще раз на сочинение Саши: все фальшь, все чужое, чужие слова, запомнившиеся целиком чужие фразы, заимствованные не продуманные чужие мысли, не прочувствованный впечатления. И ничего своего — ни мысли, ни чувства, ни ума, ни сердца. И не подозревала мать, какую горькую истину сказала она о своем сокровище: «Он и никогда не думает долго». Не только не думает он, но и не чувствует. Окруживши своего сына книжным миром, начиняя его хорошими, но преждевременными идеями и чувствами, усердная, охваченная самыми благими намерениями мать не подозревает, что она растит, быть может, будущее ничтожество и лицемере, что она создает красивую маску, под которой легко и удобно может укрыться бессодержательность и бессердечие.

Примечания

¹ Заметка эта составлена по записями г-жи Навозовой, наблюдавшей описанные здесь типы в своей школе (ред).

Константин Дометти

К ВОПРОСУ О ВНЕКЛАССНОМ ЧТЕНИИ (1900)

*Впервые опубликовано в: Педагогический сборник. 1900. № 4.
С. 344–349.*

Что читают наши кадеты? В каждой школе имеются свои ротные библиотеки, специально предназначенные для пользования кадет. Кроме того, с разрешения инспектора классов допускается выдача книг из фундаментальной библиотеки, имеющейся при каждом корпусе. Книги, приносимые кадетами из дому, должны быть представляемы отдельному офицеру-воспитателю к подписи и разрешаются к чтению на его, воспитателя, ответственность.

Ротные библиотеки состоят из 9-ти отделов; из них отдел II — словесность, читается больше всего; читаются также книги исторического и военного содержания, но значительно меньше; остальные отделы спрашиваются в виде исключений. В общем материала для чтения разумного и интересного у кадет достаточно. Между тем не редкость услышать со стороны кадет жалобу на недостаток книг; кадеты нередко обращаются с просьбой выдать книги из фундаментальной библиотеки, с указанием, какое именно сочинение интересует просителя, но чаще с общей просьбой дать что-нибудь позанимнее. Было бы ошибкой думать, что ротная библиотека вся перечитана, и что читать действительно нечего. Напротив, трехлетний опыт убедил нас в том, что, уходя из роты, редкий кадет прочитал большую часть ротной библиотеки, а таких, которые прочли бы все книги, мы не запомним ни одного.

Существует мнение, будто кадеты вообще читают мало, особенно по сравнению с воспитанниками других средне-учебных заведений. Я не знаю, сколько читают в гимназиях, но в зависимости от внеклассного досуга и количества времени, которое кадет может посвятить чтению, книг прочитывается достаточно, даже больше: книг прочитывается скорее слишком много, чем мало. Объясняется это отчасти самою манерою чтения. Про кадет нельзя сказать, чтоб они читали мало; но они читают непозволительно скверно.

Во-первых, каждая книга оценивается средним читателем исключительно с точки зрения занимательности; все, что есть в книге серьезного, поучительного проглядывается вскользь или даже пропускается вовсе. Каждая книга в руках такого читателя распадается на две существенно различные части: одну — интересную, другую — *скучную*; первая дочитывается, вторая пропускается. В каком бы сочетании эти две части между собою ни находились, литературный скальпель юного критика весьма искусно отделяет одну от другой, будь это путешествие, вроде «Фрегата Паллады», или охотничьи рассказы во вкусе Густава Эмара, или даже беллетристический рассказ. Этим объясняется и та поистине изумительная быстрота, с которою книги возвращаются в ротные библиотеки. Вдумчивости, самостоятельности взгляда и серьезности интереса не может быть при таком чтении. Напротив, оно вырабатывает неуважение к чужой мысли, пренебрежение к слову великих мыслителей, и, как результат этого, непонимание и даже неспособность к отвлечениям и сознательной оценке произведений слова.

Из распросов большинства читателей не трудно убедиться в справедливости такого наблюдения.

Затем, вторым отрицательным признаком, характеризующим читателя ротных библиотек, является отсутствие определенного вкуса или интереса к известному разряду литературных произведений. Книги черпаются, главным образом, из 2-го отдела, словесности, лишь изредка чередуясь с другими отделами. Мне случалось встречать весьма редких любителей чтения специально военного, исторического, а тем менее естественно-исторического содержания. Средний читатель сбивается в общую группу кадет, ищущих чего-нибудь позанимательнее, независимо от того или иного характера содержания. Обстоятельство это, также как быстрота и легкость чтения, не выгодно отражаются на его производительности, лишая его определенного характера и направления и отнимает от чтения ту силу, с которою оно могло и должно было бы влиять на духовную сокровищницу читателя.

Мы глубоко убеждены, что такое невдумчивое, торопливое и не систематическое чтение не может принести существенной пользы для развития ума и сердца юного читателя. Допуская даже, что существенная часть произведения прочтется со вниманием, самый факт пропуска, хотя бы и несущественного, принесет вреда гораздо больше, чем можно этого ожидать. Во-первых, такое чтение, прививая дурной вкус к книге, может только убить природную любознательность. Ведь далеко не про всякого любителя чтения

можно сказать, что он любознателен и в книге ищет удовлетворения этому чувству. Книга, дурно прочитанная в юные годы, не прочтется вновь больше никогда, это можно сказать с уверенностью, ибо книга, в смысле занимательности, дала уже все и надо быть исключительно любознательным, чтобы обратиться снова к тому, что уже известно со стороны занимательности. Представим себе в руках 13–14-летнего мальчика «Дворянское гнездо» Тургенева. Допустим наилучшие условия при чтении: допустим, что, заинтересовавшись книгою, он прочтет весь роман с полным вниманием, на которое способен читатель этого возраста. Даже при исключительном развитии много ли может воспринять и сознательно усвоить, *переварить духовно* читатель 13–14 лет из этого романа? Смею думать, что существенное, все то, что касается психологии взрослого человека, истории нашей общественности и т.под., останется для него скрытым, притом, не по недостатку умственного развития, которое может быть относительно очень высоким, а просто потому, что идеи и понятия из области психологии, общественных отношений, этики и т.под., приходят лишь в известной постепенности. Вот для развития этой постепенности раннее и так сказать неосторожное чтение может внести большой диссонанс.

Мы далеки от мысли делить весь материал для чтения на дозволенный и недозволенный с точки зрения нравственных условий развития юношей. Запрещение той или другой книги только потому, что там могут встретиться образы и положения, возбуждающие чувственную сторону воображения, основано на предрассудке и не вытекает из действительных условий юношеского возраста¹. Не это заставляет нас удерживать юношей от торопливого и несвоевременного чтения; нас останавливает неспособность читателя по условиям возраста извлечь из книги всю ту пользу, которую она может и должна принести при чтении своевременном. С этой точки зрения я, например, изъял бы из обихода кадет средних рот (3–5 кл.) все то, что касается социальной жизни современного русского человека, его психологии и этики; я исключил бы все произведения, которые имеют особенное значение в истории развития нашего общественного самосознания, ибо такие произведения надо прочесть ближе к той эпохе, когда курс истории русской словесности изъяснит истинный смысл и значение таких произведений, как, напр., «Дым», «Накануне», «Новь», «Обломов», большей части Некрасова и т.под. На том же основании я исключил бы Достоевского, Золя не только из библиотек средних, но даже и старших рот, ибо нельзя начинать изучение жизни какой бы то ни было с отрица-

тельных явлений; нельзя дать полное и верное понятие о должном, говоря только о том, что не должно...

Боюсь, что меня упрекнут в узости взгляда. Как, помилуйте, возразят мне прежде всего преподаватели русского слова: вы хотите запереть все развитие ученика в рамки учебника? Совсем нет! Пусть читают, но не много, или вернее, не *многое*, хотя бы даже *много*. Пусть чтение будет согласовано по содержанию с той ступенью развития, а главное — возраста, на которой находится средний воспитанник; пусть он читает не торопливо, а вдумчиво; вдуматься же он может лишь в то, что ему уже известно раньше, или что состоит из знакомых и известных ему элементов. Но об чем же будет рассуждать преподаватель словесности в VII кл., если его ученики не будут знать произведений новейшей литературы? На чем ученик научится вдумываться в общественные отношения, научится понимать современного человека, как не на тех же произведениях? Совершенно с этим согласен. Но ознакомление с этими произведениями должно быть отложено на *возможно поздний срок* и должно быть *экономно*: в слишком обширном материале юный ум разбросается; тем более, что цель курса словесности, помимо техники слова заключается в том, чтобы дать метод к наблюдению общего в частном явлении, а не объяснить всю массу жизненных явлений и отношений во всем их разнообразии.

В деле воспитания внеклассное чтение является фактором несомненной важности. Обогащая сведения воспитанника, расширяя его умственный кругозор, чтение может и должно формировать индивидуальность и характер, но лишь при условии экономности, неторопливости и систематичности в чтении. Чтение запоем не может принести существенной пользы. Калейдоскоп образов, идей, представлений, мелькающих пред умственным взором юного любителя чтения, не оставит прочного следа в развитии его духовной природы. Обильное чтение, как занятие чисто пассивное, приучает ум пассивно следить за чужой мыслью. Ум читателя работает, но это работа чисто пассивного, а не активного характера. Потом, после чтения, уже на основании полученного в чтении материала, может наступить активная работа. Но это совсем иной процесс, самостоятельный и от чтения более или менее независимый. Несомненно, однако, что это работа мысли, последующая за чтением, не может быть плодотворной, если материала, полученного от чтения, слишком много, не по умственным силам читателя. Без преувеличения можно сказать, что на развитие воли чтение может действовать даже расслабляющим образом².

Резюмируя эти мысли и наблюдения, мы приходим к твердому убеждению, что не о расширении материала для чтения нам приходится думать в настоящее время, а об упорядочении, систематизации и разумной экономии его. Чтение может дать много; оно должно дать гораздо больше того, что оно дает нашим детям в настоящее время; но для этого оно должно быть редким и сильнодействующим средством³.

При Главном Управлении в.-у.зав. существует постоянная комиссия для выбора и рассмотрения книг, годных в ротные библиотеки кадетских корпусов; поэтому корпуса имею полную гарантию в своевременном и разумном пополнении этих библиотек. Но дальше этого деятельность комиссии идти не может. Воздействовать на читателя, как такового, сформировать из кадета желательный тип читателя может только тот, кто стоит непосредственно у дела воспитания.

Примечания

¹ Островский А. Н. Пед. сборник. 1900. Февр. С. 176.

² «Для того, чтобы написать письмо, потребуется большее усилие воли, чем для прочтения целой книги», прибавим от себя, завлекательного содержания. А. Д.Б.

³ Замечательно, что главным контингентом любителей чтения запоем являются натуры ленивые, инертные и пассивные.

Наталья Леонтьева

О ДЕТСКОМ ЧТЕНИИ: (ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ УЧИТЕЛЬНИЦЫ) (1905)

*Впервые опубликовано в: Образование. 1905. № 11–12.
С. 111–141.*

Что ни говорят, а чтение — могучее орудие, часто перерабатывающее по-своему юную человеческую душу. Посмотрите, что делают топор и соха с матерью-землей: недавно еще здесь шумел дремучий лес, а вот прошла эти два чародея, и вместо дикой зеленой чащи колыхается желтеющая нива. Так бывает и с душой человека: сначала все в ней было нетронуто и пустынно, но стоило раздаться могучему слову, облечься в яркую живую форму, и на месте глухой заросли поднялись пышные колосья, сулящие богатый урожай. Нам возражат, пожалуй, что мы слишком розово смотрим на влияние чтения; поэтому оговоримся и прибавим, что это влияние, конечно, всегда существующее (это положение непреложно), не всегда бывает одинаково, как не одинакова человеческая натура — на нее действует все окружающее: и жизнь, и школа, к книга, но один из факторов преобладает в зависимости от индивидуальных свойств человека; желательно бы, конечно, чтоб школа и чтение действовали дружно, рука об руку; их вражда так же ненормальна, как вражда двух родных сестер.

Насколько сильно влияние чтения, показывает тот факт, что взрослый человек вспоминает с благодарностью первую книгу, произведшую на него впечатление, прочитанную им с захватывающим интересом. Белинский справедливо сказал, что человек всю жизнь помнит тот вздор, который он читал в детстве, и который тогда ему нравился. Такая книга служит для него своего рода Америкой: она открывает ему новый мир. Эта почетная роль далеко не всегда принадлежит первой книге после азбуки, может быть, потому, что, овладев процессом чтения, ребенок все же некоторое время читает еще, как Петрушка; он слишком мал, чтоб справиться с тем, что дает ему самостоятельное чтение, работа чересчур отвлеченная для его юного ума, хотя та же книга, прочитанная вслух другим лицом,

может быть, и покажется ему интересной; в таком случае, и голос читающего, и его интонация, а также, пожалуй, и попутные объяснения послужат как бы переводом книги с чуждого пока ребенку языка. Если же книга и при самостоятельном чтении произвела на него впечатление, значит она попала в тот благоприятный момент, когда молодой ум уже был готов к ее восприятию в целом; раньше он еще кое-как охватывали там и сям те или другие эпизоды, как это делает и взрослый, но неразвитый человек. Впрочем, эта предварительная работа не пропала даром: она привела к синтезу. Помимо благоприятного момента здесь необходимо, чтоб данная книга отвечала на запросы, уже шевелящиеся в душевном складе ребенка.

Я имела возможность наблюдать, как в одной семье развивался постепенно среди детей интерес к чтению. Первой интересной книгой для 7-летней девочки явилась старинная чувствительная повесть «Лея на необитаемом острове», дававшая полную возможность и поплакать, и помечтать, а ее брат, будущий военный, только тогда принялся читать, когда ему, уже 13-летнему мальчику, среди массы других книг, постоянно покупавшихся родителями, попала под руку история Наполеона I с прекрасными гравюрами, изображавшими бесчисленные наполеоновские битвы. (Нет сомнения, что и иллюстрации играют важную роль в пробуждении интереса к чтению).

Вспомним С. Аксакова. Первая книга, которую он прочел после азбуки, была пресловутое «Зеркало добродетели», но ее нравоучительные рассказы в духе искусственного дидактизма XVIII в. не произвели на него сильного впечатления, хотя он *faute de mieux* и перечел их несколько раз. Зато в какой восторг пришел он от Новиковского «Детского Чтения», разъяснившего ему явления природы, той природы, которая была всегда страстью Аксакова, почему он, уже старик, с любовью вспоминал о роскошных берегах Бугуруслана, обросших зелеными кустами, о многочисленных реках и речках, где когда-то он ловил рыбу, о чащах, где он охотился. Когда он причел эти книги «Детского чтения», подаренные ему добрым соседом, перед ним, как он говорит, «открылся новый мир».

Первая книга, давшая толчок душевным силам ребенка, может сыграть роль и в его последующей жизни. Первые печатные сочинения, с которыми познакомился Ломоносов, были грамматика Мелетия Смотрицкого, арифметика Магницкого и псалтырь Симеона Полоцкого. Не определили ли они отчасти его будущей деятельности? Грамматика, физика, как наука математическая, вос-

певание Бога и природы — вот в чем выразилась главная работа «этого первого русского университета».

Кто знает, сделался ли бы Кольцов поэтом, если б ему не попались под руку случайно стихотворения Дмитриева, бывшие для него как бы откровением. В подражание им он написал свое первое стихотворение «Три видения»; оно было неуклюже, бесформенно, но это была первая попытка творчества, первый лепет только что раскрывшейся поэтической души, и с тех пор поэт-самоучка уже видел свою дорогу.

Алексей Толстой говорил, что на шестом году жизни на него произвели сильное впечатление стихотворения одного из поэтов, и с тех пор он полюбил поэзию.

По словам Шелгунова, важную роль в его жизни сыграла Библия: «Мало того, что я над ней плакал, я не мог читать ее без особого торжественного трепета; я проникался при ее чтении ощущением именно того же чувства свободы, независимости, чего-то такого хорошего, легкого, что делало меня совсем счастливым». Как известно, вся жизнь и деятельность Шелгунова были проникнуты этим благородным стремлением к свободе. Крайняя сентиментальность Руссо и его пылкое воображение объясняются, быть может, не только его происхождением от отца-фантазера, но и теми многочисленными романами, которыми он зачитывался вместе с отцом, проводя иногда за таким чтением целые ночи. Гейне в детстве, по его рассказу, сильно увлекался «Дон Кихотом»: он не смеялся над ним — нет, — он плакал над участью благородного, непрактичного мечтателя, он всей душой сочувствовал ему и, может быть, уже тогда решил быть «рыцарем духа», поняв духовную красоту Дон-Кихота.

Но если книги так действуют на ребенка, то велико ли их действие на взрослого человека, или оно прекращается с выходом из детского возраста, переходя в чисто внешнее влияние, т. е. давая начитанность, привычку к правильной речи, но не касаясь ни ума, ни характера. Это было бы грустно, но, к счастью, дело обстоит иначе. В замечательных лекциях по русской истории проф. Ключевского имеется интересный рассказ о ярославском помещике Опочинине, лишившем себя жизни в припадке *taedium vitae*, так же знакомой многим образованным людям XVIII в., как и лучшим римлянам времен империи. Впрочем, и обстоятельства здесь были те же: тяжелые социальные условия, отсутствие разумной и плодотворной деятельности. Распределяя свое имущество, бедный Опочинин с горечью говорит в завещании, что книг ему

некому оставить, а между тем только они и освещали отрадным светом его серенькую жизнь. «Любезные мои книги!» восклицает он: «не знаю, кому завещать их. Они были первое мое сокровище, они только и питали меня в моей жизни; если бы не было их, то моя жизнь шла бы в непрерывном огорчении, и я давно бы с презрением оставил сей свет!» Очевидно, книги сыграли большую роль в жизни этого их владельца, а насколько благотворно было их влияние, видно из того, что он завещал раздать барский хлеб крестьянам и отпустил на волю своих дворовых; если же он не освободил других своих крепостных, так потому, что в то время пышного расцвета крепостного права такое освобождение было обставлено большими затруднениями во избежание лишнего волнения умов. Прямой потомок несчастного самоубийцы Опочинина, Евгений Онегин, тоже много читал, но мы позволим себе не согласиться с Пушкиным, что он читал «без толку»: если «ярмо он барщины старинной оброком легким заменил», то этим решением, конечно, был обязан тем книгам, которые он по прочтении «задернул траурной тафтой»; они научили его тому «как государство богатеет», убедили в важности свободного труда.

Великий Гёте рельефно рисует нам влияние чтения на взрослого юношу, Вильгельма Мейстера. Когда он прочел Шекспира, в нем точно произошел важный переворот; знакомство с «Гамлетом» открыло ему новые горизонты, вконец изменило его взгляды на драму и драматическое искусство, а, что еще важнее, дало ему также глубже заглянуть в человеческую душу. Можно возразить, пожалуй, что иногда влияние чтения остается чисто платоническим, и не всегда вычитанные идеи осуществляются в действительности читателями. Наши предки, читая Вольтера и Дидро, отсылали тем не менее дворовых на конюшню для домашнего исправления. «Упражня голову помещика», говорит проф. Ключевский, «смягчая ощущения, книги для него служили нервным моционом и не улучшали существующего порядка». «Однако» продолжает почтенный историк: «поколение вольтерьянцев не было совсем бесплодным явлением в нашей истории. Само оно не сделало употребления из своих идей, но оно послужило важным передаточным пунктом; не применяя к делу своего умственного запаса, поколение это сберегло его до поры до времени и передало следующему поколению, которое сделало из него более серьезное употребление».

Итак, если чтение служит могучим орудием в процессе умственного и нравственного развития, то надо научить детей управлять им, добиться, чтоб чтение приносило им возможно большую пользу,

а не было только «нервным моционом». Известны слова знаменитого педагога, который на вопрос одной матери, когда ей надо начинать воспитание своей 2-летней девочки, ответил: «Если вы еще не начали, то вы уже потеряли два года времени». Подобно этому педагогу, мы скажем, что надо заботиться о внеклассном чтении детей с того самого момента, когда они научатся читать. Существует мнение, что не следует приучать детей к чтению слишком рано; если они сами не хотят пока братья за книгу, то пусть только бегают и играют, а влечение к книжкам придет само собой. С этим взглядом нельзя согласиться: ведь это все равно, что детей, не заговаривающих об учении, не сажать за книгу, пока они этого не захотят сами. А что, если такое желание у них совсем и не явится? Ведь есть дети ленивые вследствие малокровия и связанной с ним апатии. Неужели оставлять их в состоянии круглого невежества только потому, что у них нет *силы желать* собственного просвещения. Нечего сказать, поблагодарят они своих родителей, когда, выросши, увидят себя круглыми невеждами в кругу образованных сверстников. То же самое бывает и с чтением. Некоторым детям, ленивым по натуре, нужно втянуться в него с чужой помощью. Если ребенок лет до 12 ничего не читает, кроме учебников, необходимо исподволь приучать его к книге, выливая его медленно и осторожно от очевидно владеющей им умственной лени. Можно проделывать это сначала с помощью чтения вслух: редкие дети, как бы ленивы и вялы они ни были, не любят слушать чужого чтения, если читается, конечно, что-нибудь хоть мало-мальски интересное. Такое чтение книги взрослыми вслух может на первых порах чередоваться с самостоятельным чтением ребенка, а позже, когда интерес возбужден, и мозг несколько проснулся, ребенок и без постороннего побуждения сам примется за книгу. Таким детям со слабо развивающимся мышлением даются сперва короткие рассказы — сложного содержания они не охватят, но шаг за шагом дозы чтения должны расширяться. Такая своеобразная умственная гимнастика в особенности применима к детям из семей неинтеллигентных или полуинтеллигентных; в последних родители хотя и хранят в своих шкафах дипломы об окончании курса, но, ограничившись одной учебой, не пошли дальше, книга для них не стала потребностью, и без духовного хлеба они существуют довольно благополучно; сочинения классиков, облеченные в красивые переплеты, служат для них только необходимой кабинетной принадлежностью, как письменный стол, бронзовый прибор на нем и т. д. Если в силу наследственности и дети у них явятся с рыхлыми,

лишенными пытливости мозгами, то здесь и понадобится своего рода умственное тренирование. В домах интеллигентных это едва ли потребуется: там ребенок с самого раннего возраста окружен благотворной умственной атмосферой, и руки его сами тянутся к книгам.

Нам скажут, что такой режим носит искусственный характер: оставьте ребенка, подверженного умственной лени, на некоторое время в покое, и ум его заснет опять. Это не так. Представьте себе, что вы крепко заснули, вас будят долго, вставать вам не хочется, но вот вы встали, правда, разбуженный другими, в окно светит майское солнце, в саду приветливо чирикают птицы. Вы рады, что встали, вы благодарны тому, кто вас разбудил, и сон в темной, душной комнат вам более не кажется привлекательным. А не разбуди вас вовремя, и вы бы долго провалялись в постели, встали бы с больной головой и весь день хмуро бы глядели на свет Божий. Такой важный двигатель, как чтение, нельзя забрасывать и оставлять в небрежении, он требует ухода, и уход этот приносит прекрасные плоды. Бывали примеры, что дети, выросшие в самой антиинтеллигентной обстановке, втягивались в чтение, благодаря умелому руководству воспитателей, хотя раньше и не выказывали никакой склонности к книге.

Желательно, чтоб книга стала насущной потребностью воспитываемого, и стремление к ней вошло у него в плоть и кровь. Мало толку, если он лишь примкнет к числу «случайных читателей», которые берутся за книгу только потому, что в данную минуту нет под рукой другого, более интересного, развлечения. «Нет ли у вас чего-нибудь почитать?» иногда говорят они, зевая: «такая тоска — придется вечером сидеть дома». В подобных случаях выбор чтения почти не играет никакой роли — лишь бы убить скучные часы, свободные по страной случайности от винта или танцев. При этом мне вспоминается знакомая дама, ежегодно просившая меня приготовить ей интересную книжечку «для первой недели поста», когда и театры закрыты, и в гости ходить не принято. В другое время года дама забывала о существовании печатного слова.

Мы установили, что вмешательство взрослых иногда необходимо, чтоб осторожно пробудить и развить в детях любовь к чтению, но оно требуется и для руководства самим выбором чтения. Тут невольно возникает вопрос: необходим ли пуризм при этом выборе, или же дети могут читать решительно все? В доказательство последнего положения приводят многих знаменитых людей, читавших в детстве все без разбора и зато рано обогативших свой ум разнообразными сведениями. Мне кажется, этот вопрос настолько

важен, что нельзя решать его категорически в ту или другую сторону, а надо (как и бывает всего чаще в практической педагогике) действовать сообразно с индивидуальностью ребенка; в этом нас убедили наши многолетние наблюдения над детьми. Есть натуры, настолько благодарные, настолько чистые, что им ничто не повредить; из самой скверной книжонки они почерпнут лишь ту крупичку хорошего, которая в нее попала, может быть, случайно, помимо воли автора. Другие, наоборот, и из хорошей книжки сумеют выудить только дурное. Один из известных, уже умерших педагогов утверждал, что даже чтение пресловутых исторических романов Дюма-отца, может быть полезно, т.к. оно служит первой стадией для развития любви к истории; неверное освещение лиц и событий здесь еще не вредит, а важно именно пробуждение вкуса к этой науке. Благодаря и такому чтению, все эти Генрихи и Людовики, имена которых ничего не говорят им на страницах Иловайского, сделаются живыми лицами для молодого читателя, а это именно и нужно. Покойный педагог, в общем, был прав, но есть дети, которые не так скоро прогрессируют в чтении, как их более талантливые собратья; для них, пожалуй, Дюма скорее вреден: они остановятся на нем и не дойдут дальше, требуя от каждой книги такой же занимательности, какой отличаются, по их мнению, «Граф Монте-Кристо» или «Три мушкетера». Для них необходимо иное, более здоровое начало, т.к. они заинтересуются не историческими личностями, а самой интригой.

Известны многочисленные случаи бегства гимназистов в Америку под влиянием романов Майн Рида и Густава Эмара; очевидно, для этих беглецов подобная умственная пища оказалась нездоровой, тогда как многие их товарищи заинтересовывались отнюдь не приключениями кровожадных героев, излюбленных названными авторами, а теми сведениями из географии и естественной истории, которые там имеются иногда в изобилии; аляповатые произведения Эмара и Майн Рида пробудили в них охоту к занятиям этими науками. Для детей с непомерно развитой фантазией Жюль Верн вреден, для других же, с серьезным складом ума, он положительно полезен. Мы встречали мальчиков, которые под влиянием его произведений, начинали сильно интересоваться физикой и проделывать физические опыты. Здесь точно повторяется история средневековых алхимиков: ища философского камня и жизненного эликсира, они наталкивались мимоходом на действительные открытия.

Итак, трактуя занимающий нас вопрос, мы ставим второе положение:

При выборе книг для детского чтения необходимо сообразоваться с детской индивидуальностью. Из данных заключений вытекает необходимость контроля над чтением учащихся. Как же производить этот контроль, нетрудный в домашнем быту, но не легкий в учебном заведении при массе учащихся? Для этого есть несколько способов. Если дети пользуются книгами из училищной библиотеки, то по записям можно проследить, какие книги всего чаще берутся, и по ним судить о вкусах читающих. Но этот источник далеко не достаточен. Начать с того, что в огромном большинстве наших школьных библиотек количество книг далеко не велико, наиболее живые и любознательные дети скоро перечитают их все и примутся искать себе книги в других местах, — стало быть, возможность следить за их чтением по каталогу скоро прекращается. Бедность же ученических библиотек объясняется тем, что далеко не во всех из них книги приобретались покупкой, по выбору лиц компетентных; в большинстве случаев (особенно в учебных заведениях, насчитывающих не мало лет жизни) ядро библиотеки состоит из книг, когда-то пожертвованных, набранных, что называется, с бору да с сосенки и на добрые две трети уже устаревших. Если потом библиотека и пополняется, то медленно и крайне скудно. Значит, руководиться библиотечными записями можно далеко не всегда, а приходится прибегнуть к другим средствам. Одним из таких средств являются записи самих детей. В одном учебном заведении, где очень высоко ставится значение внеклассного чтения, ученики еженедельно подают своему преподавателю русского языка тетрадки с обозначением всего прочитанного ими за неделю.

Пишущая эти строки, воспользовавшись хорошим примером, завела такой же порядок в своих классах, и результаты получились очень интересные: явилась возможность сделать заключения о вкусах детей и выводить полезные для преподавателя аналогии. Хотя дети и знали, что их отношение к чтению, большее или меньшее количество прочитанного не будут оценены никакой отметкой, но тем не менее у них возникло прекрасное по своим последствиям соревнование: даровитые и живые девочки втягивали в чтение своих более вялых и ленивых подруг.

Одними записями, конечно, нельзя ограничиться: не то, чтоб детям было уж слишком свойственно обманывать взрослых, — как это думают некоторые суровые педагоги старой школы, до сих пор верящие в конечную испорченность человеческой, а потому и детской натуры, — но если и взрослые могут иногда подолгу обманывать самих себя, то тем более к этому склонны дети, вообще

менее живущие сознательной жизнью, менее способные разобраться в собственных впечатлениях. Им кажется, что они прочли книгу, между тем как они только перелистали ее, прочли только разговоры да передачу фактов, совсем пропустив описания; они воображают нередко, что поняли содержание, тогда как оно совсем не усвоено ими. Поэтому необходим, кроме записей, известный опрос учеников по поводу прочитанного. Достаточно задать 2–3 вопроса, чтоб судить о том, какой след оставила книга, что произвело впечатление, и что прошло мимо, не затронув ни молодого ума, ни молодого чувства. Для изучения детской личности, такие ответы дают чрезвычайно ценный материал.

Здесь важно познакомить детей даже с внешними приемами чтения, образовать из них вполне культурных читателей. Например, ребенок совсем не считает нужным запоминать имя автора — необходимо приучить его к этому. Хорошо, если с этой целью он прямо запишет в свою тетрадку название книги и ее автора. Это поспособствует, кроме того, и развитию в нем аккуратности и любви к порядку, так что и впоследствии чтение его не будет носить неряшливого характера. Уча читать разумно, следует обращать внимание детей и на обстановку действия. Часто, поглощенные лишь самой интригой, ее завязкой и развязкой, они не интересуются вопросом, где именно, в какой стране происходит действие, и даже характерные имена действующих лиц ничего не говорят им об этом. Стало быть, надо не оставлять без внимания и этой стороны чтения, приучать маленьких читателей распознавать, где живут интересующие их герои, а если книга историческая, то и в какую эпоху. Детям из среды некультурной бывают трудны для понимания повести и рассказы из иностранной жизни, но из этого не следует, чтобы надо было держать их в круге одних и тех же понятий, — чтение, напротив того, должно вывести их из того тупика, куда забросила их судьба, и показать им более широкие горизонты.

Контрольные тетради, о которых мы говорили выше, применяются кое-где и в провинции, но жаль, что их применение обращается иногда в педантическую меру. Так, учитель Майкопского реального училища (см. приложение к сентябрьскому выпуску «Циркуляра по Кавказскому учебному округу») предложил своим читающим ученикам отвечать на следующие вопросы: «1) Заглавие прочитанной книги? 2) Какого числа начато и какого окончено чтение? 3) Каждый ли день она читалась и в какое время? 4) Сколько часов в день употреблялось на чтение? 5) Сколько страниц прочитывалось в день? 6) Что мешало чтению? 7) Дочитал ли книгу до

конца? 8) Пропускал ли страницы при чтении и, если пропускал, то почему? 9) Написать пересказ прочитанной книги или наиболее интересной ее части. 10) Какие лица наиболее понравились в прочитанном произведении и почему? 11) Какие лица не понравились и почему? 12) Какие места понравились в прочитанной книге (если не длинные, то выписать)? 13) Выписать наиболее интересные слова в выражения, которые желал бы выучить. 14) Чего не понял в прочитанном? 15) Принялся ли после чтения книги за новую или почему-либо сделал перерыв в чтении?»

Предпишите ученику следовать намеченным правилам и, садясь за книгу или оставляя ее, взглядывать на часы, а также, читая, помнить, что он должен непременно ответить письменно на предложенные многочисленные вопросы, и вы сделаете из внеклассного чтения противный и трудный урок.

Контроль должен быть, но не обременительный для детей: цель его знакомиться с их вкусами и склонностями, и разъяснять непонятое при чтении, указывать на лучшие книги в том случае, если выбор их со стороны самого ученика неудовлетворителен в педагогическом или художественном отношении. При умелом ведении дела дети сами охотно обращаются к учителю за разъяснениями по поводу прочитанного и указаниями интересных и хороших книг.

В высшей степени важно выяснить, какие книги наиболее любимы детьми. Желая прийти к определенным выводам относительно этого занимающего нас вопроса, мы опросили более 250 девочек в возрасте от 9 до 15 лет. *Из коротких письменных ответов выяснилось, что старшие (в возрасте от 12 до 15 лет) предпочитают всему остальному книги исторического содержания;* эти книжки (разумеется, историческая беллетристика) переходили из рук в руки и зачитывались иногда до полной растрепанности и негодности. Так как мне удалось опросить и гимназисток, и учениц профессиональной школы (такого же возраста), то я имела случай убедиться, что хотя те и другие предпочитали исторические повести и романы всем прочим книгам, но в школе книгам по русской истории отдавалось преимущество перед такими же по истории всеобщей. Объяснялось это очень просто: гимназистки более знакомы с всеобщей историей, чем ученицы данной школы, где этот отдел истории не проходит, обстановка действия чужда читательницам, отчего и интерес мало возбуждается. Впрочем, после учительских объяснений такие книги тоже читались с интересом, причем особенным успехом пользовались среди 14–15 летних девочек роман Манцони «Обрученные» (сильное впечатление производит здесь, обыкновенно,

яркое описание чумы в Милане), романы Бульвера (напр., «Последние дни Помпеи» и «Гарольд»), некоторые романы Вальтер-Скотта (говорю некоторые, но не все, потому что те, сюжет которых взят исключительно из истории Шотландии, как-то менее интересны, чем другие), как, напр., «Кенильворт», «Айвенго», «Талисман». И гимназисткам, и девочкам из народа одинаково нравилась «Жанна д'Арк» Марка Твена, книга, написанная задушевно и поэтично. Усердно читались и романы Эберса, и немало слез проливалось над его «Дочерью египетского царя». Зато «Мученики» Шатобриана редко дочитываются до конца: напряженность языка и завязки слишком бросается в глаза. Можно положительно сказать, что этот поэт Реставрации уже отжил свое время. Историческая драма Шекспира, Гёте и Шиллера понятны подросткам этого возраста лишь тогда, когда их читает сам учитель, который сумеет выкинуть то, что пока недоступно, и будет постоянно комментировать свое чтение; иначе говоря, требуется здесь, пожалуй, «вольный перевод» их, а это жаль, потому что в таком случае философская подкладка их ускользает, превышая детское понимание. Чем до известной степени «уродовать» классическое произведение, лучше отложить знакомство с ним года на два.

Отдавая преимущество русской истории пред всеобщей, мои школьницы охотно читали повести из эпох им уже известных — явное доказательство, что предварительные объяснения не только не уменьшают, но, напротив того, усиливают интерес к произведению. Надо было видеть радость девочек, когда, читая «Кн. Серебряного» или «Басурмана», они встречали лиц, знакомых им по урокам русской истории. Можно было заметить за последние годы постепенное ослабление интереса к повестям Фурмана; еще недавно они нравились, но теперь уже читаются несравненно реже; их заменили у детей лучше и современнее написанные повести Авенариуса: «Во львиной пасти», «Меньшой потешный», «Три венца» и друг. «Юрий Милославский» и «Рославлев» берутся до сих пор нарасхват, несмотря на сентиментальность и устарелый язык; но дело в том, что Загоскин, как рассказчик, даровитее бесцветного Фурмана.

Чем же объясняется любовь детей к исторической беллетристике? Не только тем, что здесь много событий, много действия (хотя и это привлекательно для детей), — но в таких книгах их чарует «правда», сознание, что изображенные факты действительно были. На вопрос, почему детям нравятся книги исторического содержания, спрошенные неизменно отвечают: «Там рассказано то, что было на самом деле», или «Мне всего интереснее знать,

что это не выдуманно» и т. п. Дети часто разочаровываются, когда узнают, например, что многие лица, выведенные в исторических произведениях, совсем не существовали, а представляют собой плод авторского воображения. Впрочем, на первых порах их не следует так разочаровывать — ведь здесь важно, повторяем, не приготовление к науке, а развитие вкуса к чтению более серьезному, более трудному, чем простое повествование; и не беда, если они будут думать, что поэт, передающий в своих записках жизнь Жанны д'Арк, лицо не вымышленное, как и трубадур Теобольд в старинной повести Чистякова.

С течением времени дети станут сознательнее относиться к подобному чтению, сумеют отличить правду от вымысла, и тогда при большем развитии ума такое критическое отношение к книге не ослабит интереса к ней, или же при серьезном направлении вкусов и возрастающей пытливости оно побудит искать чтения более серьезного: тогда, значит, историческая беллетристика сделала свое дело и подготовила данным образом почву для другого посева. Итак, не надо преждевременно расхолаживать, точно разграничивая историческую действительность от работы фантазии автора.

«Если с Антоном (героем романа „Басурман“) не все было так, как здесь написано», сказала мне со слезами одна девочка, — «так я дальше и читать не хочу». Конечно, читатели нашей статьи поймут нас. Мы не хотим сказать, чтоб в руки ребенка можно было бы дать всякую детскую книжку исторического содержания, маломальски сносно написанную. Нет, разумеется, ни один разумный педагог не порекомендует произведений, где грубо искажены исторические факты; в особенности же надо избегать, как огня, таких, в которых проповедуется вредный шовинизм или же патриотизм, получивший с легкой руки князя Вяземского название «квасного»; от него обыкновенно с трудом отделяются впоследствии: часто об этот печальный сорт патриотизма, заботливо привитый с детства, бесплодно разбивается, как о непроницаемую броню, всякая разумная историческая критика.

Другой причиной любви детей к историческому чтению является, как уже сказано выше, то обилие занимательных фактов, которое дает история. Дети ценят это более, чем психологию — тонкие психологические положения им непонятны.

Не умея еще разбираться в своей постоянно растущей психике, неспособные пока к самонаблюдению, они не найдут интереса в той простой с виду фабуле, которая ценна для взрослого человека своим внутренним содержанием, — им нужны факты и факты.

Детьми весьма охотно читаются и перечитываются биографические повести: в них есть милая детскому сердцу правда. Посмотрите, как увлекаются и мальчики, и девочка повестями Авенариса «Отроческие годы Пушкина» и «Юношеские годы Пушкина». Правда, его трилогия из жизни Гоголя написана не так талантливо, но и ее первые две книги сильно нравятся; только последняя часть с ее рассказом о первых литературных шагах Гоголя и его отношениях к Свиньину и Сенковскому мало понятна детскому уму. Жаль, что нет таких же повестей из детства Жуковского и Лермонтова.

Жизнь первого, в мирной деревенской глуши, среди любящего его женского круга, игры с маленькими племянницами, домашние спектакли, ученические годы в уездном училище и позже в университетском благородном пансионе — все это дает богатейший материал для интересной беллетристической работы. Много занимательного представляет собой и детство Лермонтова: ранняя смерть матери поэта, его тяжелое положение между отцом и бабушкой, поэтическая поездка на Кавказ, жизнь в Тарханах среди крепостнической обстановки и т. д. Конечно, юность Лермонтова не может быть взята как сюжет для детской повести, но детские годы его дело иное.

Успех биографических повестей находит себе объяснение еще и в том явлении, по которому детям бывает приятно видеть взрослых людей, им симпатичных и близких, вмешивающимися в их игры: им интересно читать о великих людях, учившихся, игравших, шаливших, как они сами; все эти великаны как будто сходят со своих пьедесталов, приближаются к ним, детям. Это то же самое чувство, которое побуждает их часто просить родителей рассказать им, какие они были маленькие, — и если те расскажут им о какой-нибудь собственной шалости в далеком прошлом, восторгу ребят обыкновенно нет конца.

Но не все же детям предлагать исторические и биографические повести: ведь среди детских книг огромный контингент составляют бытовые очерки и рассказы, знакомящие с современной жизнью. Но здесь возникает чрезвычайно важный и интересный вопрос: какие из подобных произведений предпочитают дети? Те ли, где рисуется их собственная среда, хорошо знакомая им обстановка, или другие, позволяющие им хоть ненадолго заглянуть в чужой мир, в новые, неизвестные им до тех пор условия? Не будем и в данном случае решать вопроса категорически, а обратимся лучше ко вкусам взрослых читателей и посмотрим, что они предпочитают. (Следует, разумеется, принять во внимание и окружающие усло-

вия, и степень умственного развитая читателя). Бесспорно, человек, живущий среди безысходной нужды, грязи и нищеты, непременно захочет «позабиться в чародействе красных вымыслов».

Жалкая Настя в комедии Горького «На дне» упивается топорными вымыслами бульварных романов и под их впечатлением создает себе такое прошлое, какого у нее быть не могло, сама веря в свои фантастические рассказы, над которыми издеваются обитатели ужасной ночлежки.

Читатель, о котором говорится в одном из рассказов Глеба Успенского, сидя в грязном номере провинциальной гостиницы, зачитывался «Воскресшим Рокамболом», так что библиотекарь его, лавочник, писал ему в поощрение: «иво еще много будете воскрешаго».

Я помню одну старую даму, бывшую институтку, жившую в крайней нищете с пьяницей мужем и больной дочерью. Когда ей принесли для чтения роман Достоевского «Униженные и оскорбленные», она после краткого просмотра с неудовольствием отложила его в сторону: ей не было никакого интереса читать о том, что она видела, от чего страдала ежедневно; зато она горячо благодарила за романы Марлитт, дававшие ей возможность позабыться, следя за жизнью разных немецких графинь и принцесс. Может быть, колоссальный успехи романов Марлинского объясняется именно тем, что они уносили воображение читателя из мрачной обстановки гнетущего Николаевского режима в особый мир бурных, нечеловеческих страстей, где не было ни казарм, ни полицейских, ни фельдъегерей, но где жили, пылко любили и красиво умирали разные Гремины, Лидины, Звонские, героини без времени и пространства. Чем тяжелее переживаемое время, тем иногда неестественнее ломается литература. Век Людовика XIV с его вылощенным, но бездушным деспотизмом был эпохой расцвета ложноклассической поэзии; в Николаевское время увлекались, как мы уже сказали, Марлинским, а теперь мы видим, как ломаются декаденты, доморощенные поклонники сатаны и т. д. Мы не говорим об орлах поэзии, — и при Николае жили Пушкин, Лермонтов, Гоголь, — но о той литературе, которая в данную эпоху преобладает в количественном отношении и представляет собой среднее чтение для средней публики. Чем развитее человек, тем он чувствительнее к фальши, и тем менее удовольствия может ему доставить такая, не имеющая ничего общего с жизнью, литература: и в первой половине XIX в. были люди, смеявшиеся над Марлинским и Бенедиктовым.

Сказанное о взрослой читающей публике можно применить и к читающим детям. Я могу положительно утверждать, что дети беднейших слоев населения особенно любят читать те книги, где описана жизнь богачей. Прочитав какую-нибудь биографию бедной девочки (в роде «Как Маша стала мастерицей» *Доганович*), они часто хором заявляют, что это неинтересно. Почему? задается вопрос: «Да мы это знаем: что хорошего читать все про мастериц и портних?»

Итак, бедным детям нравятся книги, дающие им возможность заглянуть в чужую среду и отдохнуть душой от собственной неприглядной обстановки. Всегда ли хорошо действует такое чтение — это другой вопрос. Нет сомнения, что постоянно читать о жизни богатых людей, приятно проводящих время в роскошных квартирах и катающихся на собственных лошадях, далеко не поучительно для бедного ребенка, заброшенного случайностью рождения в самые скромные житейские условия. Помню, с каким удовольствием описывала мне одна юная читательница комнату богатой героини рассказа (это было при передаче содержания прочитанной дома книги). «Комната освещалась розовым фонариком, мебель была обита розовым атласом», твердила она, видимо, смакуя эта подробности. Ей, бедняжке, жившей с родителями и еще тремя малютками-сестрами в одной комнате, составлявшей всю квартиру, конечно, будуар «с розовым фонариком» представлялся каким-то земным раем.

Стало быть, необходимо регулировать чтение, избегая вредной односторонности, и указывать детям и на те книги, где изображена трудовая жизнь бедняков, лишь бы это изображение не носило слишком серого тона, излюбленного нашими народниками: такой тон отобьет хоть у кого угодно охоту к подобному чтению, невольно потянет опять к «розовому фонарику», который, по крайней мере, хорошо описан. Конечно, этот печальный колорит слишком сросся с русским литератором: «от ямщика до первого поэта мы все поем уныло», но так как в молодом поколении необходимо воспитывать бодрость духа, то часто скорей порекомендуешь ученику какой-либо английский рассказ, чем беспросветную повесть добросовестного, честного, но чересчур уже плаксивого русского писателя.

Если последний и выведет хорошего, энергичного юного труженика, то с ним уж непременно что-нибудь случится: или он замерзнет в метель, или в реку свалится, или умрет от горячки ни с того, ни с сего. Подобные русские повести так и напраши-

ваются на странный вывод: не стоит и быть хорошим, а то рано умрешь.

Поневоле укажешь детям скорее на английскую повесть, где юный Джим или Дик живет чуть не в сарае, но сам себя содержит, да еще бедной соседке и ее детям помогает, и делает он это, не теряя ни бодрости духа, ни задорного юмора, так что понемногу, несмотря на неблагоприятную обстановку, из него вырабатывается препорядочный английский гражданин.

Дети интеллигентных родителей, как замечено нами, охотно читают книги с описаниями их же среды, но это объясняется тем, что их среда реже дает им те гнетущие впечатления, которые с избытком валяются на их менее счастливых сверстников, как шишки на бедного Макара. Оттого-то на вопрос: «Любите ли вы читать описания вашего круга, вашей среды?» — дети из народа отвечают отрицательно, а дети состоятельных классов, утвердительно. *Впрочем, и у тех, и у других пользуются большим успехом повести и рассказы из школьной жизни* — (одни встречают в них *свою* среду, другие — *чужую*, так как подобные произведения рисуют по большей части быть средне учебных заведений), как «Товарищ» Познякова, «Девочки» Лухмановой, «Записки институтки» Чарской (хотя эта книга отличается некоторой лубочностью), «Дети Солнцевых» Кондрашевой (вторая часть этой книги не совсем годна для детского чтения) и т. д.; на этой нейтральной почве как бы примиряются те и другие.

Читатель, надеюсь, не подумает, будто мы собираемся запирать и прятать от бедных детей повести и рассказы из быта тех людей, чья жизнь лучше обставлена и в материальном, и в умственном отношении. Ограничивать круг их чтения и пичкать их описаниями их же надоевшей им серенькой среды все равно, что пускать заключенного дышать чистым воздухом на тюремном дворе, в тесной клетке: правда, он видит клочок неба, но в сущности выносит мало удовольствия, потому что ему все время приходится толкаться на том же месте, как белке в колесе, да и кругом он видит те же клетки и знает, что в них находятся такие же несчастные, как он, люди. Едва ли подобная прогулка даст ему должное освежение. Наконец это и невозможно: одностороннее чтение непременно набьет оскомину, и дети все равно заглянут в иной мир, но только уже без нашего руководства и совсем нежелательным для нас образом. Не хотелось бы, разумеется, чтоб дети выносили из книг озлобление и зависть или неудержимое стремление только к материальным благам: желательно было бы видеть в них впоследствии

людей бодрых, энергичных и деятельных, не пассивных страдальцев, а борцов, верящих в улучшение и своей участи и, что еще важнее, участи ближних.

Самым действительным средством для этого является, без сомнения, возможно широкое образование. Как неправы поэтому наши обскуранты, которые, думая развить в бедных детях довольство их скромной долей, стараются всячески урезать скудные знания, получаемые ими в школах. При полузнании воображение работает сильнее, но, бедное хорошим материалом, оно работает односторонне, и нет сдерживающей грубые аппетиты нравственной силы. Чем выше умственное развитие, тем лучше работа мышления, которое стремится разобраться во всевозможных житейских впечатлениях, найти настоящую дорогу, почему читатель охотно хватается за книгу, где встречаются положения, аналогичные с его собственным: он ищет в ней ответа на многие возникшие у него вопросы и, вооруженный знанием, не будет расплываться в бесплодных мечтах, а отмежует себе на земле тот уголок, в котором он может устроиться возможно лучше для других и для себя. Недаром Бэкон заметил, что мелкие умы придают слишком много значения различиям, а крупные более ценят сходство.

Решив вопрос о том, какой среде отдают дети предпочтение в литературных произведениях, упомянем о следующем роде книг, нравящихся детям: *это те, которые дают простор их чувствительности*; над ними можно поплакать, сочувствуя горькой судьбе изображенных лиц. Человеку с его сложной натурой свойственно находить странное, по-видимому, наслаждение в чувстве грусти (конечно, когда оно же имеет слишком близкого, реального основания). Это явление близко к тому приятно-жуткому чувству, с каким дети слушают страшные сказки: тут и боязнь, и радостное сознание, что в противоположность героям сказки они-то сами находятся в данную минуту в полнейшей безопасности. Здесь есть большая доля эгоизма, но и альтруизм играет некоторую роль. В миниатюре мы видим в подобном наслаждении ту черту, о которой сказал еще Пушкин:

Есть упоение в бою
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении чумы.

Пользуясь этим общечеловеческим свойством, надо и здесь избегать крайностей и не держать детей в мире сентиментальном, в мире исключительно чувствительных историй и положений, чтоб не развить в них излишней нервности и слезливости. Вместе с тем тот, кто руководит детским чтением, все же позаботится, чтоб, знакомясь и с печальными, темными сторонами жизни, дети выносили из этого чтения не одно нервное волнение, ни к чему дельному потом не ведущее, а бодрое, деятельное желание прийти на помощь всем обездоленным. Им укажут поэтому, что та нищета, о которой они читали в книгах, не вымысел, и заставят думать не только о своей маленькой особе, но и о других. Нельзя скрывать, что в наших достаточных семьях дети часто растут эгоистами: родительские заботы о их здоровье и благополучии часто доходят до вредных размеров. Ребенок видит нищего и стремительно бежать подать ему милостыню. Его останавливают, говоря, что у нищего грязные руки — еще заразить чем-нибудь. Он хочет одолжить свою книгу для прочтения товарищу — опять запрет: кто знает — может быть, в семье товарища теперь корь, скарлатина или коклюш — лучше не давай.

Страх пред воображаемой опасностью заставляет упускать из виду другую опасность, несомненно, существующую: возможность развития в будущем натуры эгоистической, у которой будет девизом поговорка: «Моя хата с краю». Вот чтение и может служить в данном случае хорошим противоядием, заставляя читающего жить жизнью других людей, разделять их горести и радости, отнюдь не считая себя самого центром вселенной; но, повторяем, тут нужен разумный руководитель.

Расширению детского кругозора не мало помогает и чтение путешествий. Еще недавно путешествия, изложенные в форме не беллетристической, совсем не находили себе читателей среди детей. *Теперь же это чтение становится все более и более распространенным.*

Такое изменение детских вкусов объясняется тем прогрессом, который проявился наконец в преподавании географии: вместо зубрения бесчисленной номенклатуры и бесплодного, томительного черчения карт, преподаватели, став на верную точку зрения, начали знакомить детей с природой и людьми неведомых молодому поколению стране. Это сейчас же пробудило в учениках интерес к этой науке, еще усиленный и возвращением естествознания из его продолжительной ссылки. В то же время и в печати появилось много прекрасно написанных путешествий, которые как раз отвечают

спросу; назовем хоть сочинения Елисеева, «Путешествие по южной Америке» Ионина, «Путешествие вокруг света» Циммермана (2-ое исправ. издание) и другие. Чрезвычайно полезно читать эти книги с атласом в руках. Иногда такой совет пользоваться при чтении атласом кажется детям диким — от него слишком пахнет уроком, но потом, следуя ему, они видят, что тогда интерес к книге еще усиливается. Это одно из средства воспитывать *сознательность* чтения. Если же читаются книги естественно-исторические, желательно бы давать возможность детям производить надлежащие опыты, заботиться о птицах, маленьких животных, наблюдать за жизнью насекомых и т. д. Если дать человеку в руки эти три дивных свойства — любовь к себе подобным, любовь в умственном труде и любовь к природе, то, снабженный столькими ресурсами, он не окажется лишним гостем на жизненном пиру и будет близок к той «полноте жизни», о которой, как о достижимом для каждого идеале, говорил покойный симпатичный философ Гюйо.

До сих пор мы говорили о тех книгах, которые в ходу среди наибольшего контингента читающих детей, т. е. в возрасте от 10–15 лет.

Вот почему мы не затрагивали еще вопроса о сказках, тоже постоянно вызывающего оживленные споры. Следует ли читать сказки детям от 7–9-10 лет? Мы не боимся ответить здесь утвердительно: да, несомненно, следует. Сказка такая же необходимая пища для детской фантазии, как материнское молоко для младенца: ребенок может быть выкормлен и иным путем, но это все же явление аномальное, а иногда залог будущего нездоровья. Детские годы могут пройти и без милого сказочного мира, но тогда дети не получают той развитой фантазии, той драгоценной теплоты, которая так нужна будущему человеку. Какие же сказки предпочитают малютками? *Всегда почти те, где фантастический элемент соединен с юмором*: вот почему сказки Пушкина с их здоровым смехом так нравятся детям. Впрочем, всего рациональнее начинать чтение со сказок народных, а затем уже переходить к художественным. Наивность народного мирозерцания всего понятнее ребенку. Однако, т. к. народ любит и грубую шутку, то надо быть осмотрительным в выборе сказок, потому что и в сборник Афанасьева, наиболее распространенный, вкралось немало тривиальных и вульгарных сказок, уж не говоря о сборнике Гримма (изд. Павленкова), который при издании недостаточно был просмотрен. Мы тоже не допустили бы детей читать датские сказки Грундвига, из которых многие прямо неприличны, и даже «Тысячу и одна

ночь», где восточная фантазия и в переделке для детей, не теряя занимательности, сохраняет все же свою первобытную грубость. Мы исключили бы из каталога сказок, пригодных для детского чтения, также сказки об Иванушке-дурачке: они не только часто грубы, но и самая мораль их мало назидательна. В этом отношении мы, пожалуй, примыкаем к известному мнению Гончарова о вреде для Ильюши Обломова сказок «о неведомой стороне, где нет ни ночей, ни холода, где все совершаются чудеса, где текут реки меду и молока, где никто ничего круглый год не делает, а день-деньской только и знают, что гуляют все добрые молодцы, такие, как Илья Ильич, да красавицы, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Там есть и добрая волшебница, являющаяся у нас иногда в виде шуки, которая изберет себе какого-нибудь любимца, тихого, безобидного, другими словами — какого-нибудь лентяя, которого все обижают, да и осыпает его ни с того ни с сего разным добром, а он, знай, кушает себе да наряжается в готовое платье, а потом женится на какой-нибудь неслыханной красавице, Милитрисе Кирбитьевне. Взрослый Илья Ильич хотя после и узнает, что нет медовых и молочных рек, нет добрых волшебниц, хотя и шутит он с улыбкой над сказаниями няни, но улыбка эта неискренна; она сопровождается тайным вздохом: сказка у него смешалась с жизнью, и он грустит подчас, зачем сказка не жизнь, а жизнь не сказка. Он невольно мечтает о Милитрисе Кирбитьевне; его все тянет в ту сторону, где только и знают, что гуляют, где нет забот и печалей; у него навсегда остается расположение полежать на печи, походить в готовом, незаработанном платье и поесть на счет доброй волшебницы». Разумеется, такое вредное влияние сказок на Ильюшу объясняется дремотной и праздной обстановкой Обломовской жизни — здесь почва была слишком хорошо подготовлена для подобного восприятия; но тем не менее сказки об Иванушке Дурачке имеют, по нашему мнению, лишь интерес исторический. В них заработавшийся, измученный народ видит свою мечту о спокойной, привольной, праздной жизни, в ущерб другим сословиям, до тех пор бравшим себе лучшие куски на жизненном пиру.

Удивительные метаморфозы, происходящая с счастливецем Иванушкой, могут, конечно, позабавить детей, но хорошего воспитательного значения иметь они не будут, как и те сказки, где герой торжествует над врагами, благодаря своей неразборчивости в средствах (мальчик-с-пальчик, убивающий детей злого великана).

Едва ли полезны и те сказки, которые слишком пугают воображение ребенка. Обратимся снова к Гончарову и припомним, что

делалось с Ильюшей, когда няня повествовала ему «о мертвецах, поднимающихся в полночь из могил, или о жертвах, томящихся в неволе у чудовища, или о медведе с деревянной ногой, который идет по селам и деревням искать отрубленную у него лапу. Волосы ребенка трещали на голове от ужаса, детское воображение то застывало, то клочкотало, как кипятик; он испытывал мучительный, сладкоболезненный процесс: нервы напрягались, как струны».

Как замечено гениальным романистом, в этом страхе для Ильюши заключалась известная сладость; но все же едва ли полезны такие рассказы, от которых у ребенка «нервы напрягаются, как струны». Но ведь ребенок неминуемо познакомится с чувством страха, возраят нам защитники «страшных» сказок. Конечно, но зачем же его обострять нелепостями, когда и настоящие, реальные ужасы жизни, увы! не уйдут от них. К чему раньше времени трепать детские нервы выдуманными страхами? В результате и получится трусливый Илья Ильич Обломов, которого не трудно было запугать всякому предприимчивому мошеннику.

Что касается сказок о животных, то их любят только самые маленькие дети; чуть они подрастут, у них является желание слышать рассказы о себе подобных, но малютки восторгаются всегда и похождениями лисы и волка, и прекрасно написанной «Сказкой о пчеле Мохнатке» Авенариуса. Есть сказки, который представляют собой уже переходную стадию к повести; их читают дети и старше 9–10-летнего возраста. Даже и взрослый человек не без удовольствия заглянет в них. Первое место среди таких произведений занимают, разумеется, вечно юные сказки Андерсена. Дети с восторгом читают и перечитывают «Русалочку», «Ледяницу», «Деву гор» и др. Здесь все говорит детскому сердцу: и красивые описания мощной альпийской природы, вечных полярных льдов, безбрежного океана, и постоянная поэтичность сюжета, мягкая грусть, лишенная безотрадного оттенка, а, главное — гуманное, любовное отношение к страдающему человеку: сказки Андерсена полны примеров поразительного самоотвержения (так в сказке «Ледяница» маленькая девочка Герта несколько раз рискует жизнью, чтоб отыскать и спасти Кая, товарища своих детских игр. Русалочка в «Мор. Царевне» также жертвует собой для неблагодарного принца и т. д.). В интересной книге Ив. Ив. Феоктистова — «К вопросу о детском чтении» автор справедливо замечает, что сказка Андерсена — лебединая песнь сказке. Можно даже подумать, что Андерсен, писав свои сказки, и не думал о них внутреннем смысле, что он сам собой являлся из его наболевшей души. Здесь равно привлекательны

и задушевность, и тот своеобразный пантеизм, который особенно присущ Андерсену. Мы поставили бы рядом с его сказками некоторые из сказок Вагнера (Кота Мурлыка), который, очевидно, навеяны датским писателем; таковы: «Песенка земли», «Два вечера», «Швея»; в них видна такая же горячая любовь к страдающему человечеству и глубокая ненависть к врагу этого страдальца — эгоизму. Но Вагнер менее художник, чем Андерсен, и те сказки, где он затрагивает важные вопросы социальных отношений, написаны несколько темно и едва ли доступны детям: они могут восхищаться сказками «Милла и Нелли», «Макс и Волчек», но восхищаются, как мы неоднократно подмечали, чисто поверхностно, так сказать, частично: им нравится в сказках «Милла и Нелли» красивое описание Лазурных островов и счастливой жизни их обитателей, они смеются над тепличным существованием, которое вел Макс у бабушки, но самый глубокий смысл сказки от них совершенно ускользает, что весьма понятно. К той же категории сказок надо отнести и сказки Ж. Занд (как, например, «Великан Иеус», «Крылья мужества»). Их не поймет маленький ребенок, и не для него они писаны: фантастическая фабула здесь только рамка для глубокой идеи.

Установив законность сказки для детского чтения, прибавим еще на основании вышеизложенного, что в сказках детей привлекает *не только соединение фантастического элемента с юмором, но и задушевность, поэтичность сюжета, гуманная его сторона*: сказки первого рода нравятся маленьким детям, сказки второго рода привлекают детей постарше, способных уже рассуждать.

Здесь является вопрос о роли юмора в детских книгах; надо решить поскольку он имеет в них право гражданства. Дети любят смеяться, и, дай Бог, чтоб они долго сохраняли эту способность и никогда не обращались бы в хмурых людей, в обществе которых нелегко живется. Не надо мешать здоровому детскому смеху звучать радостно и громко, не надо его останавливать в том случае, если это действительно здоровый смех. Дешевый смех может выродиться в сплошное зубоскальство, в невозможность относиться к чему-либо серьезно.

Вам случалось, вероятно, встречать людей, которые в театре могут смотреть только водевили или фарсы, для которых существует не опера, а оперетка, в каждой книге они ищут только забавного, самая история интересна для них лишь по обилию анекдотов. Во всяком благородном порыве они отыщут комическую сторону, в самый грустный момент подметят смешные жесты огорченных людей. Такие личности выходят из семей, где пошлый, дешевый,

чисто желудочный смех никогда не умолкает, где родители пока- тываются со смеху, заставляя детей передразнивать тех или других знакомых; этот смех далек от здорового юмора и близок к самому откровенному эгоизму; он дает скептиков самого низшего разбора, вечно над всем глумящихся и потому никому не приятных: каждый сторонится подобных людей, не желая делаться предметом пош- лых шуток. Чтоб избавить детей от подобной участи, мы советуем прятать от них так называемый *забавные* книги, ничего общего не имеющие с истинным комизмом, преследующим высоко гуман- ную цель исправления людских пороков и недостатков. Родители, беспечные на счет литературы, часто снабжают ребят книжками, во множестве наполняющими железнодорожные киоски, чтобы charmer les ennuis de la route для путешественников; эти книжонки носят часто такие красноречивые названия: «Ха-ха-ха или умрешь со сме- ху», «Собрание анекдотов всех времен и народов» и т. д. У меня был ученик, обожавший подобную макулатуру, потому что и в семье его только такое чтение и признавалось; в произведениях классических писателей он умел отыскивать только смешные эпизоды; об ру- ку с этими литературными вкусами у него шло и общий легкий взгляд на занятия, и все житейские отношения, отвращение ко все- му серьезному и дельному; с товарищами он сближался лишь тогда, когда они обладали способностью смешить его забавными шутка- ми или же вследствие собственной тупости и безбидности могли служить пригодной мишенью для его острот. Подобный живот- ный, жирный смех, вытекающей из неразвития, побуждал наших предков когда-то окружать себя карликами и карлицами, шутами и шутихами; он соединен с неуважением к человеческой лично- сти, к человеческому достоинству и не должен иметь места при разумном воспитании.

До сих пор мы говорили о детской литературе, лишь иногда упоминая о произведениях, написанных не для детей; но из это- го не следует, чтоб мы исключали классиков из каталога книг, назначенных для подрастающего поколения. Кроме того, такой факт и невозможен: каждый ребенок из интеллигентной семьи ра- но знакомится с нашими классиками и без всякого постороннего побуждения: постоянно слыша о Пушкине, Лермонтове, Гоголе, Тургеневе, он проникается желанием прочесть их произведения, достает их без труда и читает. Итак, это факт существующий, но яв- ляется вопрос, насколько он желателен: хорошо ли, что дети, читая этих писателей, нападают на сцены любви, ревности и т. п. чувств, знакомиться с которыми им еще рано. С этой стороны опасность

невелика. Хотя мы и говорили, что пестрое чтение может быть безвредным только для немногих натур; но относительно классиков дело иное: великие русские писатели никогда не прибегают к некрасивым подчеркиваниям, без которых не могут обойтись даже лучшие из французских беллетристов, да и нельзя же, следуя старинному методу, закалывать страницы булавками. К тому же дети, познакомившись по отрывкам в хрестоматиях с каким-нибудь эпизодом классического произведения, всегда стремятся прочесть его целиком. Кстати, такое школьное чтение отрывков все более и более выходит из употребления, и, действительно, пора положить предел безжалостному кромсанию художественных произведений в целях обучения языку. Итак, желательно давать их детям в целом, а не жалкими кусочками. Нам заметят, вероятно, что не каждое издание Пушкина, Лермонтова и др. классиков можно дать детям в руки, потому что помимо их известных вещей (с ними мы хотели бы познакомить детей), туда набралось много таких стихотворений, которые авторы сами оставляли в черновых бумагах, находя, может быть, их печатание недостойным своего имени. Известное дело, русский человек, даже гениальный, любит под веселую руку обмолвиться крепким словом, не думая, что оно, вылетев из его уст, будет подхвачено и впоследствии увековечено в печати каким-нибудь слишком усердным литературным «мусорщиком». Приняв это во внимание, необходимо изготавливать для учащихся особые издания классических авторов, не в виде жалкой литературной крошки (таковы, по большей части, юбилейные издания соч. Пушкина, предназначенные для детей), но лишь с выпуском тех стихотворений и набросков, которые, не представляя большой литературной ценности, не могут, кроме того, считаться пригодным чтением для юношества: сами их авторы, воскресни они теперь, одобрили бы такой порядок вещей.

Педагоги находят в раннем чтении классиков еще другую опасную сторону: оно не может, конечно, сопровождаться полным пониманием прочитанного, следовало бы поэтому перечислить художественные произведения еще раз и попозже, а между тем дети, полагая, что они уже знакомы с ними достаточно, не желают перечитывать вторично. Это до некоторой степени верно: может быть, по собственной инициативе они и не примутся за вторичное чтение знакомых вещей, но тут на обязанности преподавателя литературы лежит выяснить им и значение, и красоты великого произведения, так что, заинтересовавшись им снова, они не будут знать покоя до тех пор, пока вновь не прочтут его, и на этот раз оно доставит

им полное и незаменимое наслаждение. Но зачем же читать сначала, что называется, *начерно*! Не лучше ли отложить это чтение до тех лет, когда можно заняться им прямо *набело*? Но, во-первых, такая искусственная отсрочка, как вы уже говорили, невозможна; во-вторых, она и не желательна, потому что пользование классиками обогащает бедную детскую речь и дает возможность сродниться с поэтическими образами в те годы, когда все впечатления так живы и непосредственны. Наконец, чем раньше они подпадут под гуманизирующее влияние наших великих писателей, тем это лучше. Есть мнение, будто дети не любят классических сочинений и неохотно читают их: это неправда. Конечно, далеко не все гениальные произведения им нравятся, в силу их недостаточной подготовки к серьезному чтению, но многие и многие безусловно нравятся и много читаются детьми и без постороннего побуждения. Таковы: «Светлана» и «Ундина» Жуковского, «Капитанская дочка» Пушкина, его же «Борис Годунов», «Скупой рыцарь», «Мцыри» и «Беглец» Лермонтова, малороссийские рассказы Гоголя, его же «Шинель», «Мертвые души» и две его гениальные пьесы «Ревизор» и «Женитьба». Из сочинений Тургенева любимыми вещами являются: «Муму», «Часы», «Стучит», «Льгов», «Пожар на море», «Перепелка»; из Льва Толстого: «Детство и отрочество», «Бог правду видит, да не скоро скажет», «Кавказский пленник» и т. д. Нетрудно объяснить причины предпочтения, оказываемого детьми именно этим произведениям: в «Светлане» и «Ундине» фантастический элемент налицо, а он, как мы говорили, по душе детям, содержание в то же время просто и понятно, действия достаточно, а обилие фактов, что уже замечено выше, в главах читателей детей всегда достоинство: нельзя отрицать, что дети ищут в книге прежде всего занимательного чтения. Вопреки, однако, мнению многих, скажу, что ни «Рустем и Зораб», ни «Наль и Дамаянги» не принадлежат к числу любимых детьми книг: они нравятся только в чтении взрослых при указании их замечательных красот. Дело в том, что дети даже в возрасте от 12–14 лет (мы их имеем в виду, говоря о чтении классиков) не любят читать произведений, написанных тяжеловатым стихотворным размером, а стих указанных двух поэм далеко не так легок и грациозен, как в «Ундине»; но стоит им объяснить глубину содержания, и они оценят и нравственную красоту трогательного образа Дамаянги, и весь трагизм безысходной тоски Рустема, нашедшего сына только для того, чтоб вновь потерять его. Что касается «Одиссеи», то, разумеется, ни дети, ни подростки не примутся читать ее сами, да, по нашему мнению, им и не следует, читать ее иначе,

как в избранных отрывках. Когда-то Гоголь расточал в своей переписке преувеличенные похвалы этому знаменитому произведению древности: действительно, «Одиссея» зеркало древнего греческого мира, но не все в этом зеркале поучительно: сцена варварской расправы Одиссея с женихами Пенелопы не может внушать ничего, кроме отвращения.

Итак, дети охотно читают и классиков, но под условием доступности формы и содержания. Особенно благодарным писателем в этом отношении является для них Пушкин. Автор драгоценной для педагога книги «Родные писатели, как воспитательно-образовательный материал для занятий с детьми», В. П. Острогорский, говорит о них следующее: «Не один язык, чрезвычайно доступный детскому пониманию, не одна ясность образов и гармония стиха имеют здесь значение воспитательно-образовательное. В сочинениях Пушкина есть другое, особенно важное в редкое достоинство. Он, по собственному его выражению, будет долго любезен тем, что пробуждал, в людях своей лирой добрые чувства („Памятник“). Что бы он ни описывал, о чем бы ни говорил, в его словах видится любовь к природе, людям и жизни. Это гуманное отношение к действительности становится ясным всякому, кто вчитается в его сочинения, столь разнообразные по содержанию». Действительно, ни один поэт не воспринимается детьми так легко и любовно, как Пушкин. Я живо помню, какое впечатление произвел на детей в одной семье «Борис Годунов», нечаянно ими прочитанный. Семья была неинтеллигентная и дети мало развитые, но эта дивная трагедия точно разбудила их от долгого сна: они читали и перечитывали ее несколько раз, выучили, наконец, чуть не всю наизусть, задумали разыграть ее, распределили роли и несколько раз повторили представление, не теряя к нему интереса. Здесь впечатление получилось у них уже непосредственное, потому что побуждение со стороны взрослых отсутствовало. Не меньшим успехом пользуется и «Капитанская дочка»: замечательно, что она нравится и 10-летним, и 14-летним детям: простота изложения и изумительная ясность достигают в ней своего апогея. «Скупой рыцарь», напротив, читается только детьми старшего возраста: здесь психология сложнее, и комментарии необходимы. В том же возрасте (13–14 лет) начинает нравиться и Лермонтов; особенно его поэма «Мцыри» делается дорога молодым читателям: они тоже, обладая завидной памятью первой юности, выучивают ее наизусть и твердят звучный строфы. Гоголь, плохой литературный критик, как известно, назвал стих Батюшкова «облитым ароматами полудня», но с большим правом

это выражение можно применить к стихам Лермонтова, и дети чувствуют это своей чуткой душой.

Мы назвали выше те произведения Гоголя, которые наиболее читаются детьми, но заметим, что из малороссийских рассказов они, к сожалению, отдают предпочтение «Вию», как самому «страшному». Нам приходилось уже говорить о несколько паталогической склонности детей к такого рода литературе, но тем не менее, не взирая на интерес, им возбуждаемый, чтение «Вия» едва ли желательно. Что касается юмористических произведений Гоголя, то, разумеется, дети воспринимают этот юмор часто внешним образом, но из этого не следует заключать, что подобное чтение лишнее: из такого раннего знакомства с писателем, часто выносятся постоянная благодарная любовь к нему за доставленное наслаждение. Многим покажется, может быть, странным, что мы не упомянули о «Тарасе Бульбе», но так как мы говорим не о классном, а о домашнем чтении корифеев нашей русской литературы и основываемся не на теоретических данных, а на выводах из многолетних наблюдений, то должны признать, что «Тарас Бульба» далеко не на всех детей производит впечатление; особенно девочки часто остаются к нему равнодушны, может быть, потому, что повесть полна чуждого им воинственного пыла и риторики, расхолаживающей читателя. Истинно великие произведения не стареют, почему от «Ревизора» до сих пор и стар, и млад приходят в восторг, но «Тарас Бульба» дело другое: на нем слишком отразилось влияние романтической школы, любившей титанические характеры и гиперболические описания. Сравните эту повесть с «Капитанской дочкой», и вам покажутся ходульными многие сцены «Тараса Бульбы». Лиризм должен быть краток, а здесь полные лиризма сцены (хотя бы предсмертный пир казаков под стенами Дубно) страдают длиннотами. Положим, и подобные несколько напыщенные речи могли нравиться в свое время, как нравились, говорят, в XVIII в. дидактические монологи Стародума, но вкусы меняются, и теперь такие приемы кажутся устарелыми. В этой устарелости слога и освещения, заключается одна из причин нелюбви детей к Григоровичу; из его произведений только роман «Рыбаки» да рассказ «Прохожий» читаются сравнительно охотно, — остальные повести и рассказы из деревенской жизни не возбуждают никакого интереса. Они написаны в то время, когда Жорж Занд¹, в своем запоздалом изложении Руссо, восторженно рисовала крестьян и их жизнь какими-то небывальными штрихами с сильной примесью розовой краски. Григорович сентиментален, подобно ей, но у него не было таланта и благо-

родного жара французской романистики, поэтому его крестьяне хотя тоже не мужики, а пейзажи, как у Жорж Занд, но изображены бледно и вяло, приторно и безжизненно. Могучий талант Тургенева не всегда по плечу детям — его отзывы на злобу дня, конечно, непонятны им, но в «Муму» его гуманность и почти пушкинская простота так увлекают ребенка, что это всегда одна из любимых детских книг, и немало чистых слез пролито над нею, слез драгоценных потому, что в них лежит залог будущего уважения к человеку, к человеческой личности, к человеческому достоинству. Остальные из названных нами выше произведений Тургенева нравятся интересной завязкой, удивительно талантливым рассказом. Впрочем, важная сторона Тургеневского дара — описания, где он может посоперничать с любым пейзажистом, пропадает для детей при самостоятельном чтении, и «Записки Охотника» раскрываются ими всего чаще не по собственному желанию. Нельзя сказать, чтоб они не могли оценить красот тургеневского пейзажа, но для этого своего рода картинного музея им нужен руководитель. Воспользовавшись его умелыми указаниями, они, пожалуй, вторичную прогулку по музею предпримут сами. Историческая роль «Записок охотника» (а это чрезвычайно важно) тоже ускользнет от них, и опять-таки и тут потребуются комментарии.

О «Детстве и Отрочестве» Толстого, мнения разделяются: одни педагоги говорят, что эта книга нравится всем детям безусловно, другие же, горячо доказывают, что эта книга должна быть чуть не настольной для взрослых людей, интересующихся делом воспитания, но детей она занять не может: она знакомит нас с психическим миром даровитого ребенка, обнаруживает в авторе гениального наблюдателя и знатока детской души, но тонкости душевного анализа, которыми блещет эта мастерская автобиография, не могут занять детей. В последнем замечании и есть большая доля правды, и потому это произведение Льва Толстого принадлежит к тем, которые должны читаться не иначе, как с учительскими пояснениями и пропусками. Также должны читаться и сочинения С. Аксакова «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука». Если они сами попадут в руки ученика, он беспощадно бросит их, найдя чрезмерно скучными бесконечные переезды Сережи с места на место, то в карете, то в бричке; но сократите при чтении эти рассказы, выбросьте некоторые эпизоды, свяжите целое общей нитью, и ребенок с живым интересом будет слушать вас. Итак, обе эти автобиографии непонятны без руководства со стороны учителя и некоторых сокращений: «Детство и Отрочество» требует их

в силу глубины содержания, которая детям еще не доступна (оно дает много материала для сочинений на педагогические темы, чем и пользуются в учительских семинариях), а сочинения Аксакова из-за некоторых их недостатков, длиннот и повторений.

Но среди классических сочинений важное место занимают стихотворения. Любят ли дети читать их сами? Скорее, нет. Любя факты, эпос, они нередко тяготеют стихотворной формой, найдя, что она им мешает усваивать содержание прочитанного. Нечего уж и говорить о пьесах чисто лирических. Дети прямо скользят по ним, забывая и смешивая одно с другим: нюансов, оттенков они схватить не могут. Разумеется, мы говорим здесь о детях со средними или даже слабыми способностями; что же касается детей даровитых, то они любят и самостоятельно прочитывать целые сборники стихотворений, и если даже содержание их не вполне усваивается ими, то музыка стиха благотворно действует на развитие эстетического чувства. Но опять-таки желательно, чтоб увлечение стихами не переходило границ: редко кто из молодых читателей под влиянием прочитанных стихов, не захочет сам попробовать своих сил в поэзии. Учащие хорошо знают, что в каждом классе находится такой доморощенный поэт, который нередко и представляет свои произведения на суд товарищей и учителя.

В этом кропании стихов есть и своя хорошая сторона: оно побуждает лучше изучать поэтов, взятых за образец. Но зато стихотворцу грозит опасность возмечтать о себе, а из этого ничего хорошего выйти не может. Поэтому учитель, не задевая самолюбия автора-подростка, должен, однако, разобрать его первые опыты, указывая на подражательность, недостатки в версификации и т. д. Если в ученике таится истинный талант, подобная критика заставит его только серьезнее отнестись к слабым попыткам творчества, а те, у которых стихи лишь «пленной мысли раздраженье», перестанут их писать и хорошо сделают.

Мы упомянули об эстетическом значении стихотворений, но не можем не заметить, что составители хрестоматий и стихотворных сборников для детей часто позволяют себе крайне бесцеремонно уродовать стихи лучших наших поэтов: то выпустят в «Медном всаднике» невинную строфу «девичьи лица ярче роз», отчего теряется рифма, то в полной скорби элегии Некрасова «Внимая ужасам войны» вычеркнут целые две строфы:

Средь лицемерных наших дел
И всякой пошлости и прозы,

и этим исказят стихотворение, точно выхватят часть стены из артистически построенного здания. Если бояться непонятных или неподходящих слов, то лучше не давать детям до времени данного стихотворения: это не то, что проза — вырванная строфа, оборванный стих сейчас же портят впечатление, и эстетические цели не могут быть тогда достигнуты, тогда как в прозе пропуски не так, дают себя знать и не замечаются детьми.

Здесь невольно приходится коснуться вопроса о переделках. Следует ли допускать их? Если дело идет о произведениях классических, то ответ может быть только отрицательный. В художественном произведении его форма так неразрывно слита с содержанием, что в этой гармонии и заключена тайна его могучего влияния на читателя. Разружьте эту связь, и впечатление побледнеет. Особенно дикой кажется нам затея пересказывать в форме повести содержание драматических произведений. Помню, мне приходилось в детстве переводить на уроках английского языка «Tales from Shakesppeare²», где каждая из знаменитых трагедий была пересказана на нескольких страничках. Боже мой, что это было за жалкое повествование. Мне до сих пор непонятно, как талантливый и вдумчивый педагог, Острогорский, мог тоже придумать передать «своими словами» трагедии Шекспира, он, который так благоговел перед гением английского драматурга. Подобное странное явление можно объяснять разве своего рода модой на переделки литературных произведений, царившей еще недавно в вашей детской и народной литературе; в то время самого «Короля Лира» предлагали народу в виде полуторакопеечной, уродливо скомпонованной брошюрки, носившей заглавие «Старик Никита и его три дочери».

Переделать гениальное произведение, значит лишить его аромата и красок, от цветущего тела оставить один жалкий скелет. Даже лучшие переделки (вроде «Князя Серебряного» в обработке Свешниковой) не должны допускаться в детские библиотеки. Впрочем, дети и не станут их читать, как только узнают, что им дают «ненастоящее» произведение. Как изуродованы, например, романы Диккенса в переделках Шелгуновой; недаром дети не читают их вовсе, даже и в том случае, когда не знают о существовании «настоящих»: зерно выброшено, осталась одна мякина, и фальшь чувствуется; да и трудно из многотомного романа, принадлежащего перу гениального романиста, сделать интересную небольшую повестку так, чтоб огромные пропуски прошли незаметно. Такая операция дозволительна лишь в том случае, если ей подвергают-

ся произведения писателей даровитых, но не перворазрядных, так как тогда нам не приходится так дорожить каждым словом, каждым художественным оборотом; поэтому нам нисколько не жаль видеть в такой переделке романы Сенкевича, «Пугачевцев» Сальяса³ и т. д. — напротив, мы поблагодарим тех, кто потрудился над этим нелегким делом и познакомил детей с хорошей вещью. Если позже они к ней не вернуться в ее целом, так беда не велика, главное сделано, а штудировать подробно такие романы, как «Спартак» Дживаниолли⁴ или «Савонарола» Маутнера все равно не придется.

Итак, высказав наш взгляд на литературные переделки, напомним сказанное выше, что гениальное произведение и в целом виде не принесет вреда, если же есть основание бояться несколько рискованных мест, то можно предлагать детям очищенные издания классиков с пропусками, по возможности незначительными, наименее нарушающими гармонию прекрасного целого⁵.

Напомним читателям положение, поставленное нами в начале статьи: и здесь надобно *сообразоваться с индивидуальностью учащегося*. Я встречала 14–15-летних девочек, которые, читая «Войну и мир», заинтересовывались преимущественно исторической стороной романа, его основным фоном, тогда как их сверстницы только и интересовались отношением Наташи к Курагину и ее неудачной попыткой бегства с ним, а целые главы с историческими сценами преспокойно опускали.

Поделившись с читателями нашими наблюдениями над детским чтением, мы не хотели бы, чтоб нас заподозрили в стремлении лишить детей всякой самостоятельности в данном вопросе и долго водить их на помочах в этой области. Напротив того, высоко ценя развитие самостоятельности в детях, тесно связанное с развитием воли, мы совсем не посягаем на это важное свойство, но желаем лишь воспользоваться чтением, как могучим педагогическим орудием и также воспитать вкус и способность к разумному самостоятельному выбору. Разумеется, надо иметь в виду золотое правило одного из семи мудрецов «наблюдай во всем меру» и стараться, чтоб руководство внеклассным чтением не имело навязчивого характера, но, конечно, многое зависит от самой личности руководителя и его педагогического такта; этот такт скажет ему, когда он должен будет предоставить воспитанника его собственными силами. До тех же пор, как уже сказано, руководство необходимо, потому что мы, русские, привыкли читать бессистемно, беспорядочно; лихорадочность и сложность современной жизни ведут к тому, что

мы сводим чтение к перелистыванию модных литературных произведений, чтоб быть в курсе того, о чем говорят всюду. Постараемся уберечь молодое поколение от такого небрежного отношения к книге и разовьем в нем привычку читать вдумчиво, а не кое-как — ведь мы слишком любим делать все как попало, через пень колоду, хотя и платимся нередко за этот грех. Научить читать, как следует, значить дать в руки человеку большую отраду и утешение. «Благодарю вас, что вы мне дали верную подругу — книгу», — пишет одна ученица воскресной школы своей учительнице, — «с ней я забываю свои горести» (см. статью Вахтерова «О внеклассном чтении учащихся». Образование, янв. 1897 г.).

Мы не будем повторять всего сказанного уже нами о влиянии чтения на человеческую душу, заметим только, что если бы оно ограничилось даже и этой ролью утешителя, то уже для этого стоило бы заняться его культивированием.

Примечания

¹ Жорж Санд (ред.)

² William Shakespeare (ред.)

³ Евгений Андреевич Салиас-де-Турнемир (ред.)

⁴ Рафаэлло Джованьоли (ред.)

⁵ Нам казалось, что мода на переделки прошла, но оказывается, что недавно вышел «Отелло» в переделке для юношества известного московского профессора Ив. Иванова... затея странная.

Анна Покровская, Павла Рубцова

ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА СПРОСА (1926)

Впервые опубликовано в: Красный библиотекарь. 1926. № 8, авг. С. 35–43.

Эта статья имеет целью иллюстрировать некоторые практические результаты исследовательской работы.

Мы имеем в виду массовые приемы исследования, а именно: метод регистрации детских спросов на книги, который практикуется в настоящее время в целом ряде детских библиотек страны по инициативе отдела детского чтения методов внешкольной работы (ОДЧ)¹.

ОДЧ произвел опытное исследование по этому методу еще в 1922 г. на 1000 детских опросов, собранных в 18 московских библиотеках. При разработке этого материала не только обозначались типические различия спроса, в зависимости от возраста и пола, но и отражение в опросах характера работы библиотеки.

Детские опросы проявляют недочеты книжного состава, перегрузку библиотечных работников, не имеющих возможности уделить внимание каждому читателю, — в подобных случаях спрос делается общим, невыразительным, например: «дайте мне что-нибудь», «мне все равно», «какую дадите», «что найдется интересного».

Наоборот, там, где детям есть из чего выбирать, где они привыкли спрашивать книги и встречать внимание библиотекаря, спросы выразительны и содержательны: «Вот нет ли у вас книжки про море. Когда они рыбу-то стали ловить, их перетянуло ко дну, там у них мальчик утонул. Как мать головой билась по земле. А кругом все: звуки вальса. Очень жалко! Я больше всего такие люблю». (Девочка 13 л., дочь служаш.) (Ибаньес. Море.)

«Дайте мне что-нибудь из интересных приключений, чтобы можно было увлечься и отдохнуть от таких тяжелых книг. Я все время читал серьезные и тяжелые книги, а сейчас больше не хочу» (Мальчик 13 л., пионер, сын учителя).

«Я хотела бы что-нибудь сверхъестественное кровавое про вампиров. Организовался кружок. Сидим и рассказываем разные кровавые рассказы. Ну, и больше ничего». (Девочка 14 лет, дочь зубного врача.)

«Дайте про обезьян. Книжки про обезьян вообще интересные, потому что они всегда балуют, они без дела никогда не сидят». (Мальч. 13 лет, рабоч.).

(Данные иллюстрации взяты из последнего исследования ОДЧ — 1925–26 г.) Ряд повторных исследований раскрывает те же отношения между детскими опросами и условиями библиотечной работы². Школьные задания, влияние товарищей, кино и проч, факторов среды также отражается на детских опросах.

Вот вопросы под влиянием школы.

Девочки.

21/V — 24 г. (12 л., служаш.) «Есть у вас про крепостное право. Мы сейчас изучаем».

2/LX — 24 г. (10 л., мелк. служаш.) «Мне книгу: „Детская неделя“, сочинение задали писать, надо почитать, как у нас и как в других странах про пионеров».

25/X — 24 г. (12 л., раб.) «О профессиональных союзах, для школы надо составить диаграмму». (Про что?) «Сколько народу было в таком-то году, сколько в таком-то».

1/XI — 24 г. (15 л., раб.) «Про империалистическую войну или февральскую революцию, что-нибудь одно».

21/XI — 24 г. (12 л., мелк. служаш.) «Тундру мне надо искать, доклад писать».

Мальчики.

20/X — 24 г. (12 л., раб.) «Мне давайте про заразные болезни книжку, у нас в школе доклад надо писать».

12/XП — 24 г. (12 л., мелк. служаш.) «Мне для школы нужно, как в Америке там живут, как дома строятся».

22/X — 24 г. (13 л., мелк. служаш.) «Дайте путешествия по северному краю СССР, а то нам доклады задали».

17/XП — 24 г. (12 л., служаш.) «Татары есть у вас? А то нам зачеты сдавать».

5/XI — 23 г. (11 л., мелк. служаш.) «Есть у вас о царизме 1905 г. и 1917 г. Мне надо сочинение писать».

В большинстве этих деловых по тону опросов чувствуется отсутствие непосредственного интереса, а иногда слышится даже некоторая принудительность.

Вот сопоставление свободных спросов мальчиков и девочек.

Мальчики.

«У вас есть такая книга, как делают маленький аэроплан». (12 лет мелк. служащ.)

«Про драку, про бандитов». (12 л., мелк. служащ.)

«Про самых сильных богатырей, чтобы они дрались с войсками. Самые лучшие, самые сильные богатыри». (11 л., рем.)

«У вас есть восстание рабочих, как они дрались». (11 л., рем.)

«Мне историческую, древнее происхождение». (12 лет, мелк. служат.)

«Дайте мне какую-нибудь про животных смотреть, такие животные, каких я не видал». (11 лет, ремесл.)

«Про жуликов читать». (9 лет, чернорабочий.)

«У вас Антон Кречет есть». (Нет.) «Ну так про разбойников». (11 лет, мелк. служащ.)

«А у вас есть книги новые советские. Я давно хотел почитать. Приготовьте больше советских». (11 л., мелк. служащ.)

«Есть у вас Северный Ледовитый океан». (На вопрос для чего ему). «Так, посмотрю, что там делается». (8 л., мелк. служащ.)

«Про пожарных что-нибудь». (12 л., ремесл.)

Девочки.

«Какой-нибудь альбомчик». (9 л., П-ва.)

«На подобие вот этой нету про близнецов?» (показывает «Маленькие голландцы», Фич-Перкинс) (12 л., дочь служащ.)

«Дайте мне книжку, чтоб детство было или какую-нибудь историю про девочку или про мальчика, чтоб было про детство или как она училась». (10 л., раб.)

«Я пойду жалостную выбирать». (9 л., мелк. служащ.)

«У вас есть стихи про Ленина?» (10 л.)

«Что-нибудь про 1-е Мая, стишки какие-нибудь». (13 лет, мелк. служ.)

«Мне про куколок». (7 лет, ремесл.)

«Есть у вас новые и старые сказки». (13 л., раб.)

«У вас стихов нет по музыке». (12 л., мелк. служ.)

- «Из жизни бедной девочки». (12 л., мелк. служ.)
- «Про уточку». (7 лет, ремесленник.)
- «Мне такую про цветы. Нет такой? Альбом». (11 л., мелк. служащ.)
- «У вас нет сказки, как кошка женилась на мышке». (10 л., Интел.)
- «Что-нибудь про японских детей». (11 л. рем.)
- «„Кукла-Милочка“ — дайте мне». (10 л., служащ.)
- «Дайте мне про девочку, как она училась, как печальная была». (10 л., дочь рабоч.)
- «Не хочу, как мальчики жили, я хочу, как девочки». (Дев., 9 л.)

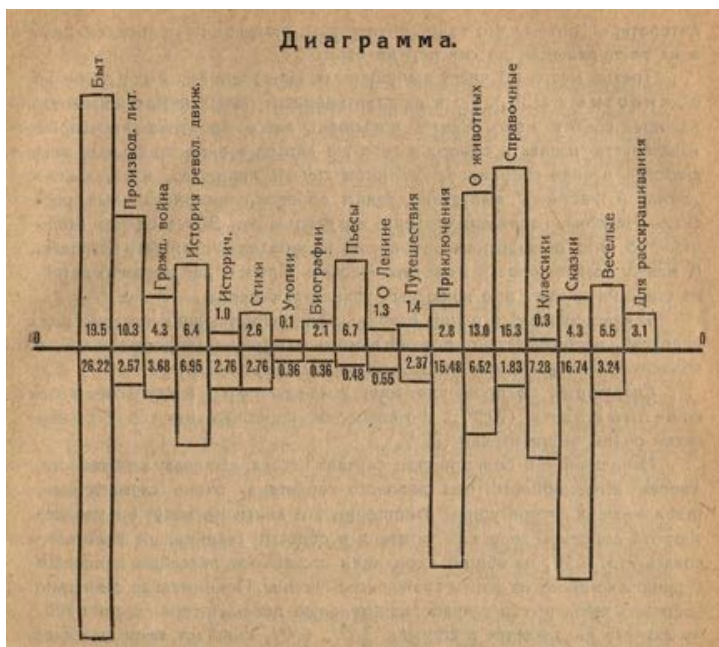
Здесь бросается в глаза разнообразие и широта интересов у мальчиков и тесный кругозор девочек, все опросы которых окрашены чувством, настроением или тягой к красивому.

В то время, как школа нивелирует разницу во вкусах полов, в свободном детском спросе эта разница выступает достаточно отчетливо.

Вот спросы под влиянием кино, рассказа, товарищей:

- «Дайте мне Робин Гуда, я сегодня в кино пойду». (Мальчик 11 лет, рабоч.)
- «А мне про Робин Гуда, я в кино смотрел». (М. 14 л., раб.)
- «У вас есть роман Робин Гуд, герой, который в кино показывают». (М. 13 л., сл.)
- «У вас есть „Броненосец Потемкин“ с картинками?» (М. 11 л., раб.)
- «Сказка „Багдадский вор“ у вас есть?» Нет. «Откуда же в кино-то ставят». (Д. 10 лет, раб.)
- «Мне про Мурзика, про Мурзика, которую вчера рассказывали». (Дев. 10 лет, мелк. служ.) (Бианки «Мурзук».)
- (Мальчик 13 л., раб., просит для дев. 11 л.): «Ты смотри, смотри! „Случай на море“ ей дайте, я читал и рекомендую». (Ауслендер: «Случай на море».)
- «Вы давали Поле Як., знаете какую книгу, там как в Англии дети жили, школьницы пяти частей света». (Берте, «Маленькие школьницы».)

Кроме того, что детские спросы иллюстрируют вкусы под влиянием пола, возраста³ и среды, кроме того, что они раскрывают характер педагогического воздействия на ребенка, они дают ценный материал по вопросу об отношении детей к литературе и об их литературных вкусах.

В 1925 г. московские детские библиотеки собрали за 2-недельный период 1600 детских спросов. Объединение детских библиотекарей любезно предоставило этот материал детскому отделу Госиздата для обработки в специальном разрезе⁴. Целью этой обработки было выяснить, насколько продукция детской книги отвечает запросам детей⁵. Для сравнимости данных была взята книжная продукция 1925 г., в количестве 770 названий.

Все книги были распределены, во-первых, по наиболее распространенным в практике библиотек рубрикам, образовавшимся отчасти под влиянием типических детских спросов, отчасти по литературному содержанию или по типическим рубрикам: бытовые, исторические, приключения, сказки, биографии, про животных, путешествия, веселые книги, справочные, стихи, пьесы, классики; во-вторых, были выделены более частные группировки в связи с современными интересами: история революционных движений; гражданская война; книги о Ленине; производственные книги.

По всем этим рубрикам легко было разбить также и детские спросы. Прилагаемая диаграмма дает сравнение соответствующих рубрик продукции и спросов.

Попробуем рассмотреть эти рубрики, исходя от книжной продукции. Наибольший % продукции (19,5) бытовой литературы — сюда вошли книги про крестьянскую и пролетарскую жизнь, школьную и пионерскую, жизнь детей в разной социальной среде. В детском спросе бытовая книга также стоит на первом месте (26,2 %). Но по своему содержанию спрос детей не вполне соответствует предложению книжного рынка. Были, наприим., спросы «про жизнь девочек», «про жизнь детей в других странах», а книжек на эти темы не было издано в 1925 г. Самая разработка книг не отвечала тому, что спрашивали дети: предлагались книги со слабой фабулой, описательного или этюдного характера, дети требовали конкретных деталей быта, героя, настроения.

На втором месте по продукции стоит справочная литература (15,3 %) — преимущественно справочники по детскому движению. Справочников для детей из других областей жизни и знания: по технике, по труду, по точным наукам, энциклопедического характера — не издавалось.

Этим односторонним характером справочных книг объясняется отчасти слабый спрос детей на справочную литературу (1,8 %). Наши дети не привыкли разрешать свои вопросы с помощью справочной литературы, потому что такой литературы, сколько-нибудь подходящей, в их распоряжении до сих пор не было.

Третье место по числу выпущенных книг занимает литература о животных (13 %). Но в действительности новых книг о животных издается совсем мало. Сумму повышает здесь практика некоторых издательств издавать одного и того же автора в виде отдельных рассказов и в виде сборников. В данном случае, например, издательство «Земля и Фабрика» выпустило, таким образом, многочисленные рассказы Чеглока, издававшиеся еще до революции. Значительное большинство книг о животных рассчитано на читателей старшего возраста. А между тем интерес к животным-героям типичен для младших детей; из старших читают про животных только любители.

Таким образом, с одной стороны, однообразие книжного выбора, с другой, несоответствие предлагаемого материала запросам возраста объясняют слабый спрос читателей на эту тему (6,5 %).

Следующей по продукции идет литература на производственные темы (10,3 %), а между тем спрос на нее со стороны детей очень незначителен (2,3 %).

Написанные в большинстве случаев наспех, по заказу издательств, скорее агитационного, чем делового характера, очень схе-

матичные, шаблонные в литературном отношении эти книги не могут ни удовлетворить деловых запросов читателя в области техники, ни заинтересовать его. 4,3 % из общей продукции составляют рассказы и повести с приключениями из эпохи гражданской войны. Принимая во внимание частность темы, это составляет значительную долю. Интерес детей к этому сюжету выражается в запросах 3,7 %. 6,4 % книг на тему революционных движений полностью соответствуют со спросом — 6,9 %, вызванным, главным образом, проведением кампаний в школе, библиотеке и отряде. Зависимость спроса от кампаний выясняется на теме о Ленине (продукция 1,3 %). Данные запросы, собранные до ленинских дней, дают очень малый % запросов о Ленине (0,6 %). Тогда, как исследование ОДЧ, проведенное в феврале 26 г., в непосредственной близости к ленинским дням дало более значительный % запроса — (3,3).

6,7 % продукции падает на пьесы. Библиотечный спрос на пьесы, вероятно, мало характерен, так как потребность в пьесах сильнее в школах и отрядах; во всяком случае, он очень незначителен: 0,5 %.

До сих пор мы сравнивали наши данные, исходя от книжной продукции. Картина несколько меняется, если исходить из детских запросов.

На первом месте по количеству запросов стоят также бытовые темы (26,2 %). Выше мы уже указывали, что здесь все же нет достаточного соответствия между запросом и предложением. На втором месте идет сказка (16,7 %); продукция дает на эту тему лишь 4,3 %. В детском запросе преобладает интерес к народной и преимущественно русской сказке. Сказка этого типа совершенно не издавалась. Вся продукция относится к индивидуальной сказке современных авторов или с революционной, или с производственной тенденцией.

15,5 % — запросов на приключения, а между тем «приключений» было издано только 2,8 %. Интерес к приключениям современные дети отчасти удовлетворяют повестями из эпохи гражданской войны (см. выше: 4,3 % продукции). Но не исчезающий спрос на приключения типа М. Рида, Жюль Верна и проч. старых авторов приключений остается неудовлетворенным.

Надо принять во внимание, что в число малой продукции «приключений» входят многочисленные, но мало увлекательные книги Н. Каринцева и т. п.

Спрос на путешествия (2,3%) также превышает продукцию (1,4%). Очень заметен спрос на классиков — 7,2%, выраженный, главным образом, заданиями школы.

В 1925 г. из всей мировой и русской классической литературы для детей появилось только два новых издания *Дон Кихота*.

Спрос на «веселые» книги — 3,2% не соответствует действительной потребности детей. Низкий % этого спроса получился потому, что в большинстве библиотек, давших материал, «веселых» книг почти нет.

В тех же библиотеках, где имеются «веселые» книги, спрос на них большой и прочный. (В одной из библиотек обращаемость «Макса и Морица» в 15 раз превышает среднюю обращаемость любимых книг другого типа).

Продукция «веселых» книжек довольно значительна — 5,5%, но издаются исключительно почти книжки-картинки, дорогие по цене, а по характеру юмора рассчитанные на дошкольный и младший возраст. «Веселых» книг для старших совсем не издается.

Пропорция опросов по возрастам в материалах данного обследования случайная, и мы не можем здесь делать определенных выводов.

Но пропорция продукции по возрастам чрезвычайно любопытная:

Для старших (13–15 л.) — 65,1% средних (11–2) — 8% младших (7–10) — 8,8% дошкольников (3–6) — 18,1%

Таким образом, продукция книг для детей младшего и среднего возраста, то есть как раз тех возрастов, которые больше всего нуждаются в специально детской книге — совершенно ничтожная.

Продукция книг для старшего возраста, наоборот, чрезмерно велика, а между тем дети этого возраста фактически пользуются в значительной мере общей литературой, и специальная книга для них не так необходима.

Перейдем к анализу детских спросов в пределах каждого возраста. У младших на первом месте стоит сказка (42%) всех спросов младших детей, а в общей продукции для младшего и дошкольного возраста сказка дает 15,9%.

На втором месте — спрос на бытовую книгу (из жизни детей) — 23,2% всех младших спросов — продукция бытовой книги из всех книг для младшего возраста — 15,9%.

Спрос младших на производственную литературу ничтожен — 1,4 %.

Из всех книг для младшего возраста 17,9 % издано на производственные темы. Спрос на революционные книги составляет 6,6 % всех спросов младших, а в литературе для младшего возраста книг на революционные темы, в сущности, нет (0,5 %).

У среднего возраста самый большой спрос на бытовую литературу — 26 % всех спросов этого возраста. И самую большую часть всей литературы, изданной для этого возраста, также составляют бытовые книги — 46,7 %.

На втором месте по спросу стоят «приключения» — 17,6, издано же книг типа «приключений» для этого возраста всего 3,2 %.

Сказки на третьем месте спроса — 13 %. Сказок для среднего возраста не издано ни одной книги.

Классиков спрашивают 6,8 %. Не издано ни одной книги.

Спрос на производственные темы у средних — 2,9 %. Издано книг на эти темы — 14,5 %.

На революционные темы спрос 7,5 %. Не издано ни одной книги.

Спрос на революционные темы у младших и средних вызван в большой мере работой школ и пионерских отрядов. В 1925 г. его нечем было удовлетворять.

Спрос на бытовые сюжеты стоит на первом месте у старших (28,2 % всех спросов возраста (продукция 17,5 % — всех книг возраста)).

Спрос на «приключения» — на втором месте — 20,5 %, продукции — 2,9 %.

На третьем месте спрос на классиков (10,9 %) — продукция 0,3 %. Сказка составляет 5 % всех спросов возраста. Продукция — 0.

Производственные темы — 2,5 % спросов, продукция — 6,5 %.

Рассказы из эпохи гражданской войны — спрос 5,7 %, продукция — 5,5 %.

Темы из истории революции: спрос 6,6 %, продукция 9,6 % всех книг для старшего возраста.

На книги о животных спрос — 4,9 %, продукция книг для старших на эту тему — 14,3 %.

Ряд рубрик дает в возрастном разрезе слишком мелкий %, поэтому не имеет значения приводить их здесь все целиком. Интересно только, что детский спрос во всех возрастах гораздо разнообразнее, чем издаваемый для них материал.

Наша беглая работа является первой пробой применения метода спросов для учета текущей детской литературы. Эту работу нужно повторять ежегодно с возможно большей детализацией рубрик спроса и продукции, потому что она, несомненно, вскрывает и пробелы книжного рынка для детей и нецелесообразное увлечение издателей темами, порожденными переходящими лозунгами и даже отчасти, несоответствующую детскому восприятию разработку материала.

Но практическая задача годового учета сделала более поверхностным и суммарным анализ детских опросов в данном случае.

Весной 1926 г. в ОДЧ произведено нами еще одно обследование детских спросов, собранных в базах ОДЧ, расположенных в разных местностях СССР в количестве 2600. Это обследование должно быть еще доработано в смысле уравнивания количества спросов разных возрастов (по ряду условий спросов младших оказалось меньше, чем старших: спросов девочек меньше, чем мальчиков). Недостающие количества будут уравнены добавочным обследованием. Но уже предварительная разработка путем гораздо более детального анализа показала большие возможности, вскрывающие целый ряд вопросов детского чтения: широту, разнообразие и детальность интересов, любимых авторов, отношение к старой и новой литературе и т. п. и т. п.

Дальнейшим этапом работы по опросам, намеченным на весенней конференции ОДЧ Института методов внешкольной работы и его исследовательских баз, является попытка вскрыть на основании спросов влияние на детское чтение окружающей ребенка среды: школы, детского движения, библиотеки, товарищей, семьи и улицы.

Примечания

- ¹ Методику спроса см. в ст. Григорьевой Т. Н. Приемы наблюдения над детским чтением // Красный библиотекарь. 1926. № 3.
- ² Обработка этого материала была доложена П. Рубцовой на конференции исследовательских баз ОДЧ, в мае 1926 г. Тезисы см. в ст. Покровской «Конференция исследовательских баз»... в «Кр. Б-ре», Июль, 26 г.
- ³ Иллюстрации на возраст труднее привести в беглом примере.
- ⁴ Детальная обработка этих детских спросов сделана объединением д. библиотек, а материал находится кабинет детского библиотекаря при центр. детск. б-ке в Москве: Антиповский пер., д. 4.
- ⁵ Доклад П. Рубцовой «Книжная продукция и детский спрос». См. материалы ОДЧ.

Михаил Гастфер

ИЗУЧЕНИЕ ДЕТСКИХ ЧИТАТЕЛЬСКИХ ИНТЕРЕСОВ (1927)¹

*Впервые опубликовано в: Красный библиотекарь. 1927. № 7,
июль. С. 49–59.²*

Объединение Московских детских библиотекарей наметило в числе своих очередных задач выяснение вопроса, какими книгами интересуются дети-читатели наших библиотек. С этой целью была выделена секция изучения читателя, состоявшая из 20 библиотечек.

Не буду описывать всей работы этой группы библиотекарей. Здесь я хочу изложить только данные о направлении интересов детей-читателей, которые дала регистрация спроса на книгу.

Регистрацией спроса мы называем дословную запись тех выражений, в которых читатель спрашивает книгу. Например: «Дайте смешных, или очень грустных рассказов, только с крупными буквами» (Девочка 12 лет). «Дайте про эскимосов и сказки Андерсена». (Мальчик 12 л.).

В целях руководства данной работой была разработана инструкция. Привожу ее:

1. Запись производится ежедневно.
2. Спрос каждого читателя записывается только один раз. На формуляре ставится значок, указывающий, что спрос данного читателя зарегистрирован.
3. Запись можно производить не целый день, а в течение некоторого промежутка времени, стараясь, по возможности, записывать спрос детей разного возраста. Записывать подряд не менее 10 человек.
4. Спрос фиксируется дословно.
5. Во время выдачи на листке записывается только дословный спрос подписчика. Листок вкладывается в формуляр читателя и в конце рабочего дня на него заносятся сведения о читателе по пунктам.
6. В случае неясности причин спроса, например: «Дайте Ташкент — город хлебный», библиотекарь ставит проверочный вопрос: «зачем тебе эта книга». Ответ читателя заносится на тот же листок.
7. Запись производится на восьмушке листа в длину.
8. Все сведения необходимо писать на одной стороне листка.
9. К собранным опросам следует приложить следующие сведения о библиотеке:

а) Число книг в библиотеке, б) число подписчиков, в) социальный состав подписчиков, г) посещаемость библиотеки, д) число сотрудников, е) какие за время ... были проведены рассказы, громкие чтения, выставки и прочие виды работы, влияющей на спрос.

К инструкции приложен был образец листка для записывания спроса. На этом листке кроме дословной записи выражений читателя, должны быть даны следующие сведения:

1. Когда произведена запись. 2. В читальне или в абонементе. 3. Пол читателя. 4. Возраст его. 5. Школьная группа. 6. Занятие родителей. 7. Пионер читатель или нет. 8. В какой библиотеке сделана запись.

Приступая к изучению читательских интересов путем регистрации спросов, секция имела в виду только наблюдать и записывать детские проявления; решено было не предлагать читателям никаких вопросов. Думалось, что вопросы могут подействовать на ребенка как внушение и исказить картину его отношения к книге. Но бывают случаи, когда наш читатель спрашивает книгу для проработки школьных заданий. Он сам смотрит на такое чтение, как на заданный урок и, конечно, этот спрос не выявляет детского интереса, хотя бы и внушенного. С целью выделить этот спрос по заданию, решено было ставить детям вопрос: — «зачем тебе эта книга» — в тех случаях, когда можно было предполагать, что ребенок спрашивает книгу не по собственному почину. Библиотекаря известны темы, прорабатываемые школой и списки книг к этим темам, — проверочный вопрос ставится в случаях спроса на книги к этим темам. Приведенный в инструкции пример, когда спрашивается книга Неверова «Ташкент, город хлебный» есть как раз случай, когда побуждения спроса не ясны. Эта книга усиленно прорабатывается в школе, в месте с тем это одна из любимых детских книг. В таких случаях и ставился проверочный вопрос. В большинстве случаев этот вопрос не предлагается читателю. Если читатель спрашивает книгу в таких выражениях: «Дайте про бедную девочку жалостную книжку» (девочка 11 лет), ясно, что он спрашивает не по заданию школы — тогда проверочный вопрос не ставится.

Недостатки метода регистрации спроса

Материал, собранный вышеописанным методом, должен дать довольно правильную картину детских интересов в чтении, более правильную, чем учет потребления книги. В самом деле, книга, имеющаяся в библиотеке в небольшом числе экземпляров, конечно, потребляется мало, но спрос на нее может быть велик. В таком

положении находятся книги, которые давно не переиздавались, как «Леди Джэн» Джемиссон, или «Маленькие женщины» Олкотт. Они так дороги девочкам, что многие их спрашивают при каждом посещении библиотеки, хотя получить их на руки нелегко, так как этих книг в библиотеках мало. И все же книжный состав библиотеки влияет на спрос. Книги, которых в библиотеках совсем нет, дети перестали и спрашивать. Таковы книги Чарской, которые дети любят, но уже почти не спрашивают в библиотеках. Ввиду этого при разработке материала собранного методом регистрации спроса следует учитывать книжный состав библиотек. Этой работы секция не проделала. Влияние книжного состава на спрос не настолько, однако, сильно, чтобы спрос перестал отражать детские вкусы в чтении. Это подтверждается тем, что наиболее ходкими по собранным сведениям оказались сказки и приключения, как раз те отделы детской литературы, которые давно не пополнялись. В приключениях определенно чувствуется недостаток, который только в самое последнее время стал немного восполняться.

Количество материала и его распределение

Регистрация спроса проведена была в течение 10 дней во всех библиотеках Московского уезда. Всего собрано было 2400 спросов.

Некоторых может удивить такое незначительное количество записанных спросов. Объясняется это тем, что библиотекарь, будучи перегружен работой, не может записывать спрос в течение всего рабочего дня, а записывает его только в часы, когда посетителей не так уж много. Кроме того, нужно заметить, что не все дети спрашивают книгу. Библиотеки ведь дают детям возможность выбирать книгу с прилавка или выставки.

Большую часть собранного материала составляет спрос мальчиков — 53,1 %; девочки дали 46,9 % всего количества спросов. По социальному происхождению дети, давшие спрос, распределялись следующим образом: дети рабочих составляли 44,4 %, ремесленников и кустарей — 11,5 %, технических служащих — 10,8 %, служащих — 23,2 %; остальные социальные группы дали в общей сложности только 9,8 % всего количества спросов. Среди собранного материала преобладает спрос детей среднего возраста — 11–12 лет — 42,1 %, — спрос детей 8–10 лет составляет 17 %, 13–14 лет — 36,5 %, 15–16 — 4,4 %. Спрос пионеров составляет 12,2 % всего количества.

Классификация материала

Собранный материал очень разнообразен. Иногда дети, спрашивая книгу, называют автора (таких спросов немного), иногда они

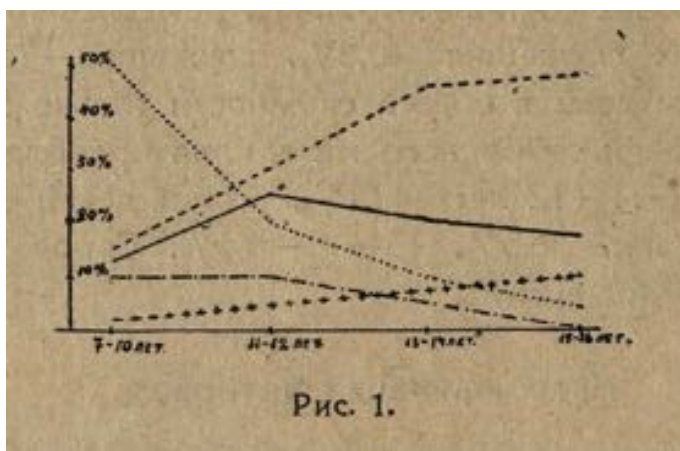

Рис. 1.

указывают на внешность. Но чаще всего они указывают содержание книги, которую хотели бы прочесть, называют тему; например: «Дайте про жаркие страны и про обезьян что-нибудь» (Мальчик 12 лет).

Этипросы по содержанию составляют 59,6% всего количества. Итак, самое содержание спроса показывает, как всего легче и всего целесообразнее его распределить. В основу классификации положено было содержание спрашиваемой книги. Выделены были темы: история, быт, подразделенный на быт взрослых, быт детей, старый и новый быт, быт других стран, революционные приключения, общественно-политическая книжка, приключения и путешествия, природа, животные, техника, сказка. Но такого выявления любимых детьми тем еще недостаточно. Ведь не одно содержание обеспечивает успех книги в детской среде. Большое значение имеет и форма изложения, язык, настроения, вызываемые книгой. Ясно, что две книги на одну и ту же тему могут совершенно различно восприниматься детьми. Вот почему данный материал был еще разработан в другом разрезе с целью выяснить, какая форма произведения имеет успех у детей.

Как спрос распределяется по возрасту

Какими же темами интересуются дети различного возраста?

У младших детей — 7–10 лет — выше всего стоит спрос на сказку — 51,3%. Кроме сказки, дети этого возраста спрашивают еще бытовой рассказ, книги о животных и приключения. Спрос на сказку с возрастом падает. Все же в возрасте 11–12 лет он составляет

20,9%, в возрасте 13,14 л. — 8,1%. Даже в 15–16 лет сказки еще читаются.

В среднем возрасте (11–12 л.) незаметно преобладающего интереса к какой-нибудь теме. Спрашиваются почти одинаково часто и сказки, и приключения, и бытовой рассказ, и рассказ о животных.

В старшем возрасте мы видим опять преобладание одной темы — приключений и путешествий. «Дайте приключение какое-нибудь, сражение с дикими зверями». (Мальчик 14 л.) «Дайте про путешествие по необитаемым странам». (Мальчик 15 л.)

Сильные личности, героические подвиги, необыкновенные, но все же похожие на правду приключения — вот что всего больше привлекает подростка. Любимцами читателей все еще являются старые авторы приключений: Жюль Верн, Майн Рид и Купер. Хотя спрос на приключения у подростков стоит выше всего, но интересы их гораздо разнообразнее, чем у младших детей. Спрос на историческую книгу, революционные приключения, технику растет с возрастом. Из книг по технике наибольшим успехом пользовались книги по радио и затем сочинения Бонди и Рымкевича.

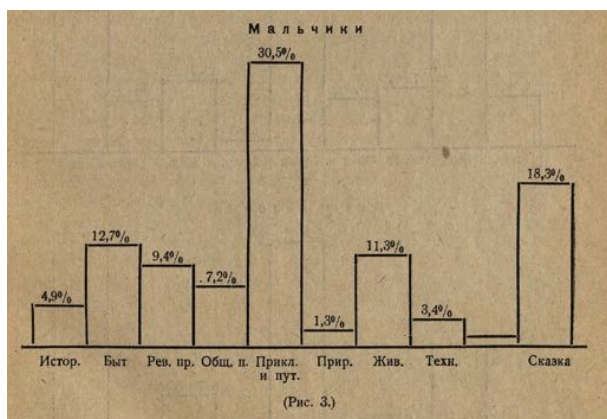
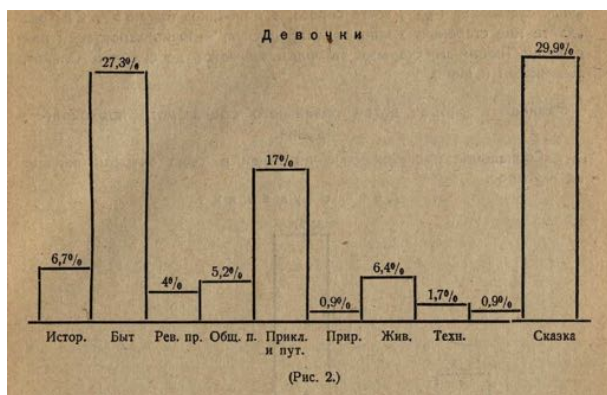
Как спрос распределяется по полу

Разница в спросе мальчиков и девочек очень характерна. У девочек на первом месте стоит сказка. Она составляет 29,9% всего спроса. Второе место занимает бытовой рассказ, составляющий 27,3% всего спроса. Приключения хотя и читаются девочками довольно много, но не занимают такого доминирующего положения, как в чтении мальчиков (см. рис. 2 и 3).

Мальчики гораздо меньше читают сказок и бытовых рассказов. 30,5% их спроса составляет спрос на приключения. Круг интересов девочек по данным спроса на книгу значительно отличается от круга интересов мальчиков.

Интересно проследить отношение детей обоих полов к новой книге. У мальчиков спрос на новую книгу, книгу, вышедшую после 1917 г., стоит выше. Новая детская книга хорошо всем знакома. Это преимущественно приключения из эпохи гражданской войны и бытовой рассказ из современной жизни детей и взрослых в определенном освещении классовой борьбы. Вся эта литература читается преимущественно мальчиками. Может быть, причина этого явления в том, что героями этих книг являются в большинстве случаев мальчики. Но, наряду с этим нужно отметить тот факт, что у девочек гораздо сильнее, чем у мальчиков, тяготение к старой книге. У девочек спрос на старую книгу составляет 14,3% всего спроса, а мальчиков только 5%. Спрос: «дайте мне старенькую книжечку

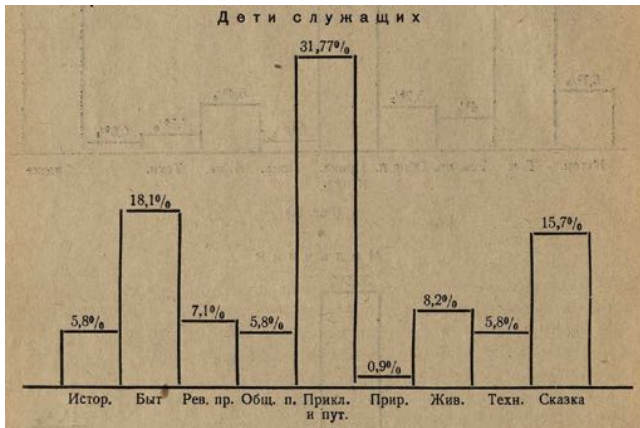

интересную» — очень характерен для девочек. Любимыми старыми авторами являются до сих пор Олкот, Джеммиссон и Мало.

Разница в спросе детей различного социального происхождения

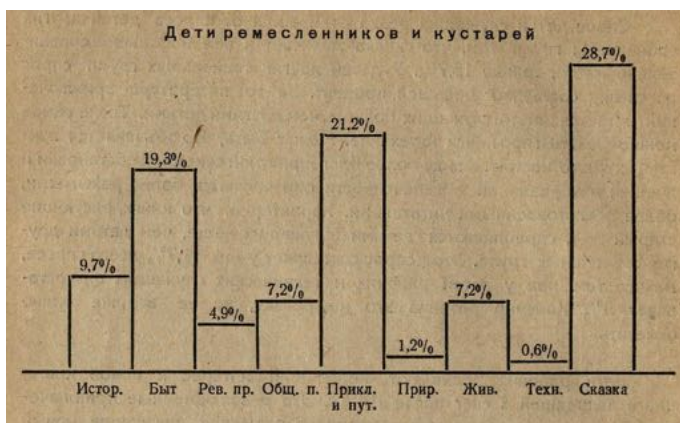
Социальное происхождение читателей в свою очередь влияет на их спрос.

Спрос детей служащих резко отличается от спроса детей других социальных групп тем, что сказка занимает в нем небольшое сравнительно место, только 15,7%. У детей других социальных групп спрос на сказку составляет большой процент. Зато литература приключений читается детьми служащих больше, чем другими детьми. Тоже самое можно сказать и про книги по технике. Может быть, это объясняется лучшей их грамотностью. В виду более благоприятной семейной обстановки и лучшей материальной обеспеченности

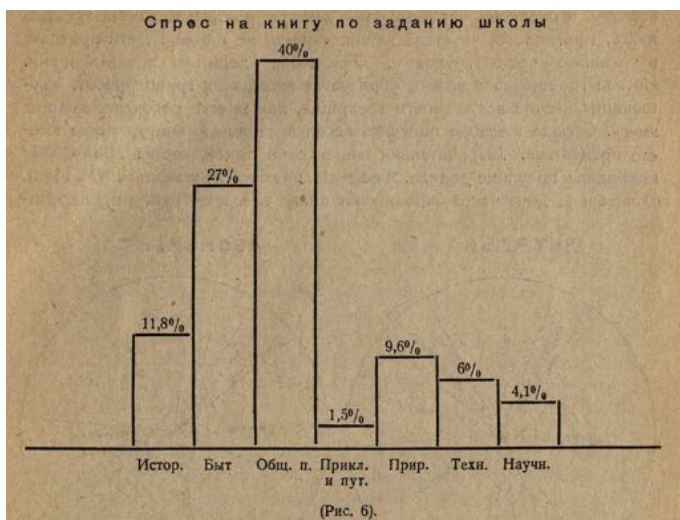
они являются более развитыми, более подготовленными читателями. Характерно, что книги, рисующие старый быт, спрашиваются детьми служащих чаще, чем детьми других социальных групп. Этот спрос составляет у них 11,7% всего спроса, между тем как у детей рабочих и технических служащих он составляет 8%. Конечно, разница это не резкая, но ее все же нужно отметить.

Дети рабочих проявляют наибольший интерес к новой книге, книге вышедшей в свет после 1917 г. Это революционные приключения, общественно-политическая брошюра и книжка, рисующая новый быт. Вот эта-то литература у детей рабочих составляет 17,5% всего спроса. У детей других социальных групп спрос на эту литературу стоит ниже и всего ниже у детей служащих — 14%.

Перейдем к двум последним группам — детям кустарей и ремесленников и детям технических служащих. Обе эти группы мало чем отличаются друг от друга и могут быть рассмотрены вместе. Их отношение к новой книге менее определено, чем у двух выше рассмотренных групп. Сказка занимает в их спросе доминирующее положение (30,8% у технических служащих). Спрос на книги по технике ничтожен (0,6% у детей ремесленников). Эти цифры наводят на мысль, что дети ремесленников и технических служащих являются в массе самыми неподготовленными читателями (см. рис. 5).

Это все, что мы можем сказать об интересе, проявляемом детьми к разным темам, затрагиваемым детской книжкой. Для того, что-

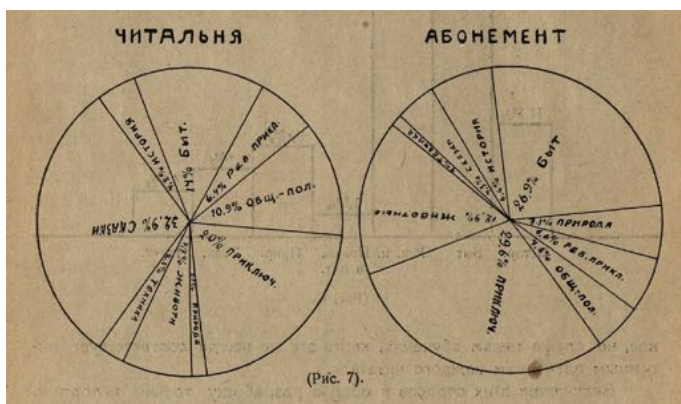

бы выяснить влияние на спрос двух последних факторов — пола и социального происхождения — следовало бы сравнить спрос детей одного и того же возраста, но разного пола и разных социальных групп. Если бы мы знали, что приписать влиянию отсталости в развитии, для нас рельефнее стало бы влияние классовой идеологии. Пока этой работы секция не проделала.

Спрос по заданию школы

Спрос по заданию школы, как не выражающий детского интереса к чтению, был разработан отдельно (см. рис. 6).

При сравнении этой диаграммы с приведенными выше — сразу бросается в глаза разница между ними. По заданию школы больше всего (40%) спрашивалась общественно-политическая литература. Надо заметить, что регистрация спроса производилась во время проведения кампаний памяти 1905 г. и декабристов; в эту рубрику почти исключительно вошли книги к этой кампании. В рубрику «быт» школьного спроса вошли совсем другие книги, чем в ту же рубрику свободного спроса. Это почти исключительно книги из жизни деревни, которые мало спрашиваются детьми по собственному почину. В рубрику «техника» вошли книги по добыче угля, а любимые детьми книги по радио и авиа совсем не спрашивались. Сказки, приключения, книги старого быта совсем отсутствуют в школьном спросе. Эта разработка только подтвердила сделанное а priori заключение. Я не хочу сказать, что дети с неудо-

вольствием читают книги, заданные школой. Школа рекомендует хорошую детскую книгу и произведения классиков, но служа целям обучения, книга эта не всегда соответствует интимным влечениям каждого читателя.

Включение этих опросов в общую разработку только испортило бы материал.

Спрос в читальне и в абонементе

Перейдем к вопросу, имеющему для библиотекарей большое практическое значение: сравнению спроса в читальне и в абонементе. Спрос детей во всех читальнях разрабатывается отдельно от спроса в абонементе. Этим дана возможность сравнить тот и другой. Выяснилась очень значительная разница между ними. Так как состав читателей читальни и абонемента не одинаков (в читальне преобладают дети младшего возраста), то приходится сравнивать отдельно каждую возрастную группу. Оказывается, что одни книги больше спрашиваются в читальне, а другие в абонементе. В читальне больше спрашиваются сказки, общественно-политическая литература и книги по технике. В абонементе преобладает спрос на приключения и бытовую книгу. Это явление правильно повторяется во всех возрастах. Поэтому для иллюстрации возьмем только сравнительную диаграмму спроса младшего возраста (см. рис. 7).

Чем же объяснить эту разницу? В читальне дети избегают брать толстые книги. Они выбирают что-нибудь небольшое, чтобы прочесть это в один день. В абонементе, где детям часто приходится стоять подолгу в очереди, наоборот: им хочется принести домой толстую книгу. Кроме того, читатель наших читален не одинок.

Дети приходят в читальню часто группами. Они любят делиться впечатлениями. Иногда где-нибудь в уголке образуется небольшая группа ребят, слушающих чтение вслух своего товарища, или вместе рассматривающих книгу. Отсюда желание получить веселую смешную книгу, чтобы вместе посмеяться. Для читальни характерен такой спрос: «Дайте мне крокодила по улице ходила. Я ее знаю, но хочется посмеяться» (М. 11 л.). В читальне дети часто спрашивают книгу уже знакомую им, перечитывают и пересматривают ее. В абонементе этого не бывает по указанным уже выше причинам. Возьмем пример:

«Я видел книжку, она мне очень понравилась: как мальчик ехал в сундуке и на автомобиле» (Мальчик 12 лет).

Это характерный спрос для читальни. В абонементе дети так книгу не спрашивают. Какой же спрос правильно отражает детские интересы? Думаю, что тот и другой. На спрос влияют как внешние условия, так и воздействие товарищей, более сильное в читальне. Кроме того, дети в читальне больше поддаются педагогическому воздействию библиотекаря. Преобладание в читальне спроса на общественно-политическую литературу, успешно подвигаемую в последнее время, это подтверждает.

Выше уже отмечалось, что указание тем, которыми интересуются дети, недостаточно еще характеризует детские интересы. Тема, затрагиваемая книгой, может быть из самых любимых и книга все же не имеет успеха. Важно было бы вскрыть, какая форма книги соответствует детским интересам. Для этого нужен тщательный анализ как внешности, так и литературной формы детской книжки. Это не входило в план настоящей работы. Все же была сделана попытка очень поверхностная выяснить успех у детей читателей той или другой литературной формы.

Наибольший успех у детей имеет сказка за ней следует приключения, потом рассказ и, наконец, повесть. Другие литературные формы читаются мало.

Но литературная форма, как она взята в нашей классификации, тесно связана с содержанием книжки. Опыт работы с детьми показывает, что сами дети вкладывают в термины повесть, рассказ, приключение представление об определенном содержании книжки. Приведу пример из моей практики. Я предлагаю читателю, мальчику 12 лет, книгу Низового «В горах Алтая». Читатель возражает, что он взял бы эту книгу, «но ведь она повесть». На титульном листе книги действительно написано — повесть. Из дальнейшего разговора с читателем выясняется, что под повестью читатель ра-

Любимые авторы		
У мальчиков	У девочек	Общие.
Жюль Верн.	Бичер Стоу.	Жюль Верн.
Де-Фо.	Чуковский.	Де-Фо.
Майн-Рид.	Жюль-Верн.	Майн-Рид.
Чуковский.	Андерсен.	Чуковский.
Луслендр.	Пушкин.	Пушкин.

зумеет книгу «про старое». Думается, что наша детская литература дает основания для такого понимания. Приведенное соображение показывает, что произведенное исследование наиболее соответствующей детским интересам литературной формы дает очень мало для выяснения этого вопроса. Нужно более глубокое изучение каждой книги и каждого автора.

Какие же авторы являются любимыми детьми. Здесь надо напомнить, что большинство детей не знает авторов и спрашивает книгу, указывая на ее содержание. Примеры таких детских спросов уже приводились выше. Из всего количества 2400 спросов только 10,9% в абонементе и 4,8% в читальне называют автора. Конечно, это очень мало, но используем хоть тот небольшой материал, который у нас есть.

Заключение

Данные, добытые настоящим исследованием, вполне совпадают с тем знанием детских интересов, которое имеет каждый детский библиотекарь из своего опыта работы с детьми. Но для того, чтобы вести углубленное изучение нашего читателя, как и для того, чтобы педагогически воздействовать на него, нужно уточнить наше смутное знание, перевести его на язык цифр. Думается, что описанная здесь работа сумела это сделать.

Примечания

- ¹ Работа секции изучения читателя Московского объединения детских библиотекарей.
- ² Инициал автора статьи Е. Гастфер дан в «Красном библиотекаре» ошибочно (прим. редакции «Детских чтений»).

Ю. Познякова

ОПЫТ СРАВНЕНИЯ ДЕТСКИХ ЧИТАТЕЛЬСКИХ ИНТЕРЕСОВ ПО МЕТОДУ СПРОСА ЗА 1925 И 1928 ГГ. (1929)

*Впервые опубликовано в: Красный библиотекарь. 1929. № 8–9
(10–11), окт.-нояб. С. 93–99.*

Регистрация спроса в 1928 г. шла по тем же основным принципам, что и в 1925 г.¹ В сборе материала участвовало 20 библиотек. Сроком регистрации было поставлено 10–14 дней. Инструкция по собиранию спроса детей почти не отличалась от инструкции, разработанной в 1925 г.

Незначительное количество запросов (1 866) объясняется теми же причинами, что и в 1925 г., т. е. перегруженностью библиотекарей и выбором книг со стола или выставки.

Приступая к обработке материала, секция считала необходимым принять классификацию материала 1925 г., допустив некоторые дополнения, не имеющие существенного значения при сравнении.

Были взяты следующие темы: приключения, быт, классики, общ.-политич., сказка, животные, революционные приключения, научные, исторические.

Из отдела «быт» была выделена литература «классики», а техника и природа объединены под одной общей рубрикой «научные».

Количественное распределение материала, по полу, возрасту и социальному происхождению почти не изменило картину 1925 г., а именно:

По полу %		
Мальчики	в 1925 г. 53,1	в 1928 г. 56,0
Девочки	в 1925 г. 46,9	в 1928 г. 49,0

По социальному происхождению группа рабочих занимает наибольшее количество. В 1925 г. — 44,4 %, в 1928 г. — 46,9 %, служащих в 1925 г. — 23,2 %, в 1928 г. — 33 %; ремесленников и кустарей

в 1925 г. — 11,5 %, в 1928 г. — 9,9 %; технических служащих в 1925 г. — 10,8 %, в 1928 г. — 8,6 %.

В возрастном отношении количество опросов 1925 г. не совпадает с 1928 г. В 1925 г. наибольшее количество опросов дали дети среднего возраста (11–12 л.) — 42,1 %, в 1928 г. первое место занимает спрос старших ребят — 43,6 %, среднего возраста — 34,8 % и младшего — 21,6 %.

Считаю нужным указать, что также, как и в 1925 г., спрос по заданию школы был выделен и обрабатывался отдельно.

Распределение материала по темам и по возрасту выявило очень резкое падение спроса на сказку даже в младшем возрасте. В 1925 г. у детей в возрасте (8–10 л.) сказка занимала 51,3 %, в 1928 г. — 31,5 %; в возрасте (11–12 л.) в 1925 г. — 20,9 %, в 1928 г. — 9 %; в старшем возрасте (13–15 л.) в 1925 г. около 10 %, в 1928 г. — 5,2 %.

Такое падение спроса на сказку объясняется очевидно отсутствием ее на рынке и в библиотеках. Постоянный отказ библиотекаря в удовлетворении спроса ребенка на сказку, конечно, должен был отразиться на самом спросе.

Какая же литература заняла в спросе детей место сказок? В младшем возрасте сказка снизилась за счет быта, в среднем и старшем возрастах — за счет приключений и быта. При этом в среднем возрасте приключения и быт стоят почти наравне, в старшем возрасте сильно возрастает спрос на приключенческую литературу.

Спрос на общественно-политическую, историческую и революционно-приключенческую с возвратом повышается.

Распределение спроса по полу еще раз подчеркнуло падение спроса на сказку и в остальном до некоторой степени повторило картину спроса в 1925 г. У девочек преобладает спрос на бытовую литературу — 48,2 %, у мальчиков — на приключенческую — 39,5 %. Интересно отметить, что классики занимают у девочек 13,7 %, у мальчиков — 5,7 %. Сказка все же девочками спрашивается чаще: у девочек она занимает 17 %, у мальчиков — 7,8 %. Но мальчики дают перевес в спросе на революционно-приключенческую, научную и общественно-политическую литературу (см. диаграммы №№ 1 и 2).

Кажется несколько странным такое резкое различие интересов девочек и мальчиков. Одиннадцать лет мы проводим совместное воспитание, одиннадцать лет стараемся поставить интеллектуальное развитие детей на одинаковую высоту, однако... результаты пока не видны. Девочки по-прежнему тянутся к бытовой литерату-

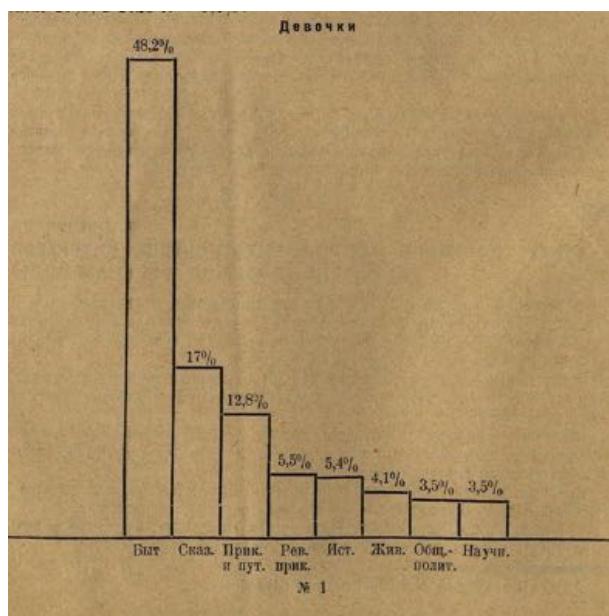

Рис. 1. Девочки

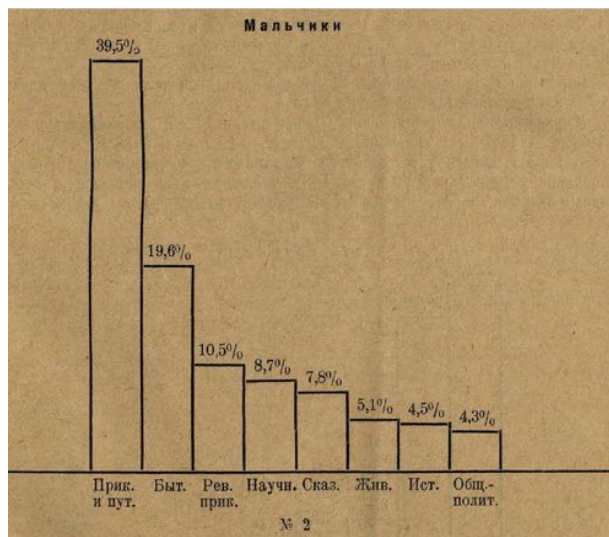

Рис. 2. Мальчики

ре, мальчики — к приключенческой. Какая же бытовая литература привлекает девочек? «Хижина дяди Тома», «Серебряные коньки», «Бродячие музыканты».

Из приключений и у мальчиков, и у девочек в прежнем почете Ж. Верн, Майн-Рид; у мальчиков — Купер, у девочек — Робинзон Крузо.

Любопытно, что «Хижина дяди Тома» — книга, которая в большинстве библиотек изъята из употребления, особенно спрашивается и мальчиками, и девочками. Кроме указанной книги у мальчиков выявился спрос на Тома Сойера и «Ташкент — город хлебный».

Из старой бытовой литературы (не переизданной) у девочек живет: Олькот, Лэди Джен, Лорд Фаунтлерой и даже Чарская, у мальчиков — Лорд Фаунтлерой.

Классики у девочек и мальчиков спрашиваются почти одинаково. На первом месте стоит Пушкин, затем — Толстой и Гоголь, Тургенев. Может быть, характерно для общей картины спроса появление в репертуаре чтения девочек Диккенса, мальчиков — Горького.

Интерес к исторической литературе опять-таки подчеркивает специфичность чтения девочек: так, девочки просят книгу о крепостном праве, мальчики — о рыцарях, о средневековье и первобытном человеке.

Научная книга вызывает интерес девочек очевидно своей служебной стороной, как подсобная к школе — это биографии классиков, природа. Мальчики больше откликаются на злобу дня, их интересуют путешествия и, главным образом, на север. Появление этого спроса связано с экспедицией «Красина».

Что касается общественно-политической книги и революционных приключений, то здесь встречается и у мальчиков, и у девочек одна и та же книга: Октябрь, Ленин, Макар следопыт, Ванька Огнев и т. д.

Спрос детей в зависимости от социального происхождения при сравнении с 1925 г. опять-таки дает снижение сказок.

В процентном отношении сказка у рабочих в 1925 г. выражалась в 24,6 %, в 1928 г. — 11,7 %; у служащих в 1925 г. — 15,7 %, в 1928 г. — 9,8 %.

В 1925 г. сказка у детей рабочих занимала доминирующее положение, теперь она уступает место быту (34 %), у служащих ее снижение приходится, главным образом, за счет приключений и быта (см. диаграммы №№ 3 и 4).

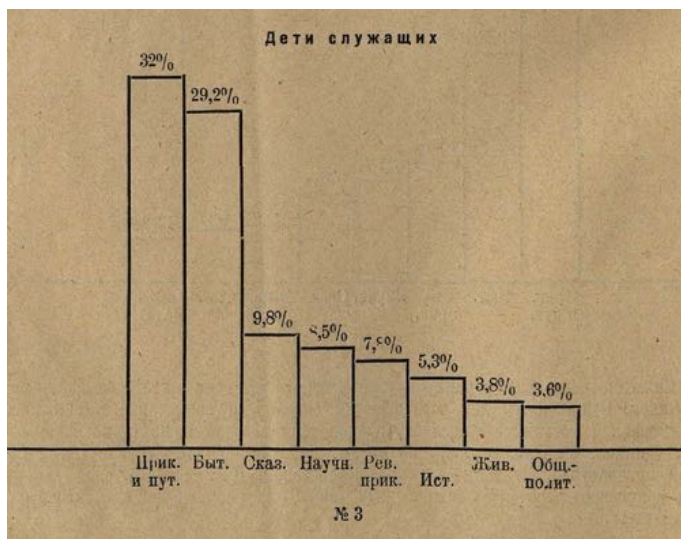

Рис. 3. Дети служащих

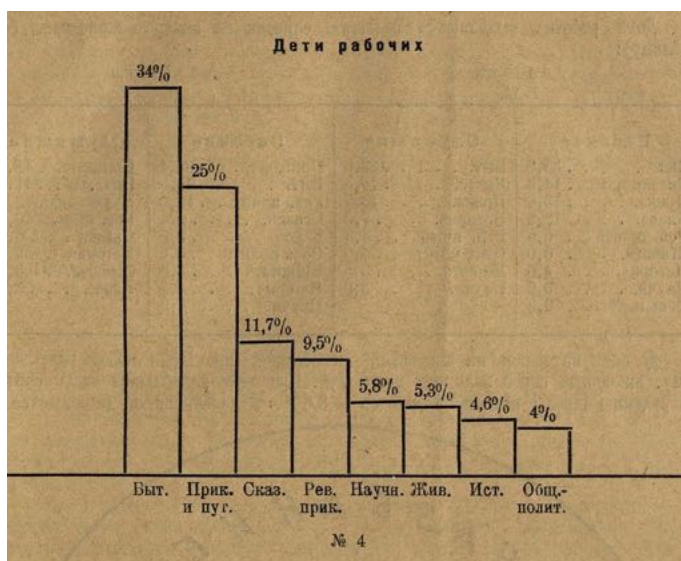

Рис. 4. Дети рабочих

Остальные темы интересуют детей одинаково. Исключение составляет научная книга, на которую у служащих падает 5,9%, у рабочих — 3,4%.

Предположение т. Гастфер в статье о спросе 1925 г. (см. «Красный библиотекарь» № 7, 1927 г.) о том, что дети рабочих оказываются менее грамотными и развитыми читателями, остается в силе.

Интересы детей технических служащих и кустарей так же, как и в 1925 г., почти совпадают, и их можно рассматривать, как одну группу.

Интересно отметить, что сказка у последних двух категорий занимает больший процент, чем у служащих и рабочих.

Дети технических служащих В %		Дети кустарей и ремесленников В %	
Быт.	32,3	Быт.	33,5
Прикл. и путеш.	23,5	Прикл. и путеш.	30,8
Сказки	14,5	Сказки	15,4
Рев. приключения	8,0	Рев. приключения	5,6
Историч.	6,5	Историч.	4,2
Животн.	5,6	Животн.	4,2
Общ.-полит.	5,6	Научн.	3,5
Научн.	4,0	Общ.-полит.	2,8

Если рассматривать спрос детей по двум разрезам — социального происхождения и пола, — оказывается, что у девочек группы рабочих и служащих интересы почти совпадают. Некоторый перевес дает группа служащих в спросе на общественно-политическую литературу, историческую и классиков.

Дети рабочих выделяются большим спросом на книгу о животных (см. таблицу):

Девочки В %		Мальчики В %	
Рабочие	Служащие	Рабочие	Служащие
Быт.	35,9	Приключ.	34,1
Сказки	14,6	Быт.	16,5
Прикл.	13,6	Рев. прикл.	12,0
Класс.	12,9	Сказки	9,4
Рев. прикл.	6,5	Класс.	3,9
Животн.	6,0	Общ. полит.	5,3
Историч.	4,6	Животн.	4,8
Научн.	3,6	Историч.	4,5
Общ. полит.	2,3	Научн.	7,5
		Прикл.	45,3
		Быт.	11,2
		Научн.	12,5
		Рев. прикл.	10,0
		Сказки	6,1
		Историч.	3,8
		Животн.	3,8
		Класс.	3,1

Деление материала на школьный и свободный спрос дало любопытную картину: школьный спрос занимает всего 7%. При этом

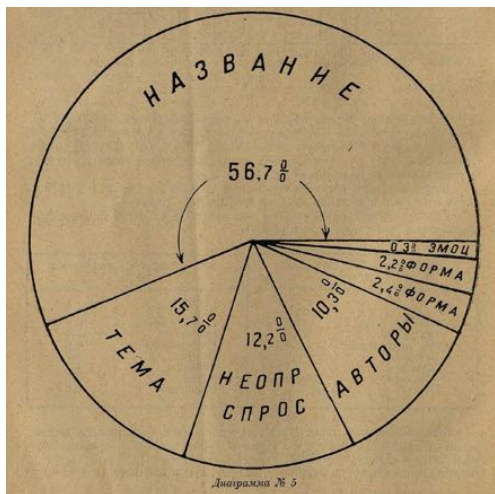

Рис. 5. Диаграмма № 5

наибольшая часть спроса по заданию школы падает на девочек — 8,6 %, у мальчиков он выражается в 4,5 %. Что спрашивают? Главным образом, классиков и новую литературу («Ташкент — город хлебный») — 61 %, затем общественно-политическую литературу. Выявляется интерес к литературе об Октябре, что, по-видимому, стоит в зависимости от времени сбора материалов спроса (конец октября, начало ноября). На другие темы: природа, техника, быт и пр. единичныепросы.

Не всегда дети спрашивают книгу по заглавию, автору или теме, есть у детей и спрос неопределенный: «дайте что-нибудь», или выражающий какую-то эмоциональную направленность интереса: «дайте жалостную», или «смешную», или выявляющий интерес к внешности книги: «толстую», «тонкую» и т. д. (см. диаграмму № 5); интересы девочек и мальчиков в этом разрезе несколько расходятся: девочки просят «жалостную» книгу, страшную, мальчики — смешную. В спросе по форме и формату:

Форма	у девочек — 3,7%,	у мальчиков — 1,3%
Формату	— 3,6%,	у мальчиков — 0,8%

В итоге описанной здесь работы секции напрашиваются выводы: а) падение спроса на сказку и технику, б) повышение спроса

на приключенческую литературу, в) некоторое снижение спроса на общественно-политическую литературу.

О причинах изменения детских интересов сравнительно с 1925 г. отчасти уже говорилось выше. Возможно, что падение интереса к сказке не отражает действительного отношения детей к ней. Но в библиотеках сказок нет, и дети их не спрашивают.

Много зависит от комплектования библиотек. В 1925 г. в библиотеках появились такие книги, как Бонд — «У героев техники», Рымкевич — «Труд и техника», Джибсон — «Великие изобретения» и др., кроме того, начиналось радио-строительство. За последние годы отдел техники в библиотеках почти не пополнялся, увлечение радиотехникой у детей убывает. Интерес к общественно-политическим вопросам у детей, несомненно, есть, особенно к вопросам дня. Это подтверждает и статистика вопросов детей в справочных ящиках московских библиотек. И этого естественного интереса библиотеки не удовлетворяют литературой, так как на рынке ее нет.

Повышение спроса на приключенческую литературу предположительно можно отнести за счет эпохи, необычайно динамичной в смысле нового строительства.

Примечания

¹ См. Красный библиотекарь. 1927. № 7. Статья Гастфер.

*Подготовка статей архивной рубрики к републикации:
А. Димьяненко и О. Лучкина*

ИССЛЕДОВАНИЯ

Анна Сенькина

ШКОЛЬНАЯ КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ПАРЛАМЕНТЕ, ИЛИ ОБ ОДНОМ ЭПИЗОДЕ ИЗ ИСТОРИИ ЦЕНЗУРЫ И КРИТИКИ УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье рассматривается уникальный для российской истории прецедент, когда хрестоматия для начальной школы стала предметом парламентской дискуссии. В марте 1913 г. группа членов Государственного совета, принадлежавших к правому крылу, обратилась с запросом к министру народного просвещения «по поводу допущения к классному употреблению в начальных училищах» 3-ей части книги для чтения «Новь» Н. Тулупова и П. Шестакова. Интерпеллянты утверждали, что в «Нови» и в ряде других учебников для начальной школы, одобренных министерством, тенденциозно подобранные составителями тексты имеют антимонархический и антигосударственный характер, настраивают одно сословие против другого, убивают в народе религиозность и развивают антимилитаристские настроения. Вовлеченные в прения парламентарии оказались в необычной для себя роли литературных критиков, руководителей детского чтения и экспертов начального образования. Анализ этого казуса, его предыстории и самой дискуссии в Госсовете позволяет увидеть, что в межреволюционное десятилетие на поле образовательной политики, помимо государства, появились другие институциональные игроки: земства, училищные и попечительные советы при школах, учительские общественные организации, педагогическая периодика, а впоследствии и политические партии. В отсутствие учебных программ для начальной школы содержание обучения фактически определялось той учебной литературой, которую

Анна Александровна Сенькина
независимый исследователь,
Санкт-Петербург
anna_senkina@list.ru

закупало земство для школ своего уезда, выбирая из обширного списка допущенных министерством изданий. При этом государственная цензура не была препятствием для активной деятельности либерально настроенных педагогов по изданию и продвижению учебников, что и спровоцировало столь сильную реакцию правых консерваторов. Книга для чтения стала предметом политической борьбы за возможность определять идеологическую повестку народного образования.

Ключевые слова: народная школа, Государственный совет, право-монархическая критика, книга для чтения, цензура учебной литературы, Н. В. Тулупов, П. М. Шестаков, В. П. Вахтеров, Э. О. Вахтерова

Господа, дурного ученика всегда — я это утверждаю — можно исправить, если знать и любить детей. Дурного преподавателя тоже исправить можно, потому что преподаватели, — люди развитые, понимают, что им говорят, можно с ними столкнуться, а, наконец, не исправится, не столкнешься — сменишь; а с дурною книгою гораздо труднее бороться, с книгою, которая действует в десятках тысяч мест и в особенности, когда на ней стоит штемпель допущения, рекомендации Ученого Комитета.

Из выступления кн. Д. П. Голицына-Муравлина на заседании Государственного Совета 6 марта 1913 г.
[ГС 1913, 1006 — 1007]

Уездный предводитель дворянства против Министерства Народного Просвещения

В марте 1913 г. в Верхнюю палату парламента Российской Империи от тридцати двух сенаторов поступило заявление к министру народного просвещения «с запросом по поводу допущения к классному употреблению в начальных училищах учебного руководства по русскому языку „Новь“ (кн. III) Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова» [Тулупов, Шестаков 1909–1910], что, с одной стороны, вызвало немалое удивление среди участников заседания, а с другой — переросло в острую полемику между право-монархической и либерально-демократической частями парламента о содержании начального образования. Главным инициатором запроса был действительный статский советник, член Государственного совета,

уездный предводитель дворянства и почетный мировой судья Кирсановского уезда Тамбовской губернии В. М. Андреевский (1858 — 1943). В автобиографии, написанной в Париже в 1930-м г., он вспоминал:

За время моего пребывания в Государственном Совете мне пришлось два раза выйти из рамок обычного течения дел в Верхней Палате. Один раз это было внесение мною законопроекта о «Сокращении числа неприсутственных дней». <...> Второй раз, по возбужденному мной вопросу, выступление мое увенчалось полным успехом. Дело было типичное и... скандальное. Началось оно в Кирсанове, на уездном земском собрании. Земской Управой был произведен расход на приобретение для земских школ новой хрестоматии г.г. Тулупова и Шестакова, изд. Сытина в Москве. Хрестоматия эта была одобрена и рекомендована для начальных школ Ученым Комитетом Министерства Народного Просвещения и выписана Управой по указанию Инспектора Народных школ. Члены ревизионной комиссии, проверяя отчетность Управы, заинтересовались этой новой хрестоматией, — прочитали ее и пришли буквально в ужас от ее содержания [Андреевский 1930].

Итак, поводом для обращения в Государственный совет стала закупка Кирсановской земской управой новой хрестоматии для начальных народных училищ, содержание которой у консервативной части промонархически настроенных гласных вызвало крайне негативную реакцию. Земство (вероятно, не без давления Андреевского) отказалось от распространения в школах уезда книги для чтения «Новь». Казалось бы, проблема была решена на местном уровне и без обращения в вышестоящие инстанции. Но при этом возник некоторый юридический казус: принятое решение выходило за рамки компетенции земства и фактически являлось превышением его полномочий, поскольку книга для чтения была одобрена Министерством народного просвещения (далее — МНП). Андреевский, будучи профессиональным юристом, хорошо это понимал, и в начале своей речи на заседании в Государственном совете отметил:

Такое постановление земского собрания не может не обратить на себя внимания уже в силу того, что оно касается области надзора за школьными руководствами, которое, как Вам известно, принадлежит Министерству Народного Просвещения. <...> Но, если обратить внимание на то, что по закону (ст. 3473 т. II, ч. I) в начальной школе допускается употребление только руководств, допущенных Министерством, и что, с другой стороны, названная «Новь» была допущена, то оказывается,

что представители земств вошли в разногласие с Министерством по поводу данной книги. Хотя, конечно, мнение одного земского собрания не может иметь решающего значения в данном вопросе, однако отрицательное отношение представителей земства к книге, одобренной Министерством, не может не остановить нашего внимания [ГС 1913, 975]¹.

Далее в своей речи предводитель кирсановского дворянства неоднократно пояснит, что само министерство, допустившее данную книгу для чтения к использованию в народных школах, совершило куда более серьезное отступление от закона:

Дело в том, что, допуская учебник в начальную школу, Ученый комитет должен иметь в виду ту цель, которую преследует названная школа. Цель эта изложена в статье 3469 тома XI части 1. Цель эта следующая: «кроме сообщения первоначальных сведений, начальная школа должна утверждать религиозные и нравственные понятия в народе» [978].

Однако за стенами Верхней палаты парламента осталась другая история, предшествующая покупке новых учебников в Кирсановском уезде, о которой Андреевский знал, но умолчал. В сентябре 1910 г. инспектор народных училищ Кирсановского уезда И. Ахтырский в отчете для земской управы отмечал: «К сожалению, некоторые из принятых руководств, а именно: книга для чтения „Добрые семена“ Баранова и задачник Гольденберга, несмотря на некоторые достоинства, нельзя признать удовлетворяющими своему назначению. Ввиду того, что замена одного учебника другим является вопросом первой важности, я не нашел возможным ввести новые руководства без предварительного сношения с учащими и предложил им дать отзыв и заключение о качествах упомянутых руководств» [Ахтырский 1911, 118]. Ахтырский обратился к народным учителям уезда с просьбой оценить имеющиеся в школах учебники, и на его запрос отозвались 75 человек², из которых лишь трое признали книги для чтения «удовлетворительными», но превышающими объем трехлетнего обучения, остальные же высказались весьма критично и оценили две названные книги как «совершенно неудовлетворительные». На основании этого опроса инспектор вместе с Училищным советом приняли решение со следующего 1911–1912 учебного года во всех школах переходить на новые учебники «с таким расчетом, чтобы потребная на приобретение их сумма не превышала сметного назначения» [Там же, 119]. Это не противоречило действующему законодательству, поскольку, согласно Положению о начальных народных училищах 1874 г., вся

ответственность за учебно-воспитательную деятельность возлагалась на директора и инспектора начальных училищ, назначаемых МНП³, а «снабжение училищ, по мере средств, учебными пособиями и руководствами, одобренными министерством народного просвещения и духовным ведомством, по принадлежности» возлагалась на Уездный Училищный совет [Положение 1874, ст. 29. ч. 2].

Прежде чем выбрать новый учебник, инспектор вступил в диалог с народными учителями и, заручившись мнением большинства, инициировал решение заменить устаревшие учебники на новые, одним из которых и стала «Новь» Тулупова и Шестакова⁴. В результате для начальных народных училищ Кирсановского уезда была закуплена книга для чтения, одобренная Ученым комитетом МНП, которую выбрали и допустили к обучению директор, инспектор и уездный Училищный совет и на выбор которой могли повлиять сами народные учителя. Однако предводителю уездного дворянства удалось убедить земство изъять закупленный учебник. По всей вероятности, Андреевский хорошо понимал волонтаристский характер своих действий и хотел узаконить подобное решение, получив поддержку со стороны парламента, поэтому и организовал масштабную кампанию против одного отдельно взятого учебника в Государственном совете, что само по себе стало уникальным прецедентом.

Предыстория «Нови»

Прежде чем перейти к разгоревшейся в Государственном совете дискуссии о книге для чтения, необходимо сказать несколько слов об истории появления этого учебного пособия. Имена авторов-составителей «Нови» Николая Васильевича Тулупова (1863 — 1939) и Петра Михайловича Шестакова (1862 — 1914) в начале XX в. были хорошо известны в педагогическом сообществе. Они принимали активное участие в организации народных чтений в Московском комитете грамотности, во время Первой русской революции входили в оргкомитет Всероссийского учительского союза. Не примыкая ни к одной партии, они открыто придерживались либерально-демократических взглядов. С 1906 г. Тулупов и Шестаков вместе начали издавать журнал «Для народного учителя», в котором печатали современные работы отечественных и западных педагогов, в том числе теоретиков так называемой новой педагогики, отстаивающих гуманистические принципы в образовании и ориентированность обучения на личность ребенка. Оба педагога

постоянно преподавали на столичных и губернских учительских курсах. Помимо столь активной общественно-педагогической деятельности, их объединяло совместное литературно-педагогическое творчество: они занимались созданием «доступной» литературы для детей, от переложения сказок и составления сборников стихотворений классиков для дошкольников до издания популярных очерков по истории России для юношества. Для полноты картины следует отметить, что «Новь» была уже четвертым учебным руководством, которое они составили для начальных народных школ⁵, а к моменту закупки в Кирсановском уезде эта книга для чтения вышла уже 5-м изданием.

Наибольшее признание среди педагогов получила их другая книга для чтения — «Новая школа», изданная в революционные 1905–1907 гг. Протицирую несколько фрагментов из рецензий критиков:

Книги гг. Тулупова и Шестакова не нуждаются в рекомендации. Достаточно указать на количество выдержанных ими в несколько месяцев изданий. Прекрасное знакомство с душою ребенка и с детской литературой, необыкновенно умелый подбор материала, таковы их основные достоинства («Парус», № 47) [цит. по: Для народного учителя 1908, 35];

«Новая школа», составленная весьма известными педагогами, стремится дать для чтения деревенского школьника материал, который живо возбуждал бы в нем работу маленьких мысли и чувства и дал бы возможность им вырасти в сильную мысль и сильное чувство любви к природе, к труду, к ближним и к родине. Книга составлена из выдержек из лучших наших писателей, в том числе многих новейших, и обильно иллюстрирована снимками с картин лучших русских художников (Нижегородская Земская газета, № 35) [цит. по: Для народного учителя 1908, 35];

Выбор произведений — интересный, разнообразный и жизненный. Здесь собраны небольшие рассказы и очерки, целиком или в сокращениях, Л. Толстого, В. Дмитриевой, В. Радича, К. Станюковича, П. Засодимского, Мачтета, Н. Перова, Г. Петрова, Н. Телешова, В. Попова, К. Баранцевича и др.; стихотворения Ф. Гаврилова, В. Немировича-Данченко, Ф. Шкулева, В. Смирнова, С. Дрожжина, И. Сурикова, И. Белоусова и др. Имена остальных авторов, более или менее обычных в хрестоматиях, мы, конечно, не приводим. Особенно приятно поражает присутствие в хрестоматии произведений польских писателей В. Сырокомли, Г. Сенкевича, М. Конопницкой, а также русских писателей из народа. Хрестоматия не начинается подогретым «патриотическим» стихотворением, как это принято в книгах известной части

педагогов, не заканчивается каким-нибудь туманным молитвенным богословствованием [Александров 1906, 27].

Восхищаясь выбором произведений, рецензенты не упоминали о том, что в оглавлении третьей части «Новой школы» среди названий подразделов встречаются заголовки: «К свету!», «За правду!», а также «Свобода», «Равенство» и «Братство», хотя сложно было не заметить, что последние три соответствовали национальному девизу Французской республики «*Liberté, égalité, fraternité*». Такая книга для чтения не могла получить и не получила одобрения Ученого комитета МНП, а соответственно официально не была допущена в начальные народные училища, что тем не менее не помешало ей получить широкую известность и неплохо продаваться в розницу, о чём косвенно свидетельствует количество переизданий и хвалебных рецензий в провинциальных газетах. Несмотря на резкое изменение политического климата в последующие годы и на традиционалистский поворот политики правительства П. А. Столыпина, «Новая школа» с некоторыми изменениями продолжала печататься: в 1911 г. она вышла 13-м изданием, и, если верить данным на титульном листе, суммарный тираж издания к этому времени составил 261 тысячу экземпляров — огромная цифра для издания тех лет. Но это едва ли было сопоставимо с тиражами и прибылью, которую можно было получить при организованной закупке учебников народными школами и училищами через земства. Видимо, в том числе и по этой причине, Тулупов и Шестаков в наступившие после поражения революции годы реакции запустили параллельный проект — начали издавать другую хрестоматию под названием «Новь», содержание которой было приведено в большее соответствие с министерскими ожиданиями, что позволило получить разрешение Ученого комитета при МНП, а значит допуск книги к обучению в народное школе.

При сравнении этих двух книг для чтения Тулупова и Шестакова бросается в глаза совпадение основного корпуса текстов и иллюстраций. Изменения главным образом коснулись названий разделов и подразделов, которые маркировали революционный дух «Новой школы». В «Нови» составители внесли изменения в рубрикацию, сделав ее более традиционной (или, скорее, более привычной) для хрестоматий, используемых в народных школах начиная с Ушинского, и при этом сохранили львиную долю контента. Так, вместе с перечисленными выше «революционными» разделами была исключена часть входивших в них текстов, но далеко не все. Например,

басни И. А. Крылова «Гуси» (из «Братства») и «Мартышка и очки» (из «К свету!») сохранились и вошли в новый раздел «Басни дедушки Крылова». Заметим, что выделение басен Крылова в самостоятельный отдел книги для чтения было очень популярно у составителей школьных хрестоматий во второй половине XIX в., но в начале XX в. казалось уже излишним, количество басен в целом сокращалось, составители книг для чтения уходили от назидательности и дидактики. Велика вероятность, что Тулупов и Шестаков, прекрасно это понимавшие, сознательно пошли на внешнюю архаизацию своей новой книги.

«Новь», перекроенная из «Новой школы», в педагогической прессе получила весьма сдержанные и скорее разочарованные отзывы — процитирую наиболее яркие из них:

Материал, взятый авторами почти исключительно из книжек Л. Толстого и Ушинского (несколько ст. В. Водовозова, М. Богданова и др.), распределен ими довольно последовательно и разнообразно многими, как устными, так и письменными видами упражнений для развития речи. <...> Издана книжка тщательно, печать крупная, рисунки порядочные [Русский начальный учитель 1909].

Выпуская книгу под таким ответственно-звучным заглавием, гг. составители старались «быть с веком наравне». <...> Но даже при беглом перелистывании «Нови» бросается в глаза повторение образцов «Родного слова». Перед вами мелькают все эти вещицы — так широко распространенные, благодаря Ушинскому: «Репка», «Лиса и журавль», «Петушок», «Дятел», «Зайка», «Мужик и медведь», «Пчелки на разведке», «Колобок» и т. д. <...> И, конечно, народные сказки, песни, шутки, стихи Пушкина, Некрасова, Фета — общее достояние (в пределах законов об авторской собственности относительно последних двух) [Налимов 1909а, 9–10].

Вторая часть «Нови» опять весьма чистенький сборник с позаимствованиями из «Родного слова» и с усовершенствованиями, становящимися общепринятыми. Статьи для чтения подбираются у наших лучших литературных сил — старых и позднейших [Налимов 1909б, 8–9].

Из «Новой школы», содержавшей открытые манифестации «революционности», авторы-составители убрали соответствующие акценты, перекомпилировали содержание и выпустили нейтральную по структуре и содержанию книгу для чтения «Новь», которая прошла проверку в МНП и была допущена к использованию при обучении в народных школах. И именно этот учебник вызвал негодование и резкую критику правых.

Дебаты и прения в Государственном совете

Заседания по запросу 32-х сенаторов о «допущении к классному употреблению в начальных училищах учебника Тулупова и Шестакова „Новь“» в Государственном совете проходило дважды: 6 марта 1913 г. обсуждалось само заявление и 24 апреля был заслушан ответ министра народного просвещения Л. А. Кассо. Со стороны подписавших заявление помимо В. М. Андреевского выступали представители правой группы парламента, члены «Союза Русского Народа»: председатель Курской земской управы М. Я. Говоруха-Отрок, писатель, романист, председатель Русского Собрания князь Д. П. Голицын-Муравлин и предводитель уездного дворянства и председатель Псковской земской управы С. И. Зубчанинов. Главными оппонентами и защитниками «Нови» стали три академика: историк Д. И. Бегалей и востоковед С. Ф. Ольденбург, оба члены Конституционно-демократической партии, а также историк, юрист, социолог М. М. Ковалевский, лидер Партии демократических реформ.

В запросе утверждалось, что «Новь» не соответствует задачам начальной школы, которая должна «утверждать религиозные и нравственные понятия в народе». Комментируя эту цитату из закона, Андреевский пояснял: «Очевидно, что к нравственным понятиям в данном случае следует относить сознание своих государственных обязанностей, чувства долга перед родиной и любовь к отечеству» [978].

Резкую критику со стороны интерpellянтов в первую очередь вызвал исторический раздел «Нови» «Рассказы из нашего прошлого». Андреевский утверждал, что книга, с одной стороны, «в высшей степени односторонне и тенденциозно излагает прошлое нашего отечества и допускает на своих страницах тенденциозное и отрицательное отношение к войне и военной доблести», с другой стороны — «все те страницы нашей истории, которые могли бы поднять национальную гордость, возбудить в учащихся чувство патриотизма, все эти страницы или обходятся молчанием составителями учебника или излагаются очень кратко» [975]. Из его речи следовало, что главный вред от этого учебника в том, что он намеренно искажает прошлое страны, а это приводит к формированию неверных представлений у учеников о собственном государстве. Остановливаясь на примерах исторических сюжетов, о которых тенденциозно умолчали составители, он перечислял:

Завоевание Сибири, покорение Казани пропущено совершенно. Подвиги героев 1612–13 гг. изложены очень кратко, точно так же, как и военные подвиги времен Петра I и Екатерины II. Ничего не сказано о приобретении Польши и покорении Кавказа. Наконец, ничего не говорится про борьбу 1877–1878 гг., борьбу наших братьев по вере и крови, эпизоды которой могли бы, казалось, дать такой богатый материал для воспитания будущих граждан величайшего славянского государства [975–976]⁶.

Общий вывод Андреевского сводился к тому, что «Новь» — это «книга, в которой замалчиваются лучшие, блестящие страницы русской истории»; «в которой рассказываются про ужасы войны и проповедуются антимилитаристические идеи, такая книга не могла и не должна быть допущена для употребления в начальной школе» [978].

Оппоненты легко отклоняли эти обвинения, утверждая, что они голословны и носят слишком общий характер. Так, Бегалей, вслед за Андреевским, перечислял состав исторических рассказов «Нови»:

Вопреки утверждению авторов запроса, что в этой книге упущены все страницы, которые могут дать каждому из нас, русских граждан, мысль о нашем прошлом национальном величии, я утверждаю, что это мнение находится в противоречии с содержанием книги. <...> Здесь Вы увидите такие статьи, как принятие христианства, как распространение просвещения, великолепную характеристику «добротного страдальца за Русскую землю» Владимира Мономаха, очерк деятельности героя нашего Севера Александра Невского, биографию красы Московского монашества Сергия Радонежского, победителя татар и Мамая Князя Дмитрия Донского, смелого поборника правды Московского Митрополита Филиппа, присоединителя Малой России к Великой России Богдана Хмельницкого, Петра Великого, Екатерины, Суворова со всеми его военными необычайными подвигами, изложение Отечественной войны и подвигов героев обороны Севастополя и, наконец, деятельности Великого реформатора Русской земли Императора Александра II [984].

Любопытно отметить, что заданные интерpellянтами направления критики «Нови» определили ситуацию, в которой члены либерального крыла старались доказать, что книга, наоборот, имеет в высшей степени патриотическую и православную направленность. Завершая анализ исторической части учебника, Бегалей заключал:

Перечисленные мною статьи несомненно вызывают любовь к Православной вере, к государству, к военной доблести, которая служит опорой государства, просвещению народа и вообще к нашему прошлому. Органически невозможно допустить, чтобы авторы книги, так тепло говорящие о Православии и монашестве — (о Киево-Печерской и Троице-Сергиевской лавре), имели антирелигиозные тенденции, — так ярко изображающие доблестные подвиги Суворова и севастопольцев, отрицательно относились к войне... [984].

Дебаты относительно содержания исторической главы «Рассказы из нашего прошлого», которая занимала 1/5 ее основного объема (78 из 383 стр.), составили большую часть парламентского обсуждения. Споры велись уже не только о самом учебнике, но и о том, как подавать детям опрочину и общую роль Ивана Грозного в истории России, прогрессивность и жестокость реформ Петра Первого и Екатерины Великой, ужасы крепостного права и др., — и доводы и аргументы сторон были вполне предсказуемы. Правым не нравилось, во-первых, что, «мы, т. е. точнее гг. Тулуповы, коверкаем душу ребенка мрачными страницами из нашей истории, насаждением ненужного и ложного критицизма и заражаем его душу сомнением в своих силах» [980] и, во-вторых, что «всякий порыв, всякое благородное влечение к великому прошлому, понижается постепенно, незаметно и неуклонно» [1015].

Академик Ольденбург, в свою очередь, изобличал авторов запроса в тенденциозном понимании патриотизма, согласно представлениям которых,

...надлежит выставлять определенно и ярко светлые стороны исторической жизни народа и не останавливаться темных сторонах. Думается, что такое толкование патриотизма, во-первых, односторонне, а во-вторых, скажу не достойно великого народа. Великому народу нечего бояться своих ошибок: мы отлично знаем, что на долгом протяжении нашей истории мы делали ошибки и переживали тяжелые годы, но мы с гордостью сознаем, что выходили из этих тяжелых испытаний победителями, мы учились на своих ошибках, и я не думаю, чтобы было антипатриотично показывать нашим детям, что было время, когда мы ошибались [998].

Третья тактика защитников «Нови» состояла в том, что, парируя замечания к исторической части книги, они отмечали, что «пропустили, на которые указывают авторы записки, несомненно существуют, но „Новь“ не учебник по русской истории — это хрестоматия по русскому языку» [984].

Не менее любопытная дискуссия ожидаемо развернулась при обсуждении отбора художественных произведений для детского чтения. С одной стороны, интерpellянты предъявляли те же упреки в отсутствии патриотизма и антимилитаризма, что и к исторической части:

Переходя, засим, к литературной части названного руководства, не указать на то, что в нем помещены повести и стихотворения, отрицательно относящиеся к военной службе и к военным доблестям. На страницах учебника, предназначающегося для крестьянских детей, нашли себе место отрывки из Гаршина «На войне» и стихотворение Фруга «Светлое будущее», где поэт говорит о счастливым времени, когда будет всеобщий мир и когда «иною доблестью и славою гордиться будет человек». Не входя в оценку антимилитаризма, я думаю, что помещение этих идей в учебник, рассчитанный для крестьянских мальчиков, явно тенденциозно [976].

В ответ Ольденбург полностью зачитал вслух упомянутое стихотворение С. Г. Фруга, доказывая, что «ничего, конечно, антимилитарного Вы в нем не найдете, найдете лишь ту благородную мечту о мире всего мира, которую признают и военные...» [1003].

С другой стороны, обвинения правых предъявлялись не без оглядки на актуальный литературный канон. Ковалевский отметил любопытную закономерность в оценке ими литературных отрывков составителей запроса:

...странность всего заявления, что введение идей антимилитаризма тем более тенденциозно, что отрывки, проникнутые этими идеями, не представляют чего-либо выдающегося. Из этого можно было бы заключить, что если бы такие отрывки представляли тут, скажем, ту глубину соображений и ту яркость красок, какую представляют сочинения Толстого, действительно проникнутые антимилитаризмом, то тогда подписавшие это заявление, может быть, и не сделали бы своего запроса [1009].

По сути, он уличал заявителей в том, что они «вчитывают» свои идеологические интерпретации в первую очередь в произведения авторов, не возведенных на литературный олимп, и боятся критиковать тех, кого уже возведен в ранг классиков — «корифеев» отечественной литературы. Академик провокационно заявлял:

Жалеть ли о том, что авторы хрестоматии, вместо того, чтобы привести сочинение Фруга, не цитировали четверостишия Пушкина. Вот оно:

«Он говорил о временах грядущих, когда народы, распри позабыв в великую семью соединятся. Мы жадно слушали поэта». Уж не скажете ли Вы, что автор «Клеветникам России» был антимилицарист? [1010].

Одновременно с этим и сами интерpellянты среди прочих изъяснов по литературной части инкриминировали «Нови» использование текстов некачественных писателей. Андреевский возмущался тем, что в книгу для чтения включены недостаточно известные современные авторы: «Вообще, кажется, господа составители „Нови“ не преследовали цели дать лучшие образцы родной речи, по крайней мере наравне с именами Пушкина, Тургенева и Толстого встречаются имена совершенно второстепенных и даже малоизвестных писателей, вроде Гринченко, Ефименко, Сергеенко, Серафимовича и т. п.» [978]. Говорухо-Отрок продолжил этот список примерами из книги для чтения Вахтеровых, которая, по его мнению, была опаснее «Нови» (об этом пойдёт речь ниже): «Я должен еще отметить то, что в этой книге есть такие авторы, о которых никто не слышал, например: Кизеветтер, Рунеберг, Судержавский⁷, Серошевский, Крондиевский⁸. Казалось бы, это не те авторы, с которыми нужно знакомить русских крестьянских мальчиков в хрестоматии» [992]. Бегалей в ответ на это намекал на недостаток образованности своих оппонентов: «Что касается до трех-четырёх мало известных имен, то здесь я должен внести некоторую поправку, сказать, что эти имена оказываются малоизвестными только авторам запроса, но они довольно хорошо известны в нашей педагогической литературе и критике...» [987]. К этому стоит добавить, что все перечисленные критиками «Нови» писатели были социалистами, то есть принадлежали к противоположному идеологическому лагерю.

Выступающие «за» и «против» книги для чтения «Новь» прежде всего пытались не переубедить друг друга — их позиции, очевидно, были не совместимы и непреложны, — а склонить на свою сторону как можно больше остальных членов Государственного совета. Очевидно, преследуя эту цель, тот же Бегалей восторженно зачитывал вслух примеры, включенных в «Новь» стихотворений, воспевающих Россию:

...я не могу не привести той заключительной статьи в этой книге, которая помещена в конце отдела «Родиноведение» и которая одинаково захватывает и школьников, и нас. Это чудное стихотворение Никитина «Русь». <...> Господа, можно ли было выбрать лучшее художественное воспроизведение разнообразия природы нашей России и неужели

после этого можно говорить, что авторы книги не старались внушить любви к этой последней? [986–987].

Завершая короткий обзор тезисов и аргументов, прозвучавших с обеих сторон в ходе парламентских дебатов о школьной книге для чтения, приведу риторический пассаж из финальной части выступления Ковалевского:

Я ищу и не нахожу в разбираемой книге ни доказательств антимилитаризма, ни доказательств отсутствия уважения к народной гордости и патриотизму. Ничего этого нет, и чем скорее мы отклоним запрос, тем будет лучше, хотя бы потому, что в задачи высшего Законодательного Учреждения, разумеется, не входит подготовка материала для «Сатирикона» [1013].

Однако, несмотря на все доводы представителей либерально-демократического крыла, по окончании обсуждения большинством голосов запрос был принят и направлен на рассмотрение в Министество.

Книга Вахтеровых и другие «вредные учебники»

Описанная дискуссия была первым в истории деятельности Государственного совета случаем обсуждения школьного учебника для начального обучения, что вызвало немалое удивление его членов. Академики пытались убедить других сенаторов (как тогда нередко называли членов Госсовета) в том, что запрос не представляет особой важности, чтобы рассматривать его в парламенте, и только на этом основании его стоит отклонить. Бегалей подчеркнул, что «Предъявление запроса в Государственном Совете — это большое событие в его жизни», и обратил внимание присутствующих на тот факт, «что за последние 6 лет существования Государственного Совета у нас было предъявлено всего два запроса... создается презумпция в пользу особой осторожности нашей при составлении запросов и их фактической обоснованности» [981]. Его поддержал Ольденбург, начав свою речь словами: «С глубоким прискорбием прочитал я тот запрос 32 Членов Государственного Совета, который был разослан нам недавно. Мне кажется, что право запроса есть право чрезвычайное ответственное, и в настоящем запросе я не вижу той вдумчивости и того внимания, которые требуются обстоятельствами» [998]. Оба искренне недоумевали или изображали

недоумение, почему необходимо выносить на обсуждение в Государственный совет критику книги для начального обучения чтению и русскому языку, которая не понравилась членам управы одного уезда. Завершая своё выступление, Бегалей сказал:

Каждая губерния имеет много уездных земств. И вот оказывается зазвучал только одинокий голос Кирсановского земства, в то время, как даже остальные земства, той же Тамбовской губернии не подняли своего голоса. Молчат и другие земства нашей обширной России. Где же здесь голос земской России? ...все же нет никаких серьезных данных для настоящего запроса и что поэтому его следует отклонить [987–988].

У интерpellянтов, однако, имелся ответный тезис. Начиная свои выступления, как правило, с критики 3-й части «Нови», многие из выступавших переходили к разговору о том, что столь опасный учебник в современной народной школе далеко не один, а потому поднятый ими вопрос на самом деле имеет больший масштаб, делающий его достойным парламентского рассмотрения. Так, Говорухо-Отрок утверждал:

Кирсановское земство являлось не единственным в этом походе против этих вредных учебников. Большинство остальных рекомендованных учебников было похоже на ту же книжку. Все эти книжки, как например: «Живой родник», сборники Рубакина, Душечкина, Ананьина и т. п. все они проводят материалистическое мировоззрение; запросы духа в христианском понимании устранены, вовсе нет связи русской истории с Православной верой, нет указания, что жизнь и строительство русского народа шли по предначертанному русскими Государями пути, все то же отрицательное отношение к войне и завоеваниям и славе русского оружия [993].

Он несколько преувеличивал (или просто был плохо осведомлен), что среди упоминаемых им авторов и названий лишь «Живой родник», составленный коллективом учителей В. Ананьиним, В. Гусаковым, Г. Макаровым и др., получил разрешение Ученого комитета МНП [Ананьин, Гусаков 1910–1913]. Хрестоматия «Наша речь» Я. Душечкина не была допущена к классному обучению [Душечкин 1909–1912], а Н. Рубакин и вовсе не составлял учебников, а издавал научно-популярную литературу для детей и народа. В качестве главного образца «тенденциозной и революционной» книги для чтения звучала книга Василия и Эмилиии Вахтеровых «Мир

в рассказах для детей» (3-я часть) [Вахтеровы 1908]. Говорухо-Отрок в своей речи утверждал: «...и я должен сказать, что „Тулуповы и Шестаковы“ в том смысле, в каком мы их рассматриваем сейчас, являются не наиболее типичными и не наиболее по своей тенденции яркими. Таким учебником, который представляет собою тип тех учебников, которыми снабжали народные школы, является книга гг. Вахтеровых» [990].

Так ораторы незатейливо переводили разговор на критику «Мира в рассказах для детей» и только после настойчивых просьб председателя заседания М. Г. Акимова придерживаться предмета заявления возвращались к «Нови». Запрос был направлен против одной конкретной хрестоматии, которая, по мнению заявителей, ошибочно была допущена МНП, но оказалось, что это повод поговорить о более значимой фигуре в педагогике тех лет — В. И. Вахтерове и о его учебниках. Это имело свою предысторию: двумя годами ранее, в 1911 г., в Училищный совет Моршанского уезда, граничащего с Кирсановским, от предводителя уездного дворянства П. Б. Мансурова был подан доклад с требованием изъять книгу для чтения Вахтеровых, но он не нашел поддержки среди членов совета и был отклонен. М. Я. Говорухо-Отрок в своем выступлении упомянул об этом факте:

Кирсановское земство явилось не единственным в этом походе против этих вредных учебников... <...> Но изъять эту книгу [Вахтерова — А. С.] из обращения оказалось очень трудно. Во-первых, не было законных к тому оснований, ибо мы отказывали бы покупателям в высылке такой книги, которая была Министерством допущена в школы, во-вторых, этого товара закупили на десятки тысяч рублей и, наконец, переменить учебник, классную книгу в школе составляет большие затруднения, ибо каждая школа получает ежегодно учебники в известном проценте, а переменить учебники — это значит изъять из всех четырех классов школы книгу и на все четыре класса сразу дать полный комплект новых учебников [992].

Можно предположить, следуя хронологии событий, что в действительности неудачная попытка запретить учебники Вахтеровых в Моршанском уезде, навела на мысль предводителей уездного дворянства Тамбовской губернии провести ревизию книг для чтения в земских школах, где и была обнаружена «Новь», составленная единомышленниками и соратниками В. И. Вахтерова, участниками организации Всероссийского учительского союза во время Первой революции — Тулуповым и Шестаковым. В своих выступлениях

представители правого крыла Андреевский и Говорухо-Отрок ссылались на текст доклада «известного земского деятеля» Мансурова и отчасти его цитировали. Любопытно, что Мансуров не пошел дальше и «Мир в рассказах для детей» не стал поводом для обращения в высшие органы власти. Вероятно, не последнюю роль в этом сыграли известность и высокий авторитет самого В. И. Вахтерова как педагога, просветителя и общественного деятеля. Чтобы не увести повествование в сторону, я не буду подробнее останавливаться на борьбе Мансурова против книг для чтения Вахтеровых. Это отдельная история, но именно она стала прелюдией к обращению в Государственный совет по поводу «допущения к классному употреблению в начальных училищах» учебника Тулупова и Шестакова «Новь».

Чего на самом деле хотели интерpellянты?

Дискуссия по запросу в Государственном совете развивалась в двух направлениях: с одной стороны, интерpellянты выступали с резкой критикой книг для чтения «Новь» (3-я ч.) Тулупова, Шестакова и «Мира в рассказах для детей» (3-я ч.) супругов Вахтеровых, с другой — требовали усилить контроль со стороны МНП за учебным книгоизданием. Предводители уездного дворянства столкнулись с тем, что воплощение их решения не пропустить (а уже тем более изъять) допущенные МНП учебники сопряжено с определенными трудностями. В. М. Андреевский уверял сенаторов в том, что дать школам хороший учебник возможно лишь при условии, если «взять Министерству в свои руки как составление, так и издание книг» [980], фактически он требовал перейти к государственному централизованному изданию единых учебников для разных типов школ. Интерpellянты обвинили Ученый комитет МНП в халатном выполнении своих прямых обязанностей. Князь Голицын-Муравлин в начале своего выступления заявил: «Если он [ученый комитет — А. С.], по обилию занятий или по другим уважительным причинам, не в состоянии справиться со своей задачей, то вероятно требуется его пересоздать» [1005]. По сути, развернувшаяся кампания против конкретных учебников была поводом через парламент подтолкнуть МНП к государственной монополизации учебного книгоиздания.

Спустя полтора месяца, 24 апреля на заседание в Государственный совет пришел министр народного просвещения Л. А. Кассо, который начал с того, что прояснил сенаторам процедуру цензу-

ры учебников: книги проходят двойное рецензирование членами Ученого комитета, а при несовпадении оценок привлекается третий эксперт. Он сообщил парламентариям, что в отношении книги для чтения Тулупова и Шестакова «Новь» была проведена тщательная экспертиза, так как за два года до этого издания в МНП была представлена другая книга для чтения — «Новая школа» (см. о ней выше), которая в 1908 г. была признана непригодной, поскольку, по мнению экспертов: «общий тон довольно мрачен, тщательно обойдены религия, любовь к отечеству, в третьей части устранено все, что касается Церкви и веры, все исторические моменты, волнующие и возвышающие русской чувство, опущены и резко подчеркивается классовая рознь и принцип борьбы в жизни» [1578].

В своем докладе Кассо подчеркнул, что рецензенты внимательно прочитали «Новь» и не нашли в подборе статей «тенденциозности», однако после первого издания в Ученый Комитет поступило «заявление со стороны частного лица, которое обращало внимание ученого комитета на нежелательность этой книги» [1579]. Книга для чтения была поручена третьему рецензенту, который «дал отзыв более положительный, чем предыдущий», на основании этой дополнительной рецензии было выдано новое разрешение. Кассо тут же, во избежание новых упреков, оговорился, что это было еще в 1910 г., при бывшем министре А. Н. Шварце, и далее отрапортовал: «Я имею честь заявить, что книга „Новь“ (третья часть) будет внесена на днях для нового рассмотрения в ученый комитет, причем я сохраняю право не присоединяться к тому взгляду, который был высказан раньше по поводу этой книги ученым комитетом и Министерством Народного Просвещения» [1579].

Этого оказалось недостаточно, и авторы запроса были разочарованы: одержав парламентскую победу по вопросу о книге для чтения Тулупова и Шестакова, они не получили самого главного — обещания министра взять под контроль учебное книгоиздание в целом, проведение ревизии и изъятие других подобных учебников, о которых они упоминали на предыдущем заседании. Тогда интерpellанты предложили принять предписание в отношении МНП, уже за подписью 35 членов Государственного Совета, в котором указывалось, что, допустив к классному обучению «Новь» (3-я ч.), Ученый комитет, во-первых, «нарушил лежащую на нем обязанность снабжать начальную школу такими учебными руководствами, которые служили бы к утверждению в народе религиозных и нравственных понятий, а равно любви к родине» и, во-вторых, «для удовлетворения означенных выше первостепенной важности по-

требностей Министерству Народного Просвещения надлежит озаботиться снабжением начальных школ однообразными учебниками для исключительного и обязательного классного употребления» [1586].

Оппонентами по новому предложению выступили уже сам Л. А. Кассо и С. Ф. Ольденбург, которые, как ни удивительно, оказались единодушны в том, что государственная монополия учебного книгоиздания немыслима и утопична. Министр высказал опасения, что издание единого государственного учебника, составленного даже при участии талантливых и авторитетных педагогов, неизбежно через год или два устареет. А в то время может появиться другая книга — «плод свободного труда какого-нибудь автора данной специальности», которая окажется лучше, а министерство будет критиковать за косность и консерватизм. Защищая деятельность своего департамента, Кассо отметил, что ежегодно Ученый комитет рассматривает огромное количество учебных изданий, Законодательное Собрание и общественные деятели нашли непригодной только третью часть единственной книги для чтения, это, по его мнению, свидетельствует о том, что «в общем деятельность ученого комитета проходит при нормальных условиях» [1582]. И тут же добавил: «Однако, я знаю, что многие против этого возражают. Я знаю, что упреки в общих выражениях направляются против ученого комитета с разных сторон политического горизонта» и напомнил, что не так давно в Государственной думе Милюков говорил: «ученый комитет — это страж, приставленный к дверям» [1582]. Таким образом, Кассо прямо указал на политический подтекст запроса и вывел прения из области педагогики.

Ольденбург, в свою очередь, заметил, что интерpellянты, выступая за государственную монополию издания учебников, в качестве успешного опыта приводили в пример Японию, в которой при поддержке крайне правой партии обучение опирается на воспитание уважения к стране. Академик напомнил, что и во Франции радикальные социалистические партии в настоящее время активно выступают за государственную монополизацию издания учебников и хотят запретить церковное образование, навязывая тем самым свою систему взглядов школе. С одной стороны, Ольденбург попытался продемонстрировать правым, что их главные идеологические враги используют тот же инструмент, стремясь установить контроль за школой, тем самым указывал на очевидность и прозрачность целей интерpellлянтов. С другой стороны, он хотел продемонстрировать, что в идее радикальной идеологизации образования любые

политические силы «сходятся в одном, а именно в том, что нельзя предоставить школе известную свободу», — и настаивал на том, что «школа должна стоять вне всякой политики» [1590].

По итогам двух заседаний в Государственном совете интерpellантам удалось добиться от МНП решения направить 3-ю часть книги для чтения Тулупова и Шестакова «Новь» на повторное рассмотрение для получения нового цензурного разрешения от Ученого комитета. Однако составители, понимая, что критика правых, получившая широкий публичный резонанс, приведёт к тому, что осторожный инспектор народных школ во избежание каких-либо проблем воздержится от рекомендации земству покупать скандально известный учебник, из экономических соображений сами перестали его переиздавать. При этом первая и вторая часть этой книги для чтения успешно переиздавались до 1917 г. и по-прежнему были официально допущены к обучению в народной школе. Вопрос же монополизации государством учебного книгоиздания не получил поддержки среди сенаторов и был снят с дальнейшего обсуждения.

Заключение

Борьба с «вредными» книгами для чтения не закончилась после обсуждения в Государственном совете и вскоре получила продолжение в Государственной думе. 31 мая во время обсуждения бюджета МНП депутат правого крыла В. М. Пуришкевич вновь поднял проблему цензуры учебников для народных школ. После обсуждения в верхней палате парламента он создал группу из числа единомышленников, которая провела ревизию учебников для начальной школы и по итогам своей работы подготовила обширный текст с подробным разбором книг для чтения Вахтерова, Тулупова и Шестакова, Ананьина и Гусакова, Душечкина и др. Эта брошюра, озаглавленная «Школьная подготовка второй русской революции» (1913), была распространена среди думских депутатов. И вновь российские законодатели читали и слушали на заседании стихи Плещеева и Никитина, фрагменты рассказов Толстого, Гаршина и Достоевского. Органы высшей законодательной власти были снова вовлечены в процесс регулирования школьного чтения.

Почему книга для чтения для начальной школы в межреволюционное десятилетие стали предметом политической борьбы за возможность определять идеологическую повестку народного образования?

Рассмотренная в этой статье дискуссия в Государственном совете, ее предыстория и последствия позволяют увидеть, что в это время на поле образовательной политики, помимо государства, появились другие институциональные игроки: земства, училищные и попечительные советы при школах, учительские общественные организации, педагогическая периодика, а впоследствии и политические партии. Согласно «Положению о начальных народных училищах» [Положение 1874], земские и училищные советы имели юридическую возможность запретить или изъять из употребления в конкретной школе или школах уезда тот или иной учебник и таким образом поучаствовать в отборе в детское чтение тех или иных произведений и авторов. Однако в предшествующие десятилетия названные советы не проявляли особенного интереса к этим вопросам. Стремительное увеличение числа земских школ, публичное обсуждение в 1907–1908 гг. вопроса о введении всеобщего начального образования, с одной стороны, и политизация российского общества в период Первой русской революции 1905–1907 гг. — с другой, способствовали увеличению числа новых акторов, которые хотели принимать участие в решении вопросов школьного обучения. Между этими институтами возникали разногласия и конфликты, и на примере двух уездов Тамбовской губернии видно, как по-разному могла разрешаться ситуация. В Кирсановском — под давлением предводителя уездного дворянства одна из частей учебник Тулупова и Шестакова «Новь» была изъята из обращения в народных школах, и ученики последующих лет уже не читали на уроках фрагментов из Г. Успенского, Л. Андреева, В. Гаршина, М. Горького, С. Надсона, Ф. Сологуба. В Моршанском — Училищный совет и инспектор отказались прислушаться к требованиям статского советника Мансурова, несмотря на его высокий авторитет и влияние в правительстве, и продолжили обучение по книге В. и Э. Вахтеровых «Мир в рассказах для детей», в которой, помимо «вредных» литературных текстов, присутствовал, например, рассказ об эволюционном учении Дарвина.

Устройство начальных школ в начале XX в. продолжало следовать упоминавшемуся выше «Положению 1874 г.», которое не определяло содержания и результатов начального обучения, а лишь указывало его цель: «утверждать в народе религиозные и нравственные понятия и распространять первоначальные полезные знания» [Положение 1874, 836]. В 1897 г. МНП утвердило Примерные программы учебных предметов для начальных народных училищ, в которых было указано количество учебных часов по каждому предмету и

рекомендовалось расширить курс элементарного обучения сведениями из отечественной истории и географии России, при этом не прописывалось конкретных тем и тем более конкретных текстов или авторов [Примерные программы 1897]. При таком обобщенном характере институциональных предписаний именно книга для чтения являлась основным инструментом обучения (и нередко — единственным источником «книжного» знания для школьников, особенно сельских).

В 1907 г. в журнале «Для народного учителя», который издавали те самые Н. В. Тулупов и П. М. Шестаков, их единомышленник Н. В. Чехов писал: «Одним из самых насущных вопросов в жизни нашей народной школы является вопрос о выработке новых программ. Собственно говоря, лучшая наша школа — земская — никогда не имела обязательной для нее программы, и это, как это ни странно, было скорее ее счастьем» [Чехов 1907, 1]. Очевидно, что счастьем, по Чехову, была большая доля свободы начальных народных школ, возможность самостоятельно определять содержание обучения и учебные материалы.

Начальные народные школы содержались земствами под контролем МНП в лице уездного инспектора, который ежегодно составлял отчет о деятельности училищ в уезде. Упоминания учебников в отчетах по народному образованию для земских управ встречаются не часто: как правило, в них приводятся статистические данные о количестве училищ и личном составе учащихся и учащихся, о санитарно-гигиеническом состоянии школьных помещений и мебели с приложением расходно-доходной сметы, наличии или отсутствии библиотек. Просматривая журналы земских собраний, можно увидеть, как постепенно с 1900-х гг. меняется содержание отчетов о состоянии школ в уезде, и помимо статистических сведений и отчетных цифр в них появляются содержательные замечания инспектора о состоянии учебного дела. Если во второй половине XIX в. в отчетах иногда встречаются лишь бюрократические формулировки вроде «книгами школы были снабжены в достаточной степени», то в начале XX в. уже приводятся не только конкретные суммы, потраченные на приобретение школьной литературы, но и названия учебников, которые закуплены для обучения в классе и для школьных библиотек.

Таким образом, в отсутствие учебных программ для начальной школы содержание обучения фактически определялось той учебной литературой, которую закупало земство для школ своего уезда, выбирая из обширного списка допущенных Министерством изданий.

Рынок учебной литературы в связи с ростом числа школ развивался стремительно, каждый год появлялись десятки новых названий учебников⁹, разобраться в потоке изданий представляло большую сложность. В начале XX в. широкое распространение получили учительские педагогические курсы и всевозможные (земские, общеземские, всероссийские) общественные съезды по вопросам народного образования, семейного обучения, технического образования, трудового воспитания и т. п., на которых учителям среди прочего рекомендовали учебную литературу для школ, в том числе и книги для обучения в классе, таким образом, косвенно оказывали влияние на процесс выбора той или иной книги для чтения. В это же время резко увеличивается количество педагогических журналов для народных школ, издаваемых представителями разных направлений общественного движения (см.: [Пузырева 2012, Волик 2020]). В них регулярно рекламировались, рекомендовались и критиковались одобренные Ученым комитетом МНП учебники, что во многом формировало мнение педагогического сообщества и так или иначе оказывало влияние на руководство земских школ.

Ученый комитет МНП, отвергавший лишь наиболее радикальные с его точки зрения книги, не был препятствием для активной деятельности либерально настроенных педагогов по изданию и продвижению учебников, что и спровоцировало столь сильную реакцию правых консерваторов. Пользуясь численным преимуществом в парламенте, они попытались оказать давление на министерство через Государственный совет и добились изъятия из школьного употребления одной отдельно взятой книги. При этом, понимая, что существующий механизм «полуслепой» министерской цензуры не дает возможности запретить все «вредные учебники», правые призывали ввести государственную монополию на издание учебной литературы, которая позволила бы обеспечить тотальный контроль на этом поле, — и потерпели поражение. Этому проекту суждено было реализоваться лишь два десятилетия спустя и в совсем иной политической ситуации — с введением единых учебников для школ СССР в начале 1930-х гг.

Примечания

¹ Далее при цитировании фрагментов из стенограммы заседания Государственного совета по данному источнику в квадратных скобках указываются только страницы.

- ² К сожалению, в отчете не упоминается, в городских или сельских школах работали ответившие учителя, в то время как эти сведения были бы крайне интересны для прояснения картины «демократических» практик отбора учебной литературы.
- ³ См., например, в ст. 20 этого документа: «Заведывание учебною частию всех начальных народных училищ вверяется директору народных училищ и инспектору сих училищ, как непосредственно ему подчиненным помощникам, которые назначаются в каждой губернии в том числе, какое будет определено министерством народного просвещения, соразмерно с пространством и населенностью оной и с числом имеющих в ней училищ» [Положение 1874].
- ⁴ Протоколов заседания уездного Училищного совета пока обнаружить не удалось, поэтому нам неизвестно, на основании какой аргументации была выбрана именно эта книга для чтения и какие были альтернативы.
- ⁵ «Азбука в картинках» (1902 — 1918, 26 изд.), «Новая школа. В 3-х кн.» (1905 — 1917, 17 изд.), «Первая, вторая и третья ступень в литературу. В 3-х кн.» (1908 — 1918, 8 изд.), «Новь. В 3-х кн.» (1909 — 1917, 7 изд.), «Слово: Сборник упражнений по русскому языку» (1910 — 1914, 5 изд.).
- ⁶ В упомянутой выше автобиографии 1930-го года Андреевский, радикализуя антимонархическое содержание книги для чтения Тулупова и Шестакова, пишет: «История России излагалась во истину удивительно: про всех наших государей сообщались только отрицательные черты. Так, про Петра Великого говорилось, что он был жесток и любил кутежи; про Екатерину II, что она отличалась развратом и т. д., все в этом же роде. И выходило так, что изо всех наших государей приличный был только Григорий Отрепьев, да вот бояре его невзлюбили и убили за то, что не ходил к обедне... В беллетристической части приводились рассказы либо ярко тенденциозные, в которых неизменно крепостной барин порол мужиков, либо пораженческие вроде рассказов Вс. Гаршина» [Андреевский 1930].
- ⁷ Имеется в виду известный театральный режиссер, педагог, общественный деятель Л. А. Сулержицкий (1872 — 1916). В книге для чтения Василия и Эмилии Вахтеровых «Мир в рассказах для детей» в написании фамилии была сделана опечатка — Судержацкий, в стенограмме записано на слух — «Судержавский».
- ⁸ Крондиевский — это писательница А. Р. Крондиевская, очевидно, что М. Я. Говорухо-Открок зачитывал список не совсем известных ему имён, переписанных с ошибками из доклада Мансурова к Моршанскому Училищному совету [Мансуров 1911].
- ⁹ Полный список изданий книг для чтения для начальной школы с 1797 по 1917 гг. см: [Сенькина 2009].

Литература

Источники

Александров 1906 — Александров И. Тулупов и Шестаков «Новая школа» // Русская школа. 1906, № 7–8 (июль–авг.). С. 27–28.

Ананьин, Гусаков 1910–1913 — Живой родник. Первая, вторая, третья и четвертая книги для чтения / сост. В. И. Ананьин, В. Гусаков, Г. Макаров. М.: изд-во т-ва И. Д. Сытина, 1910–1913.

Андреевский 1930 — Андреевский В. М. Автобиографические воспоминания. Машинопись и ксерокопия авторской рукописи с вставками: Государственный архив Тамбовской области. Фонд Р-5328. Оп. 1. Д. 7 // «Град Кирсанов»: [сайт]. URL: <http://www.grad-kirsanov.ru/source.php?id=doc.andreevsky.vosp>.

Ахтырский 1911 — Ахтырский И. Доклад Инспектора народных училищ очередному земскому собранию о состоянии начальных училищ в Кирсановском уезде за 1909–1910 учебный год // Журналы Кирсановского уездного земского собрания 1910 (чрезвычайное 17 июня и очередное 25–29 сентября). Тамбов: Типография Губренского земства, 1911. Доклад № 46. С. 107–127.

Вахтеровы 1908 — Мир в рассказах для детей: книга для классного чтения в начальных училищах: 3-я часть. Для третьего и четвертого годов обучения / В. Э. В. [Вахтеров В. П. и Вахтерова Э. О.]. М.: товарищество И. Д. Сытина, 1908.

ГС 1913 — Государственный совет. Стенографические отчеты 1912–13 гг. Сессия 8. Заседание 20 (6 марта). СПб.: Государственная типография, 1913.

Для народного учителя 1908 — Тулупов Н., Шестаков П. [Рецензия] // Для народного учителя. 1908. № 17 (нояб.). С. 35. Рец. на кн.: Новая школа: Первая после букваря кн. для обучения род. яз. в шк. и дома... Ч. 1–3. М.: т-во И. Д. Сытина, 1905–1907.

Душечкин 1909–1912 — Душечкин Я. И. Наша речь: Хрестоматия для городских 4-х кл. и сельских 2 кл. училищ и млад. кл. средне-учебных заведений: Кн. 1–4. М.: товарищество И. Д. Сытина, 1909–1912.

Мансуров 1911 — Мансуров П. Б. Доклад члена по избранию от уездного земства П. Б. Мансурова в Моршанский уездный училищный совет о книге классного чтения: «Мир в рассказах для детей» В. и Э. Вахтеровых. Москва: Печ. А. И. Снегиревой, 1911.

Налимов 1909а — Налимов А. Н. В. Тулупов и П. М. Шестков «Новь» Книга для первоначальных занятий по русскому языку в школе и семье. Ц. 25 к.: [рецензия] // Русская школа. 1909. № 10 (октябрь). С. 9–10.

Налимов 1909б — Налимов А. Н. В. Тулупов и П. М. Шестков «Новь». М. 1910. Ц. 50 к.: [рецензия] // Русская школа. 1909. № 11 (ноябрь). С. 8–9.

Положение 1874 — Положение о начальных народных училищах 1874 г. // Полное Собрание Законов Российской империи. Собр. II. Отд. I. СПб., 1877. Т. XLIX. № 53574. С. 836–840.

Русский начальный учитель 1909 — Тулупов и Шестаков «Новь», ч. I. Книга для первоначальных занятий по русскому языку в школе и дома. Ц. 25 коп. М. 1909: [рецензия] // Русский начальный учитель. 1909. № 8–9 (авг.–сент.). С. 321.

Тулупов, Шестаков 1909–1910 — Новь. Книга для занятий по русскому языку в школе и семье. Чтение и материал для бесед и письменных работ. Со многими рисунками и снимками с картин художников: Айвазовского, Богданова-Бельскаго, Левитана, Маковского, Репина, Саврасова, Шильдера, Шишкина, Ярошенко и др.: В 3-х книгах / сост. Н. В. Тулупов, П. М. Шестаков. М.: тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1909–1910.

Чехов 1907 — Чехов Н. В. О выработке программы народной школы // Для народного учителя. 1907. № 17. С. 1–4.

Исследования

Волик 2020 — Волик Е. А. О тематических особенностях педагогической журналистики 1860–1917 гг. // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. Т. 26, № 1. С. 197–203.

Захаров, Иванова 2019 — Захаров В. Ю., Иванова А. Н. Всеобщее начальное образование в Российской империи в XIX — начале XX вв.: причины и неудачи реформы // Лocus: люди, общество, культуры, смыслы. 2019. № 2 (10). С. 11–26. URL: <http://j-locus.ru/wp-content/uploads/2020/05/2019-2-11.pdf>.

Пузырева 2012 — Пузырева Л. В. О феномене русской педагогической журналистики (вторая половина XIX — начало XX вв.) // Проблемы современного образования. 2012. № 1. С. 49–59.

Сенькина 2009 — Сенькина А. А. Книги для чтения и хрестоматии для начального обучения, изданные в России с 1797 по 1917 гг. (Материалы к библиографическому указателю) // Ребенок XVIII–XX столетий в мире слов: история российского букваря, книги для чтения и учебной хрестоматии / [редкол.: Т. С. Маркарова и др.]. М.; Тверь: Научная книга, 2009. С. 181–230.

References

Puzyreva 2012 — Puzyreva, L. (2012). O fenomene russkoj pedagogicheskoj zhurnalistiki (vtoraya polovina XIX — nachalo XX vv.) [The phenomenon

teaching Russian journalism (The second half of 19th — early 20th century)]. *Problemy sovremennogo obrazovaniya*, 1, 49–59.

Sen'kina 2009 — Sen'kina, A. A. (2009). *Knigi dlya chteniya i hrestomatii dlya nachal'nogo obucheniya, izdannye v Rossii s 1797 po 1917 gg.* [Reading books and anthologies for primary education, published in Russia from 1797 to 1917.]. In T. S. Markarova (Ed.), *Rebenok XVIII — XX stoletij v mire slov: istoriya rossijskogo bukvarya, knigi dlya chteniya i uchebnoj hrestomatii* (pp. 181–230). Moscow; Tver: Nauchnaya kniga.

Volik 2020 — Volik, E. A. (2020). O tematiceskikh osobennostyah pedagogicheskoy zhurnalistiki 1860–1917 gg. [Yelena A. Folik 'The question about the matical features of pedagogic journalistic in 1860–1917']. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, 26 (1), 197–203.

Zaharov, Ivanova 2019 — Zaharov, V., Ivanova, A. (2019). Vseobshchee nachal'noe obrazovanie v Rossijskoj imperii v XIX — nachale XX vv.: prichiny i neudachi reform [Universal elementary education in the Russian empire in 19th — beginning of 20th centuries and reasons of the failure of the reform]. *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly*, 2, 11–16. Retrieved from: <http://j-locus.ru/wp-content/uploads/2020/05/2019-2-11.pdf>.

Senkina Anna

independent researcher

THE SCHOOL READING BOOK IN THE RUSSIAN PARLIAMENT,
OR ON AN EPISODE IN THE HISTORY OF CENSORSHIP AND
CRITICISM OF EDUCATIONAL LITERATURE IN THE EARLY
TWENTIETH CENTURY

This article discusses a unique precedent in Russian history when the textbook for elementary schools became the subject of parliamentary debate. In March 1913, a group of right-wing members of the State Council appealed to the Minister of Public Education for permission to use the 3rd part of the “Nov” reading book by N. Tulupov and P. Shestakov in elementary schools. The interpellents argued that in Nov’; and a number of other primary school textbooks approved by the ministry, the authors’ biased texts were anti-monarchical and anti-state, pitting one class against another, killing the people’s religiosity and developing anti-militaristic sentiments. The parliamentarians involved in the debate found themselves in the unusual role of literary critics, children’s reading leaders and experts in primary education. An analysis of this mishap, its background and consequences, and the discussion in the State Council itself reveals that in the inter-revolutionary decade other institutional players besides the state emerged in the field of education policy: zemstvos, school and school boards of trustees, teachers’ public organisations, educational periodicals and, later, political parties. In the absence of curricula for primary schools, the content of teaching was in fact determined by the educational literature that the zemstvo purchased for the schools in its district, choosing from an extensive list of publications permitted by the Ministry. However, state censorship was not an obstacle to the active work of liberally-minded educators in publishing and promoting textbooks, which provoked such a strong reaction from right-wing conservatives. The reading book became the subject of a political struggle for the opportunity to determine the ideological agenda of public education.

Keywords: people’s school, State Council, right-wing monarchist criticism, reading books, Tulupov and Shestakov, Vakhterovs, censorship of educational literature

Валентина Веремко, Станислав Степанов

ГИГИЕНА ДЕТСКОГО И ЮНОШЕСКОГО ЧТЕНИЯ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX — XX ВВ.¹

В статье рассматриваются подходы к теории и практике гигиены чтения детей и подростков на рубеже XIX–XX вв. Этот материал осмысливается в контексте становления школьной гигиены как медико-педагогического направления. Авторы освещают историю вопроса, выявляют лакуны в исследовании отечественной истории гигиены чтения, проблематизируют определение понятия «гигиена чтения». На основе изучения профессиональных выступлений и публикаций Н. В. Зака, А. И. Раммуля, А. Н. Александровского, Л. Бургенштейна выявлены проблемы чтения, которые специалисты (медики и педагоги) в 1890–1910-е гг. считали ключевыми. В статье охарактеризованы основные санитарно-гигиенические требования к учебной книге: параметры шрифта, количество строк, интервалы между ними, качество бумаги и т. д. приведены примеры учебных книг, не отвечающих требованиям врачей-гигиенистов. Показано, какие рекомендации для сохранения зрения и сбережения здоровья детей и юношества были разработаны экспертным сообществом того времени и на какой социальный круг они были рассчитаны. Помимо полиграфического оформления изданий эксперты обращали внимание на негативное влияние книг на умственное и психосоциальное становление личности, предлагали ограждать детей от низкопробной беллетристики и книг любовно-эротического содержания.

Ключевые слова: гигиена детского и подросткового чтения, школьная гигиена, полиграфия учебной книги, врачи-гигиенисты, охрана здоровья школьников

Валентина Александровна Веремко, Станислав Вячеславович Степанов
Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург
v.a.veremenko@yandex.ru, kptloorg@yandex.ru

В начале XX в. дети в Российской империи получали образование в учебных заведениях разных типов: городских и сельских училищах, школах Министерства народного просвещения и церковно-приходских школах, частных учебных заведениях, по официальным подсчетам на 1 января 1915 г. в стране насчитывалось 15259,8 тыс. детей школьного возраста от 8 до 11 лет, что составляло 51 % детского населения, процент обучающихся горожан был выше, чем сельских жителей [Однодневная перепись начальных школ 1911, 152]. Пребывание в школе не могло не отражаться на образе жизни школьников и их здоровье. Школа как пространство повседневности нередко становилось средой для распространения инфекционных заболеваний, несбалансированные учебные нагрузки могли негативно воздействовать на психическое состояние учащихся, а постоянное чтение и письмо способствовали развитию близорукости, искривлению позвоночника и другим заболеваниям. На эти аспекты школьной жизни обращали внимание врачи-гигиенисты, включая в сферу школьной гигиены и санитарно-гигиенические аспекты полиграфии учебных изданий, и процессы, связанные с их чтением и восприятием.

В предлагаемой статье на основании трудов специалистов в области медицины — врачей-гигиенистов, анализируются характерные для конца XIX — начала XX вв. взгляды на гигиену чтения, проблемные стороны чтения детей, выдвигаемые в то время рекомендации к полиграфическому оформлению учебных изданий, охарактеризован уровень их воплощения.

Детская гигиена в России второй половины XIX — начала XX в. стала активно изучаться в последние десятилетия. Ряд исследований современных специалистов в области истории, педагогики, книговедения посвящен истории санитарного состояния учебных заведений, преимущественно, закрытого типа [Герашенко 2018; Пономарева 2013; Сулимов 2014; Хохлов 2014], повседневным гигиеническим практикам воспитания [Веремченко 2017; Веремченко, Жукова 2020], становлению в пореформенной России изучения школьной гигиены как особого направления медицинской теории [Фадеев 2012; Денисов 2019]. Заметим, что скрупулезно подходу к изучению самых разных аспектов «физической» жизни российского рубежа веков — от наполняемости классов до состояния «отхожих мест»; от характеристики питания до степени распространения уроков гимнастики [Пономарева 2015; Быкова 2019; Веремченко 2022], исследователи тем не менее не фокусировали свое внимание на истории гигиены главного школьного занятия — чтения.

В настоящее время «гигиена чтения» рассматривается как элемент культуры чтения в целом, и включает в себя такие понятия как «освещение во время чтения, правильная осанка, наличие свежего воздуха, чередование чтения с отдыхом, соблюдение необходимого расстояния текста от глаз, отсутствие отвлекающих факторов во время чтения (просмотр телевизора, еда и т. п.). <...> Также зачастую в понятие включают и умение выбрать для чтения качественную литературу» [Корякин 2021, 34].

Работы теоретического и методического характера о гигиене школьного чтения стали появляться на рубеже XIX–XX вв. Их авторы — отечественные и зарубежные медики-гигиенисты: австрийские ученые Л. Бургенштейн и А. Нетолицкий, «борец за глаза юношества» [Бургенштейн, Нетолицкий 1908–1909], доктор медицины и философии, профессор Бреславского университета Г. Кон [Кон 1887] и Я. Брейтман [Брейтман 1901]. В эти же годы вышло несколько работ отечественных медиков о санитарно-гигиеническом исследовании учебников: доктора Н. В. Зака [Зак 1898], преподавателя Юрьевского (Тартуского) университета А. И. Раммуля [Раммуль 1902], врачей Г. И. Ростовцева [Ростовцев 1904] и Е. О. Маноиловой [Маноилова 1911]. Российские и зарубежные педагоги и врачи-гигиенисты настойчиво призывали не начинать «систематическое обучение грамоте... ранее семи лет», приступая к нему только после «того, как ребенок... достаточно развил свои способности, и достаточно приобрел наглядным путем знаний» [Скворцов 1890, 73]. Особой критике подвергались родители, «которые стараются о возможно ранней зрелости своих детей и потому рано засаживают их за книги и вообще за систематическое учение» [Там же, 73]. Условия чтения книг как в школьное, так и во внешкольное время вызывали серьезную обеспокоенность врачей-гигиенистов в связи с развитием болезней у детей: близорукость (миопия), болезни кожи, легких и нервной системы. По данным профессора Г. В. Хлопина, руководителя гигиенической лаборатории при Императорском клиническом институте Великой княгини Елены Павловны, при осмотре в 1905/1906 учебном году 98 423 учащихся во всех учебных округах близорукость обнаружилась у 13 754 (13,9%), причем процент больных детей из-за большей доступности школьного образования в центре и на западе империи был выше, чем на юго-востоке, например в Туркестанском крае [Хлопин 1909, 12–14]. В связи с чем Хлопин высказал мысль о том, что «русская средняя школа, как иностранная, портит зрение учащихся, и близору-

кость является профессиональной болезнью русских учащихся» [Там же, 15].

На II съезде русских деятелей технического и профессионального образования, проходившему в Санкт-Петербурге с 28 декабря 1895 г. по 5 января 1896 г., на основе трудов немецкого врача Г. Кона и отечественного опыта изучения проблем школьной близорукости, доктором Н. В. Заком были сформулированы требования к учебным изданиям, направленные впоследствии в Министерство народного просвещения [Зак 1898, 149]. На основе прений по поводу доклада Зака были утверждены основные рекомендации к полиграфическому оформлению учебных книг: высота шрифта (около 2 мм, но не меньше 1,75 мм), толщина штрихов (0,25 мм) и ширина букв (1 мм), расстояние между буквами (0,75–0,5 мм), расстояние между словами (2 мм), плотность шрифта (15 букв). Определили и наиболее оптимальные для глаз начертания шрифта (жирный или расставленный шрифт, курсив не допускается); цвет шрифта — черный, что дает контраст между бумагой и буквами, бумага предпочтительно — белая с легким желтоватым оттенком (совершенно неприемлемой признали глянцевую бумагу); ее плотность должна составлять 0,075 мм, чтобы бумага не просвечивала на просвет и буквы не отпечатывались на следующей странице [Там же, 134–142]. Однако и после принятия этих требований ситуация в полиграфии учебной книги мало изменилась. Школьная литература, по замечаниям врачей-гигиенистов, продолжала печататься мелким шрифтом на бумаге разной плотности и цветов, что негативно влияло на зрение. Врач М. Я. Брейтман (1876–1962) сетовал на полиграфию: «...издания классиков, словари напечатаны невозможно мелким шрифтом. На картах и атласах помещена такая уйма названий и имен, что совершенно невозможно в них разобраться. Такие негигиенические учебники правительству следовало бы запретить» [Брейтман 1901, 37].

Ассистент гигиенической лаборатории Юрьевского (Тартуского) университета, доктор А. И. Раммуль (1875–?) в своем труде «Исследование 200 учебников и учебных пособий в санитарном отношении», изданном в 1902 г., проанализировал 115 учебников на русском языке на соответствие гигиеническим критериям, выработанным съездом. Он пришел к выводам, что этим требованиям отвечали лишь 13,04 % учебников (15 наименований), «удовлетворительно» изданных было 68,7 % (79), совершенно им не соответствовали 18,26 % (21) [Раммуль 1902, 464–465]. Среди главных недостатков А. И. Раммуль называл плотность бумаги — слишком

тонкая, из-за чего просвечивал текст (от 0,075–0,045 мм), маленькое расстояние между строками (2,5–1 мм), плотность букв (до 28), высота шрифта (1,5–1,1 мм) [Там же, 465].

Среди изданий совершенно неудовлетворяющих требованиям школьной гигиены оказались популярные учебники Д. И. Иловайского «Руководство к всеобщей истории» (в 1899 г. вышло 29 издание) и «Краткие очерки русской истории» (в 1898 г. вышло 32-е издание). Они были напечатаны на тонкой бумаге, текст сильно просвечивал, затрудняя чтение, шрифт не отвечал гигиеническим требованиям: высота — 1,35 мм, что на 0,15 было меньше нормы; расстояние между строками (в первом учебнике — 2,35 мм, во втором — 1,6 мм); плотность букв (20–21) [Там же, 465]. Без учета всех гигиенических требований, важных для сохранения зрения, были выполнены и другие широко известные учебные книги. Например, «Учебник всеобщей истории» (5-е изд. М., 1899. Ч. 1.) П. Г. Виноградова и «Краткие очерки географии» (4-е изд. СПб., 1895) Ф. В. Кельнера. Заслужили одобрение специалиста лишь несколько изданий, среди них «Родное слово» К. Д. Ушинского (Изд. 114. СПб., 1895. Ч. 1) и «Синтаксис русского языка» А. И. Кирпичникова (Изд. 26. СПб., 1898) [Там же, 466–467].

Обобщением идей врачей-гигиенистов о детском чтении, сложившихся на начало XX в., стала книга педиатра А. Н. Александровского (1885–?) «Гигиена чтения» (Пг., 1911), рекомендованная органом педагогической цензуры — Ученым комитетом Министерства народного просвещения для учительских библиотек низших учебных заведений. В работе анализировалось соотношение понятий «чтение» и «здоровье». На основе накопленных к этому времени сведений автор пришел к выводу, что образованный человек проводит за чтением 1/5 часть жизни, поэтому необходимо соблюдать гигиену чтения, под которой он понимал «соблюдение условий, при которых чтение не приносило бы вреда здоровью» [Александровский 1915, 4]. В ходе изучения воздействия процесса чтения на человеческий организм А. Н. Александровский обосновал важнейшие, с его точки зрения, элементы гигиены чтения: 1) воздействие на органы зрения (полиграфическое оформление книг); 2) воздействие на мозг (содержательный аспект книг); 3) воздействие на легкие и кожный покров (борьба с книжной пылью); 4) нераспространение посредством книг инфекционных заболеваний (необходимость дезинфекции книг) [Там же, 4].

Когда речь заходит о «вреде чтения», то в работах педагогов и медиков чаще всего упоминается нарушение зрения. Еще пер-

вый исследователь близорукости у школьников — немецкий врач Герман Людвиг Кон (1838–1906) выявил связь детской и юношеской миопии с уровнем требований к учебе: в городских школах страдавших близорукостью оказывалось значительно больше, чем сельских, а в университетах их уровень был выше, чем в школах. Степень близорукости и количество близоруких учащихся росли при переходе из класса в класс [Кон 1887, 33]. В число факторов, влияющих на нарушение зрения, А. Н. Александровский вслед за Г. Коном включил шрифт книг и газет и составил следующие рекомендации: высота букв (1,5 мм), расстояние между строками (2,5 мм), толщина букв (0,25 мм.), длина строк (максимально 100 мм), число букв в строке (не более 60). Помимо требований к шрифту он определил максимально удобные параметры для расположения шрифта на печатной странице: избегание петита (мелкого шрифта), увеличение количества абзацев, чтобы уменьшить нагрузку на глаза. Выдвигались требования к качеству бумаги и печати: максимальная белизна бумаги (возможен лишь легкий желтый оттенок) и чернота нанесения типографской краски, вредность для глаз мелованной бумаги с отблесками. В качестве наиболее оптимального расстояния для чтения гигиенист предлагал 30–40 см (между глазами и страницами книги) [Александровский 1915, 4–5]. Александровский категорически выступал против чтения при слишком ярком освещении и лежа, а также во время езды по железной дороге, приема пищи и ходьбы, во время громких разговоров. Особо выделялась необходимость делать перерыв во время чтения, переводить взгляд на темные объекты или закрывать глаза [Там же, 6]. Александровский, следуя рекомендациям детского доктора М. Я. Брейтмана (1876–1962) — «вообще нужно, по возможности, ограничить чтение в классе и вести преподавание устно» [Брейтман 1901, 37], — предлагал ограничить время чтения тремя четвертями часа, после чего глаз должен отдыхать глядя вдаль; ученики, носящие очки, должны были их тщательно протирать от пыли.

Помимо рекомендаций для сохранения зрения Александровским были предложены советы по профилактике нарушений мозговой деятельности: не следует читать до усталости, наклоняя голову; не следует читать слишком быстро, вредно чтение перед сном; не следует из-за чтения откладывать отход ко сну или прием пищи, а также «не следует читать того, что требует слишком большого напряжения ума», «не следует читать книг, волнующих ум, напр. кровавые истории и проч.», «не следует читать того,

что не соответствует возрасту и степени умственной подготовки» [Александровский 1915, 7]. Гигиенист отмечал, как негативно влияли на подрастающее поколение «кровавые истории». Согласно его наблюдениям у начитавшихся «страшных сказок» с возрастом развивались суеверия, боязливость и нервные болезни [Там же, 8]. Как и большинство современных ему критиков и педагогов, он считал вредными истории про Пинкертона и Шерлока Холмса, где описывались преступления «развращающего своего влияния на душу читателя», пагубно действуя «и на нервную систему» [Там же, 8]. Особую опасность представляли, по мнению Александровского, книги порнографического и эротического содержания, которые воздействовали на «юные, неокрепшие еще организмы», являясь для них «опасною заразою, не только с нравственной, но и с чисто гигиенической точки зрения» [Там же, 8].

Аналогичной позиции придерживался и другой детский врач-гигиенист — профессор Л. Бургенштейн. Он обращал особое внимание на необходимость быть внимательными к подросткам в период их полового созревания (у мальчиков после 13 лет, у девочек после 12 лет) и рекомендовал в этот период не предлагать им возбуждающих воображение романов, «удалять от них все то, что могло бы повлиять на их чувственность» [Бургенштейн 1911, 26–31]. Тщательно подбирать литературу в соответствии с возрастом ребенка советовала и доктор Ф. Зиберт. Если для малышей она рекомендовала сказки, считая их «лучшим занятием для детей», то в отношении подростков далекие от реальности сюжеты восточных сказок и любовных романов казались уже неприемлемыми: «не надо давать детям читать те книги, которые только раздражают фантазию или вызывают половые побуждения и мечтания» [Зиберт 1911, 43–55].

Еще одной стороной гигиены чтения являлась забота об органах дыхания и коже, значительный вред для которых представляла книжная пыль. Как отмечал А. Н. Александровский, книги в больших объемах накапливают комнатную пыль, в качестве борьбы с ней он предлагал проветривание помещений с книгами и соблюдение требования не читать запыленных книг, которых следовало предварительно обеспылить [Александровский 1915, 10–11]. Взяв за основу труды своих коллег, Александровский обращал пристальное внимание на меры по нераспространению заразных болезней через книги, хранящиеся в библиотеках. Болезнетворные бактерии поражают бумажные издания, могут жить в них продолжительное время и передаваться от больных к здоровым. Врач-гигиенист пред-

лагал установить в публичных библиотеках умывальники, чтобы читатели, входя и выходя, мыли руки; расставлять мебель так, чтобы была возможность обрабатывать её и полы антисептическими средствами; устроить чаши для смачивания пальцев, чтобы читатели не смачивали их слюной; иметь стеклянные пластинки для страниц, чтобы не попадали брызги слюны и мокроты на бумагу [Там же, 13–14]. Особую роль Александровский отводил дезинфекции выдаваемых на дом книг. Гигиенист доказывал необходимость создания в центральных библиотеках специальных помещений с сушильной печью и аппаратом для формалиновой (формальдегид) дезинфекции. В школьных же библиотеках учебные книги, выдаваемые из года в год, следовало бы обдавать паром, менять ежегодно переплет, а малоценные сжигать. Александровский предлагал выработать инструкции для ученических библиотек, где размещалась бы информация об опасности заражения при чтении книг и мерах ее предотвращения [Там же, 14]. Обобщая, автор отмечал: «...в деле распространения между учащимися заразных болезней книги, бесспорно, играют важную роль, так они часто являются носителями заразы, а между тем не обеззараживаются надлежащим образом даже при существовании эпидемии между учащимися...» [Там же, 20].

Основные методы соблюдения гигиены чтения врачи и педагоги старались донести до учителей, родителей и учащихся через научно-популярные брошюры о гигиене. Наиболее полно и емко правила гигиены чтения нашли отражение в трудах педагога и писателя М. Н. Никольского «Памятка гимназиста» (СПб., 1899) и «Гигиена школьного юношества. Краткие общедоступные правила для сохранения здоровья учащихся» (СПб., 1912). Никольский выделяет главные нормы и требования гигиены глаз: отказ от чтения и письма при плохом освещении, использование естественного освещения только с левой стороны, вред чтения при мерцающем свете, ходьбе, еде и в постели, необходимость при любых проблемах со зрением обращаться к врачу [Никольский 1912, 7–9].

Известный сатирик А. Амфитеатров шуточно отмечал: «Веровалось, что если ребенок правильно ест, по книжке пьет, по теории спит, нормально болеет, растет, из отрока делается юношей и т. д., то с правильным развитием тела будет правильно идти и правильный рост духа» [Амфитеатров 1892, 2]. Ироническое высказывание современника гигиенистов чтения подводит нас к вопросу: «Насколько требования к гигиене чтения проникали в среду читателей и исполнялись?» Сама постановка проблемы в трудах

врачей-гигиенистов свидетельствует о внимании профессионального сообщества к вопросам охраны здоровья детей при чтении. Как именно, в какой мере эти рекомендации выполнялись, как возможности их соблюдения коррелировали с социокультурными стратами читателей предстоит рассмотреть в дальнейших исследованиях.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 22-18-00421.

Литература

Источники

Александровский 1911 — Александровский А. Н. Гигиена чтения. СПб.; М.: т-во М. О. Вольф, 1911.

Амфитеатров 1892 — Амфитеатров Ал. Наши дети // Семья: еженед. иллюстр. журн. 1892. № 4, 6 дек. С. 2–3.

Брейтман 1901 — Брейтман М. Я. Школьная гигиена: (По Л. Котельману). СПб.: журн. «Русская школа», 1901.

Бургенштейн 1911 — Бургенштейн Л. Гигиена ребенка школьного возраста // Проблемы воспитания / пер. с нем. С. П. Кублицкой-Пиотух, под ред. В. В. Битнера. СПб.: изд. «Вестника знания» (В. В. Битнера), 1911. С. 26–31.

Бургенштейн, Нетолицкий 1908–1909 — Бургенштейн Л., Нетолицкий А. Руководство по школьной гигиене: В 2 ч. / пер. со 2-го доп. изд. «Handbuch der Schulhygiene». СПб.: К. Л. Риккер, 1908–1909. Ч. 1–2.

Зак 1898 — Зак Н. В. Физические качества наших школьных учебников с точки зрения гигиены глаз // Труды Комитета Съезда.. / 2 Съезд рус. деятелей по техн. и проф. образованию. 1895–1896. Секция 10: Школьная гигиена и физические упражнения / Изд. под ред. А. Д. Соколова. М.: Тип. Г. Лиснера и А. Гешеля, 1898. С. 124–146.

Зиберт 1911 — Зиберт Ф. Половая проблема в детском возрасте // Проблемы воспитания / пер. с нем. С. П. Кублицкой-Пиотух, под ред. В. В. Битнера. СПб.: изд. «Вестника знания» (В. В. Битнера). С. 43–55.

Кон 1887 — Кон Г. Гигиена глаз в школах. Полтава: тип. насл. Пигуренко, 1887.

Маноилова 1911 — Маноилова Е. О. Исследование учебников на бактериальное загрязнение // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1911. Кн. 3, март. С. 328–342.

Никольский 1912 — Никольский М. Н. Гигиена школьного юношества : Краткие общедоступ. правила для сохранения здоровья. СПб.; М.: Т-во М. О. Вольф, 1912.

Однодневная перепись начальных школ 1911 — Однодневная перепись начальных школ в Империи, произведенная 18 января 1911 г. / ред. В. И. Покровского. Пг.: Художественное ателье и печатня, 1916. Вып. 16: Итоги по Империи.

Раммуль 1902 — Раммуль А. И. Исследование 200 учебников и учебных пособий в санитарном отношении. Юрьев: тип. К. Маттисена, 1902.

Ростовцев 1904 — Ростовцев Г. И. Гигиеническое состояние учебников земских начальных школ // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1904. № 5, май. С. 621–644.

Скворцов 1890 — Скворцов И. Гигиена воспитания. М.: тип. М. Г. Волчанинова, 1890.

Хлопин 1909 — Хлопин Г. В. Школьные болезни среди учащихся средних учебных заведений Министерства народного просвещения: По отчетам шк. врачей за 1905/6 учеб. г. СПб.: Врачеб.-сан. часть М-ва нар. прос., 1909.

Исследования

Быкова 2019 — Быкова Д. И. Санитарное состояние средних учебных заведений С.-Петербурга во второй половине XIX — начале XX в. // Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект): Материалы международной научной конференции. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2019. С. 159–163.

Веремко 2017 — Веремко В. А. Гигиена школьника в дворянско-интеллигентских семьях России второй половины XIX — начала XX вв. // История повседневности. 2017. № 2(4). С. 79–105.

Веремко, Жукова 2020 — Веремко, В. А., Жукова А. Е. Воспитательные практики в дворянско-интеллигентских семьях России второй половины XIX — начала XX в. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2020.

Веремко 2022 — Веремко В. А. Туалет и ванна: гигиена тела в городских дворянско-интеллигентских семьях России во второй половине XIX — начале XX в. // Вопросы истории. 2022. № 7. С. 18–30. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202207Statyi48.

Гаращенко 2018 — Гаращенко Л. В. Опыт организации здоровьесбережения детей в частных школах Иркутска (середина XIX — начало XX вв.) // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7, № 2 (23). С. 68–72

Денисов 2019 — Денисов Л. А. Из истории становления школьной гигиены в России (по материалам 1-й Всероссийской гигиенической выставки 1893 г.) // Санитарный врач. 2019. № 4. С. 72–81.

Корякин 2021 — Корякин М. В. Гигиена чтения // Чтение: энциклопедический словарь / под ред. Ю. П. Мелентьевой. М.: Наука, 2021. С. 34.

Пономарева 2013 — Пономарева В. В. Роль закрытых женских институтов Мариинского ведомства в установлении новых норм повседневной гигиены (вторая половина XIX — начало XX в.) // Вестник Московского университета. Сер. 23: Антропология. 2013. № 2. С. 124–136.

Пономарева 2015 — Пономарева В. В. Физическое воспитание в закрытых женских институтах ведомства учреждений императрицы Марии // Вестник Московского университета. Сер. 23: Антропология. 2015. № 1. С. 86–93.

Сулимов 2014 — Сулимов В. С. Санитарно-гигиеническое состояние женских учебных заведений Западной Сибири в начале XX в. // Женщина в российском обществе. 2014. № 3 (72). С. 36–45.

Фадеев 2012 — Фадеев А. В. История развития школьной гигиены детей и подростков в дореволюционной России // Российская академия медицинских наук. Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья. 2012. № 6. С. 158–164.

Хохлов 2014 — Хохлов А. А. Санитарно-гигиеническая обстановка в учебном заведении и её влияние на студенческие протесты конца XIX — начала XX вв. (на примере Казанской духовной семинарии // Казанский медицинский журнал. 2014. Т. 95, № 1. С. 121–123.

References

Bykova 2019 — Bykova, D. I. (2019). Sanitarnoe sostojanie srednih uchebnyh zavedenij S.-Peterburga vo vtoroj polovine XIX — nachale HH v [Sanitary state of secondary educational institutions of St. Petersburg in the second half of the 19th — early 20th century]. Prirodno-geograficheskie faktory v povsednevnoj zhizni naselenija Rossii: istorija i sovremennost' (regional'nyj aspekt). Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Natural and geographical factors in the daily life of the population of Russia: history and modernity (regional aspect). Materials of the international scientific conferenc] (pp. 159–163). Saint-Petersburg: LGU im. A. S. Pushkina.

Denisov 2019 — Denisov, L. A. (2019). Iz istorii stanovlenija shkol'noj gigieny v Rossii (po materialam 1-j Vserossijskoj gigenicheskoj vystavki 1893 g.) [From the history of the formation of school hygiene in Russia (based on the materials of the 1st All-Russian hygienic exhibition in 1893)]. Sanitarnyj vrach, 4, 72–81.

Fadeev 2012 — Fadeev, A. V. (2012). Istorija razvitija shkol'noj gigieny detej i podrostkov v dorevoljucionnoj Rossii. Rossijskaja akademija medicinskih nauk [The history of the development of school hygiene for children and adolescents in pre-revolutionary Russia]. Bjul'eten' Nacional'nogo nauchno-issledovatel'skogo instituta obshhestvennogo zdorov'ja, 6, 158–164.

Garashhenko 2018 — Garashhenko, L. V. (2018). Opyt organizacii zdorov'esberezhenija detej v chastnyh shkolah Irkutskaja (seredina XIX — nachalo HH vv.) [Experience in organizing children's health care in private schools in Irkutsk (mid-19th — early 20th centuries)]. Azimut nauchnyh issledovanij: pedagogika i psihologija, 7, no. 2 (23), 68–72.

Hohlov 2014 — Hohlov, A. A. (2014). Sanitarno-gigienicheskaja obstanovka v uchebnom zavedenii i ejo vlijanie na studencheskie protesty konca XIX — nachala XX vekov (na primere Kazanskoj duhovnoj seminarii [Sanitary and hygienic situation in an educational institution and its impact on student protests of the late 19th — early 20th centuries (on the example of the Kazan Theological Seminary)]. Kazanskij medicinskij zhurnal, 95: 1, 121–123.

Korjakin 2021 — Korjakin, M. V. (2021). Gigiena chtenija [Reading hygiene]. Chtenie. In Yu. P. Melentjeva (Ed.), Jenciklopedicheskij slovar' [Reading. Encyclopedic Dictionary] (p. 34). Moscow: Nauka.

Ponomareva 2013 — Ponomareva, V. V. (2013). Rol' zakrytyh zhenskikh institutov Mariinskogo vedomstva v ustanovlenii novyh norm povsednevnoj gigieny (vtoraja polovina XIX — nachalo HH v.) [The role of the closed women's institutes of the Mariinsky Department in establishing new norms of everyday hygiene (the second half of the 19th — early 20th century)]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 23. Antropologija, 2, 124–136.

Ponomareva 2015 — Ponomareva, V. V. (2015). Fizicheskoe vospitanie v zakrytyh zhenskikh institutah vedomstva uchrezhdenij imperatricy Marii [Physical education in closed women's institutes of the department of institutions of Empress Maria]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 23. Antropologija, 1, 86–93.

Sulimova 2014 — Sulimova, V. S. (2014). Sanitarno-gigienicheskoe sostojanie zhenskikh uchebnyh zavedenij Zapadnoj Sibiri v nachale HH v. [Sanitary and hygienic state of women's educational institutions in Western Siberia at the beginning of the 20th century]. Zhenshhina v rossijskom obshhestve, 3 (72), 36–45.

Veremenko 2017 — Veremenko, V. A. (2017). Gigiena shkol'nika v dvorjansko-intelligentskih sem'jah Rossii vtoroj poloviny XIX — nachala HH vv. [Hygiene of a schoolchild in the noble and intellectual families of Russia in the second half of the 19th — early 20th centuries]. Istorija povsednevnosti, 2(4), 79–105.

Veremenko, Zhukova 2020 — Veremenko, V. A., Zhukova A. E. (2020). Vospitatel'nye praktiki v dvorjansko-intelligentskih sem'jah Rossii vtoroj poloviny XIX — nachala HH v. [Educational practices in the noble and intellectual

families of Russia in the second half of the 19th — early 20th centuries]. Saint-Petersburg: Leningradskij gosudarstvennyj universitet im. A. S. Pushkina.

Veremenko 2022 — Veremenko, V. A. (2022). Tualet i vanna: gigiena tela v gorodskih dvorjansko-intelligentskih sem'jah Rossii vo vtoroj polovine XIX — nachale HH v [Toilet and Bath: Body Hygiene in Urban Noble-Intellectual Families of Russia in the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries]. *Voprosy istorii*, 7, 18-30. 10.31166/VoprosyIstorii202207Statyi48.

Valentina Veremenko; Stanislav Stepanov

Pushkin Leningrad State University; ORCID: 0000-0002-5217-5609;

Pushkin Leningrad State University; ORCID: 0000-0002-7113-5020

HYGIENE OF CHILDREN'S AND YOUTH'S READING IN RUSSIA AT THE TURN OF THE 19TH — 20TH CENTURIES

The article examines the approaches to the theory and practice of children's and adolescents reading hygiene at the turn of the 19th—20th centuries. This material is considered in the context of the formation of school hygiene as a medical and pedagogical direction. The authors highlight the history of the issue, identify gaps in the study of the national history of reading hygiene, problematise the definition of the concept of “reading hygiene”. On the basis of the study of professional speeches and publications of Naum Zak, Alexander Rammul, Alexander Alexandrovsky, Leo Burgenshtein the problems of reading, which specialists (medics and teachers) in the 1890s–1910s considered key, are revealed. In addition to the printing design of publications, experts drew attention to the negative impact of books on the mental and psychosocial development of the individual, and suggested protecting children from low-grade fiction and books with amorous and erotic content. The article describes the main sanitary and hygienic requirements for a textbook at that time: font parameters, number of lines, line spacing, paper quality, etc.; examples of educational books that do not meet the requirements of hygienists are given. It is shown what recommendations for preserving vision and preserving the health of children and youth were developed by the expert community of that time, and for which social circle they were designed.

Keywords: hygiene of children's and teenagers' reading, school hygiene, polygraphy of the educational book, hygienists, schoolchildren health care

Кирилл Маслинский, Светлана Маслинская

В КАНОН ЧЕРЕЗ ТИРАЖ: О НЕРАВЕНСТВЕ ДОСТУПА ПИСАТЕЛЕЙ К ПЕЧАТИ ДЕТСКИХ КНИГ В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ

Вопрос о существовании, направлении и характере причинной связи между изданием (тиражированием) произведений автора и его каноническим статусом обсуждался в литературе не так много и преимущественно в теоретическом ключе. В статье представлен материал, расширяющий эмпирическую базу для исследования этой проблемы. Мы опираемся на репрезентативные библиографические данные по советскому детскому книгоизданию, редкая особенность которых состоит в том, что они дают максимально полные сведения обо всех вышедших детских книгах, а не только об узком круге популярных авторов. Это позволило нам, во-первых, отследить количественные макро-характеристики производства детской книги: колебания общего тиража, объема «популяции авторов» и неравенства в распределении тиражей между ними, а во-вторых, выявить самых тиражируемых авторов в разные моменты советского периода и оценить их долю в общем объеме производства детских книг. С теоретической точки зрения оценка каноничности автора за счет переизданий должна быть дополнена оценкой конкуренции между авторами за ограниченный потенциальный тираж. Степень и результаты этой конкуренции мы предлагаем интерпретировать в терминах неравенства. Высокий уровень неравенства по доступу к тиражированию своих произведений среди авторов советских детских книг сохранялся на протяжении большей части периода. Самыми тиражными авторами оказались прежде всего поэты, писавшие для детей младшего возраста: Маршак, Чуковский, Барто, Михалков. За рассматриваемый период советское детское книгоиздание прошло два периода резкого сокращения ресурсов — в начале 1930-х гг. и в первой половине 1940-х гг. Прохождение «бутылочных горлышек» приводило к консолидации элит, оказавшихся на вершине

---

*Кирилл Александрович Маслинский,
Светлана Геннадьевна Маслинская*
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
Санкт-Петербург
kmaslinsky@pushdom.ru, braunknopf@gmail.com

тиражного рейтинга к началу падения и сумевших сохранить свои позиции в последующие годы. Это может быть описано как механизм положительной обратной связи в динамической системе, в результате которого привилегии порождают еще большие привилегии («богатые богатеют»). Противоположный эффект — повышение разнообразия и снижение неравенства — достигался в периоды институционального (НЭП) или идеологического (Оттепель) плюрализма.

Ключевые слова: литературный канон, издание, тираж, детская литература, неравенство, С. Маршак, А. Барто, К. Чуковский, С. Михалков

В социологически ориентированных исследованиях литературного канона принято обращаться в первую очередь к институтам преподавания и изучения литературы. Основными индикаторами канонического статуса служат в этом случае произведения автора в школьных или университетских программах, а также внимание к ним критиков и исследователей. Таких исследований уже немало, в том числе и на российском материале (см. например: [Вдовин, Лейбов 2013], по русской детской литературе см. [Лучкина 2021]). Намного реже в связи с литературным каноном обсуждается роль других институтов, в частности тех, которые непосредственно заняты производством и распространением книг, — издательств, книготорговли, библиотек. В отношении русской детской литературы изучение названных институтов ограничивается историей отдельных издательств [Шаманова 1994, Виноградова 2019], но не выходит на уровень обобщений относительно их роли в процессе распространения авторских репутаций.

В теоретическом обсуждении литературной канонизации присутствует тезис о том, что издание может влиять на вхождение автора в академический или общий канон [Beilein 2011, 168]. В конкретных исследованиях наибольшее внимание уделяется при этом «авторитетным» изданиям — комментированным, академическим собраниям, антологиям. Наличие авторитетного издания может рассматриваться в качестве одного из индикаторов канонического статуса. Однако, как указывает Аника Рокенбергер, этому взгляду свойственно преувеличение роли филологических авторитетов в процессах литературной канонизации, а, кроме того, он грешит логической цикличностью (влияние филологов «доказывается» отсылкой к процессу канонизации, который по определению включает действия филологов) [Rockenberger 2016, 277–279].

Тезис о влиянии изданий на канонический статус автора может быть рассмотрен не только с качественной (наличие престижных изданий), но и с количественной точки зрения. Ключевым моментом здесь выступает делящийся доступ потенциальных читателей к произведениям автора, что важно, в частности, для школьного канона [Winko 2007, 258]. Если смотреть на литературный канон как на динамическую систему, последующие состояния которой зависят от предыдущих, то переиздания выступают не только следствием канонического статуса, но и условием дальнейших переизданий. Эта идея по существу была высказана еще в классической работе Барбары Херрнштейн Смит: «Длительное выживание канонического текста следует рассматривать не столько как знак его ценности, сколько как самостоятельную ценность, обеспечивающую дальнейшее выживание» [Smith 1988, 50]. Таким образом, регулярное переиздание работ автора является важным условием формирования и поддержания канонического статуса.

Мы предлагаем добавить к этой проблеме еще одно количественное измерение — для поддержания циркуляции произведений автора важна не только регулярность переизданий, но и общее количество произведенных копий, то есть тиражи. Хотя нужно оговориться, что не все тиражируемые авторы закрепляются в каноне, — нельзя говорить о простой причинной связи: большие тиражи не обязательно ведут к каноническому статусу, равно как не всегда верно и обратное. В эмпирических исследованиях литературного канона это противопоставление описывается в терминах оппозиции популярность vs. престиж [Porter 2018]. Тиражность вплетена в более сложные причинно-следственные цепочки и является лишь одним из факторов в сложных процессах канонизации. Наша гипотеза состоит в том, что тиражирование является необходимым (но не достаточным) условием приобретения канонического статуса: чтобы автор закрепился в каноне, его произведения должны в какой-то момент пройти через достаточно интенсивное тиражирование.

Эмпирическая база для описанных выше теоретических построений о связи переизданий и канона остается более чем слабой. Особенно не хватает работ, выходящих за рамки рассмотрения истории издания отдельных авторов. В нашей статье мы предлагаем оценить взаимосвязь между переизданиями, тиражами и каноническим статусом авторов на новом эмпирическом материале, основанном на репрезентативных библиографических данных по советскому детскому книгоизданию за 1924–1984 гг.

Метод

Традиционно для историков литературы представляют интерес биографические, институциональные и иногда политические факторы, которые влияют на тиражирование произведений того или иного автора (читательский успех, престижные премии, школьная программа, идеология, репрессии и реабилитации и т. п.). В этом смысле у каждого автора может быть свой, специфический путь к каноническому статусу и связанным с ним тиражам. Обобщить такие пути может быть сложно.

Однако можно посмотреть на проблему доступа автора к тиражированию своих произведений с другой стороны: в каждый момент времени общий объем всех выходящих из печати книг по существу ограничен текущими возможностями экономики. Предел возможностей книгопечатного рынка зависит от разного рода условий: технологических (производительность существующих типографских мощностей), институциональных (издательские процедуры, институты финансирования писательской работы, и т. п.), логистических (каналы распространения), рыночных (спрос, объем рынка), политических (социальный заказ на определенную литературу, бюджетное финансирование, цензура), наконец, макроэкономических (общий объем ресурсов в экономике и в издательской отрасли). Если абстрагироваться от всех этих деталей, то можно констатировать, что в каждый период времени (например, год) существует некоторое предельное количество экземпляров книг, которые могут быть напечатаны, и это количество колеблется от года к году в зависимости от названных выше обстоятельств. Сказанное в равной мере применимо не только к общему книжному рынку, но и к отдельным институционально оформленным его сегментам, например, детской книге.

Если потенциальный объем книжной продукции ограничен, то можно представить решения о печати произведений тех или иных авторов большими или меньшими тиражами как результат конкуренции всех авторов, которые могли бы напечататься, за ограниченный ресурс — долю от общего потенциального тиража. Такая формулировка позволяет абстрагироваться от частных историй издания и переиздания отдельных авторов и рассмотреть более общие процессы, связанные с распределением ограниченного тиражного ресурса среди «популяции авторов».

Важно отметить, что автор в данном случае — это не отдельный индивид, а социальный конструкт, по природе напоминающий

бренд. Так, уже давно умерший классик продолжает конкурировать с ныне живущими авторами за свою долю тиражей. В этом смысле писатель не сам по себе является участником процесса конкуренции, а как часть окружающей его сети социальных акторов (как индивидуальных, так и институциональных), которые влияют на принятие решения об издании той или иной книги и о ее тираже.

Популяционный взгляд на конкуренцию авторов за тиражи открывает возможность поставить вопрос о том, насколько равномерно эти ресурсы распределяются в тот или иной период? Какие группы авторов выигрывают и проигрывают в результате снижения и в результате расширения общей тиражной базы? И, наконец, вопрос, который возвращает нас к проблеме формирования литературного канона — сказываются ли колебания в объеме общих тиражей на составе «элит», имеющих максимальный доступ к тиражам и переизданиям своих произведений?

Такая постановка вопросов сближает исследование с широким кругом проблем в дисциплинах, изучающих подобные популяционные процессы, прежде всего в экономике и социологии. Ключевая категория, которую можно заимствовать из этих дисциплин для данного исследования — это категория неравенства. Неравенство подразумевает привилегированное положение более или менее узкой группы в отношении доступа к ресурсам (распределение доходов, богатства и т. д.). Это должно быть характерно и для иерархизированных литературных систем, в которых сложился список канонических авторов.

Чтобы измерить уровень неравенства в распределении тиражей, мы используем широко применяемый в исследованиях имущественного неравенства инструмент — коэффициент Джини [Schulenberg 2018]. Его величина тем выше, чем большая доля общих ресурсов приходится на группу «самых богатых». Значение коэффициента изменяется в пределах от 0 до 1, где 0 — полностью равномерное распределение ресурсов, а 1 — полное неравенство (все ресурсы в одних руках).

Задача нашего исследования — описать динамику тиражей детской книги в период с 1924 по 1984 год, охарактеризовать процессы роста и падения неравенства среди авторов детских книг в доступе к тиражам, и соотнести эти процессы с известными в истории советской детской литературы этапами и процессами формирования отечественного канона детской литературы.

Данные

В основу исследования положены данные восемнадцатитомного библиографического указателя «Детская литература», составленного И. И. Старцевым и его продолжателями и охватывающего период с 1918 по 1984 гг. [Старцев 1933–1989]. Этот указатель представляет собой наиболее полную библиографию детских книг, издававшихся на русском языке в Советской России и затем в СССР. В этой работе мы следуем за Старцевым в том, какие издания он определял как детские книги и включал в свою библиографию. Это все издания, адресованные детям (художественная литература, в том числе переводная, сборники фольклора, научно-популярные, просветительские и инструктивно-методические издания, а также другие категории детских книг, включая альбомы для вырезания и раскрашивания). Важная категория, которая не учтена в библиографии Старцева (и его последователей), — школьные учебники и другая учебная литература. Данные указателей (1918–1984) были оцифрованы, преобразованы в базу данных и опубликованы в виде датасета [Маслинский 2022]. Подробности о принципах формирования, составе и структуре данных — в сопроводительной документации датасета.

Указатель Старцева содержит подробные библиографические описания изданий, включая тираж в тех случаях, когда он указывался в выходных данных. Указание тиража оставалось довольно стабильной практикой на протяжении всего советского периода. В подавляющем большинстве включенных в указатель изданий указан тираж. В среднем сведения о тираже отсутствуют для 1,3 % изданий в год. По не вполне ясным причинам в 1948–1949 гг. резко повысилась доля изданий без указания тиража (9–11 %). Сведения о тираже могут отсутствовать как в изданиях малоизвестных авторов (1–3 издания автора за весь период, шансы встретить издание без указания тиража — 0,7 %), так и в книгах авторов, широко тиражировавшихся (более 500 изданий, шансы — 1,6 %). Иными словами, независимо от степени популярности автора оценка общего тиража его книг может быть занижена в наших данных по сравнению с фактическим тиражом. Однако с этими оговорками можно заключить, что в целом данные о тиражах в указателе Старцева довольно полны и хорошо отражают как динамику общего объема тиражей детских книг, так и распределение тиражей между авторами.

В качестве единицы времени для оценки интересующих нас процессов мы выбрали один год, так как это хорошо соотносится

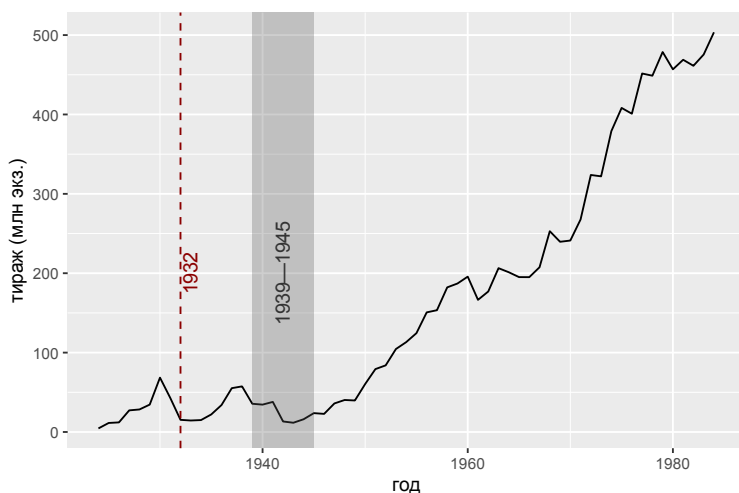

Рис. 1. Общий тираж детских книг

с издательскими циклами планирования и производства. Поскольку максимальный потенциальный тираж детских книг — величина теоретическая и ненаблюдаемая, в качестве оценки для общего объема ресурсов, за которые конкурируют авторы, мы используем суммарный тираж всех учтенных в указателе изданий за этот год. Издания с неуказанным тиражом исключаются из анализа. Для каждого автора мы вычисляем суммарный тираж всех его изданий, вышедших за год (включая книги в соавторстве), не разделяя новые книги и перепечатки.

Общая динамика тиражей и неравенства: 1924–1984

Для указанного периода в целом характерна тенденция к росту общих тиражей детских книг, который начинается с очень низкой базы после гражданской войны — всего 4,5 млн детских книг в год, и выходит к 1984 г. на уровень 500 млн экземпляров в год. Логично видеть в этих цифрах в том числе отражение общей демографической и экономической ситуации в стране. Однако обращают на себя внимание периоды, когда рост тиражей сменяется более или менее резким падением (см. рис. 1). Периоды снижения общего тиража интересны для нас тем, что в эти моменты снижается общая ресурсная база и конкуренция между авторами за тиражи неизбеж-

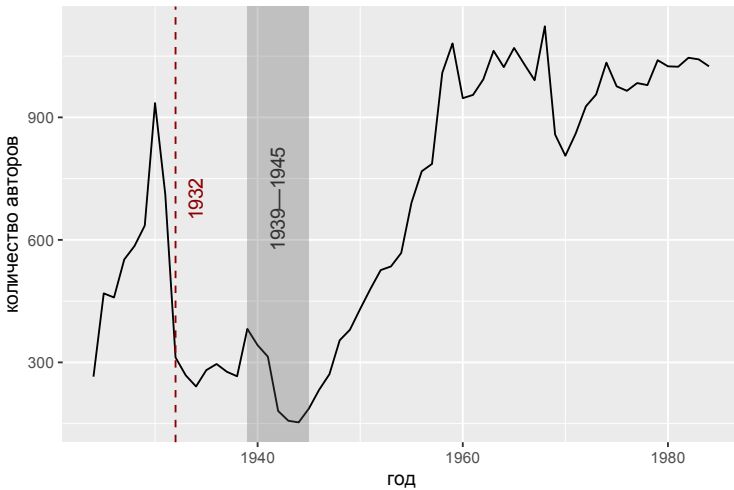

Рис. 2. Общее количество издаваемых авторов

но должна становиться более жесткой. Два самых ярких момента совпадают с концом НЭПа и началом сталинской эпохи (начало 1930-х гг.) и с периодом большого террора и Второй мировой войны (1937–1945 гг.). Менее драматичные по относительному масштабу периоды снижения общих тиражей приходится на начало и на конец 1960-х гг.

Гипотеза о повышении конкуренции в периоды сжатия общего тиража косвенно подкрепляется данными о динамике количества ежегодно издаваемых авторов детской литературы (рис. 2). Здесь мы учитываем только авторские издания, исключая сборники, переводные, фольклорные издания и т. д., в которых ответственные лица могут быть указаны в выходных данных (и иногда это те же Чуковский и Маршак), но не обозначены в роли автора. Средняя доля безавторских изданий составляет 13 % и колеблется в пределах от 6 % в 1931 г. до 32 % в 1944 г. В круг учитываемых авторов попадают также иллюстраторы детских книг, если их имя обозначено на обложке или титульном листе (такие как Лебедев, Чурушин и др.). Автор включался в расчет, если в указанном году вышло хотя бы одно издание за его авторством.

Периоды снижения тиражей четко коррелируют с периодами сокращения количества издаваемых авторов. Самое драматическое падение разнообразия издаваемых авторов приходится на нача-

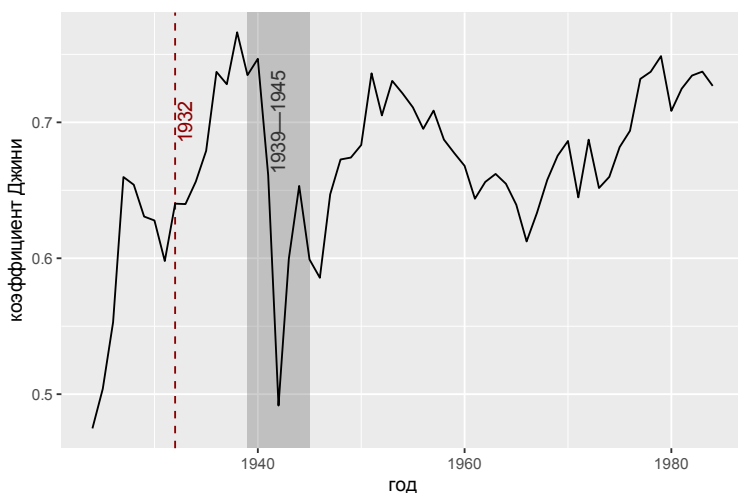

Рис. 3. Неравенство в распределении тиражей между авторами

до 1930-х гг. Если в 1930 г. были изданы книги 933 авторов, то в 1932 г. — только 312. Во время войны падение не настолько резкое, но именно тогда была достигнута самая глубокая «демографическая яма» среди авторов детских книг (153 автора в 1944 г.). К концу 1950-х гг. количество издаваемых авторов постепенно восстанавливается и до конца периода никогда существенно не превышает 1000 в год. По-видимому, этот достигнутый порог отражает организационные возможности централизованного советского книгоиздания, поскольку тиражи продолжают расти, хотя темп роста и замедляется к началу 1980-х гг.

Как можно было ожидать, тиражи распределены между авторами весьма неравномерно. Если объединить изданные за весь период авторские книги, то 50 % всех экземпляров составят издания 100 самых тиражных авторов из более чем 14 тысяч всех когда-либо печатавшихся авторов (коэффициент Джини — 0,63). Однако уровень неравенства в распределении тиражей между авторами довольно значительно колебался год от года. Эти колебания не коррелируют напрямую с объемом общего тиража и количеством издаваемых авторов, но можно проследить некоторые совпадения в точках резких изменений и ряд более долгосрочных трендов (рис. 3).

Моменты достаточно резкого сокращения объема тиражей и количества издаваемых авторов совпадают и с моментами паде-

ния неравенства. Этот эффект менее выражен в 1931 г. и очень заметен в 1941–1942 гг. Это означает, что при общем сокращении ресурсной базы распределение тиражей среди оставшихся в печати авторов несколько выравнивается (по-видимому, за счет утраты преимуществ самыми тиражными из них). Однако в обоих случаях падение сразу же сменяется ростом неравенства (пока тиражи и списки авторов продолжают оставаться небольшими). Особенно выражен этот рост неравенства в 1930-е гг., когда к 1937 г. был достигнут абсолютный пик тиражного неравенства за весь период. Иными словами, картина выглядит так, что резкое снижение объема книгоиздания не столько выравнивает, сколько открывает возможности для захвата значительной доли тиражей относительно узкой группой авторов в период восстановительного роста, который сопровождается ростом же неравенства.

Противоположная ситуация, когда продолжающийся рост тиражей сопровождается достаточно долгосрочным трендом на снижение общего неравенства приходится на период хрущевской Оттепели: вторую половину 1950-х — середину 1960-х гг. В этот период для более широкого круга авторов детских книг расширяется доступ к тиражированию своих произведений.

Те моменты, когда резкое сокращение общих тиражей совпадало с сокращением количества издаваемых авторов, можно описать как «бутылочные горлышки», через которые проходило советское детское книгоиздание. Понятие *бутылочное горлышко* заимствовано в данном случае из популяционной генетики и экологии, где таким образом описываются периоды, когда численность популяции в силу каких-то причин резко сокращается. Такие события интересны, поскольку имеют эволюционные последствия. Конечно, тиражирование детских книг отличается в существенных чертах от биологических популяций. В частности, вышедший из печати автор вполне может впоследствии вернуться, в отличие от исчезнувшего генетического варианта. Но есть и важное сходство — те, кто сохраняют свое положение в период бутылочного горлышка, получают повышенные шансы закрепиться в дальнейшем. Косвенно об этом свидетельствует наблюдаемый вслед за падениями рост неравенства.

Сделанные наблюдения подталкивают нас более внимательно рассмотреть периоды в истории советской детской книги, когда книгоиздание проходило «бутылочные горлышки». В последующих разделах статьи мы обсудим институциональные обстоятельства, сопутствовавшие каждому из этих моментов, и рассмотрим, как

прохождение каждого из бутылочных горлышек сказалось на составе «авторских элит», имевших максимальный доступ к тиражированию своих произведений.

1930-е годы

Разнообразие авторов в 1920-е гг. было обусловлено несколькими институциональными факторами, среди которых рыночный характер издательского дела имел решающее значение. При том что основной объем выпуска книг приходился на Госиздат, созданный в 1919 г., разнообразие издаваемых книг определялось как относительной автономностью краевых и региональных отделений Госиздата, так и значительной самостоятельностью частных издательств, десятки которых выпускали детскую литературу¹. Издательства, в той или иной степени опиравшиеся на дореволюционный опыт, привлекали авторов, оставшихся в Советской России после 1917 г., новые региональные и отраслевые издательства опирались на местные или ведомственные писательские кадры. Кроме того, время от времени заявлялся набор «новобранцев», призванный привлечь для создания детской книги «авторов, пишущих для взрослых», «молодых авторов» (вплоть до детей) или «бывалых людей». За этот период количество ежегодно издаваемых авторов возрастает с 264 в 1924 г. до 933 в 1930 г.

Работники в области детской книги с удовлетворением отмечали рост тиражей. Так, Л. Чупрынина отмечает, что «многотиражность, увеличение тиражей — любопытное явление 1929 г.» [Чупрынина 1930, 13]. Говоря об издании книг для дошкольников, сотрудница издательства «Молодая гвардия» (редактор дошкольной редакции) Елизавета Шабад писала:

Я укажу прежде всего на количественный рост книжки, имею в виду не количество названий, а тиражи. Важно то, что у нас появились 75-тысячные и 100-тысячные тиражи литографской двенадцати и шестикопеечной книжки. Конечно, и этих тиражей недостаточно: ими не утоляется еще книжный голод, и если кричать о чем-нибудь, то больше всего о том, что надо увеличивать и увеличивать тиражи [Шабад 1930, 6].

В 1928–1929 гг., при переходе от НЭПа к плановой экономике, частное книгоиздание было фактически запрещено. В результате количество издательств, выпускающих детскую книгу, быстро сократилось. Часть из них были поглощены Госиздатом

(такие как «Новая Москва» и «Прибой»), часть — просто закрыты [Баренбаум, Шомракова 2004, 215–216]. Сразу после кардинальной трансформации издательского ландшафта в середине 1930 г., когда уже идущие реформы были легитимированы Постановлением ЦК ВКП(б) «О работе Госиздата РСФСР и об объединении издательского дела», мы наблюдаем внушительный спад выпуска детской книги и резкое сокращение круга издаваемых авторов.

Резкое сокращение общего тиража детских книг, по-видимому, было вызвано прежде всего организационными, а не экономическими причинами. Создание ОГИЗа спровоцировало борьбу между вовлеченными в издание детской литературы группами писателей, редакторов и чиновников за контроль над укрупненными издательскими центрами. В 1930 г. Детиздат должен был объединить две группы издательских работников: детский сектор издательства «Молодая гвардия» и школьный сектор Государственного издательства художественной литературы (ГИХЛ). Сотрудники первой находились в Москве, второй — в Ленинграде. Два с половиной года шли позиционные бои за власть и ресурсы: с одной стороны, административное руководство в Москве во главе с В. Лядовой, с другой — С. Маршак и его ленинградская редакция. Возникшая в этом процессе неопределенность на бюрократическом языке совещаний называлась отсутствием кадров².

На стороне ленинградской группы выступал М. Горький, который полагал, что Маршак — наиболее авторитетный организатор детско-литературного цеха. В 1933 г., когда Горький взялся направлять кадровое и концептуальное содержание Детгиза, именно Маршака он видел во главе советского издательского дела для детей. Однако предложения Горького были реализованы лишь отчасти (он настаивал, чтобы Детгиз базировался в Ленинграде, этого не произошло), а его протезе вообще не были допущены к руководству издательством — во главе издательства оказались те, кого назначил ЦК КПСС, и это был не Маршак [Кудрина 2021, Кудрина 2020, 414–415]. Тем не менее организаторские достижения Маршака, признанные критикой творческие успехи в поэзии для детей и близость к Горькому позволили ему сохранить ведущее положение среди издаваемых авторов. Кроме того, он продолжал оказывать прямое влияние на формирование годовых издательских планов Детгиза.

В сложившейся ситуации значительная часть авторов теряет доступ к тиражированию своих произведений. Из всех авторов детских книг, печатавшихся в 1929–1931 гг., только 15 % продолжают

издаваться в 1932–1934 гг. Сокращение изданий затронуло и широко тиражировавшихся авторов, хотя их шансы сохранить свои издательские позиции были несколько выше. Так, из 35 самых тиражных авторов, на книги которых приходилась четверть общего тиража за 1929–1931 гг., сохранили это преимущественное положение в последующие три года только семеро (20%). Помимо двух классиков (Пушкин и Гоголь) трое в этом списке связаны с ленинградской редакцией (Маршак, Чуковский, Ильин) и двое москвичей (Барто, Кассиль).

В условиях, когда финансовые ресурсы недостаточны, но существовавшие ранее издательские производственные цепочки были разрушены, а новые еще не сформировались, естественным административным решением стала установка на снижение количества разных изданий одновременно с увеличением их *тиражей*. Например, в Приложении к Постановлению Оргбюро ЦК ВКП(б) «Об издательстве детской литературы» от 9 сентября 1933 г. сохранилось распоряжение «отказаться от издания детской книги тиражом менее 20.000, стараясь давать только проверенную книгу в подлинно массовом тираже» [Постановление 1933]. Это указание и должен был выполнить создаваемый «Детгиз».

Реализации политики тиражирования «проверенной книги» сопутствовал резкий рост неравенства среди авторов по доступу к тиражам. На протяжении 1930-х гг. при растущих тиражах количество ежегодно издаваемых авторов практически не растет после минимальной точки в 1932 г. (рис. 2). Масштабы неравенства можно охарактеризовать следующим образом: если в 1929–1931 гг. половину всех напечатанных экземпляров составляли книги 133 авторов (8,2% от всех авторов), то в следующие три года (1932–1934) список сокращается до 41 (6,5%), а в 1935–1937 гг. половина всего тиража — это книги 22 авторов (3,6%). К 1937 г. годовой показатель тиражного неравенства (коэффициент Джини) достигает максимального уровня за весь рассматриваемый период.

Как можно видеть по этим цифрам, сужение издательских планов затронуло не только менее тиражных авторов, но и многих вполне хорошо издававшихся ранее. Их положение очень красочно обрисовано Родионом Акульшиным, который к 1931 г. занимал в общем тиражном рейтинге детских книг 16 место (между Львом Толстым и Тургеневым), а после 1931 г. не издавался вовсе³. 15 декабря 1935 г. на Советании секции детской литературы по обсуждению плана Детского издательства на 1936 г. он выступил с резким заявлением:

АКУЛЬШИН. Я хочу сказать только для того, чтобы расшевелить товарищей, потому что когда один выступит, следующие охотнее выступают. Об этом плане должны прежде всего говорить те, которые включены в план, говорить им прежде всего нужно потому, что у них должно быть хорошее настроение: они в плане, их будут издавать, а не те, которых нет в плане. Что они могут сказать. План составлен, их в плане нет, и получается так же, как, если со станции отправляется поезд, а вы находитесь на станции. Все вагоны заполнены, все билеты проданы, вам очень нужно сесть на поезд, но вас не пускают, потому что мест нет и поезд отправляется, а ты остаешься [Совещание 1935].

Обида Акульшина понятна, как может показаться, он стал жертвой конкуренции опытных участников рынка и новобранцев за доступ к печатному станку. Но новых авторов, попавших в обойму нового многотиражного издательства, совсем немного. В рейтинговом списке авторов, чьи тиражи в сумме составляют 50 % всех напечатанных экземпляров, в 1932–1934 гг. появляется всего 16 новых имен, из них только 5 ранее не издавались. Самая заметная из них — детская поэтесса Зинаида Александрова. В начале 1930-х гг. Александрова была сотрудником детского сектора издательства «Молодая гвардия» и имела прямое отношение к формированию издательских планов, и, по-видимому, неслучайно ее творчество благожелательно оценивалось чиновниками образования в лице Н. Крупской, товарищем по цеху Э. Багрицким и коллегой по издательскому делу Е. Шабад [Крупская 1933, Багрицкий, Шабад 1934]. Тогда же в рейтинг входит и Гайдар, начавший печататься в конце 1920-х гг. относительно небольшими тиражами.

В последующие три года (1935–1937) новых имен в тиражном рейтинге всего 9, причем половину из них составляют отечественные и зарубежные классики (Гримм, Андерсен, Перро, Чехов, Мамин-Сибиряк). Исая Рахтанов на расширенном заседании Бюро секции детской литературы (4 сентября 1936 г.) возмущался: «Секция должна как-то реагировать на то, что Детиздат стал издавать почти исключительно классическую литературу» [Протокол 1936]. Ярким исключением в этой тенденции к консервации выглядит детский поэт Лев Квитко, которого начали издавать миллионными тиражами во второй половине 1930-х гг. В 1934 г. со страниц «Литературной газеты» Вера Смирнова провозгласила:

Не зная еврейского языка, мы сейчас цитируем целые строчки из его стихов, не имея переводов, мы пересказываем их нашим ребятам «презренной прозой»; мы сейчас будем биться за то, чтобы книги

Квитко были поскорее переведены лучшими нашими поэтами и стали бы радостью и для русских ребят. Потому что детские стихи Квитко — это не только подлинная поэзия, но это большой детский мир, необычно увиденный и блестяще рассказанный. Детские стихи Квитко переводятся на украинский язык, издаются на немецком языке, только на русском нет ни одной его книги. Это замалчивание большого поэта ложится тяжкой виной не только на наше детское издательство, но и на всю писательскую общественность [Смирнова 1934].⁴

В августе 1936 г. Чуковский пишет Маршаку, что они вместе с Квитко в Киеве составляют первый сборник переводов на русский его стихов для детей [Письма 2003, 160–161]. Авторами переводов выступили все тот же Маршак, Михалков и менее именитые переводчики (о переводах Л. Квитко см: [Дымшиц 2016]). При ближайшем рассмотрении оказывается, что за историей быстрого восхождения Квитко на тиражный олимп скрывается влияние Чуковского, Маршака и Михалкова. Если первый ограничился ролью менеджера поэта, то для Маршака и Михалкова книжные публикации переводов стихотворений Квитко стали возможностью получить доступ к тиражам, а значит и гонорарам⁵.

Основным итогом периода можно считать чрезвычайные привилегии для писательских элит, контролировавших в этот момент содержание издательских планов, и чрезвычайно высокий уровень тиражного неравенства. Рост общего благосостояния детского книгоиздания (судя по растущим тиражам) не привел к росту разнообразия детских книг. Во второй половине 1930-х гг. список авторов, захвативших четверть от общего тиража детских книг, сузился до 4–7 имен: Маршак, Чуковский, Барто, Михалков, Квитко, Пушкин, Лев Толстой. Как видно по этому списку, среди важнейших бенифициаров периода с точки зрения доступа к тиражам (помимо русских классиков, возвращенных в детское чтение⁶) оказался Маршак и связанные с ним писатели, несмотря на видимое аппаратное поражение в борьбе за контроль над Детгизом. Впрочем, и московские авторы (Барто и Михалков) получили свою долю тиражного пирога.

1939–1945 годы

Начиная с 1939 г., на фоне разворачивающейся Второй мировой войны, ежегодный рост общих тиражей детской книги сменился постепенным, но заметным снижением: в 1940 г. общий тираж сократился на 40 % по сравнению с пиковыми 1937–1938 гг. Впро-

чем, количество издаваемых авторов при этом не уменьшалось и даже продолжало расти. Наметившееся оживление в писательской среде (создание и пересоздание новых комиссий по обсуждению писательских и издательских приоритетов) и последовавшие изменения в тематическом и жанровом составе (появление темы любви, дружбы, подростковых отношений и пр.) были заблокированы с переводом Детгиза под управление Наркомпроса в мае 1941 г. (см. подробнее [Фатеев 2007, 76–83]).

За вторжением Германии на территорию СССР ожидаемо последовало резкое сокращение детского книгоиздания. Общий тираж в 1942–1943 гг. падает втрое по сравнению с 1940 г. и в пять раз — по сравнению с серединой тридцатых (пиковым 1937 г.), а общее количество издаваемых авторов сокращается вдвое и достигает исторического минимума за весь период.

Институциональный и социальный фон детского книгоиздания военного времени складывается из географического перемещения (эвакуация Детгиза и самих писателей в тыл⁷), демографических потерь (писатели, погибшие на фронте, как Аркадий Гайдар и Михаил Гершензон, или умершие в блокадном Ленинграде, как Иван Бельшев), и жесткого урезания планов. Тематические акценты издательского плана приобретают сугубо утилитарный характер — школьная классика и актуальные военно-патриотические произведения:

При сокращении общего объема намеченных к выпуску изданий Тематический план Детгиза на I-кв. исходит из основных задач, поставленных в решении ЦК ВКП(б) от 25-го мая 1941 г., а именно на необходимости подчинить работу Издательства интересам и требованиям школы (предполагающей в условиях военного времени работать по стабильным программам). В связи с этим тематический план включает в себя прежде всего основные классические произведения, предусмотренные школьными программами. Наряду с этим тематический план включает в себя ряд книг, освещающих современные события, героику отечественной войны, вооружающих детей необходимыми военно-техническими знаниями и воспитывающих их в духе патриотизма и беспредельной преданности своей родине [Объяснительная записка 1942, 9].

Для авторов, имевших к 1941 г. тиражные преимущества, резкое сокращение издательских ресурсов в военных условиях должно было выступить достаточно сильным фактором отбора. Действительно, если сравнить списки авторов, печатавшихся в 1939–1941 гг. и 1942–1944 гг., мы увидим значительную мобильность. После 1941 г.

продолжают печататься 19 % авторов. При этом среди наиболее привилегированных авторов, на которых суммарно приходилось 50 % общего тиража, сохранят свое относительное тиражное преимущество 14 из 33 (42 %). Впрочем, в абсолютном выражении тиражи сократятся у всех. Эта ситуация структурно напоминает «бутылочное горлышко» начала 1930-х гг., но отличается в количественных характеристиках: накануне «военного падения» тиражное неравенство среди авторов было выше, чем в конце 1920-х гг., и вместе с тем выше оказалась инерция сохранения статуса (значительно выше *доля* авторов, сохранивших свои тиражные преимущества).

Список тех, кто удержал высокотиражные позиции после 1941 г., включает всех основных бенефициаров сложившегося в первой половине 1930-х гг. неравного доступа к массовым тиражам детских книг: Маршак, Чуковский, Барто, Александрова, Кассиль, Квитко. Абсолютный тиражный лидер и одновременно самое заметное новое имя в этом списке — Сергей Михалков, очень много печатавшийся в конце 1930-х гг. Появляется в конце тридцатых и удерживает тиражные позиции в военный период и Аркадий Гайдар. Впрочем, не для всех современных авторов сохранение преимущества было безусловным. Из списка самых тиражных авторов в 1942–1944 гг. выпали Благинина, Бианки, Пришвин, Житков, Ю. Герман, Я. Перельман, М. Ильин и другие. Из новых советских классиков сохраняет позиции в войну Горький, но теряет Маяковский.

Несколько неожиданным образом выглядит в тиражных данных установка Детгиза на переиздание классиков. В 1939–1941 г. среди 33 писателей, чьи издания в сумме составляли 50 % общего тиража, мы находим 8 русских классиков (Лев Толстой, Крылов, Пушкин, Гоголь, Некрасов, Лермонтов, Чехов, Гаршин). Однако в 1942–1944 гг. в аналогичном списке (30 авторов) — их ровно столько же, только Лермонтов и Чехов заменяются на Ершова и Короленко. Резкий подъем тиражей Ершова готовился еще во второй половине 1930-х гг., когда, с одной стороны, была реабилитирована сказка, а с другой — возвращены классики. Ершов выгодно совмещал в своем творчестве оба признака (как, кстати, и Мамин-Сибиряк, рост тиражей которого начнется уже после войны). В 1936 г. автор одной из статей об очередном издании «Конька-Горбунка» задавался вопросом: «Почему же не забывается это старое произведение, почему не гложет память о нем, почему читают, любят и помнят эту старинную сказку дети?» и далее предлагает свою версию ответа:

Потому что близок им <детям — К. М., С. М.> проникающий сказку оптимизм, потому что сочувствуют они Иванушке, борющемуся против враждебных ему сил и побеждающему их, потому что нравятся им этот волшебный вымысел. Понятен и доступен им и стих этой сказки — великолепный стих Пушкина, которым великий поэт написал свои знаменитые сказки — о Царе Салтане, Золотом петушке и Мертвой царевне [Андреев 1936, 9].

Таким образом, в условиях сокращения ресурсов речь шла не об увеличении производства классиков, а о сохранении существующего уровня (за счет экономии на менее приоритетных авторах и темах).

Тем не менее в «военном списке» более тиражируемых авторов есть и новые имена современных писателей, которые не так много печатались в 1930-е гг. Для многих из них это определено изданием произведений для младшего возраста, так или иначе связанных с военно-патриотической тематикой. Здесь можно назвать А. Введенского («А ты!»), Н. Гернет («Приказы Васи-командира»), О. Высотскую, Л. Воронкову («Лихие дни», «Девочка из города»). Но в то же время по спискам издаваемых авторов заметно и стремление сохранить некоторый уровень «нормальности» детской книги, в особенности для младшего возраста. Так, довольно большими по военным меркам тиражами печатаются и вполне обычные детские стихи, и анималистическая проза (Скребицкий, Федорченко), и лениниана (Кононов), раскраски (Лаптев, Гернет) и книжки-картинки (Чарушин).

Военная часть повестки не вылилась в появление в топе писателей, специализирующихся на военной теме. Напротив, заметно, что как опытные, так и новые поэты и писатели вкладывались в военно-патриотическое воспитание понемногу. Под одной обложкой выходили старые и новые стихи и рассказы тиражных авторов (Маршак, Михалков, Барто, Кассиль, Воронкова, Гайдар) и репортажи фронтовых журналистов. Многие из этих изданий печатались значительными тиражами (до 100 тыс.)⁸.

С окончанием войны начинается довольно быстрый рост тиражей. К 1947 г. тиражи восстановились до уровня 1939 г. Одновременно с этим начинается рост тиражного неравенства, которое достигает очередного пика, примерно соответствующего уровню 1930-х гг., к началу 1950-х гг. Таким образом, послевоенное расширение ресурсной базы детского книгоиздания выливается в дополнительные тиражи для достаточно узкой группы авторских элит. Предсказуемым образом в списке бенефициаров (на которых при-

ходила четверть общего тиража) мы встречаем уже знакомые имена. Помимо классиков (Толстого и Пушкина) и уже знакомой нам группы Маршака, Чуковского и Барто, вышедших на тиражный олимп после «бутылочного горлышка» 1930-х гг., в послевоенном росте свою долю тиражей удерживают и те авторы, кто начал широко тиражироваться накануне военного падения: Михалков, Гайдар, Маяковский и Крылов. Сохраняющееся неравенство было замечено и современниками — в писательской среде в 1949 г. активно обсуждалась проблема «монополизма группы писателей старшего поколения» [Фатеев 2007, 144].

В послевоенный сталинский период круг авторов, чьи детские книги массово тиражируются, остается довольно консервативным, сформировавшимся почти полностью в довоенные годы. Количество это можно оценить, рассмотрев авторов, которые впервые вошли в группу тех, на чьи издания приходится половина объема всех тиражей. Таких всего 24. Среди них есть несколько современных писателей, которые продолжают массово издаваться до конца советского периода — это Алексей Н. Толстой, Бажов, в начале 1950-х гг. к ним присоединятся Носов, Осеева и Баруздин. Остальные авторы в этой группе новичков, получив доступ к высоким тиражам, достаточно быстро его потеряют (не позднее конца 1960-х гг.). Это прежде всего группа соцреалистически ориентированных позднесталинских авторов: Полевой, Ликстанов, Мусатов, Поляновский (за счет «Улицы младшего сына» в соавторстве с Кассилем) и некоторые другие. При этом отодвинуть Маршака, Михалкова и Барто от тиражной «кормовой базы» никому не удавалось. К. Симонов на XIII Пленуме правления Союза советских писателей в начале 1950 г. раздраженно называл их имена, упрекая в узурпации тиражей и в затруднении доступа к печати для молодых коллег [Фатеев 2007, 145]. Считается, что в это время в писательской среде бытовал куплет:

А входил в обойму кто?
Лев Кассиль, Маршак, Барто.
Шел в издательстве косяк:
А. Барто, Кассиль, Маршак.
Создавали этот стиль —
С. Маршак, Барто, Кассиль [Гейзер 2002].

Таким образом, второе «бутылочное горлышко» по своим эффектам напоминает первое. Первоначальное падение и последующий рост тиражей и общих издательских ресурсов в начале соро-

ковых привели к сохранению преимуществ тех, кто уже обладал ими к началу войны. Существенную группу среди них составили бенефициары предшествующего периода — уже закрепившиеся на вершине тиражной пирамиды детские поэты — Маршак, Чуковский и Барто. Отличие состоит в том, что в более продолжительный, по сравнению с тридцатыми, период послевоенного роста тиражей среди широко издаваемых авторов появляется относительно больше новых имен.

Однако настоящий расцвет разнообразия детской печати наступает в эпоху хрущевской Оттепели. На фоне продолжающегося роста тиражей и количества ежегодно издаваемых авторов в этот период наблюдается неожиданно устойчивый тренд на снижение тиражного неравенства. Для сравнения, за период с середины 1950-х гг. по середину 1960-х гг. в списке самых тиражных авторов (50 % общего тиража) появляется более 120 новых имен. Заметное место среди них, помимо современных советских писателей, занимают зарубежные авторы, не относившиеся к группе «классиков»: Майн Рид, Конан Дойл, Луи Буссенар, Джанни Родари и другие. По сочетанию макро-показателей (рост общего тиража, рост количества издаваемых авторов, падение тиражного неравенства) этот период похож на эпоху НЭПа. Примечательно, что хотя в период НЭПа детские издательства существовали в целом в рыночной системе, а в хрущевский период система детского книгоиздания была уже полностью централизованной и плановой, в Оттепель разнообразие авторов и падение неравенства оказывается даже более выраженным⁹.

Впрочем, кривая тиражного неравенства поразительно чутко реагирует на смену политической обстановки — со второй половины 1960-х гг. тренд сменяется. Постепенный рост неравенства снова наблюдается на фоне дряхлеющего тиражного изобилия в 1970-х и 1980-х гг. Несмотря на приход за это время в детскую литературу многих новых авторов, к началу 1980-х гг. в списке самых тиражируемых (25 % от общего тиража) мы ни одного из них не обнаруживаем. Напротив, этот список складывается из напластований закрепленных в предшествующие годы преимуществ: тиражные авторы 1920-х гг., пережившие все последующие колебания (Маршак, Чуковский, Бианки, Барто); бенефициары «бутылочного горлышка» 1930-х гг. (Александрова и возвращенные в детское чтение классики — Пушкин и Лев Толстой); авторы, вошедшие в детскую печать в конце 1930-х гг. и прошедшие сквозь военное бутылочное горлышко (Михалков, Гайдар, Горький, Маяковский), и, наконец,

последний из прибывших — получатель сталинской премии 1951 г. Носов.

Заключение

Вопрос о существовании, направлении и характере причинной связи между изданием (тиражированием) произведений автора и его каноническим статусом обсуждался в литературе не так много и преимущественно в теоретическом ключе. В нашей статье мы представили материал, расширяющий эмпирическую базу для исследования этой проблемы. Мы опираемся на репрезентативные библиографические данные по советскому детскому книгоизданию, редкая особенность которых в том, что они дают наиболее полные сведения обо всех вышедших детских книгах, а не только об узком круге популярных авторов. Это позволило нам, во-первых, отследить количественные макро-характеристики производства детской книги — колебания общего тиража, объема «популяции авторов» и неравенства в распределении тиражей между авторами, а во-вторых, выявить самых тиражируемых авторов в разные моменты советского периода и оценить их долю в общем объеме производства детских книг. С теоретической точки зрения мы предлагаем дополнить модель влияния переизданий на канонический статус автора идеей конкуренции между авторами за ограниченный потенциальный тираж, и оценивать степень и результаты этой конкуренции в терминах неравенства.

Мы обнаружили высокий уровень неравенства по доступу к тиражированию своих произведений среди авторов советских детских книг на протяжении большей части периода. Самыми тиражными авторами оказались прежде всего поэты, писавшие для детей младшего возраста: Маршак, Чуковский, Барто, Михалков. Это можно отчасти объяснить тем, что небольшие иллюстрированные издания для маленьких детей, ориентированные на чтение взрослыми детьми, были наиболее массово тиражируемой книжной формой. Но в то же время именно этот сегмент советского книжного «рынка» был в очень высокой степени монополизирован узкой группой авторов.

Помимо измерения степени неравенства и определения круга «бенефициаров», постоянно издававших свои произведения, важный эмпирический результат нашей работы — демонстрация высокой степени стабильности элитных групп авторов, некогда получивших доступ к высоким тиражам. За рассматриваемый период

советское детское книгоиздание прошло два периода резкого сокращения ресурсов («бутылочные горлышки») — в начале 1930-х гг. и в первой половине 1940-х гг. Мы предполагали, что неизбежное в условиях сжимающихся ресурсов повышение конкуренции за тиражи между авторами могло привести к изменениям в составе авторских элит. Наши данные показывают, что прохождение «бутылочных горлышек» приводило скорее не к смене, а к консолидации элит, оказавшихся на вершине тиражного рейтинга к началу падения и сумевших сохранить свои позиции в первые скудные годы. Последующий восстановительный рост давал этим удержавшимся авторам непропорциональные преимущества в возможности нарастить свои тиражи и закрепить положение. Главным пострадавшим по итогам обоих «бутылочных горлышек» оказалось разнообразие детских книг. Таким образом, мы наблюдаем механизм положительной обратной связи в динамической системе, в результате которого привилегии порождают еще большие привилегии («богатые богатеют»). Противоположный эффект — повышение разнообразия и снижение неравенства — достигался в периоды институционального (НЭП) или идеологического (Оттепель) плюрализма.

В этой статье мы не рассматриваем особенностей применения понятия литературного канона к детской литературе (см. работы [Kümmerling-Meibauer, Müller 2017, Kümmerling-Meibauer 2003]). Поэтому наша работа может дать только пролегомены к анализу причинной взаимосвязи между тиражированием произведений автора и его каноническим статусом. Но даже если обратиться к конвенциональным критериям, применяемым для измерения канонического статуса во взрослой литературной традиции, можно заметить, что выявленные нами лидеры тиражных списков во многом пересекаются со списком авторов, которых можно отнести к каноническим по другим основаниям (включение в вузовские программы и учебники по детской литературе, экранизация произведений, наличие памятников писателю и персонажам его произведений и т. п.). Мы рассматриваем это как эмпирическое свидетельство в пользу нашей гипотезы о том, что широкое тиражирование произведений является необходимым условием для того, чтобы автор мог быть включен в литературный канон. Более строгая проверка этой гипотезы должна стать предметом дальнейших исследований.

Примечания

- ¹ Некоторое представление о вкладе мелких и мельчайших издательств (как в разной степени аффилированных с государством, так и независимых частных) в выпуск детской литературы дает обзор Л. А. Чупырниной [Чупырнина 1930, 8].
- ² См. жалобы И. А. Разина (зав. детским сектором «Молодой гвардии», подведомственной не Наркомпросу, а ЦК ВЛКСМ) А. Халатову и М. Горькому об одиночестве ОГИЗа в деле издания детской литературы и отсутствии мощностей [Кудрина 2021, 411].
- ³ Р. М. Акулышин входил в литературную группу «Перевал», ликвидированную в 1932 г., что могло являться причиной отказа от издания его произведений. Многие участники этой группы во второй половине 1930-х гг. были репрессированы.
- ⁴ Борис Ивантер отнес поэта к «современным украинским писателям» [Ивантер 1935].
- ⁵ К. Чуковский возмущался тем, что Маршак перехватывал стихи Квитко у других переводчиков, тайком переводил и публиковал свои переводы: «Сейчас позвонил мне Маршак. Оказывается, он недаром похитил у меня в Москве две книжки Квитко — на полчаса. Он увез эти книжки в Крым и там перевел их — в том числе „тов. Ворошилова“, хотя я просил его этого не делать, т.к. Фроман месяц сидит над этой работой — и для Фромана перевести это стихотворение — жизнь и смерть, а для Маршака — лишь лавр из тысячи» (цит по: [Письма 2003, 162]). Ну а С. Михалков в 1938 г. рассыпался в комплиментах Квитко в заметке с «говорящим» названием «Почему я люблю переводить стихи Квитко», умалчивая об экономическом интересе [Михалков 1938].
- ⁶ Начиная с 1934 г., в том числе с подачи партийной и издательской номенклатуры (статья Н. Семашко «Как нужно издавать школьную серию классиков» в «Литературной газете» [Семашко 1934]) был заявлен возврат к изданию классики (как отечественной, так и зарубежной, как школьной, так и произведений из досугового чтения). Стенограммы совещаний писателей и издателей, статьи в периодике отражают смену вектора: перегибы Наркомпроса и ГУСа (Н. Крупская, Э. Яновская, З. Лилина, Е. Флерины) осуждены, классика с опорой на позицию М. Горького признается необходимой для воспитания юных коммунистов (см., например, статьи [Бабушкина 1936, Кон 1937, Решетин 1938]).
- ⁷ О проблемах, связанных с эвакуацией сотрудников Детгиза и вывозом в Киров типографского оборудования, см. [Русских 2012, Детгиз 2019].
- ⁸ Советским детям. М., 1941; Партизаны Великой Отечественной войны советского народа. М.; Л., 1941; Будь героем. М., 1941; В огне Отечественной войны: Сб. стихов, очерков, рассказов / Сост. Г. Н. Петников. Нальчик, 1942; В боях. Киров. Детгиз. 1942; Боевые ребята. Свердловск ОГИЗ-Свердлгиз. 1942; Ребятам-тимуровцам. М., 1943.

⁹ Например, «„Детский мир“ под руководством Ю. Тимофеева на некоторое время стал аккумулятором самых разных направлений и эстетик (по крайней мере, в сегменте „дошкольной“ литературы, на которой специализировался). В нем выходили книги как близких к Л. Чуковской И. Дика и Я. Акима, так и раскритикованных ею А. Алексина и Я. Тайца; стихи как признанных советских классиков (С. Михалкова, А. Барто), так и отстраненных на долгие годы авторов 1920–30-х; веселые „реалистические“ рассказы о детях, но с равным успехом — и волшебные сказки, философские притчи, абсурдистские стихи. Именно в этом разнообразии и заключалось сходство „Детского мира“ с маршакской редакцией — издательство не создавало определенного литературного направления, но собирало вокруг себя самых разных творческих людей и поощряло разные течения, предоставляя им возможность соприкоснуться друг с другом и, главное, — работать, писать, выпускать свою продукцию» [Виноградова 2019, 27]

Литература

Источники

Андреев 1936 — Андреев С. Классическая русская сказка // Детская литература. 1936. № 18, окт. С. 5-9.

Бабушкина 1936 — Бабушкина А. П. Издательство детской литературы ЦК ВЛКСМ за полгода // Детская литература. 1936. № 13, авг. С. 6-10.

Багрицкий, Шабад 1934 — Багрицкий Э., Шабад Е. Песни ровесников пятилетки // Литературная газета. 1934. № 11 (326), 2 февр.

Детгиз 2019 — «Детгиз в городе Кирове»: альбом-каталог документов из фондов Центрального государственного архива Кировской области. Киров: ООО «Лобань», 2019.

Ивантер 1935 — Ивантер Б. Отчет секции детской литературы Союза советских писателей за 1935 год // РГАЛИ Ф. 631. Оп. 8. Ед. хр. 7. Л. 39.

Кон 1937 — Кон Л. Классическое наследство — детям // Детская литература. 1937. № 21, нояб. С. 28-37.

Крупская 1933 — Н. К. Крупская у детских писателей // Литературная газета. 1933. № 26 (254), 5 июня.

Михалков 1938 — Михалков С. Почему я люблю переводить стихи Квитко // Литературная газета. 1938. № 21 (728), 15 апр.

Объяснительная записка 1942 — Объяснительная записка к тематическому плану издательства «Детгиз» Народного комиссариата просвещения РСФСР на 1-й квартал 1942 г. 19 января 1942 г. // ЦГКАО (Центральный государственный архив Кировской области). Ф. П-1290. Оп. 8. Д. 179. Л. 9–11.

Письма 2003 — «Между нами долго была какая-то стена»: Письма К. И. Чуковского к С. Я. Маршаку / Публикация и предисловие М. Петровского // Альманах Егупец. 2003. № 12. С. 158-178.

Постановление 1933 — Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «Об издательстве детской литературы» от 9 сентября 1933 г. // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК—ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917 — 1953 / сост. А. Артизов, О. Наумов. М.: МФД, 1999. С. 203-205.

Протокол 1936 — Протокол расширенного заседания Бюро Секции детской литературы от 4/IX 1936 года // РГАЛИ Ф. 631. Оп. 8. Ед. хр. 7. Л. 3.

Решетин 1938 — Решетин С. Герои-патриоты в произведениях русских классиков // Детская литература. 1938. № 1, янв. С. 15-24.

Русских 2012 — Русских С. Н. Детгиз в Кирове: из истории книжного дела военных лет (архивные документы) // Вестник Вятского государственного университета. 2012. № 4. С. 102-105.

Семашко 1934 — Семашко Н. Как нужно издавать школьную серию классиков // Литературная газета. 1934. № 142 (458), 22 окт.

Смирнова 1934 — Смирнова В. Детская литература на Украине // Литературная газета. 1934. № 84 (400), 3 июля.

Совещание 1935 — Совещание по обсуждению плана Детского издательства на 1936 г. // РГАЛИ Ф. 631. Оп. 8. Д. 8. Л. 160.

Старцев 1933–1989 — Детская литература: библиография [1918–1984] : [в 18 ч.] / И. И. Старцев [и др.]. — М. ; Л., 1933–1989.

Чупырнина 1930 — Чупырнина Л. Продукция детской книги за 1929 г. // Книга детям. 1930. № 2-3, июнь. С. 7-16.

Шабад 1930 — Шабад Е. Немножко хорошего о детской книжке // Книга детям. 1930. № 2-3, июнь. С. 6-7.

Исследования

Баренбаум, Шомракова 2004 — Баренбаум И. Е., Шомракова И. А. Всеобщая история книги. СПб: Университет культуры и искусств, 2004.

Вдовин, Лейбов 2013 — Acta Slavica Estonica IV. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение, IX. Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон / ред. А. Вдовин, Р. Лейбов. Тарту, 2013.

Виноградова 2019 — Виноградова О. В. Эстетические новации в русской короткой прозе для детей 1960-70-х годов и их роль в литературном процессе: магистр. дисс. / НИУ ВШЭ. Москва, 2019.

Гейзер 2002 — Гейзер А. М. Право на бессмертный миг (Заметки о С. Я. Маршаке) // Заметки по еврейской истории. 2002. № 16. URL: <https://www.berkovich-zametki.com/Nomer16/Marshak1.htm>

Дымшиц 2016 — Дымшиц В. А. Детские стихи Льва Квитко в русских переводах // Детские чтения. 2016. № 1 (9). С. 152–178.

Кудрина 2020 — Кудрина Е. В. Издательские планы Детгиза в 1934 году // Библиография и библиотековедение. 2020. № 6 (431). С. 96–115.

Кудрина 2021 — Кудрина Е. В. Роль М. Горького в истории издательства «Детгиз» // Детские чтения. 2021. № 2 (18). С. 407–424. DOI: 10.31860/2304-5817-2020-2-18-407-424.

Лучкина 2021 — Лучкина О. А. Формирование канона литературы для детей в критике 1860–1880-х гг.: дисс. ... канд. филол. наук / Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН. Санкт-Петербург, 2021. URL: http://pushkinskijdom.ru/wp-content/uploads/2021/10/Luchkina_Formirovanie-kanona-literatury-dlya-detej-v-kritiki-1860-1880-h-gg.pdf

Маслинский 2022 — Библиография детской книги 1918–1984 // Репозиторий открытых данных по русской литературе и фольклору / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. 2022. DOI: 10.31860/openlit-2022.12-B010

Фатеев 2007 — Фатеев А. В. Сталинизм и детская литература в политике номенклатуры СССР (1930-е - 1950-е гг.). М.: МАКС Пресс, 2007.

Шаманова 1994 — Шаманова С. Е. Издательство "Радуга"(1920-е гг.)// Книга: Исследования и материалы. М.: Всесоюзная книжная палата, 1994. Сб. 68. С. 243-268.

Beilein 2011 — Beilein M. Literarischer Markt: Verlagswesen und Buchhandel // Kanon, Wertung und Vermittlung Literatur in der Wissensgesellschaft / hrsg. M. Beilein, C. Stockinger und S. Winko. Berlin; New York, 2011. S. 120-127.

Kümmerling-Meibauer 2003 — Kümmerling-Meibauer B. Kinderliteratur, Kanonbildung und literarische Wertung Stuttgart [u.a.], Metzler, 2003.

Kümmerling-Meibauer, Müller 2017 — Canon Constitution and Canon Change in Children's Literature / eds. by B. Kümmerling-Meibauer & A. Müller. New York and London: Routledge, 2017. Pp. 1-14.

Porter 2018 — Porter J. D. Popularity/prestige. Literary Lab: [electronic issue] Pamphlet 17. 2018. September. URL: <https://litlab.stanford.edu/LiteraryLabPamphlet17.pdf>.

Rockenberger 2016 — Rockenberger A. Textual Scholarship and Canon Formation // Scholarly Editing and German Literature: Revision, Revaluation, Edition / ed. by L. Jones et al. Leiden; Boston: Brill Rodopi, 2016. Pp. 273–283.

Schulenberg 2018 — Schulenberg R. dineq: Decomposition of (Income) Inequality. R package version 0.1.0. 2018. URL: <https://CRAN.R-project.org/package=dineq>.

Smith 1988 — Herrnstein Smith B. *Contingencies of Value. Alternative Perspectives for Critical Theory*. Cambridge: Harvard University Press, 1988.

Winko 2007 — Winko S. *Textbewertung // Handbuch Literaturwissenschaft / hg. T. Anz. Bd. 2 Methoden und Theorien*. Stuttgart; Weimar: J. B. Metzler, 2007. S. 233–266.

References

Barenbaum, Shomrakova 2004 — Barenbaum, I. E., Shomrakova, I. A. (2004). *Vseobshchaya istoriya knigi [The universal history of the book]*. Saint-Petersburg: Universitet kul'tury i iskusstv.

Beilein 2011 — Beilein, M. (2011). *Literarischer Markt: Verlagswesen und Buchhandel*. In M. Beilein, C. Stockinger und S. Winko (Hrsg.) *Kanon, Wertung und Vermittlung Literatur in der Wissensgesellschaft* (s. 120-127). Berlin; New York.

Dymshits 2016 — Dymshits, V. A. (2016). *Detskie stikhi L'va Kvitko v russkikh perevodakh [Leo Kvitko's poems for children in Russian translations]*. *Detskie chtenia*, 1 (9), 152–178.

Fateev 2007 — Fateev, A. V. (2007). *Stalinizm i detskaya literatura v politike nomenklatury SSSR (1930-e - 1950-e gg.) [Stalinism and children's literature in the politics of the USSR nomenklatura (1930s - 1950s)]*. Moscow: MAKS Press.

Geyzer 2002 — Geyzer, A. M. (2002). *Pravo na bessmertnyy mig (Zametki o S. Ya. Marshake) [The right to an immortal moment (Notes On S. J. Marshak)]*. *Zametki po evreyskoy istorii*, 16. Retrieved from: <https://www.berkovich-zametki.com/Nomer16/Marshak1.htm>

Kudrina 2020 — Kudrina, E. V. (2020). *Izdatel'skie plany Detgiza v 1934 godu [Publishing plans of Detgiz in 1934]*. *Bibliografiya i bibliotekovedenie*, 6 (431), 96–115.

Kudrina 2021 — Kudrina, E. V. (2021). *Rol' M. Gor'kogo v istorii izdatel'stva "Detgiz" [The role of M. Gorky in the history of Detskiye Gorky in the history of publishing house "Detgiz"]*. *Detskie chtenia*, 2 (18), 407–424. 10.31860/2304-5817-2020-2-18-407-424.

Kümmerling-Meibauer 2003 — Kümmerling-Meibauer, B. (2003) *Kinderliteratur, Kanonbildung und literarische Wertung* Stuttgart [u.a.]: Metzler.

Kümmerling-Meibauer, Müller 2017 — B. Kümmerling-Meibauer & A. Müller (Eds.) *Canon Constitution and Canon Change in Children's Literature*. New York and London: Routledge.

Luchkina 2021 — Luchkina, O. A. (2021). *Formirovanie kanona literatury dlya detey v kritike 1860-1880-kh gg. [Formation of the canon of literature For Children in Criticism in the 1860s-1880s]* (doctoral dissertation). Institute of

Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences. Saint-Petersburg. Retrieved from:

http://pushkinskiydom.ru/wp-content/uploads/2021/10/Luchkina_Formirovanie-kanona-literatury-dlya-detej-v-kritiki-1860-1880-h-gg..pdf

Maslinsky 2022 — Bibliografiya detskoj knigi 1918–1984 [Bibliography of books for children 1918–1984] (2022). In *Repozitorij otkrytykh dannyx po russkoj literature i fol'kloru* (Institut russkoj literatury (Pushkinskiy Dom) RAN). DOI: 10.31860/openlit-2022.12-B010

Porter 2018 — Porter, J. D. (2018). Popularity/prestige. *Literary Lab*: [electronic issue] Pamphlet 17. September. Retrieved from: <https://litlab.stanford.edu/LiteraryLabPamphlet17.pdf>.

Rockenberger 2016 — Rockenberger, A. (2016). Textual Scholarship and Canon Formation. In L. Jones et al. (Eds.) *Scholarly Editing and German Literature: Revision, Reevaluation, Edition* (pp. 273–283). Leiden; Boston: Brill Rodopi.

Schulenberg 2018 — Schulenberg, R. (2018). *dineq: Decomposition of (Income) Inequality*. R package version 0.1.0. 2018. Retrieved from: <https://CRAN.R-project.org/package=dineq>.

Shamanova 1994 — Shamanova, S. E. (1994) *Izdatel'stvo "Raduga" (1920-e gg.) [Publishing house "Rainbow" (1920s)] // Kniga: Issledovaniya i materialy*. (Bd. 68. pp. 243–268). Vsesoyuznaya knizhnaya palata, Moscow.

Smith 1988 — Herrnstein Smith, B. (1988). *Contingencies of Value. Alternative Perspectives for Critical Theory*. Cambridge: Harvard University Press.

Vdovin, Leybov 2013 — Vdovin, A., Leybov, R. (Eds.) (2013). *Acta Slavica Estonica IV. Trudy po russkoj i slavyanskoj filologii. Literaturovedenie, IX. Khrestomatiynye teksty: russkaya pedagogicheskaya praktika XIX v. i poeticheskiy kanon* [Acta Slavica Estonica IV. Proceedings in Russian and Slavic Philology. Literary Studies, IX. Texts of the textbook: Russian pedagogical practice of the 19th century and the poetic canon]. Tartu.

Vinogradova 2019 — Vinogradova, O. V. (2019). *Esteticheskie novatsii v russkoj korotkoj proze dlya detej 1960-70-kh godov i ikh rol' v literaturnom protsesse* [Aesthetic innovations in Russian short prose for children 1960-70s and their role in the literary process] (MA dissertation). HSE University, Moscow.

Winko 2007 — Winko, S. (2007). *Textbewertung*. In T. Anz (Hg.) *Handbuch Literaturwissenschaft* (Bd. 2 Methoden und Theorien, pp. 233–266.). Stuttgart; Weimar: J. B. Metzler.

Kirill Maslinsky, Svetlana Maslinskaya

Institute of Russian Literature (Pushkin House);

ORCID: 0000-0002-9674-2046; 0000-0001-7911-4323

INTO THE CANON THROUGH CIRCULATION: ON THE
INEQUALITY OF WRITERS' ACCESS TO THE PRINTING OF
CHILDREN'S BOOKS IN THE SOVIET ERA

The question of the existence, direction, and nature of the causal relationship between the publication (replication) of the author's works and his canonical status has been discussed in the literature not so much and mainly in a theoretical key. The article presents material that expands the empirical base for the study of this problem. We rely on representative bibliographic data on Soviet children's book publishing, a rare feature of which is that they provide the most complete information about all published children's books, and not just about a narrow circle of popular authors. This allowed us firstly, to track the quantitative macro-characteristics of the production of a children's book: fluctuations in the total book production, the size of the "population of authors" and inequality in the distribution of printruns between them, and secondly, to identify the most circulated authors at different moments of the Soviet period and to estimate their share in the total production of children's books. From a theoretical point of view, a model of influence of reprints on the canonical status of the author should be supplemented by an assessment of competition between authors for a limited potential printrun. We propose to interpret the intensity and the outcomes of this competition in terms of inequality. A high level of inequality in access to reproduction of their works among the authors of Soviet children's books persisted throughout most of the period. The most popular authors were primarily poets who wrote for young children: Marshak, Chukovsky, Barto, Mikhalkov. During the period under review, Soviet children's book publishing went through two periods of sharp reduction in resources — in the early 1930s and in the first half of the 1940s. The passage of "bottlenecks" led to the consolidation of the elites who were at the top of the circulation rating by the beginning of the fall and managed to maintain their positions in subsequent years. It can be described as a positive feedback mechanism in a dynamic system whereby privilege give rise to even greater privilege ("the rich get richer"). The opposite effect—an increase in diversity and a decrease in inequality—was achieved during periods institutional (NEP) or ideological (Thaw) pluralism.

Keywords: literary canon, edition, circulation, children's literature, inequality, Samuil Marshak, Agnia Barto, Korney Chukovsky, Sergey Mikhalkov

Дмитрий Сергеев

СОЦИОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОЙ КНИЖКИ-КАРТИНКИ: ОДИНОКОЕ МАТЕРИНСТВО ПО ВЫБОРУ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ДЕТСКУЮ ЛИТЕРАТУРУ¹

В статье рассматривается, каким образом формирование одинокого материнства по выбору как социальной группы сказалось на англоязычной детской иллюстрированной литературе. Я утверждаю, что эта социальная группа с характерным человеческим капиталом повлияла на содержание книжек-картинок в англоязычных обществах. Во-первых, одиноким матерям по выбору нужна художественная и научно-популярная литература, которая могла бы помочь объяснить детям особенности их семейных отношений. Во-вторых, детская литература позволяет монородительским семьям стать символически заметными для других членов общества и тем самым укрепить свое социальное положение. Матери-одиночки по выбору самостоятельно формируют содержание книжек-картинок в своем литературном творчестве, заявляя о разнообразии семейных моделей и продвигая ценности материнства по выбору. Развитая система самиздата и повсеместность онлайн потребления способствуют продвижению книжек-картинок с новым содержанием, поскольку эти книги становятся доступными широкому кругу читателей через онлайн-продавцов. Крупные транснациональные книжные издательства также реагируют на потребность в культурно разнообразной литературе. Хотя их ориентированность на прибыль объясняет предпочтение таких книг, которые продвигают именно множественность моделей семейных отношений.

Ключевые слова: книжка-картинка, одинокое материнство, англоязычная детская литература, социология текста, мать-одиночка по выбору, визуальная грамматика, социальная семиотика, книжный рынок

Дмитрий Валентинович Сергеев
Кембриджский университет,
Великобритания
dimvalsergeev@gmail.com

Рост научного интереса к книжке-картинке объясняется рядом причин. Даже с учетом интенсивного проникновения информационных технологий в жизнь современных детей она все равно остается незаменимым средством социализации [Gooden, Gooden 2001, 89], инструментом трансляции культурных ценностей и утверждения их нормативности [Weitzman, Eifler, Hokada, Ross 1972, 1126], педагогическим ресурсом развития детской субъектности [Coats 2004, 37]. Впрочем, так или иначе любая книга, как и книжка-картинка, формирует первичные представления о гендере [Crabb, Bielawski 1994, 71] и материнстве [Fraustino 2009]. Однако исследователи оставляют без внимания факт трансформации самой книжной культуры. Как сами издательства, поддерживающие процесс самиздата, так и резкий рост электронных книг и интернет-платформ по продаже текстов разных форматов оказали значительное влияние на всю книжную отрасль. В процесс литературного творчества теперь вовлечены непрофессионалы [Hviid, Izquierdo-Sanchez, Jacques 2019]. В моем исследовании на конкретном примере я пытаюсь проанализировать происходящие трансформации: выяснить, как появление относительно новой социальной страты одиноких матерей по выбору — незамужних женщин, сознательно родивших и воспитывающих детей без партнера, — определило появление нового книжного сообщества и повлияло на содержание книжек-картинок о современных семейных отношениях.

Это влияние обнаруживается в нескольких аспектах. Во-первых, формулируется сама идея о необходимости книжки-картинки, повествующей о таком типе семейных отношений. Она позволяет обеспечить многоадресную коммуникацию, поскольку является средством, помогающим одинокой матери по выбору объяснить ребенку отличия их семьи от семей другого типа, учебным пособием в образовательном и воспитательном процессе, культурным объектом, декларирующим ценность монородительской семьи. Во-вторых, сообщества, организации и отдельные авторы способствуют продвижению на рынке книжки-картинки с подобным содержанием через позитивное рецензирование и рекламу. В-третьих, эти институты и сами матери-одиночки используют возможности современной книжной индустрии и информационных технологий и непосредственно участвуют в создании и распространении книг. Кроме того, меня интересует, как маркетинговые стратегии крупных и независимых издательств влияют на содержание самих произведений.

Методология

Теоретической основой данной работы являются положения социологии текста, разработанные американскими [Darnton 1982], английскими [McKenzie 1986] и французскими исследователями [Шартье 2006]. Основной тезис данного направления можно коротко сформулировать следующим образом: форма текста влияет на его содержание. В своей часто цитируемой статье 1982 г. «Что есть история книг?» Роберт Дарнтон предложил модель коммуникативной цепи для объяснения этапов книгооборота предреволюционной Франции XVIII в. [Darnton 1982]. К одному из важнейших элементов этой цепи он относил внешний социокультурный контекст, который должен был определять производство книг и книжную культуру того времени. Однако в его теории этот контекст и его факторы оказались «запертыми» внутри самого цикла книгопроизводства. Интеллектуальная среда и аудитория (*intellectual influences and publicity*) наряду с экономическими и социальными факторами (*economic and social conjuncture*) и политическими и юридическими санкциями (*political and legal sanctions*) представлены внутри круга, который объединяет основных участников издательского процесса.

Двадцать четыре года спустя Дарнтон возвращается к этой схеме и пытается ее уточнить. Ученый объясняет возможные недостатки своей модели тем, что его целью в первую очередь было теоретическое осмысление процесса книгоиздания в Западной Европе того времени, хотя он не отрицает своего желания применить эту модель при анализе последующих этапов развития книжной культуры. Американский исследователь соглашается, что схема может быть улучшена, и обсуждает модель, разработанную Томасом Адамсом и Николасом Бакером и удачным образом обогащающую его собственную [Darnton 2007].

В своей модели Адамс и Бакер обогатили социально-экономические условия (*the whole socio-economic conjuncture*) книгопроизводства и детализировали их. В частности, они выделили интеллектуальное влияние (*intellectual influences*), политическое, правовое и религиозное влияние (*political, legal and religious influences*), давление рынка (*commercial pressures*), социальное поведение и вкус (*social behaviour and taste*). В их схеме эти факторы показаны в их влиянии на связанные процессы публикации, книгоиздания, распространения, рецепции и последующей востребованности книги. Эти этапы текстооборота закольцованы и подразумевают, что книга

проходит сложный цикл издания и переиздания. Выясняя отличия двух моделей, Роберт Дарнтон видит их в том, что в его собственных исследованиях и, следовательно, суммирующей его выводы схеме, он делает акцент на людях, в то время как его коллеги — на объективированных этапах книгооборота.

Мне бы хотелось совместить эти две методологические опции и взглянуть на книжку-картинку с позиции конкретной социальной группы — одиноких матерей, принявших решение о самостоятельном воспитании детей без партнера.

В моей работе книжка-картинка рассматривается как бимодальное медиа, которое задействует текст и иллюстрацию как равнозначные средства коммуникации [Nodelman 1988]. Визуальные средства и выражаемые с помощью них смыслы выявлялись мною методами социальной семиотики и визуальной грамматики [Painter, Martin, Unsworth 2013]. При анализе произведений я обращал равное внимание на вербальные и визуальные средства репрезентации одинокого материнства. При этом я учитывал, что текст и иллюстрации могут вступать в разнообразные отношения, в том числе семантически дополняя повествование [Nikolajeva, Scott 2000; Nikolajeva, Scott 2001]. В последнем случае выявляемые смыслы рассматривались как равнозначные. Исследование проведено на материале англоязычной детской литературы.

Определение понятия «одинокое материнство по выбору»

Со второй половины прошлого века в экономически развитых странах начинает увеличиваться количество монородительских семей, возглавляемых в подавляющем большинстве женщинами. В первую очередь этот рост связывается с упрощением бракоразводного процесса [Letablier, Wall 2018]. Влияние на эти социальные сдвиги оказало менявшееся в этих странах отношение к рождению детей вне брака. В этот период законодательства упраздняют понятие «незаконнорождённый ребенок» [Bock 2000, 65]. Кроме того, происходит «ложная гомогенизация категории одинокой матери» [Utrata 2015, 58], когда практически все одинокие матери рассматриваются как единая социальная группа безотносительно причин, которые определили обретение этого статуса [Nakachi 2006; Thane, Evans 2012; Salter 2018].

Термин «одинокая мать по выбору» (*single mother by choice*) был введен Джейн Мэттс в 1981 г. для обозначения основанной ею организации и представлен в книге, которую она адресовала

женщинам, решившимся на рождение ребенка без партнера, в ней писательница давала практические рекомендации, касающиеся одинокого материнства по выбору [Mattes 1997]. Менее громоздкий термин «мама по выбору» (choice mom) был предложен Микки Морриссетт [Morrissette 2008]. Обе книги являются примерами нон-фикш, где авторы одновременно отстаивают идею одинокого материнства по выбору, делятся личным опытом и дают советы по самым разнообразным вопросам. Собственным примером писательницы и активистки показывают, что одинокое материнство по выбору — принципиально новое социальное явление в противовес незапланированному одинокому материнству (single mother by chance), поскольку женщина не жертва обстоятельств, а решение о рождение ребенка без партнера принимается ею осознано. Социальная позиция женщин также проявляется в активизме по защите и популяризации идей одинокого материнства по выбору. В Британии также получил хождение термин «одинокая мама» (solo mum), которое можно встретить в научной литературе [Holmes 2018] и нон-фикшн [Roberts 2019].

Несмотря на то что эти понятия зачастую используются взаимозаменяемо [Golombok 2020, 126], Розанна Херц в собственном социологическом исследовании данного явления отдает предпочтение термину «одинокое материнство по выбору» и его аббревиатуре SMC. Социологическое обоснование различия между внеплановым и планируемым одиноким материнством имеет важные экономические, юридические и культурные последствия. Один из выводов американской исследовательницы заключается в том, что одинокое материнство «переместилось» в средний класс [Hertz 2006, 194]. Основание для такого заключения — уровень совокупного дохода, который позволяет женщинам воспитывать ребенка или несколько детей, не обращаясь за государственной поддержкой и полагаясь только на собственные силы, помощь родственников или близких людей. Немаловажно наличие самой воли стать одинокой матерью, поскольку решение принимается после безрезультатных попыток создать брак и забеременеть в гетеросексуальных отношениях. Это объясняет тот факт, что средний возраст женщин, ставших матерями по выбору выше 35 лет. Как правила, они имеют высокий образовательный ценз [Hayford, Guzzo 2015, Golombok 2020, 129]. Хотя такая сильно усредненная социальная картина одинокого материнства по выбору провоцирует критику [Ajandi 2011, 415], признание особого социального капитала, которым эти матери обладают [Rothman 2009, 325], позволяет объяснить их активную

социальную позицию и желание создавать социальные сети с другими мамами-одиночками.

Осмысление одинокого материнства по выбору в качестве отдельной социальной страты — важный шаг в процессе самоидентификации. Ее представительницы осознают необходимость символического обозначения в культурном пространстве для закрепления достойного положения в обществе для себя и своих детей. В частности, они заявляют о важности нарративов, рассказывающих личные истории одиноких матерей по выбору [Воск 2000, 69]. Количество разного рода текстов об одиноком материнстве по выбору в англоязычном культурном пространстве и частота их обсуждения позволяют этой демографически небольшой группе производить впечатление значительной социальной силы в обществе [Hauford, Guzzo 2015, 72]. Безусловной важностью для членов этой социальной группы и общества в целом отличаются такие истории в детской иллюстрированной литературе.

Книжки-картинки

На основе разных издательских стратегий я выделяю три основные группы книжек-картинок. Их содержание отражает три основные маркетинговые стратегии авторов произведений и производителей книг. Первая группа представлена работами самих одиноких матерей по выбору, которые решились написать и опубликовать свои произведения в мелких издательствах, ориентированных на независимых авторов и производство самиздата. Эта стратегия предложена Джейн Мэттс в упомянутой книге, где отдельный раздел она посвящает тому, как следует объяснять ребенку отсутствие отца. В качестве одной из стратегий автор предлагает женщинам самим создать книжку-картинку, которая бы разъясняла историю их особенной семьи [Mattes 1997, 133–134]. По моему мнению, такое произведение не обязательно должно быть высокохудожественным и может быть создано с помощью недорогих и доступных для непрофессионала техник, как например, коллаж.

Данный совет отражает ситуацию на книжном рынке конца прошлого и начала нынешнего веков, когда в англоязычных странах произведений для детей с матерями-одиночками в качестве персонажей было ничтожно малое количество. Джейн Мэттс уверена, что произведения такого рода помогут маме разговаривать с ребенком о полноценности их семьи. Кроме того, самодельная

книжка-картинка отразит личную историю конкретной женщины и расскажет о ее опыте с тем количеством деталей, какие она сама посчитает нужными включить в повествование.

Ярким результатом такого подхода к проблеме является книга Джордж Анн Клей «Почему у меня нет папы» с иллюстрациями Лизы Кребс (2008). Во-первых, автор прибегла к помощи небольшого издательства Осор Хауз (Author House), сопровождающего процесс самиздата. Во-вторых, писательница во введении описывает процесс работы над книгой как семейный проект. Ее сестра, семейный психолог, побуждала ее написать для детей историю зачатия с помощью донора. Иллюстрации в произведении были нарисованы племянницей писательницы. Наконец, в этой истории львица, прогуливаясь по африканской саванне, объясняет сыну-львенку принципы искусственного оплодотворения.

К другим примерам произведений первой группы можно отнести книжку-картинку, написанную членом организации одиноких матерей по выбору Элизабет Уэйсс «Мама и я. Как я появился» (2020). Повествование ведется от лица мальчика по имени Коул, он изображен на иллюстрациях к тексту. История фокусируется на основных этапах процедуры искусственного оплодотворения с помощью анонимного донорства. В тексте объясняется семантическое различие понятий «донор» и «папа». Главный герой акцентирует внимание на членах большой семьи, которые у него есть и которые его очень сильно любят. В заключительном эпизоде истории Коул перечисляет разные типы семей, сосуществующих в современном обществе, и оценивает их как норму.

Еще один пример — книжка-картинки писательницы Мэри Райн и художницы Коллин Маск «Пончиковая дилемма Нэны» (2011). Книга об истории девочки по имени Нэн, рожденной с помощью искусственного оплодотворения. Сюжет книги начинается с конфликта, в котором неожиданным образом обнаруживает себя главная героиня. В детском саду воспитательница дает задание подопечным нарисовать приглашение для своих отцов на праздник «Пончики с отцами». Один из воспитанников дразнит Нэн, потому что она не может праздновать, так как у нее нет отца. Нэн расстроена и обращается за утешением сначала к своей няне, а затем матери, которая объясняет, почему у нее нет отца и почему она решила стать одинокой матерью по выбору. Опять же ее объяснения направлены на нормализацию такого типа семьи и призваны показать, что у Нэны есть большая семья, которая включает и их любимую собаку. Конфликт разрешается неожиданным образом,

когда в конце истории звонит воспитательница из детского сада с решением провести мероприятия не только для отцов.

Одинокое материнство по выбору как фокус истории книжки-картинки определяет ограниченность круга ее потенциальных потребителей и по этой причине имеет низкие шансы на коммерческий успех. Это объясняется и любительским характером анализируемых произведений, которые зачастую являются первым и последним творческим проектом писательниц, изданы в мелких издательствах и продаются в онлайн-магазинах, обеспечивающих доступ к потребителям на международном уровне. Используя этот ресурс, англоязычный читатель может купить любую книжку-картинку с необходимым ему содержанием. Таким образом, даже непрофессиональные авторы или дебютанты могут опубликовать свои произведения в небольших издательствах и предложить их читателям на интернет-платформах.

К подобной же стратегии прибегают писательница из Австралии Белла Мей Вонг (сама являющаяся одинокой матерью по выбору) и иллюстратор из Японии Йоко Матусока. Их стихотворное произведение «Семьи бывают разными» (2015) начинается с того, что Алекс живет с мамой-одиночкой. Они думают завести домашнее животное, но не знают какое именно. Герой отправляется навестить своих друзей, которые воспитываются в семьях разного типа (однополье родители, отец-одиночка, бабушка и дедушка в качестве родителей, приемные родители) и у которых есть разные домашние животные. На последних страницах книги, где приводится краткая информация об авторах, говорится, что писательница мечтала написать книгу о разных типах семейных отношений. Другой пример подобной стратегии — книга писательницы Лейи Джеймс и иллюстратора Эмблы Гранквист «Потому что мама так тебя любила» (2017). Рассказ ведется от лица мамы-одиночки и изображает успешную женщину, которая прибегает к услугам донора.

Вторая издательская стратегия представлена книжками-картинками, которые изданы авторами при поддержке уже существующих организаций, продвигающих идею одинокого материнства по выбору. Так, Микки Морриссетт, чья книга впервые вышла спустя 14 лет после первого издания работы Джейн Мэттс, отсылает к уже имеющимся ресурсам [Morrissette 2008, 268–269]. Прежде всего, она указывает на сайт благотворительной организации для семей, решившихся на зачатие с помощью доноров (Donor Conception Network)². Организация оказывает информационное сопровождение тех, кто решил завести детей с помощью доноров спермы.

Рис. 1. Н. Барнсли, С. Кларксон. Наша история. Как мы стали семьей. 2018

Кроме информирования Donor Conception Network занимается и продажей книг, помогающих одиноким родителям объяснить повзрослевшим детям особенности их семей и причину, по которой женщины пошли на такой шаг.

На сайте Donor Conception Network можно купить книжки-картинки «Наша история. Как мы стали семьей» (2018), написанные Ниной Барнсли, директором этой организации, и Стефани Кларксон с иллюстрациями Габи Фроден. Название Donor Conception Network можно увидеть на обложке книжек-картинок и в их выходных данных. Эти же книги доступны для покупки в интернет-магазинах. Исполненные в одном художественном стиле книжки-картинки предлагают похожие истории, но с разными персонажами. В частности, это может быть семья с двумя разнополыми или однополыми родителями, монородительская семья с мамой или папой во главе. Сюжеты строятся вокруг вариантов: от рождением одного ребенка до близнецов. В книге Нины Барнсли и Стефани Кларксон повествование ведется от лица уже родившихся близнецов и рассказывает об одинокой девушке с собакой, которая реша-

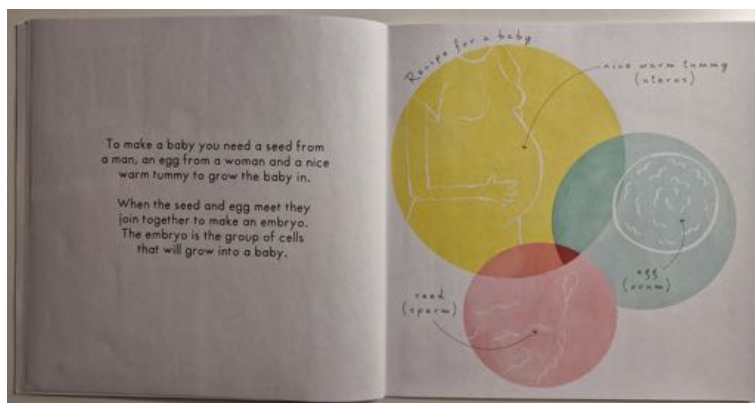

Рис. 2. Н. Барнсли, С. Кларксон. Наша история. Как мы стали семьей. 2018

ется завести ребенка. Текст и иллюстрация намекают на бесплодие главной героини («She knew she couldn't make a baby by herself») (Рис. 1). На предыдущие попытки завести ребенка в традиционных гетеросексуальных отношениях указывает висящий на стене портрет девушки с ее молодым человеком. О том же свидетельствует и последующий разговор с врачом («The doctor explained that there was a way for her to have a baby, but there were problems with Mummy's eggs so she would need some extra help»). Отдельный разворот книги посвящен объяснению общих принципов зачатия с текстом на левой странице и схематичным рисунком на правой странице (Рис. 2). По ходу повествования женщина отправляется в клинику для процедуры искусственного оплодотворения и в конце истории становится мамой близнецов.

Наконец, третья группа включает книжки-картинки, написанные известными авторами и опубликованные крупными международными издательскими гигантами. Примером таких произведений является работа Тодда Парра «Книга о семье» (2002, 2017) (Рис. 3). Она написана признанным автором и издана транснациональной корпорацией Ашет (Hachette Book Group). Произведение не имеет связного сюжета, не фокусируется на конкретном типе семьи и изображает целую гамму современных семейных отношений. Автор демонстрирует это разнообразие на примере и людей, и животных.

Рис. 3. Т. Парр. Книга о семье. 2002, 2017

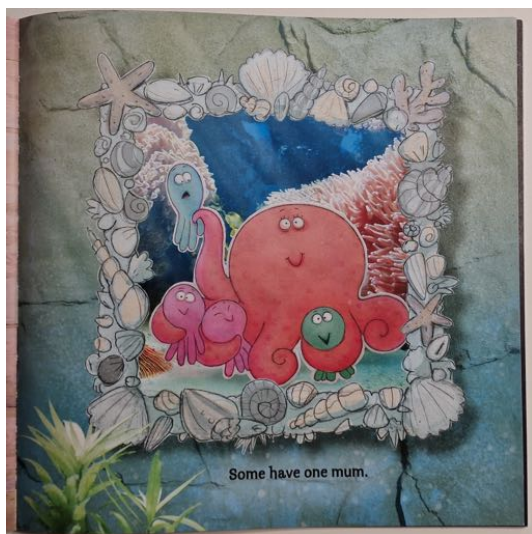

Рис. 4. С. Ланг, М. Ланг. Семьи, семьи, семьи! 2015

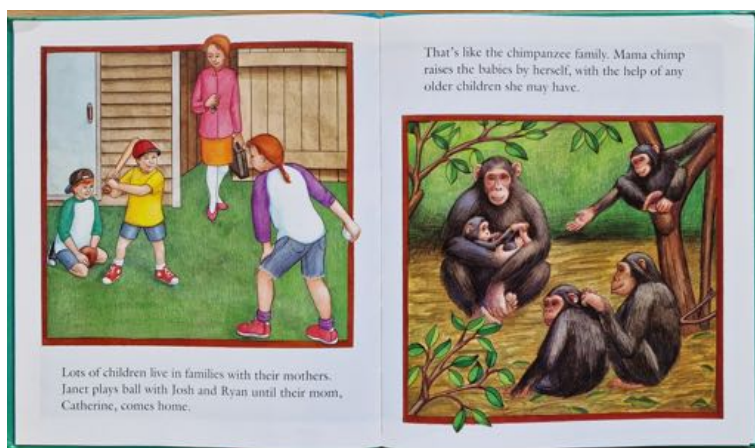

Рис. 5. Р. Скатч, Л. Найнхауз. Кто в семье? 1995

Похожая книжка-картинка «Семьи, семьи, семьи!» (2015), написана Сюзанн Ланг выпущена с иллюстрациями Макса Ланга другим издательским гигантом Пенгуин (Penguin Random House UK) (Рис. 4). В ней также обсуждаются разные типы семей и возможные конфигурации семейных отношений, но уже на примере антропоморфных животных. В обеих книгах семья одинокой матери изображается с помощью животных персонажей, либо как птичка с птенцами у Пратта, либо как мама-осьминог с детьми-осьминожками у Лангов.

Произведение, которое не обсуждает причины одинокого материнства или не погружается глубоко в тематику монородительских семей, обладает большим коммерческим потенциалом, поскольку охватывает большое количество читателей. Так, в книге Роберта Скатча с иллюстрациями Лоры Найнхауз «Кто в семье?» (1995) без всякого связного повествования или объединяющего сюжета просто перечисляются возможные конфигурации семьи и семейных отношений (Рис. 5). Семья матери-одиночки демонстрируется на примере людей и животных. На левой стороне разворота одинокая мама представлена в тексте и иллюстрации как Кэтрин, которая возвращается домой с работы и застаёт троих детей, играющих в бейсбол на заднем дворе. На правой стороне разворота говорится, что такая семья похожа на семью шимпанзе, где самка одна воспитывает детенышей с помощью своих подросших детей.

Читатель видит картинку с сидящей на земле мамой-шимпанзе с маленьким детенышем на руках и тремя другими более взрослыми детенышами-шимпанзе неподалеку от нее.

В книге «Любовь — это семья» Ромы Дауни с иллюстрациями Джастин Гаскет (2001) тоже рассказывается о семьях разного типа: главная героиня Лили в отчаянии, поскольку она собирается на вечеринку под названием «Веселый вечер с семьей» (Family Fun Night), но ей стыдно, потому что ее семья состоит только из двух человек, в то время как остальные участники вечеринки, по твердому убеждению девочки, будут полными традиционными семьями. Мама Лили пытается успокоить ее, говоря, что их семья хоть и маленькая, все же настоящая. Но Лили безутешна. Однако вопреки ожиданиям героини на празднике оказываются дети из совершенно разных семей. Драма разрешена, и девочка счастлива.

В обоих случаях в книжках-картинках показаны семьи разных конфигураций. При всем различии сюжетов обе книги проводят идею нормализации монородительской семьи. В целом акцентируется идея нормальности семей разного типа, при этом не уточняются причины одинокого материнства. Выход этих книг в достаточно крупных издательствах, Трайцикл Пресс (Tricycle Press, с 2009 г. стал частью издательского гиганта Рэндом Хаус) в первом случае и Сколастик (Scholastic) во втором, еще раз подтверждает идею об особой коммерческой стратегии. Очевидно, что одинокое материнство по выбору слишком узкая тема, чтобы заинтересовать крупные издательства, которые думают о финансовой выгоде и, следовательно, необходимости охвата как можно большего количества потребителей. С одной стороны, обращение к теме монородительских семей может рассматриваться как маркетинговая стратегия в конкурентной борьбе, поскольку обеспечивает востребованный современными западными обществами запрос на разнообразие [Adams, Walker, O'Connell 2011; Hamilton, Anderson, Broadus, Young 2006; Diekman, Murnen 2004]. С другой стороны, приходится признать, что, несмотря на попытки насытить ассортимент детской литературы, крупные издательства явно предпочитают говорить о данной теме осторожно, чтобы охватить разную читательскую аудиторию, которая может увидеть в героях и описываемых ситуациях себя и свою собственную семью. Кроме того, большие издательства предпочитают публиковать известных авторов — Сюзанн Ланг, Теда Пратта или Роберта Скатча — или приглашать в качестве авторов текстов узнаваемых знаменитостей вроде Рома Дауни, успешной актрисы и телепродюсера.

Рис. 6. М. Райн, К. Маск. Пончиковая дилемма Нэны. 2011

Современное разнообразие книжек-картинок, объединенных мной в три группы, находит отражение в рекомендательном списке на сайте организации одиноких матерей по выбору Джейн Мэттс. Информация на сайте утверждает, что эти книги рекомендованы членами организации и что при их покупке по ссылкам часть средств будет направлена на поддержку организации³. Детальный список содержит перечень книг, представленных в четырех разделах для дошкольников, школьников, подростков и взрослых. Список книжек-картинок насчитывает восемнадцать наименований, из которых девять произведений повествуют о семьях одиноких матерей по выбору. Появление книги в списке на сайте авторитетной организации повышает вероятность ее покупки заинтересованным читателем.

Вне зависимости от группы, к которой может быть отнесено произведение, все изображаемые героини книжек-картинок воплощают социальные особенности одинокого материнства по выбору в англоговорящих странах. Все персонажи — белые женщины. Истории в «Мама и я. Как я появился», «Наша история», «Любовь — это семья» и «Пончиковая дилемма Нэны» разворачиваются в основном в интерьерах собственных домов, где проживают героини, которых на этом основании можно причислить к среднему классу. Мама Нэны показана на рабочем месте в офисе (шестой разворот) (Рис. 6). Становится очевидным, что ее доходов достаточно, чтобы оплачивать детский сад, нанимать няню и содержать дом с домашним питомцем. В начале книги «Потому что мама так тебя любила» говорится о социальных достижениях героини: «Мама закончила университет и купила дом (Mommy finished school and

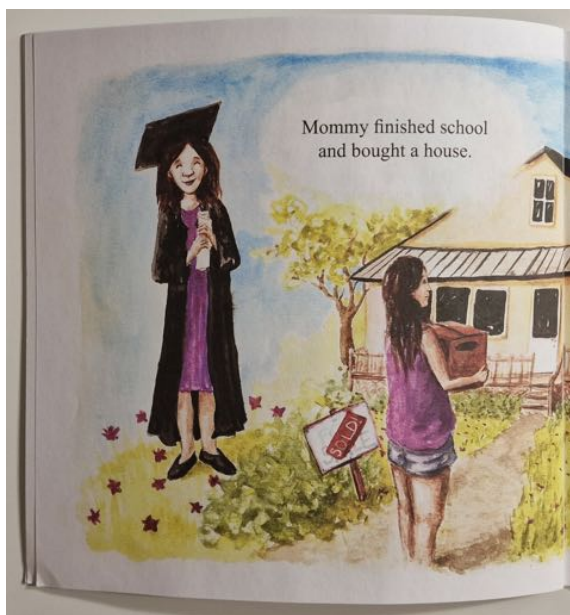

Рис. 7. Л. Джеймс, Э. Гранквист. Потому что мама так тебя любила. 2017

bought a house)» (Рис. 7). Текст сопровождается изображениями, на которых главная героиня одновременно стоит в форме выпускницы бакалавриата с дипломом в руках и переезжает в двухэтажный дом (третий разворот).

Заключение

Трансформация социального статуса одиноких матерей в обществе со второй половины прошлого века и упрочнение статуса одиноких матерей по выбору с начала 1980-х гг. определили появление англоязычных книжек-картинок, повествующих об этом явлении. Названные изменения определяют потребность в книжках-картинках, которые бы рассказывали о монородительских семьях и объясняли детям нормальность такой формы семейных отношений. Литература с подобным содержанием обеспечивает символическую видимость таких семей для других членов общества и тем самым усиливает их ценностную позицию. Социальная активность

одиноким матерям по выбору, которые являются в своей массе представителями среднего класса с богатым социальным капиталом, и определила появление такой литературы. Сами матери решаются изменить ситуацию через индивидуальное непрофессиональное творчество. Благодаря развитой системе самиздата и продажам книг онлайн результат их творчества стал доступен широким читательским кругам. Новыми участниками рынка становятся организации, поддерживающие идею одинокого материнства по выбору, которые включаются в процесс книгопроизводства. Выделенные издательские стратегии, определившие три типа книжек-картинок, обусловлены разными целями, которые преследуют участники литературного процесса и книжного рынка. Одиноким матерям по выбору интересны произведения, позволяющие объяснить детям особенности их семьи, процесс искусственного оплодотворения, различие понятий «донор», «отец», «папа». Иллюстрации в этих изданиях отражают социальные особенности этой социальной страты: этническая, расовая принадлежность, социальный статус, профессиональная занятость, высокий образовательный ценз. Крупные издательские компании реагируют на потребность в гендерно разнообразной детской литературе, но действуют более осторожно, руководствуясь логикой финансовой прибыли и пытаясь охватить как можно больший сегмент рынка. Их приоритет — сотрудничество с известными авторами и художниками, обобщенная тематика текстов об одиноком материнстве и использование антропоморфных персонажей в качестве главных героев.

Примечания

- ¹ This project has received funding from the European Union's Horizon 2020 research and innovation programme under the Marie Skłodowska-Curie grant agreement No 101020077.
- ² Who are the Donor Conception Network? // Donor Conception Network. URL: <https://www.dcnetwork.org/who-are-we/who-are-dcnetwork>.
- ³ Books Our Members Liked // Single Mothers by Choice (SMC). URL: <https://www.singlemothersbychoice.org/shop-estore/>.

*Литература**Источники*

Barnsley, Clarkson 2018 — Barnsley N., Clarkson S. Our Story: How We Became a Family / N. Barnsley, S. Clarkson (authors), G. Froden (illustrator). Donor Conception Network, 2018.

Clay 2008 — Clay G. A. Why Don't I Have a Daddy? A Story of Donor Conception. Author House, 2008.

Downey 2002 — Love Is A Family / R. Downey (author), J. Gasquet (illustrator). Scholastic, 2002.

James 2018 — James L. For Mommy So Loved You: IVF Conception / L. James (author), E. Granqvist (illustrator). Leigh James, 2018.

Lang 2015 — Lang S., Lang M. Families, Families, Families! Random House Children's Publisher, 2015.

Parr 2003 — Parr T. The Family Book. Little, Brown and Company Hachette Book Group, 2003.

Ryan 2011 — Ryan M. E. Nan's Donut Dilemma / M. E. Ryan (author), C. Muske (illustrator). Keen Editions, 2011.

Skutch 1995 — Skutch R. Who's in a Family? / R. Skutch (author), L. Nienhaus (illustrator) Tricycle Press, 1995.

Weiss 2020 — Weiss E. R. Mommy and Me. How I Came to Be. Brave Bold Mamas, 2020.

Wong 2015 — Wong B. M. Families Come in Many Forms / B. M. Wong (author), Y. Matsuoka (illustrator). Euclid Press, 2015.

Исследования

Шартье 2006 — Шартье Р. Письменная культура и общество. М.: Новое издательство, 2006.

Adams, Walker, O'Connell 2011 — Adams M., Walker C., O'Connell P. Invisible or Involved Fathers? A Content Analysis of Representations of Parenting in Young Children's Picturebooks in the UK // Sex Roles. 2011. Vol. 65, No. 3–4. Pp. 259–70.

Ajandi 2011 — Ajandi J. Single Mothers by Choice: Disrupting Dominant Discourses of the Family Through Social Justice Alternatives // International Journal of Child, Youth and Family Studies. 2011. Vol. 2, No. 3–4. Pp. 410–31.

Bock 2000 — Bock J. Doing the Right Thing? Single Mothers by Choice and the Struggle for Legitimacy // Gender and Society. 2000. Vol. 14, No. 1. Pp. 62–86.

Coats 2004 — Coats K. Looking Glasses and Neverlands: Lacan, Desire, and Subjectivity in Children's Literature. Iowa City: University of Iowa, 2004.

- Crabb, Bielawski 1994* — Crabb P., Bielawski D. The social representation of material culture and gender in children's books // *Sex Roles*. 1994. Vol. 30, No. 1–2. Pp. 69–79.
- Darnton 1982* — Darnton R. What Is the History of Books? // *Daedalus*. 1982. Vol. 111, No. 3. Pp. 65–83.
- Darnton 2007* — Darnton R. “What Is The History of Books?” Revisited // *Modern Intellectual History*. 2007. Vol. 4, No. 3. Pp. 495–508.
- Diekman, Murnen 2004* — Diekman A. B., Murnen S. K. Learning to Be Little Women and Little Men: The Inequitable Gender Equality of Nonsexist Children's Literature // *Sex Roles*. 2004. Vol. 50, No. 5. Pp. 373–385.
- Fraustino 2009* — Fraustino L. R. The Apple of Her Eye: The Mothering Ideology Fed by Best-selling Trade Picture Books. In K. K. Keeling, P. T. Scott (Eds.), *Critical Approaches to Food in Children's Literature*. New York; Abingdon: Routledge, 2009.
- Gooden, Gooden 2001* — Gooden A.M, Gooden M. A. Gender Representation in Notable Children's Picture Books: 1995–1999 // *Sex Roles*. 2001. Vol. 45, No. 1. Pp. 89–101.
- Golombok 2020* — Golombok S. *We Are Family: What Really Matters for Parents and Children*. London: Scribe, 2020.
- Hayford, Guzzo 2015* — Hayford S. R., Guzzo K. B. The Single Mother by Choice Myth // *Contexts*. 2015. Vol. 14, No. 4. Pp. 70–72.
- Hamilton, Anderson, Broaddus, Young 2006* — Hamilton M. C., Anderson D., Broaddus M., Young K. Gender stereotyping and under-representation of female characters in 200 popular children's picture books: A twenty-first century update // *Sex Roles*. 2006. Vol. 55, No. 11–12. Pp. 757–776.
- Hertz 2006* — Hertz R. *Single by Chance, Mothers by Choice: How Women Are Choosing Parenthood without Marriage and Creating the New American Family*. Oxford: Oxford UP, 2006.
- Holmes 2018* — Holmes S. The solo mum, feminism and the negotiation of 'choice' // *Women's Studies International Forum*. 2018. Vol. 69. Pp. 40–48.
- Hviid, Izquierdo-Sanchez, Jacques 2019* — Hviid M., Izquierdo-Sanchez S., Jacques S. From Publishers to Self-Publishing: Disruptive Effects in the Book Industry // *International journal of the economics of business*. 2019. Vol. 26, No. 3. Pp. 355–381
- Letablier, Wall 2018* — Letablier M.-T., Wall K. Changing Lone Parenthood Patterns: New Challenges for Policy and Research. In L. Bernardi, D. Mortelmans (Eds.), *Lone Parenthood in the Life Course*. Vol. 8 of *Life Course Research and Social Policies*. Cham: Springer Open, 2018. Pp. 29–53.
- Mattes 1997* — Mattes J. *Single Mothers by Choice: A Guidebook for Single Women Who Are Considering of Have Chosen Motherhood*. New York: Three Rivers Press, 1997.

McKenzie 1986 — McKenzie D. F. *Bibliography and the Sociology of Texts*. London: British Library, 1986.

Morrisette 2008 — Morrisette M. *Choosing Single Motherhood: The Thinking Woman's Guide*. New York: Houghton Mifflin Company, 2008.

Nakachi 2006 — Nakachi M. N. S. *Khrushchev and the 1944 Soviet Family Law: Politics, Reproduction, and Language // East European Politics and Societies*. 2006. Vol. 20, No. 1. Pp. 53–54.

Nikolajeva, Scott 2000 — Nikolajeva M., Scott C. *The Dynamics of Picturebook Communication // Children's Literature in Education*. 2000. Vol. 31. No. 4. Pp. 225–239.

Nikolajeva, Scott 2001 — Nikolajeva M., Scott C. *How picturebooks work*. N. Y., L.: Routledge, 2001.

Nodelman 1988 — Nodelman P. *Words About Pictures: The Narrative Art of Children's Picture Books*. Athens: Univ. of Georgia Press, 1988.

Painter, Martin, Unsworth 2013 — Painter C., Martin J. R., Unsworth L. *Reading visual narratives: images analysis of children's picture book*. Bristol: Equinox, 2013.

Roberts 2019 — Roberts G. *Going Solo: My Choice to Become a Single Mother Using a Donor*. London: Piatkus, 2019.

Rothman 2009 — Rothman B. K. *Mothering Alone: Rethinking Single Motherhood in America // Women's Studies Quarterly*. 2009. Vol. 37, No. 2. Pp. 323–328.

Salter 2018 — Salter E. *A Media Discourse Analysis of Lone Parents in the UK: Investigating the Stereotype*. In: L. Bernardi, D. Mortelmans (Eds.), *Lone Parenthood in the Life Course, Vol. 8: Life Course Research and Social Policies*. Cham: Springer Open, 2018. Pp. 55–74.

Thane, Evans 2012 — Thane P., Evans T. *Sinners? Scroungers? Saints? Unmarried motherhood in twentieth century England*. Oxford: Oxford University Press, 2012.

Utrata 2015 — Utrata J. *Women without Men: Single Mothers and Family Change in the New Russia*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2015.

Weitzman, Eifler, Hokada, Ross 1972 — Weitzman L. J., Eifler D., Hokada E., Ross C. *Sex-role socialization in picture books for preschool children // The American Journal of Sociology*. 1972. Vol. 77, No. 6. Pp. 1125–1150.

References

Adams, Walker, O'Connell 2011 — Adams, M., Walker, C., O'Connell, P. (2011). *Invisible or Involved Fathers? A Content Analysis of Representations of Parenting in Young Children's Picturebooks in the UK*. *Sex Roles*, 65 (3–4), 259–70.

- Ajandi 2011* — Ajandi, J. (2011). Single Mothers by Choice: Disrupting Dominant Discourses of the Family Through Social Justice Alternatives. *International Journal of Child, Youth and Family Studies*, 2 (3–4), 410–31.
- Bock 2000* — Bock, J. (2000). Doing the Right Thing? Single Mothers by Choice and the Struggle for Legitimacy. *Gender and Society*, 14 (1), 62–86.
- Chartier 2006* — Chartier, R. (2006). Pis'mennaja kul'tura i obshhestvo [Written Culture and Society]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Coats 2004* — Coats, K. (2004). Looking Glasses and Neverlands: Lacan, Desire, and Subjectivity in Children's Literature. Iowa City: University of Iowa.
- Crabb, Bielawski 1994* — Crabb, P., Bielawski, D. (1994). The social representation of material culture and gender in children's books. *Sex Roles*, 30 (1–2), 69–79.
- Darnton 1982* — Darnton, R. (1982). What Is the History of Books? *Daedalus*, 111 (3), 65–83.
- Darnton 2007* — Darnton, R. (2007). "What Is The History of Books?" Revisited. *Modern Intellectual History*, 4 (3), 495–508.
- Diekman, Murnen 2004* — Diekman, A. B., Murnen, S. K. (2004). Learning to Be Little Women and Little Men: The Inequitable Gender Equality of Nonsexist Children's Literature. *Sex Roles*, 50 (5), 373–385.
- Fraustino 2009* — Fraustino, L. R. (2009). The Apple of Her Eye: The Mothering Ideology Fed by Best-selling Trade Picture Books. In K. K. Keeling, P. T. Scott (Eds.), *Critical Approaches to Food in Children's Literature*. New York; Abingdon: Routledge.
- Gooden, Gooden 2001* — Gooden, A.M, Gooden, M. A. (2001). Gender Representation in Notable Children's Picture Books: 1995–1999. *Sex Roles*, 45 (1), 89–101.
- Golombok 2020* — Golombok, S. (2020). *We Are Family: What Really Matters for Parents and Children*. London: Scribe.
- Hayford, Guzzo 2015* — Hayford, S. R., Guzzo, K. B. (2015). The Single Mother by Choice Myth. *Contexts*, 14 (4), 70–72.
- Hamilton, Anderson, Broaddus, Young 2006* — Hamilton, M. C., Anderson, D., Broaddus, M., Young, K. (2006). Gender stereotyping and under-representation of female characters in 200 popular children's picture books: A twenty-first century update. *Sex Roles*, 55 (11–12), 757–776.
- Hertz 2006* — Hertz, R. (2006). *Single by Chance, Mothers by Choice: How Women Are Choosing Parenthood without Marriage and Creating the New American Family*. Oxford: Oxford UP.
- Holmes 2018* — Holmes, S. (2018). The solo mum, feminism and the negotiation of 'choice'. *Women's Studies International Forum*, 69, 40–48.

- Hviid, Izquierdo-Sanchez, Jacques 2019* — Hviid, M., Izquierdo-Sanchez, S., Jacques, S. (2019). From Publishers to Self-Publishing: Disruptive Effects in the Book Industry. *International journal of the economics of business*, 26 (3), 355–381.
- Letablier, Wall 2018* — Letablier, M.-T., Wall, K. (2018). Changing Lone Parenthood Patterns: New Challenges for Policy and Research. In L. Bernardi, D. Mortelmans (Eds.), *Lone Parenthood in the Life Course. Vol. 8: Life Course Research and Social Policies* (pp. 29–53). Cham: Springer Open.
- Mattes 1997* — Mattes, J. (1997). *Single Mothers by Choice: A Guidebook for Single Women Who Are Considering of Have Chosen Motherhood*. New York: Three Rivers Press.
- McKenzie 1986* — McKenzie, D. F. (1986). *Bibliography and the Sociology of Texts*. London: British Library.
- Morrisette 2008* — Morrisette, M. (2008). *Choosing Single Motherhood: The Thinking Woman's Guide*. New York: Houghton Mifflin Company.
- Nakachi 2006* — Nakachi, M. (2006). N. S. Khrushchev and the 1944 Soviet Family Law: Politics, Reproduction, and Language. *East European Politics and Societies*, 20 (1), 53–54.
- Nikolajeva, Scott 2000* — Nikolajeva, M., Scott, C. (2000). The Dynamics of Picturebook Communication. *Children's Literature in Education*, 31 (4), 225–239.
- Nikolajeva, Scott 2001* — Nikolajeva, M., Scott, C. (2001). *How picturebooks work*. New York, London: Routledge.
- Nodelman 1988* — Nodelman, P. (1988). *Words About Pictures: The Narrative Art of Children's Picture Books*. Athens: Univ. of Georgia Press.
- Painter, Martin, Unsworth 2013* — Painter, C., Martin, J. R., Unsworth, L. (2013). *Reading visual narratives: images analysis of children's picture book*. Bristol: Equinox.
- Roberts 2019* — Roberts, G. (2019). *Going Solo: My Choice to Become a Single Mother Using a Donor*. London: Piatkus.
- Rothman 2009* — Rothman, B. K. (2009). Mothering Alone: Rethinking Single Motherhood in America. *Women's Studies Quarterly*, 37 (2), 323–328.
- Salter 2018* — Salter, E. (2018). A Media Discourse Analysis of Lone Parents in the UK: Investigating the Stereotype. In L. Bernardi, D. Mortelmans (Eds.), *Lone Parenthood in the Life Course. Vol. 8: Life Course Research and Social Policies* (pp. 55–74). Cham: Springer Open.
- Thane, Evans 2012* — Thane, P., Evans, T. (2012). *Sinners? Scroungers? Saints? Unmarried motherhood in twentieth century England*. Oxford: Oxford University Press.

Utrata 2015 — Utrata, J. (2015). *Women without Men: Single Mothers and Family Change in the New Russia*. Ithaca, New York: Cornell University Press.

Weitzman, Eifler, Hokada, Ross 1972 — Weitzman, L. J., Eifler, D., Hokada, E., Ross, C. (1972). Sex-role socialization in picture books for preschool children. *The American Journal of Sociology*, 77 (6), 1125–1150.

Dmitrii Sergeev

University of Cambridge; ORCID: 0000-0002-5574-5945

SOCIOLOGY OF CONTEMPORARY PICTUREBOOK: SINGLE MOTHERHOOD BY CHOICE AND ITS INFLUENCE ON CHILDREN'S LITERATURE

The paper focuses on the dependence between the emergence of single motherhood by choice as a social group and shifts in Anglophone children's illustrated literature. I argue that this social group with a prominent social capital has impacted children's picturebooks in English-speaking societies in many ways. First, choice mums need literature which could help them to discuss the structure of their family and principal concepts of single motherhood by choice. Second, children's literature with such content allows monoparental families to become symbolically visible to other members of the society and thereby strengthen their position. Single mothers by choice are determined to contribute with their own art individually or as a member of a larger network. Self-publishing industry and ubiquitous online consumption support both professional and amateur creativity which become available to a wide readership through internet online sellers. International publishing houses respond to the demand for a diversity in children's picturebooks. Although, they are obviously profit-oriented and therefore publish picturebooks that simultaneously promote diversity and cover a wider number of book buyers.

Keywords: picturebook, Single Motherhood, Anglophone Children's Literature, Sociology of Texts, Choice Mum, Visual Grammar, Social Semiotics, Book Market

Екатерина Ромашина

КАТАЛОГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА М. О. ВОЛЬФА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ДЕТСКОЙ КНИГИ В РОССИИ

М. О. Вольф — один из первых российских издателей, избравших литературу для детей и юношества в качестве своей «специальности». Источниковая база, позволяющая исследовать этот аспект его деятельности, включает в себя: документы Акционерного общества издательского, книжного и печатного дела М. О. Вольфа (Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга); личный фонд М. О. Вольфа (Российский государственный архив литературы и искусства); публичные юбилейные отчеты к 10-летию и 25-летию фирмы; полемические статьи и заметки в периодических изданиях; каталоги и счета книжного магазина. В статье внимание сосредоточено на последнем типе источников. Осуществлен количественный и качественный анализ каталогов магазина и издательства М. О. Вольфа с 1856 по 1897 г., выявлена динамика числа изданий для детей, их количество соотнесено с другими жанрами и видами литературы. Определены основные тенденции издательских практик Вольфа: осознание им деятельности в сфере детской литературы как особой социальной миссии; введение в практику классификации книг по их возрастной адресации и уровням владения ребенком навыком чтения; выпуск богато иллюстрированных изданий как способ решения особых эстетических задач; расширение содержательной части каталогов (подробные аннотации, цитаты из произведений, мнения специалистов и проч.) для целенаправленного влияния на вкусы российской публики; восприятие каталога как средства коммуникации с разными слоями и социальными стратами потенциальных покупателей (родители, руководители учебных заведений, жители столиц и провинции, состоятельные и малоимущие граждане и т. д.).

Ключевые слова: Маврикий Вольф, издательство, детская литература, каталог

Екатерина Юрьевна Ромашина

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого,
Тула

katerinro@yandex.ru

Маврикий Осипович Вольф (1825–1883) был одним из первых российских издателей, избравших литературу для детей и юношества в качестве своей «специальности». О его деятельности в этой области написано не так много, хотя источниковая база для подобного исследования весьма обширна. Отчасти такое положение дел объясняется тем, что имеющиеся материалы разнородны и рассредоточены по архивам и библиотекам разных городов. Это: 1) документы Акционерного общества издательского, книжного и печатного дела М. О. Вольфа (Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга, фонд 1420); личный фонд М. О. Вольфа (Российский государственный архив литературы и искусства, Москва, фонд 100); 2) публичные юбилейные отчеты, изданные Вольфом к 10-летию и 25-летию фирмы; 3) полемические статьи и заметки в периодических изданиях; 4) каталоги и счета книжного магазина.

Мы сосредоточим свое внимание на последнем типе источников, по необходимости фрагментарно обращаясь к другим. Осуществим количественный и качественный анализ каталогов магазина и издательства М. О. Вольфа с 1856 по 1897 г. и постараемся выявить тенденции и динамику его книгоиздательских практик в области детской литературы.

Профессиональное становление М. О. Вольфа прошло во Франции и Германии¹, и, следуя традициям европейских книжных домов, он считал своим долгом регулярно обнародовать итоги деятельности и знакомить читателя со своими намерениями. Включение «программных» рассуждений в предисловия каталогов и распространение аналитических записок отдельными брошюрами преследовало, вероятно, прежде всего, рекламные цели, но подобные тексты позволяют судить о системе ценностей, если не исповедуемых, то по крайней мере публично декларируемых Вольфом. Его дело — говоря современным языком — было очень успешным коммерческим проектом, но вместе с тем ярким примером социально ориентированного бизнеса. Немного лукавя, Вольф так объяснял свое стремление к открытому взаимодействию с потенциальным покупателем: «Это не объявление, — писал он в „Отчете за 10 лет работы“, — потому что публика достаточно знакома с моею деятельностью; это не реклама, потому что у меня и без реклам 45,000 корреспондентов², выписывающих книги от меня. Это действительно отчет; я считаю себя обязанным дать его, потому что моя деятельность, как издателя-книгопродавца, есть деятельность общественная, публичная» [Вольф 1866, 1].

В отчетах и предисловиях Вольф довольно подробно объяснял, что побудило его заняться изданием именно детской литературы, с годами его «педагогическое кредо» расширялось, обрастало подробностями и новыми смыслами, но не менялось принципиально. Весьма подробно оно было изложено уже в «Отчете за 10 лет работы»: «Издатель имеет дело с самым деликатным из всех существующих товаров, с плодами умственного труда, с результатами художественного вдохновения». Однако «издатель-книгопродавец может быть в восторге... готов бы осыпать автора золотом; но на всех его восторгах лежит неодолимою уздою вкус почтеннейшей публики. Ведь публика должна снабдить книгопродавца тем золотом, которым осыплет автора издатель, потому что... из других источников золота взять негде» [Вольф 1866, 1].

Вольф называл себя и своих сотрудников хотя и «покорнейшими», но «отнодъ не пассивными слугами публики». По его убеждению, издатель — профессиональный ценитель литературы, и в своих оценках он должен идти впереди читателя, воспитывать и формировать его вкус. Таким делом «опережающего» характера в России середины 1850-х гг. Вольф считал восполнение «недостатка в детских книгах» — важного условия формирования будущего поколения читателей:

Мы посвятили все свои силы, — писал он — на обогащение именно детской литературы, которая была и будет одною из наших специальностей. <...> Мы всегда держались той мысли, что для развития ребенка необходима самая разнообразная умственная пища, и что прекрасное, художественное воспитывает такие стороны детского духа, которые без этого могущественного педагогического средства должны были бы одичать и заглухнуть. Поэтому мы издавали *все хорошее* (курсив Вольфа — Е. Р.), что только могли добыть, имея в виду, что затем уже дело педагогов — предлагать воспитывающемуся юношеству ту или другую умственную пищу, и в той пропорции, и в том порядке, какие найдены будут для каждого субъекта наиболее пригодными [Вольф 1866, 1].

Отдавая должное профессионализму педагогов и осведомленности родителей, «порядок» и «пропорции» Вольф все же определял, перечисляя в отчетах и выделяя в каталогах, типы изданий, соответствующих возрасту и уровню развития ребенка: азбуки; «изящные картинки» с краткими подписями; книги для детей, начинающих читать («для утоления первой умственной жажды»); для тех, кто «умеет читать хорошо» и, наконец, для «старшего возраста».

В отчетах и аналитических записках Вольф неоднократно подчеркивал, что издатель должен удовлетворять «все вкусы, все требования, все педагогические системы» и «воздерживаться от всякой тенденциозности» [Вольф 1875, 35]. Он объявлял, что отбор рукописей русских авторов и иностранных книг для перевода осуществляется им на основе «здоровых педагогических понятий» и с помощью лиц, «известных своею опытностью и обширностью знаний» [Там же]. Начинаящих коллег-издателей Вольф предостерегал от увлечения «тенденциями» во вкусах публики: сегодняшней спрос на те или иные книги быстро сменится другим, и тот, кто ограничится одним направлением своей деятельности, неизбежно разорится. Сам он «направлял свое издательское дело к тому, чтобы [все] нашли у нас все, что им нужно»:

Тот, кто считает, что детям нужно чтение из истории, таковое найдет; кто больше склоняется к естественным наукам, найдет у нас такого рода книги для какого угодно возраста. Кто считает, что его детям рано еще учиться читать, но что пора обратить внимание на их умственное развитие, найдет картинки черные и раскрашенные. Если родители полагают, что надо особенно развивать чувство изящного, посредством правильного, отчетливого рисунка, то берут черные рисунки Оскара Плетча, Фрелиха и других; если же они думают, что дети еще малы и для понимания рисунка им нужны еще краски, то находят такой выбор, что трудно перечислить его содержание. Для всех затем возрастов найдется чтение приятное и в то же время полезное... [Вольф 1875, 35]

В отчете 1866 г. Вольф упоминал педагогические дискуссии того времени и особо подчеркивал свою беспристрастность:

В знаменитом споре между классиками и реалистами наше мнение — сторона, и мы не имеем никакой нужды доказывать, что воспитание и образование имеют целью приготовление человека к действительной, т. е. реальной жизни, и что классицизм, держась в области теории, редко приложимой к практике, приготовляет и поневоле приучает человека только к компромиссам. <...> Мы обязаны только удовлетворить требования обоих педагогов, как того, который желает для питомца своего книги классической, так и того, который, в чистоте своих побуждений, требует для питомца пищи более умственной, существенной, т. е. реальной [Вольф 1866, 3].

Критики упрекали Вольфа за подобную «всеядность» и обвиняли в том, что он больше думает не о воспитании, а о барыше [Писаревский 1861; Семенов 1861]³. Он однако никоим образом

с этим не соглашался а, считая свою деятельность призванием и общественным служением, пояснял: «предназначив себе задачей: доставлять взаимную выгоду как публике, так и издателям — я, по мере сил моих, стараюсь способствовать этим путем развитию книжного дела в России» [Вольф 1872, II].

Можно ли верить в беспристрастность и бескорыстность Вольфа в отношении издаваемой им литературы? Вероятно, нет. Но, видимо, он умел разделять коммерческий расчет и собственные предпочтения. Если внимательно перечитать абзац о споре сторонников реального и классического образования, то личный выбор издателя в пользу «действительной жизни» и «полезных» книг окажется очевидным, но его практики книгоиздания оставались разнообразными. Другой пример его эмоциональной включенности: огромные усилия Вольф приложил для распространения родной для него польской литературы, хорошо известно предпринятое им пяти-томное издание сочинений Адама Мицкевича в переводах Н. Берга, Л. Мея, Д. Д. Минаева, Н. П. Огарева, Омудевского, Н. П. Семенова, А. А. Фета и др. под общей редакцией П. Н. Полевого [Вольф РНБ, д. 7–11].

Особое внимание издатель уделял иллюстрированной литературе, в том числе детской. Не без гордости он писал: «Не можем... не заметить, что мы первые перенесли на нашу почву столь важное педагогическое нововведение, как наглядный способ обучения. Мы начали с этой целью издавать различные рисунки, коллекции минералов, коллекции предметов, обрабатываемых промышленностью и т. д. Трудно будет обвинить нас в самохвальстве, если мы скажем, что до нас книги издавались далеко не изящно. Мы составили себе такое убеждение, что книга должна привлекать к себе ребенка даже и наружностью. Поэтому, все наши детские книги изданы так красиво, так изящно, как лучшие заграничные издания этого рода» [Вольф 1866, 4]. Это слово — «изящно» — многократно повторялось в каталогах Вольфа. Вероятно, не одна только коммерческая выгода толкала его удорожать издания за счет богатого иллюстративного ряда (в чем его часто обвиняли оппоненты), форма книги для него, истинного ценителя, значила не меньше, чем ее содержание.

Создавая своей деятельностью условия для формирования в России читающей публики, последовательно и сознательно приучая взрослых и детей к разнообразной и добротной изданной литературе, Вольф, вместе с тем, был весьма сдержан в своих оценках и отнюдь не стремился поучать и наставлять своих потенциальных

покупателей. Прямое морализаторство в его записках прорывается лишь однажды — в каталоге 1875 г. мы обнаруживаем явное раздражение (против кого?) и открыто назидательный тон: «Тенденция у нас была постоянно одна: *чтобы в наших книгах никогда не встречалось даже намек на отрицание основных начал, установленных в нашем обществе, и если что проповедуется, то только чистая нравственность, абсолютная правда, и ни в коем случае не допускается отрицание религии*» [Вольф 1875, 35]. Курсив здесь авторский, и можно интерпретировать этот абзац как ответ на выпад какого-то (или каких-то) недоброжелателей. Не исключено, что речь шла о цензурных или иных неприятностях издателя, «прорвавшихся» в предисловие к каталогу, но далее ироничный текст адресован явно покупателю: «Что касается до выбора книг для того или другого возраста, то установить границы довольно трудно: иное восьми-летнее дитя так же мало развито, как пятилетнее, или наоборот, иное детище считается родителями столь развитым, что им кажется невозможным найти достойную его книжку, и они предпочитают не брать ему никакой. В наших каталогах и списках книг мы распределили книги по возрастам, применительно к уровню большинства нормально развитых детей» [Там же]. Такой тон в текстах Вольфа встретился нам лишь однажды. Может быть, издатель тоже имеет право на плохое настроение? Скорее, конечно, это отголоски какой-то конкретной истории. Возможно, этот сюжет явится при дальнейших наших изысканиях. Как бы то ни было, сердитый пассаж Вольф завершал следующим образом: «Мы считаем, что от жалоб на бедность литературы пора отказаться и признать, что детская литература у нас богата, а не бедна. Детских книг напечатано много, может быть, даже больше, нежели нужно для удовлетворения нашего ограниченного спроса и общественной малограмотности» [Там же].

Прежде чем предметно говорить об этом богатстве, отметим еще один существенный момент: помимо художественной и научно-популярной детской литературы Вольф издавал учебники — но главным образом не для школ. «Занимаясь, как одною из наших специальностей, изданием книг для детей, — отмечал он, — мы задали себе задачу: доставить русской публике все, что может понадобиться для домашнего воспитания детей» [Вольф 1881, II]. И хотя он обращался в своих текстах к «начальству учебных заведений», но главным образом имел в виду покупку книг для награждения прилежных школяров. Учебные издания Вольфа — не для массового школьного образования, они предназначались для индивидуальных занятий с ребенком. «Нами изданы, — писал

он, — сборники с картинками, книги с картинками, наклеенные на холст и папку, азбуки разных систем, книги, отпечатанные крупным шрифтом, с рассказами в прозе и стихах, сочинения для наглядного обучения, книги с рассказами из истории, географии, естествознания, священного писания; повести для детей от 8 до 12 лет; путешествия, популярные рассказы из математических наук, биографии; русские переводы классических произведений иностранной литературы, таких писателей как Вальтер Скотт, Купер и проч., для юношеского возраста, поучительные игры и занятия, — одним словом, мы не пропустили ни одной отрасли детской литературы и старались удовлетворить всем требованиям, вкусам и взглядам» [Там же].

Первый «Каталог книжного магазина Маврикия Осиповича Вольфа» вышел в свет в 1856 г. В нем была принята европейская библиографическая система: издания распределены по тематическим разделам, внутри них — «в алфавитном порядке по авторам» (а не по названиям, как это было в «Росписи» А. Ф. Смирдина). Раздел «Детские книги» здесь был предпоследним, в нем указаны 169 изданий и еще одно — в особом «прибавлении». Это 5 % от общего числа позиций каталога (3244 наименования), что сопоставимо с количеством изданий по законоведению (4,9 %), ведению хозяйства (8,2 %), географии и богословию (по 9 %) и художественной литературой для взрослых (8 %)⁴.

С расширением предприятия Вольф начал составлять каталоги «по отделениям», распределяя книги по языкам — русские, французские, немецкие, польские. Отметим, что русское отделение в магазине было не самым многочисленным: так в «Систематическом каталоге» за 1862 г. в нем было указано 10 тыс. томов, тогда как во французском — около 15 тысяч. С этого же времени Вольф начал помещать в каталоги развернутые аннотации и выделять шрифтом или в отдельную часть собственные издания⁵.

«Каталог русского отделения» 1862 г. открывался перечнем книг для детей, разбитых на разделы в соответствии с возрастом ребенка и уровнем владения навыком чтения: Азбуки. Книги с одними картинками (15 изданий); Книги для детей, начинающих читать (20); Книги для детей от 8 до 12 лет (16); Книги для детей старшего возраста (36); Поучительные игры для детей (15); Учебные руководства (19) — итого 121 пункт. Все это книги, изданные самим Вольфом с 1855 по 1862 г.⁶

В том же году был выпущен «Систематический каталог книг, изданным по 1862 г. или приобретенным целыми изданиями

книгопродавцем и типографом М. О. Вольфом», в нем детский отдел был представлен несколько шире — за счет тех книг, которые Вольф не печатал, но выкупал полным тиражом и продавал в своих магазинах, — всего 142 наименования: Азбуки. Книги с одними картинками — 19; Книги для детей, начинающих читать — 20; Книги для детей от 8 до 12 лет — 24; Книги для детей старшего возраста — 43; Поучительные игры — 15; Учебные руководства — 21.

В каталоге 1872 г. раздел «Детские книги» содержал уже 594 наименования (3,8 % от общего числа в 15808): Азбуки и книги для детей первого возраста — 141; Книги для детей от 8 до 12 лет — 255; Книги для детей старшего возраста — 133; детские игры и пособия для наглядного обучения — 65. Примерно 40 % из них составили издания самого Вольфа (в разделе Азбуки таких было 76, для детей от 8 до 12 лет — 71, для старшего возраста — 51, игры — 34).

«Новый систематический каталог» 1881 г. предлагал 854 издания для детей: для младшего возраста — 224; для детей от 8 до 12 лет — 310; старшего возраста — 320, в него были включены издания, как самого Вольфа, так и иные.

Динамика очевидна, однако определенно сказать, сколько наименований детских книг было издано Вольфом за весь период его деятельности, пока не представляется возможным: в каталоге 1856 г. собственные издания фирмы Вольфа никак не отмечены, в последующих каталогах не всегда указан год публикации, потому полная статистика — дело, требующее времени и дальнейших изысканий. В публичной речи, посвященной 25-летию издательской деятельности, Вольф указывал, что по части детской литературы им было издано всего «до 300 томов, потребовавших затраты капитала в 800 т. руб. сер.» [Вольф 1878, 7]. Отметим, что в каталогах последовательно указывались не только вновь изданные книги, но и все, что имелось в продаже, — иногда издания и 30-летней давности, что, конечно, определенным образом характеризовало запросы образованной публики и сложность книжного дела в России, на которые так часто жаловался Вольф.

Со второй половины 1860-х гг. Вольф начал печатать и рассылать специальные каталоги, адресованные родителям: сначала к Рождеству — «книги на елку» (1866, 1867 и др.), а потом и пособия-помощники при выборе подарков и наград, советы «что читать детям» и т. п. Эти издания включали в себя перечень тех же детских книг, что и регулярные систематические каталоги, но, как

правило, содержали подробные аннотации с отсылками к теории педагогики, психологии и опыту других стран, а также обширные цитаты и оценочные суждения специалистов.

Вряд ли Вольф сам был автором аннотаций, вероятнее, что для их составления он привлекал особых литературных работников. Кто они, мы не знаем: ни каталоги, ни просмотренные нами архивные материалы подобных сведений не содержат. Отметим, что, раз составленные, аннотации уже не редактировались и в неизменном виде перепечатывались в каждом последующем каталоге. Это обстоятельство объясняет заметное разнообразие стилей, глубины и объема этих текстов в пределах одного и того же рекламного издания. Приведем несколько примеров, позволяющих проиллюстрировать эту мысль, продемонстрировать особенности аннотаций разных жанров детской литературы, а также динамику текстов от середины 1850-х гг. к 1880-м:

Альбом птиц. Величина $8\frac{1}{2}$ верш., ширин. $6\frac{1}{4}$ вершк. Содержащий 25 листов превосходно раскрашенных красивейших птиц всех стран, переплет богатый, печат. золотом и красками. Ц. 5 р., с пер. 6 р. [Вольф 1856, 225].

Маша разиня. Рассказ в 4 д.л. напечатанный крупными буквами с великолепными рисунками Берталя. Нравственно-карающая дурные привычки детей книжка. В 4 д.л. Изд. Вольфа. Ц. 2 р. [Вольф 1872, 455].

Виновата ли кукла? 12 рассказов с 12 крашен. картинками. С. Д-в. Изящное издание в продол. 4 д. В красивом переплете. Изд. Вольфа. Ц. 2 р. У нас, в нашей детской литературе, существует слишком мало легеньких детских рассказов, которые, доставляя детям удовольствие, вместе с тем, научили бы их чему-нибудь полезному. Такова именно цель была у автора книги «Виновата ли кукла?» Дети слишком часто увлекаются какою-нибудь одною игрушкою и забывают не только то, что забава своим чередом, а дело — своим, но даже и весь окружающий их мир, отдаются вполне любимой кукле и т. п. Любовью и целым рядом строго педагогических действий ребенка можно отклонить от этой односторонности, но при этом должно действовать осторожно и влиять одною лишь любовью и ласкою. Именно таково содержание этой книжки, которая займет ребенка и вместе с тем произведет на него полезное педагогическое влияние. Рассказы написаны живо и читаются очень легко [Вольф 1881, 501].

Русская история в повестях А. Разина и В. Лапина. Откуда пошла русская земля и как стала быть. Три тома в большую 8 д. л. и 46 большими рисунками Дмитриева-Оренбургского, Прохорова и др. Цена трем объемистым томам без переплета 12 р. В богатом золототисненном перепл.

15 р. Маститый наш беллетрист, Гончаров, вот как отзывается об этом сочинении (см. Голос 1875 г. № 357). «Из всех пособий к изучению отечественной истории, на первом плане стоит опыт покойного Разина под общим заглавием „Откуда пошла русская земля“. В этих „повестях“ из „русской истории“, как автор верно назвал их, более нежели ре-же встречается — таланта... Независимо от исторической верности эти „повести“ отличаются, прежде всего, неподдельною простотой рассказа. Обыкновенно, подделка под простоту всегда впадает в аффектацию и возбуждает недоверие к себе, и затем и скуку. Здесь, напротив, автор чуждался всякой подделки: очевидно, он рисовал узор русской жизни, как сам видел его в уме, и рассказал для всех одинаково, не думая ни о детях и юношах, ни о зрелых и старых людях. Эти рассказы занимательны для всех возрастов и понятны для всех степеней образования. Автор пишет, как говорил, и говорят все, притом, самым правильным и чистым языком, в котором слышится природный русский дух русской речи» [Вольф 1881b, 14].

Объем аннотации одной и той же книги иногда варьировался в общем систематическом и специализированном «детском» каталогах:

Дачная жизнь девицы Насти. Роскошное издание с политипажами по рисункам Фрелиха. Текст Пчельниковой. В красивом картонном переплете. В 8 д.л. Изд. Вольфа. Ц. 2 р. [Вольф 1872, 453].

Дачная жизнь девицы Насти. Текст А. Пчельниковой. Рис. Фрелиха. Роскошное издание в богатом переплете. В 8 д.л. ц. 2 р. 50 к.; в красивом картонаже 2 р. Это прелестная эпопея, исписанная пером г-жи Пчельниковой и иллюстрированная карандашом Фрелиха. Дело начинается с того, что «Настя укладывает чемодан по-своему». Она кладет туда все необходимые предметы, с которыми ей не хотелось бы расставаться: Юлиньку, свою куклу, клетку с канарейкой, вазу с прекрасным букетом, и... еще цветочный горшок с любимым розаном... Далее описывается ее жизнь среди коров, курочек на селе и т. д. [Вольф 1881a, 3].

Обратим внимание, что аннотации к изданиям фирмы Вольфа всегда содержали сведения о визуальном компоненте книги: имя художника (особенно в случае знаменитости), количество рисунков, качество полиграфии и т. д.

В ряде каталогов аннотации содержали некие связные «переходы» от описания одного пункта к другому — как бы «вели» потенциального покупателя к новым приобретениям, прочно завладев его вниманием:

...Некоторые педагоги, разбирая психические моменты детского развития посредством наглядности, утверждают, что всего полезнее для начала — раскрашенные картинки на черном фоне. Исполняя это требование, мы издаем книгу:

Вострушка, состоящую из ста десяти раскрашенных картин на черном фоне, и имея в виду их назначение — мелкую публику, которая немилосердно истребляет и книги, и картинки, и игрушки, наклеиваем их на прочные картоны, так что разорвать эти картинки оказывается невозможным (Цена 1 р. 50 коп.). Как необходимое украшение, добавляем красивый переплет. Другие педагоги находят напротив, что черный фон слишком педантически останавливает и ограничивает внимание ребенка, исключая фантазию и определяя слишком тесное поле зрения. Так как книжный магазин ни в коем случае не может взять на себя роли решителя педагогических споров, то мы издали:

Всякая всячина в картинах для наглядного обучения. 25 больших раскрашенных картин, 194 предмета, на обыкновенном светлом фоне. Наклейка на толстую папку остается и здесь, так как против этого не встают ни присяжные теоретики-педагоги, ни практические маменьки и надзирательницы (Цена 3 р.) [Вольф 1876, 35].

С 1880-х гг. «родительские» каталоги стали богато и разнообразно иллюстрироваться, интересно графически оформляться (Рис. 1, 2, 3). Все они включали издания только фирмы Вольфа. Пособие «Что читать детям» 1897 г. (выпущенное уже наследниками основателя фирмы) содержало мелкие разделы, помогающие родителям-покупателям сориентироваться не только в возрастной адресации книг, но и в их жанрах (сказки, басни, стихи, рассказы из жизни животных, путешествия, «Робинзоны» и т. д.), а также в «материальной форме» изданий (книги-картинки на папке; книги, наклеенные на холст; книги в формате большой тетради с подписями крупным шрифтом и т. д.).

В юбилейных публичных отчетах Вольф пространно описывал каждый из разделов, объяснял свое к ним внимание, называл постоянно сотрудничающих с ним авторов, перечислял издания, пользующиеся неизменным спросом: «Различных азбук мы издали более двенадцати⁷, — писал он в „Отчете за 10 лет работы“, — всевозможных цен, всякого вида, для всяких вкусов и кошельков. Но это вовсе не значит, что мы на этом и остановимся: встретится хорошая азбука, или выйдет новая метода — мы издадим и их, и не видим никаких причин останавливаться, хотя у нас уже и есть всевозможные азбуки, и на холсте, и на дощечках, и на латуни, и, конечно, на бумаге в виде карточек, в коробочках, в ящичках и

Рис. 3. Вольф М. О. Иллюстрированный каталог. СПб., 1882. С. 6–7.

в виде обыкновенных книг. Учитесь только, и затем — читайте, как можно больше: в этом заключается и ваша, и наша польза» [Вольф 1866, 1].

Наиболее подробно Вольф рассказывал читателю о книгах для детей, только начинающих читать, — они составляли предмет его особой заботы и гордости. Он называл их издание «одной из труднейших задач, какие только нам встречались в течение десятилетней работы» и пояснял:

Между первыми уроками азбуки и более или менее свободным чтением проходит довольно времени, драгоценного для развития ребенка. Нам необходимо развивать в детях охоту к чтению, добиться этой охоты хотя бы всеми неправдами, ибо — какой же ожидать цивилизации без охоты к чтению, и как может без этой охоты идти книжная торговля? <...> Успехи развития человека зависят в особенности от впечатлений, действующих на него в этом нежном возрасте, в промежутке между изучением азбуки и беглым чтением книги. Хорошее и достаточно последовательное чтение для детей этого возраста составляет потребность существенную. <...> Известно, что ежели трудности чтения не вознаграждаются занимательностью содержания того, что читает-

ся, то самый процесс чтения может опротиветь, и тогда — необходимы будут весьма серьезные педагогические усилия, чтобы изгладить первоначальное неблагоприятное впечатление и заставить ребенка дружески смотреть на старого врага, на книгу. Мы будем внимательно отыскивать еще и еще рукописи, назначенные для чтения в этом возрасте, и будем печатать их, не щадя издержек, чтобы этот отдел обогатился возможно лучшими книгами, как можно красивее изданными [Вольф 1866, 3].

Раздел того же отчета, посвященный книгам для детей старшего возраста, гораздо нейтральнее в эмоциональном отношении, здесь Вольф в основном перечислял жанры и виды изданий: художественные произведения, истории о путешествиях, географические игры, карты и атласы, книги по естествознанию, российской и всеобщей истории и т. д.

Помимо общей статистики изданий и их распределения по тематическим и возрастным разделам, анализ каталогов позволяет установить круг постоянных авторов и переводчиков Вольфа. Они далеко не всегда упоминались им в аннотациях⁸, иногда неясно, переводное это произведение или оригинальное, но в целом можно говорить о существовании довольно устойчивого круга литераторов, сотрудничавших с Вольфом годами. Некоторых из них Вольф упоминал в своих юбилейных отчетах, подчеркивая длительность совместной работы: А. М. Дараган, Е. А. Авдеева, А. Беляева, Л. А. Ярцова, А. А. Пчельникова (Цейдлер), А. Е. Разин, И. Г. Бутовский, А. И. Тургенев, В. И. Лапин и др. Обращает на себя внимание большое количество женщин — авторов рассказов и повестей для первоначального чтения. Все они, — подчеркивал Вольф, — «оставляют высокоценные детьми этого возраста книги» [Вольф 1866, 3].

Во всех каталогах Вольфа были указаны условия пересылки книг заказчикам. С годами менялась цена, но неизменными оставались правила фирмы: все корреспонденты получают «безотлагательный ответ»; книги «отправляются немедленно в тщательно упакованных посылках», к которым прилагается счет; при большом объеме заказа могут быть использованы услуги транспортных контор; по запросам «казенных мест» книги могут быть высланы в кредит, но деньги должны быть перечислены сразу после получения посылки; библиотеки пользуются рассрочкой платежа; подписка на журналы оформляется только с предварительной оплатой; на заказы более 100 рублей предоставляется скидка в 10–15 %; можно заказать книги в переплете — «ученическом» (в 1862 г. его

цена была 15 коп.), «полусафьянном» (30 коп.) или «полушагреновом» (50 коп.) [Вольф 1862, III]. С 1866 по 1874 г. русские книги Вольф рассылал покупателям за свой счет (кроме правительственных изданий и учебников), однако в период книгоиздательского кризиса 1875–76 гг. перестал это делать. Иностранные книги всегда рассылались за счет покупателей. Фирма оказывала и такую услугу, как подбор и посылка книжных новинок из той или другой области знания. Но в этом случае заинтересованные лица должны были держать в магазине определенный фонд предварительной оплаты. Вольф подчеркивал, что, «находясь более двадцати лет в непосредственных сношениях со всеми издателями Франции, Германии и Англии», он еженедельно получает из Европы «транспорты всех вновь выходящих книг», потому может обеспечить запросы даже самого взыскательного покупателя [Вольф 1876, I].

Подводя итоги, выделим основные тенденции издательских практик в области детской литературы — те из них, которые нам позволила увидеть работа с каталогами и публичными отчетами Вольфа:

- осознание им своей деятельности как особой социальной миссии, открытая трансляция этой идеи через предисловия и аналитические записки;
- классификация книг для детей по их возрастной адресации, с учетом уровня владения ребенком навыком чтения;
- выпуск богато иллюстрированных изданий как решение эстетической задачи приобщения ребенка и взрослого к миру «изящного»;
- последовательное расширение содержательной части каталогов (помещение подробных аннотаций, цитат из произведений, мнений специалистов и проч.) для целенаправленного влияния на вкусы и пристрастия российской публики — как их удовлетворение, так и ответственное формирование;
- восприятие и конструирование каталога как средства коммуникации с потенциальными покупателями — адресного «послания» представителям разных слоев и социальных страт (родителям, руководителям учебных заведений, жителям столиц и провинции, состоятельным и малоимущим читателям и т. д.).

Подчеркнем, что выводы наши носят предварительный характер, а дальнейшее уточнение и наполнение выявленных тенденций видится в их соотношении с материалами других источников по истории издательства Маврикия Вольфа.

Примечания

¹ Свою биографию Маврикий Осипович изложил в публичных отчетах и юбилейных выступлениях. Проверить отдельные факты затруднительно, но собственнно нет оснований не доверять этим данным. Мариус Болеслав (Maurycy Boleslaw) родился 25 ноября 1824 г. в Варшаве, в семье врача Йозефа Вольфа (Wolff), пользовавшегося уважением в польском образованном обществе. Окончив гимназию, юноша поступил учеником в магазин «одного из самых деятельных книгопродавцев в Варшаве, Глюксберга». Затем он отправился в Париж и получил место в книготорговле Боссанжа — «одного из главнейших в то время издателей». Спустя несколько месяцев фирма перешла в руки Брокгауза, и Вольф поступил в распоряжение Э. Авенариуса, заведовавшего операциями «парижского дома». Через три года Мариус отправился в Лейпциг — главный центр европейской книжной торговли и полтора года работал у В. Энгельмана. Затем он предпринял путешествие по областям, где «господствовал польский язык», и в Вильно получил место управляющего книжным магазином. В течение четырех лет он «странствовал с множеством ящиков книжного товара» по разным местностям, открывая магазины в небольших городках. Предприятие было успешным, об этом времени Вольф писал: «Все были тогда библиофилами, и обладание большим количеством ценных изданий ставилось в заслугу. Сбыт... доходил до цифр весьма почтенных. <...> Появление книгопродавца в каком-нибудь местечке считалось почти событием. Это был желанный, дорогой гость. Заехав во двор знатного дома, иногда приходилось увозить пудов на тридцать меньше товара, ибо не только сами хозяева, но и более достаточные соседи, со всего околотка, узнав о прибытии книгопродавца, съезжались с целью приобрести все то, что было необходимо для восполнения пробелов в их библиотеках». В 1848 г. Вольф прибыл в Петербург и «получил занятие» в книжном магазине Я. А. Исакова. Одновременно он начал издавать книги на польском языке, за 5 лет их число достигло 150 названий. Задумав «стать в положение возможно независимое», Вольф открыл собственное дело: первая изданная им книга на русском языке — «Общепонятная механика» Н. Г. Писаревского — была доставлена из типографии 1 октября 1853 г. [Вольф 1878, 2–3].

² Интересно, что в речи «К 25-летию издательской деятельности» Вольф называет ту же цифру — «45 тысяч иногородних покупателей». То ли эта цифра условна, и не соответствует действительности; то ли имело

место некое насыщение рынка, достигнутое фирмой уже к 1866 г. и более не менявшееся. На данном этапе исследования не беремся утверждать однозначно.

- ³ Публичные дискуссии вокруг изданий Вольфа — отдельный интересный и обширный сюжет. Здесь отметим только, что Маврикий Осипович активно вступал с критиками в полемику, последовательно отстаивая свою позицию в печати. В частности, отдельными брошюрами им были изданы «Объяснения... книгопродавца-типографа М. О. Вольфа (по обвинениям, возводимым на него редактором „Русского инвалида“ г. Писаревским)» [Вольф 1862а, Вольф 1862b].
- ⁴ Каталог очень хорошо демонстрирует «универсальность» издательского дела Вольфа: все «отрасли наук» в нем наполнены весьма равномерно — 5–10 % названий от общего числа. Исключение составляют «Театр» (1,8 %) и «Естественные науки» (2,7%); больше всего книг по истории — 10,5 %. Такой подход Вольф сохранял и далее.
- ⁵ В каталоге 1856 г. собственные издания Вольфа никак не отмечены, а в последующих каталогах не всегда указан год публикации, потому полная статистика детских книг фирмы Вольфа — дело непростое, требующее времени и дальнейших изысканий.
- ⁶ Во второй части этого каталога указаны издания, продающиеся в магазинах Вольфа, но изданные не им; детских книг здесь нет.
- ⁷ На тот момент им издано как минимум 15 азбук, но, вероятно, считает он традиционно — дюжинами.
- ⁸ Так, например, неизвестен переводчик «Степки Растрепки» (1857). Книжка была крайне популярной, и Вольф использовал ссылку на нее как рекламный прием: «от автора „Степки Растрепки“», — писал он в аннотациях к новым книгам. Но тайна сохранена последовательно — нигде, даже в более поздних каталогах, инкогнито переводчика не раскрыто.

Литература

Источники

Вольф РНБ — Вольф М. О. // ОР РНБ. Ф. 157. Оп. 1. Д. 7–11.

Вольф 1978 — Вольф М. О. 1853–1878: К двадцатипятилетию изд. деятельности Маврикия Осиповича Вольфа, 1 окт. 1878 г.: [выступление на юбилее]. СПб.: тип. М. О. Вольфа, ценз. 1878.

Вольф 1856 — Вольф М. О., кн. маг (Петербург). Каталог книжного магазина Маврикия Осиповича Вольфа. СПб., 1856.

Вольф 1872 — Вольф М. О., кн. маг (Петербург). Каталог русского отделения книжного магазина Маврикия Осиповича Вольфа... в Санкт-Петербурге... в Москве. СПб., 1872.

Вольф 1862 — Вольф М. О., кн. маг (Петербург). Каталог русского отделения книжного магазина Маврикия Осиповича Вольфа... в С.-Петербурге. СПб., 1862.

Вольф 1881 — Вольф М. О., кн. маг (Петербург). Новый систематический каталог Русского отделения книжного магазина Маврикия Осиповича Вольфа, существующего с 1853 г... в С.-Петербурге и... в Москве. 1830–1880. СПб.; Москва: М. О. Вольф, 1881.

Вольф 1862a — Вольф М. О. На суд общественного мнения: [Объяснение книгопродавца-типографа по обвинениям, возводимым на него редактором «Рус. Инвалида» г. Писаревским]. [СПб.]: тип. М. О. Вольфа, 1862.

Вольф 1862b — Вольф М. О. На суд общественного мнения: Второе объяснение книгопродавца-типографа М. О. Вольфа (по обвинениям, возводимым на него редактором «Рус. Инвалида» г. Писаревским). [СПб.]: тип. М. О. Вольфа, 1862.

Вольф 1881a — Вольф, М. О., т-во (Петербург). Изящные и дельные издания для детей и взрослых, изданные Мавриkiem Осиповичем Вольфом в С.-Петербурге, в Москве: Пособие для родителей и воспитателей при выборе книг для подарков, ученич. б-к и наград в учеб. заведениях: 1848–1881. [СПб.], 1881.

Вольф 1881b — Вольф М. О., т-во (Петербург). Иллюстрированный каталог книгопродавца-издателя М. О. Вольфа: 2000 изящных и полезных книг. СПб., 1882.

Вольф 1876 — Вольф М. О., т-во (Петербург). Каталог книгам, отпечатанным в 1875 и 1876 гг., журналам на 1877-й год, детским книгам на елку 1876 г. и др. изданиям книгопродавца Маврикия Осиповича Вольфа, которые продаются в его книжных магазинах. СПб., 1876.

Вольф 1866 — Вольф М. О., т-во (Петербург). Отчет М. Вольфа за десять лет работы. СПб.: Тип. М. О. Вольфа, 1866.

Вольф 1862c — Вольф М. О., т-во (Петербург). Систематический каталог книгам, изданным по 1862 г. или приобретенным целыми изданиями книгопродавцем и типографом М. О. Вольфом... [СПб.], 1862.

Либрович 1916 — Либрович С. Ф. На книжном посту: Воспоминания, записки, документы. Птг; М.: т-во М. О. Вольф, 1916.

Писаревский 1861 — Писаревский Н. Об издательской деятельности книгопродавца-типографа М. О. Вольфа // Русский инвалид. 1861. № 270, 275, 283, 285.

Писаревский 1862 — Писаревский Н. Об издательской деятельности книгопродавца-типографа М. О. Вольфа // Русский инвалид. 1862. № 4.

Семенов 1861 — Семенов Д. Д. Детские книги: Изд. Маврикия Осиповича Вольфа: [Разбор / [Д. Семенов]. [СПб., 1861].

Исследования

Динерштейн 1999 — Динерштейн Е. А. Петербургский издатель М. О. Вольф // Книга. Исследования и материалы / Всесоюзная книжная палата. М.: Изд-во Всесоюз. книжной палаты. 1999. Сб. 76. С. 126–164; Сб. 77. С. 155–185.

Сидоров 2008 — Сидоров А. А. Искусство русской книги XIX–XX вв. // Книга в России: в 2 ч. / под ред. В. Я. Адарюкова и А. А. Сидорова. Ч. II: Русская книга девятнадцатого века. М.: Государственная публичная историческая библиотека, 2008. С. 139–283.

References

Dinerstein 1999 — Dinerstein, E. A. (1999). Peterburgskij izdatel' M. O. Wol'f [Petersburg publisher M. O. Wolff]. In *Kniga. Issledovaniija i materialy* [Book. Research and materials] (Vol. 76, 126–164); (Vol. 77, 155–185). Moscow: Izd-vo Vsesojuz. knizhnoj palaty.

Sidorov 2008 — Sidorov, A. A. (2008). *Iskusstvo russkoy knigi XIX–XX vekov* [The Russian book's art in the 19–20th c.]. In V. Ja. Adarjukova i A. A. Sidorov (Eds.), *Kniga v Rossii: v 2 ch. Ch. II: Russkaja kniga devjattnadcatogo veka* [Book in Russia: in 2 parts] (pp. 139–283). Moscow: Gosudarstvennaya publichnaya istoricheskaya biblioteka.

Ekaterina Romashina

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University;
ORCID: 0000-0003-0655-2183

CATALOGS OF THE PUBLISHING HOUSE OF MAURCY WOLFF
AS A SOURCE ON THE HISTORY OF CHILDREN'S BOOKS IN
RUSSIA

Maurcy Wolff is one of the first Russian publishers who chose literature for children and youth as their “specialty”. The source base letting study this aspect of his activity includes: documents of the Joint Stock Publishing Company by M. Wolff (Central State Historical Archive of St. Petersburg); M. Wolff’s personal fund (Russian State Archive of Literature and Art); public anniversary reports for the 10th and 25th anniversary of the company; polemical articles and notes in periodicals; catalogs and bookstore invoices. The article focuses on the latter type of sources. The work provides a quantitative and qualitative analysis of Wolff’s catalogs from 1856 to 1897. The article reveals the dynamics of the number of publications for children; their number is correlated with other genres and types of literature. The main trends of Wolff’s publishing practices are identified. They involve: his awareness of activities in the field of children’s literature as a special social mission; implementation to the practice of book classifications according to children’s age and levels of a child’s reading skills; publication of richly illustrated editions as a way of solving special aesthetic tasks: expanding of the content of the catalogs (detailed abstracts, quotations from works, expert opinions, etc.) to purposefully influence the tastes of the Russian public; perception of the catalog as a communication tool with various social strata of potential buyers (parents, heads of educational institutions, residents of capitals and provinces, wealthy and poor citizens, etc.).

Keywords: Maurcy Wolff, publishing house, children’s literature, catalog

Ольга Селиванова

КАК СОСТАВИТЬ ИДЕАЛЬНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ? (ВЗГЛЯДЫ О. И. КАПИЦЫ НА БИБЛИОГРАФИЮ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

В начале XX в. начинает складываться единое сообщество критиков детской литературы, которые призывают к ответственному выбору книг для детского чтения. В статье приводится точка зрения О. И. Капицы на принципы составления указателей детской литературы. На основе архивных материалов из Показательной библиотеки по детскому чтению дается обзор дискуссии по поводу первой части «Систематического указателя книг для детей и юношества», посвященного сказкам, а также выявляются принципы оценки произведений разных авторов: писателей, специально пишущих для детей, русских и зарубежных классиков. По мнению О. И. Капицы, в первую очередь в произведениях для детей необходимо обращать внимание на такие субъективно-оценочные признаки, как комфортная для читателя-ребенка атмосфера повествования, возможность вызвать у него интерес, отсутствие лживых интонаций и излишней сентиментальности или нарочитой тенденциозности в «обращении» автора к детям, в то же время тексты должны быть художественными и написаны образным языком, а издания качественно оформлены и проиллюстрированы. Формулировки критериев и аргументация их выделения в трудах О. И. Капицы демонстрируют не только понятийный аппарат педагогического дискурса о детском чтении в 1910–1920-е гг., сформировавшийся на предыдущем этапе развития критики детской литературы, но и влияние нового библиографического подхода к описанию книжного потока для детей в этот период.

Ключевые слова: детская литература, библиография детской книги, критика детской литературы, принципы критики детской литературы, О. И. Капица, Показательная библиотека по детскому чтению, детское чтение

Ольга Владиславовна Селиванова
независимый исследователь,
Санкт-Петербург
ol.vl.sel@gmail.com

DOI: 10.31860/2304-5817-2022-2-22-217-232

Знакомство с библиографией детской литературы и фольклора началось у О. И. Капицы с обзоров библиографических указателей. В ее статьях 1910-х гг. отмечается, что с возрастанием общего интереса к вопросам детства, в том числе к вопросам детского чтения, увеличилась потребность в библиографических указателях, помогающих разобраться в потоке книжной продукции. Размышления о необходимости подбора для детей лучших книг толкали преподавателей, библиотекарей, родителей или воспитателей, то есть тех, кто руководил детским чтением, на поиски библиографической информации в самых разнообразных источниках. Эти сведения можно было найти на страницах детских, педагогических или литературных журналов, которые печатали критические статьи и отзывы о детских книгах, давали обзоры творчества детских писателей, приводили списки рекомендуемых книг; многие издательства размещали на мягких обложках дешевых изданий библиографические списки по определенной теме. Составляя специальную библиографию библиографии, О. И. Капица ставила целью своей работы собрать и систематизировать библиографический материал, посвященный детским книгам и детскому чтению [Капица 1910; Капица 1912; Капица 1912a].

В процессе изучения библиографического массива у О. И. Капицы выработались определенные критерии, которым должен отвечать хороший указатель книг для детей: 1) в указатель должны входить книги, удовлетворяющие требованиям педагогическим и общелитературным; 2) книги должны быть по возможности более детально разбиты на рубрики по степени их трудности (по возрасту), по родам произведений художественной литературы, по научным отделам и т. д.; 3) библиографические сведения о книге должны быть точны и обстоятельны, чтобы облегчить пользование указателем [Капица 1912, 18]. В качестве основного замечания к большинству существующих указателей О. И. Капица выдвигала отсутствие в них отзывов. В ее понимании отзыв — это синкретичный жанр, объединяющий и элементы аннотации, и признаки собственно отзыва (в отдельных случаях отзыв у нее сближается с рецензией, поскольку включает краткое содержание произведения и личное мнение и оценку критика).

Удалось ли О. И. Капице реализовать эти принципы в собственной практике? Для изучения участия самой О. И. Капицы в составлении библиографических изданий по детской литературе нами используется как опубликованный, так и архивный материал. Архив Показательной библиотеки по детскому чтению состоит не толь-

ко из документов, отражающих научную деятельность собственно О. И. Капицы, но и из документов тех организаций, с членами которых О. И. Капица плодотворно сотрудничала, например, Санкт-Петербургский Подвижной музей учебных пособий (бланки с рецензиями на книги для разных групп читателей), Общество содействия дошкольному воспитанию (рецензии и протоколы заседания библиотечной комиссии Общества за разные годы) и др.

Первым опытом личного участия О. И. Капицы в составлении справочного пособия стала работа над «Систематическим указателем книг для детей и юношества. Часть I: Сказки» (Пг., 1915). Это издание вышло под эгидой Подвижного музея учебных пособий, постоянным сотрудником которого О. И. Капица стала в 1911 г. Она активно включилась в работу литературно-издательского отдела музея, причем, взяла на себя ведущую роль в аннотировании книг и редактуре указателя в целом (в архиве Показательной библиотеки сохранилось множество листов первых и вторых корректур с собственноручными правками О. И. Капицы).

Над указателем в течение 12 лет работала специальная комиссия по детской литературе (всего 26 человек), материал для него отбирался путем сплошного просмотра всей печатной продукции для детей в соответствии с заявленной темой сказки. В предисловии к указателю отмечается, что «каждая книга прочитывалась и рецензировалась не менее чем двумя членами комиссии, и только после совместного обсуждения рецензия принималась, и книге давалась та или другая оценка» [Систематический указатель 1915, 5].

К сожалению, по опубликованным статьям указателя невозможно восстановить подробности кропотливой работы над рецензиями, поскольку для печати вырабатывалась единая формулировка текста. Однако материалы архива Показательной библиотеки позволяют узнать, как была в то время организована работа рецензентских комиссий в Подвижном музее. Так, среди сохранившихся бланков Подвижного музея учебных пособий [подробнее о его деятельности см.: Селиванова 2014] встречаются два с отзывами об одной и той же книге, и при этом высказаны диаметрально противоположные мнения о первом и втором изданиях книги В. Бруснына «Поэты-крестьяне Суриков и Дрожжин» (СПб., 1899 и М., 1910):

(Лист 8) Книга состоит из 2-х биографических очерков и 20-ти избранных стихотворений (10 Сурикова и 10 Дрожжина). Обе биографии бесцветны, растянуты, чисто протокольного характера. Доступность и популярность изложения не выдержана вполне. Подбор стихотворе-

ний также не вполне удачен; большинство совсем не характерно для них как певцов народных. Вообще книга имеет цену, лишь поскольку в ней имеется сухой, фактический материал. Подрост[кам], малоподгот[овленным].

(Лист 9) Достаточно подробные биографии Сурикова и Дрожжина (63 стр.) и некоторые характерные для них стихотворения (по 10 от каждого) могут дать читателю довольно ясное представление об этих 2 последователях народной Кольцовской поэзии, передающих в своих прозаических стихах грусть-тоску и боль душевную от сознания несправедливости и непосильной тяжести жизни, воспевающих с надеждой один только «честный труд». Доступно по цене (15 к.). Книжку стоит прочесть тому, кто мало знает писателей, принадлежащих к русскому крестьянству.

Дополнительным штрихом ко второму отзыву может служить приписка карандашом «*Не читано*» слева от текста, сделанная, возможно, со слов составителя первого отзыва председателем или секретарем комиссии, на которой обсуждалась эта книга.

Весь материал Систематического указателя (650 наименований) распределен по двум большим отделам в зависимости от возраста читательской аудитории. В первом отделе сосредоточены сказки, рассчитанные на младший возраст (дети от 3 до 6 лет и от 6 до 9 лет). Это не только издания русских народных сказок, побасенок и песен, но и иностранные народные сказки и авторские сказки разных писателей. Ко второму отделу отнесены сказки, ориентированные на средний (дети от 9 до 12 лет) и старший (дети от 12 до 15 лет) возраст, включая подростков 15–17 лет. Для этой возрастной категории выделены русские народные сказки и былины, очень подробно представлены сказки и произведения народного эпоса разных стран, в том числе мифы классической древности, а также авторские литературные сказки. Третий отдел указателя представляет собой справочный сопроводительный материал, в котором отражено мнение комиссии по детской литературе о наиболее рекомендуемых книгах для детских библиотек и совершенно не рекомендуемых для детского чтения сборниках и отдельных изданиях. Отдел дополняют алфавитные указатели авторов и составителей и названий книг. Каждая статья указателя сопровождается отзывом, а каждый раздел начинается кратким пояснением. Предваряет указатель небольшое теоретическое предисловие, в котором выражена позиция комиссии по детской литературе в отношении к сказке.

Для получения внешнего отзыва на указатель О. И. Капица обратилась в Общество содействия дошкольному воспитанию, биб-

лиотечная комиссия которого имела большой авторитет в педагогических и литературно-издательских кругах [Селиванова 2016]. В архиве Показательной библиотеки по детскому чтению сохранились протоколы заседаний и годовые отчеты библиотечной комиссии Общества содействия дошкольному воспитанию. В протоколе заседания библиотечной комиссии от 10 ноября 1915 г. содержится более подробный, а в тексте годового отчета за 1915–1916 учебный год — более сжатый рассказ об обсуждении указателя «Сказки» [полный текст протокола см.: Селиванова 2020]. О. И. Капица лично представила результат коллективной работы по сказкам на заседании библиотечной комиссии и выслушала все критические замечания.

В обсуждении указателя со стороны библиотечной комиссии участвовали специалист по внешкольному образованию В. А. Зеленко, общественный деятель и издатель А. М. Калмыкова, детский писатель и иллюстратор В. В. Каррик, методист преподавания словесности Е. Е. Соловьева, педагог-экспериментатор и критик детской книги Е. И. Тихеева. Отметив уникальность указателя, его научную и практическую ценность, члены библиотечной комиссии обозначили целый ряд его недостатков: неразработанность исходных теоретических положений, невыдержанная «пестрота» рецензий, неравномерное распределение предисловий к отделам, отсутствие квалифицированного указания на литературно-художественные достоинства переработок и переводов, однообразие оценок издательского оформления и иллюстраций.

В ответ на замечания О. И. Капица отметила, что библиотечная комиссия Общества содействия дошкольному воспитанию обозначила крайне широкие задачи. Со своей стороны составители указателя желали только собрать и систематизировать материал, предъявив читающей публике работу осведомительного характера. В целом указатель рассматривался составителями как «черновая работа», способная дать толчок к дальнейшим исследованиям, а также как библиографический справочник с рекомендацией лучших книг.

И действительно, первая часть «Систематического указателя книг для детей и юношества», посвященная сказкам, так и осталась уникальным в своем роде изданием. В дальнейшем его материал стал основой для составления других библиографических списков и сборников рекомендуемой литературы для детей.

По-видимому, планировалась по крайней мере еще одна часть «Систематического указателя...», однако, она так и оста-

лась не только не опубликованной, но и не скомплектованной. Эта часть должна была быть посвящена авторским литературно-художественным произведениям для детей. На это указывает заявление членов комиссии по детской литературе в предисловии к первой части указателя: «Задача Систематического указателя — дать по возможности полный и обстоятельный обзор всех отделов детской литературы, за исключением научно-популярных» [Систематический указатель 1915, V], а также наличие определенного количества подготовленного материала, сохранившегося в архиве Показательной библиотеки по детскому чтению. Папка с названием «Из архива Показательной библиотеки. Рукописи О. И. Капицы» содержит 237 листов разных форматов с отзывами на книги для детей. Записи сделаны несколькими почерками, в основном преобладает почерк О. И. Капицы, орфография старая. Самое раннее издание, на которое был составлен отзыв, вышло в 1878 г., однако, выходные данные книг конца XIX в. в большинстве случаев исправлены на сведения о более новых изданиях 1910-х гг.; самое позднее издание, упомянутое в отзывах, датируется 1916 г. О том, что планировался именно указатель, свидетельствуют внутренние ссылки в текстах самих отзывов, например, на листе 145:

Мало Гектор¹. Без семьи. Изд. О. Н. Поповой. Пгр. 1914 г. 28 рис. 40 к.

В полном переводе эта повесть пригодна для старшего возраста, настоящее же издание сокращенное и вполне пригодно для среднего возраста. Отзыв о книге и обзор других его изданий смотри под №... в отделе для старшего возраста.

По содержанию и структуре рукописные отзывы сопоставимы с отзывами, опубликованными в «Систематическом указателе...». В заголовке приводятся подробные библиографические данные: автор и название произведения, затем идут сведения о месте издания, издательстве, указываются год выпуска, количество страниц и цена, иногда упоминается порядковый номер издания и наличие иллюстраций. Как уже отмечалось, О. И. Капица предъявляла жесткие требования к единообразному и четкому оформлению библиографии, поэтому заголовки отзывов, написанных другими членами комиссии, содержат большое количество исправлений.

Далее в большинстве случаев следуют два небольших абзаца: в первом кратко излагается содержание произведения, во втором — дается его оценка с точки зрения художественности, доступности изложения, полезности или бесполезности для детского развития, а также отмечается качество издания и иллюстраций. Например:

(Лист 1) Аверьянова Е. Иринкино счастье. Изд. 2-ое Стасюл[евича]. СПб. 1910 г. 277 стр. с рис. 1 р. 25 к.

Вся повесть построена на дружбе между мальчиком-подростком и маленькой девочкой Иринкой, и обнимает период жизни Левы до окончания им гимназии и разлуки с Иринкой.

Написано живо, прочтется с интересом, но действующие лица — бабушка, Лева, Иринка — наделены слишком многими добродетелями в ущерб жизненной правде.

(Лист 35) Белюсов И. Весенние гости. Стихотворения. Изд. Дет[ское] чт[ение]. М. 1905 г. 50 стр. с рис. 25 к.

Стихотворения, помещенные в сборник, рисуют картины природы, преимущественно деревенской, во все времена года. Содержание стихотворений не сложно, в них много искренности, свежести и любви к русской природе.

Издано хорошо, четкая печать, недурные виньетки и рисунки к каждому стихотворению.

В имеющихся рукописных отзывах дается оценка произведений как авторов, пишущих специально для детей, так и авторов «общей» литературы, в том числе русских и зарубежных классиков. Более подробно рассматриваются авторы «второго эшелона», книги же классиков просто перечислены. Так, сведения об изданиях А. С. Пушкина занимают 34 листа, однако приводится в основном их библиографическая характеристика, тем не менее они систематизированы от библиографии полных собраний сочинений до обзоров изданий отдельных произведений, в некоторых случаях расписано содержание сборников. Объем отзывов крайне неравномерный, от кратких замечаний, до полноценных описаний; отзывы о книгах четырех писателей, а именно А. Анненской, Ф. Бернет, В. Желиховской и К. Станюковича, предваряются кратким обзором их творчества. Из русских классиков наибольшее внимание уделено Л. Н. Толстому: его малым произведениям (рассказам-притчам), созданным для иллюстрации собственных мировоззренческих позиций, посвящены отдельные отзывы.

Критерии оценки детских книг определяются по наиболее часто встречающимся ключевым фразам. Это своеобразные маркеры, которые легко опознаются в тексте отзывов, поскольку представляют собой языковые клише.

Самым важным показателем для детского произведения является, по мнению составителей отзывов, создание автором особой

эмоциональной атмосферы повествования: «рассказ написан хорошо и проникнут гуманным чувством», «рассказ производит сильное впечатление и написан хорошо», «просто и тепло написанный рассказ», «характер теплоты и задушевности» и т. д. В отдельных случаях признается, что автору удалось вызвать у читателя-ребенка настолько гармоничные отклики-эмоции, что предлагается сильно расширить рамки читательской аудитории, например, о рассказе С. Я. Елпатьевского «Гектор» (лист 114): «Суета повседневной жизни двух друзей нарисована так живо, так правильно, книга читается с таким интересом, что ее можно рекомендовать и детям, и взрослым».

Далее отмечается, вызывает ли чтение рассматриваемого произведения интерес у юных читателей: «в общем книга интересная и прочтется детьми с удовольствием», «рассказы читаются с интересом», «книга читается с захватывающим интересом и принадлежит к числу любимых детских книг». Приветствуется получение новых сведений о сверстниках и их укладе жизни в других странах: «дети — настоящие американцы по характеру — самостоятельные, энергичные и упорные», «рассказы о школьниках разных национальностей написаны живо и интересно», «много страниц в книге посвящено описанию жизни английской школы — различным праздникам, состязаниям, соперничеству между организациями, школами и отдельными учениками», но отвергаются поверхностные аффекты, не активизирующие познавательную деятельность: «рассказ основан только на чисто внешнем интересе и изобилует всевозможными приключениями; ни географических, ни бытовых сведений он не дает».

В качестве следующего критерия выдвигается правдивость повествования или соответствие «жизненной правде», особенно в описании существующих социальных проблем: «яркая правдивая картина голодающей деревни», «в авторе нет сентиментальности и желания скрывать и затушевывать все то отрицательное, что пришлось ему видеть». Но чаще этот показатель раскрывается «от обратного», то есть говорится об отсутствии правдивости: «в ущерб жизненной правде», «в рассказе есть искусственный подбор фактов и чувствуется желание автора все довести до благополучного конца».

В отзывах упоминается о художественности произведений: «художественность в изображении картин малороссийской природы, тонкое понимание детской психологии, богатая фантазия и горячая любовь к родине дышат в каждой строке этой книги». Требование

художественности текста как умение автора создать убедительный художественный образ воспринималось как должное, и этот показатель так же отмечается «от обратного»: «написано с добрыми намерениями, но искусственно и малохудожественно», «трогательно по содержанию, но очень бледно по изложению», «первое произведение малохудожественно, второе же по теме мало уместно в детской литературе».

Еще один оценочный показатель, относящийся к содержательной стороне произведения и раскрывающийся через отрицательную характеристику, — это вклад в детскую литературу, вернее его отсутствие: «рассказы малохудожественны, шаблонны и ничего интересного в детскую литературу не вносят», «только четыре рассказа могут составить некоторый вклад в детскую литературу, остальные же лишены всякой художественности, тенденциозны, а темы их крайне шаблонны».

Особенности языка произведений для детей подчеркиваются редко, но все равно обращают на себя внимание: «довольно грубое подражание народному жанру», «язык рассказа довольно тяжелый», «все рассказы довольно бесцветны, но написаны хорошим языком». В то же время внешний вид издания и качество иллюстраций оценивается регулярно: «издана книга хорошо, прекрасная бумага, хорошая печать, изящные виньетки; рисунки в тексте слабее, грубовата обложка», «издана книга очень изящно с хорошими рисунками», «издано хорошо, четкая печать, недурные виньетки и рисунки к каждому стихотворению». Правда, как с сожалением отмечает специалист по иллюстрации в детской книге В. С. Мурзаев, все отзывы о рисунках ограничиваются пределами фразы «хорошая картинка» [Мурзаев 1912].

Обязательной составляющей практически каждого отзыва является определение возрастной категории читателей, она чаще всего отмечена в маргиналиях. Обычно в правом верхнем углу имеется приписка «средний возраст», «старший возраст», «подросткам» и т. п., но и в самом тексте отзыва нередко встречается указание на читательскую аудиторию: «рассказ <...> доступен детям младшего и среднего возраста», «фантастический рассказ этот написан в духе Жюль Верна и прочтется с увлечением и детьми старшего возраста, и юношеством», «для старшего возраста и малограмотных взрослых» и т. д.

В конечном итоге, клишированность текстов аннотаций продиктована, с одной стороны, самим жанром отзыва, который уже сложился к этому моменту в критике детской книги, с другой сторо-

ны, видом издания, для которого создавались эти отзывы, поскольку указатель призван обеспечивать специалистам оперативный поиск необходимых сведений. К тому же следует учитывать и целевую аудиторию указателя. Сами составители заявляли, что рассчитывают на «читающую публику», то есть широкую аудиторию взрослых читателей, которым требуется быстро сориентироваться в книжной продукции и решить, предлагать ли ту или иную книгу своим детям для чтения.

Как отмечает С. Г. Маслинская, в 1910-х гг. сложилось единое сообщество профессиональных критиков детской литературы, чьи позиции «определялись их педагогическими установками, которые по преимуществу восходили к народническому пониманию образования и воспитания» [Маслинская 2017, 241]. Лишний раз подтверждение этому находим не только в отзывах, составленных коллективом во главе с О. И. Капицей, но и в имеющихся в архиве Показательной библиотеки отзывах библиотечной комиссии Общества содействия дошкольному воспитанию, отзывах отдела истории русской литературы Подвижного музея учебных пособий, отзывах, опубликованных на страницах журналов «Новости детской литературы» и «Что и как читать детям». Если сотрудники редакции этих журналов в большинстве случаев следовали за новинками книжного рынка, а члены библиотечной комиссии Общества содействия дошкольному воспитанию поступали так же, только ограничивались дошкольным возрастом, то вопрос, на какие критерии отбора авторов опирались коллеги во главе с О. И. Капицей, остается открытым. Скорее всего, отзывы, сохранившиеся в архиве Показательной библиотеки, отражают определенную стадию обработки материала следующей части «Систематического указателя книг для детей и юношества», возможно, только самую начальную.

Впрочем, в этот период развития критики и библиографии детской литературы, над выбором критериев для оценки произведений задумывались все, кто занимался вопросами детского чтения. В основном составители рекомендательных списков книг ограничивались перечислением конкретных задач, положенных в основу того или иного библиографического пособия, будь то определенная возрастная категория читателей или практика составления школьных библиотек и под. Однако можно выделить ряд теоретических положений, на которые опирается оценка детской литературы. Основой всех критических размышлений является постулат: «Детская книжка должна быть подлинно художественным произведением» [Савинов 1912, 1]. Особенностью именно детской литературы счи-

тается наличие в каждом тексте дидактического элемента. Задачей любого автора для детей становится, таким образом, нахождение определенного баланса между художественностью и дидактичностью, не позволяющего впасть в излишнюю тенденциозность или сентиментальность. Последние являются отрицательными характеристиками детской литературы.

К художественности текста добавляется критерий его доступности для того или иного возраста [Колмогоров 1913]; книга должна отвечать на разнообразные детские вопросы и расширять кругозор ребенка, быть во всем правдивой [Лемке 1911], вызывать в детях живой интерес и работу мысли [Гриневич 1908]. А. И. Лебедев, ориентируясь на состояние современной критики детской литературы, считает, что нельзя говорить о строго научной постановке вопроса о детском чтении и о научных критериях для оценки степени пригодности детских книг, поскольку «выработка принципиальных требований — дело весьма сложное и трудное» [Лебедев 1912, 10]. Тем не менее он очень четко формулирует свои требования к детской книге: 1) живое и интересное изложение; 2) доступность содержания; 3) правдивость повествования; 4) бодрое и жизнерадостное настроение; 5) образность языка [Лебедев 1912, 27–28]. К обязательным условиям хорошей детской книги все критики относят также художественное оформление издания и качество иллюстраций.

Как видим, выделяя такие субъективно-оценочные признаки детских книг, как комфортная для читателя-ребенка атмосфера повествования, возможность вызвать у него интерес, отсутствие лживых интонаций и излишней сентиментальности или нарочитой тенденциозности в «обращении» автора к детям, а также не упуская из виду более объективные показатели качества текстов (художественность, использование образных языковых средств) и качества изданий (оформление и иллюстрации), О. И. Капица была одной из участниц процесса развития критики детской литературы. Можно сказать, что наравне со своими коллегами она формировала основные векторы этого развития. В период бума книжной продукции для детей начала XX в. критики детской литературы не только ставили перед собой задачу систематизировать и упорядочить издаваемый поток, но и брали на себя ответственность по рекомендации того или иного произведения. Принципиальной позицией О. И. Капицы в этом отношении было предоставление читателю всей имеющейся информации об изданиях без каких-либо ограничений, но в то же время эта информация должна сопровождаться

рекомендацией лучших книг, выявленных и проанализированных специалистами. А лучший способ донести до читателя мнение специалиста — это опубликовать его отзыв о книге.

После изучения рукописных отзывов мы можем, с одной стороны, согласиться с замечаниями библиотечной комиссии Общества содействия дошкольному воспитанию, адресованными указателю «Сказки», о не всегда ясных критериях оценки того или иного произведения, неравномерном описании материала и т. д. С другой стороны, в отзывах четко прослеживается позиция О. И. Капицы в отношении библиографии детских книг: 1) полное и точное библиографическое описание, 2) краткое содержание отдельного произведения или сборника, 3) выявление сильных и слабых сторон произведений, 4) высказывание оценочного суждения относительно содержания и оформления издания, 5) обозначение целевой аудитории (возрастной группы). Говоря современным языком, для О. И. Капицы идеальным являлся указатель аннотированный, предоставляющий читателю краткое изложение и авторитетную оценку каждого источника.

После 1918 г. вопросы библиографии детской литературы отошли у О. И. Капицы на периферию научных интересов, поскольку она начала преподавать в Педагогическом институте дошкольного образования. Все внимание О. И. Капицы было сосредоточено на создании учебного курса детской литературы, который она читала в Педагогическом институте дошкольного образования. Тем не менее совместными усилиями О. И. Капицы и А. М. Калмыковой был издан «Указатель детских книг для библиотек трудовых школ, клубов и площадок» (Пг., 1918), отражающий изменения на рынке книжной продукции для детей после Октябрьского переворота. Еще можно обратить внимание на два сборника текстов для проведения часов рассказывания²: «Что рассказывать детям?» (Пг., 1918) и «Живая вода» (М.; Пг., 1923). Это не библиографические указатели в чистом виде, а хрестоматии, представляющие собой справочные пособия с произведениями, рекомендованными молодым специалистам в качестве методического материала. Большая часть собранных в хрестоматиях текстов упомянута еще в первой части «Систематического указателя книг для детей и юношества», посвященной сказкам.

В своих лекциях по детской литературе³. О. И. Капица неоднократно подчеркивала, что знакомство с библиографией детских книг и ее основами важно для всех изучающих детское чтение. Оставляя разбор всего массива детских книг для оценки и распре-

деления по отделам делу специалистов-библиографов, О. И. Капица учила своих студентов пользоваться различными указателями, ориентироваться в журнальной библиографии, пытаться составить собственные рекомендательные списки. Требования, предъявляемые к указателю, озвучивались прежние: библиографическая точность, классификация по виду произведений, по возрасту и т. д. Таким образом, на протяжении всей своей научной и преподавательской деятельности О. И. Капица подходила к детской литературе в совокупности не только педагогических и художественных, но и библиографических взглядов на нее.

Примечания

- ¹ Здесь и далее в цитатах воспроизводятся подчеркивания в тексте отзывов.
- ² Рассказывание как методический прием приобщения детей к литературе и культурным ценностям было заимствованным явлением. Наибольшее практическое распространение и теоретическое обоснование рассказывание получило в США. Активным популяризатором новой методики выступала А. М. Калмыкова.
- ³ Рукописные конспекты лекций по детской литературе и фольклору, которые О. И. Капица читала в Педагогическом институте дошкольного образования, входят в состав архива Показательной библиотеки по детскому чтению и хранятся в отделе особо ценных фондов и продвижения чтения Фундаментальной библиотеки РГПУ им. А. И. Герцена. Они доступны для изучения всем категориям пользователей библиотеки.

Литература

Источники

Гриневиц 1908 — Гриневиц В. С. Избранные книги для детей от 2-х до 15 лет. СПб.: журн. «Рус. школа», 1908.

Лемке 1911 — Лемке М. Р. Задачи детского чтения // Что и как читать детям: критико-библиографический ежемесячный журнал. СПб., 1911. № 2 (ноябрь). С. 1–6.

Капица 1910 — Капица О. И. Обзор библиографических указателей научно-популярной литературы, беллетристики и детских книг // Указатель книг по истории и общественным вопросам / сост. Е. В. Арцимович, М. В. Имшенецкая, О. И. Капица; под редакцией Н. А. Гредескула, С. Ф. Знаменского, С. А. Князькова. СПб., 1910. С. 1–57. Прил.

Капица 1912 — Капица О. И. Обзор указателей детских книг // Новости детской литературы: критико-библиографический ежемесячный журнал. М., 1912. № 12 (август). С. 6–13.

Капица 1912a — Капица О. И. Указатели детских книг // Русская школа: общепедагогический журнал для учителей и деятелей по народному образованию. СПб., 1912. № 11. С. 17–26 III Отд.

Колмогоров 1913 — Колмогоров А. И. Принципы критики детских книг // Новости детской литературы: критико-библиографический ежемесячный журнал. М., 1913. № 10–11 (июль). С. 1–6.

Лебедев 1912 — Лебедев А. И. Детская и народная литература: опыт руководства для систематического чтения. Вып. 1. Нижний Новгород, 1912.

Мурзаев 1912 — Мурзаев В. С. Чем должна быть книжка-картинка // Новости детской литературы: критико-библиографический ежемесячный журнал. М., 1912. № 1 (сентябрь). С. 5–10.

Савинов 1912 — Савинов Н. А. Принципы критики детской книги // Новости детской литературы: критико-библиографический ежемесячный журнал. М., 1912. № 10–11 (июль). С. 1–13.

Систематический указатель 1915 — Систематический указатель книг для детей и юношества. Ч. I: Сказки: сказки народные, произведения народной словесности, былины, легенды, предания, сказания, сказки разных авторов / Указатель обработали на основании отзывов комиссии Е. В. Арцимович, О. А. Беляевская, В. И. Добродеева, М. В. Имшенецкая, О. И. Капица, В. А. Коротнева, А. В. Пешехонова, А. М. Фатеева; под редакцией О. И. Капицы. Петроград, 1915. (Подвижной музей учебных пособий при Постоянной комиссии по техническому образованию И. Р. Т. О. Литературно-издательский отдел).

Исследования

Маслинская 2017 — Маслинская С. Г. «Наследство и наследственность»: эволюция критики русской детской литературы 1910–1920-х гг. // *Revue des études slaves. Volume LXXXVIII 1–2 : 1917 en Russie. La philology à l'épreuve de la Révolution.* 2017. Vol. LXXXVIII 1–2. Pp. 237–255. DOI: 10.4000/res. 821.

Селиванова 2014 — Селиванова О. В. Из истории Подвижного музея учебных пособий при Императорском Русском техническом обществе (по материалам архива Показательной библиотеки по детскому чтению) // *Книжное дело в России в XIX — начале XX в.* Вып. 18. 2014. С. 192–201.

Селиванова 2016 — Селиванова О. В. Деятельность Санкт-Петербургского Общества содействия дошкольному воспитанию детей (по материалам архива Показательной библиотеки по детскому чтению) // *Книжное дело в России в XIX — начале XX в.* Вып. 18. 2016. С. 295–306.

Селиванова 2020 — Селиванова О. В. «Степка-Растрепка» в протоколах заседания Библиотечной комиссии Общества содействия дошкольному воспитанию (по материалам архива Показательной библиотеки по детскому чтению) // Детские чтения. № 1 (17). 2020. С. 234–265. DOI: 10.31860/2304-5817-2020-1-17-234-265.

References

Maslinskaya 2017 — Maslinskaya, S. G. (2017). “Nasledstvo i nasledstvennost’”: evolyuciya kritiki russkoj detskoj literatury 1910—1920-h gg. [“Inheritance and Heredity”: the Evolution of Criticism of Russian Children’s Literature of the 1910s-1920s.]. *Revue des études slaves. 1917 en Russie. La philology à l’épreuve de la Révolution*, LXXXVIII 1—2, 237-255. DOI: 10.4000/res. 821.

Selivanova 2014 — Selivanova, O. V. (2014). Iz istorii Podvizhnogo muzeya uchebnyh posobij pri Imperatorskom Russkom tekhnicheskom obshchestve (po materialam arhiva Pokazatel’noj biblioteki po detskomu chteniyu) [From the history of the Mobile Museum of Textbooks at the Imperial Russian Technical Society (based on the materials of the archive of the Indicative Library for Children’s Reading)]. In *Knizhnoe delo v Rossii v XIX — nachale XX veka* [Book business in Russia in the XIX — early XX century] (Vol. 18, pp. 192–201). Sankt-Peterburg: Rossiyskaya natsional’naya biblioteka.

Selivanova 2016 — Selivanova, O. V. (2016). Deyatel’nost’ Sankt-Peterburgskogo Obshchestva sodejstviya doshkol’nomu vospitaniyu detej (po materialam arhiva Pokazatel’noj biblioteki po detskomu chteniyu) [Activities of the St. Petersburg Society for the Promotion of Preschool Education of Children (based on the materials of the archive of the Indicative Library for Children’s Reading)]. In *Knizhnoe delo v Rossii v XIX — nachale XX veka* [Book business in Russia in the 19th — early 20th century] (Vol. 18, pp. 295–306). Sankt-Peterburg: Rossiyskaya natsional’naya biblioteka.

Selivanova 2020 — Selivanova, O. V. (2020). “Stepka-Rastrepka” v protokolah zasedaniya Bibliotечноj komissii Obshchestva sodejstviya doshkol’nomu vospitaniyu (po materialam arhiva Pokazatel’noj biblioteki po detskomu chteniyu) [“Stepka-Rastrepka” in the minutes of the meeting of the Library Commission of the Society for the Promotion of Preschool Education (based on the materials of the archive of the Indicative Library for Children’s Reading)]. *Detskie chtenia*, 1 (17), 234–265. DOI: 10.31860/2304-5817-2020-1-17-234-265.

Olga Selivanova

independent researcher; ORCID: 0000-0001-8349-3426

HOW TO MAKE A PERFECT INDEX? (OLGA I. KAPITSA'S VIEWS
ON THE BIBLIOGRAPHY OF CHILDREN'S LITERATURE)

At the beginning of the 20th century, a single community of critics of children's literature began to form, who called for a more responsible and thoughtful choice of books for children's reading. The article presents Olga Kapitsa's point of view on the principles of compiling indexes of children's literature. Based on archival materials from the Children's Reading Demonstration Library, an overview of the discussion on the first part of the "Systematic Index of Books for Children and Youth" devoted to fairy tales is given, and the principles of evaluating the works of various authors are also revealed: writers who write specifically for children, Russian and foreign classics. According to Olga Kapitsa, first of all, in works for children, it is necessary to pay attention to such subjective and evaluative signs as a comfortable narrative atmosphere for the child reader, the ability to arouse his interest, the absence of false intonations and excessive sentimentality or deliberate bias in the author's "appeal" to children, at the same time texts they should be artistic and written in figurative language, and the publications should be qualitatively decorated and illustrated. The formulation of the criteria and the arguments for their allocation in the works by Olga Kapitsa demonstrate not only the conceptual apparatus of the pedagogical discourse on children's reading in the 1910–1920s, which had been formed at the previous stage of the development of children's literature criticism, but also the influence of the new bibliographic approach to the description of the book flow for children during this period.

Keywords: children's literature, bibliography of a children's book, criticism of children's literature, principles of criticism of children's literature, Olga Kapitsa, Demonstration Library for Children's Reading, children's reading

Ольга Мязотс

«ЧТО ЧИТАТЬ О РОССИИ ДЕТЯМ В США?» ОПЫТ РЕКОМЕНДАТЕЛЬНОЙ БИБЛИОГРАФИИ, 1949 Г.

Статья посвящена анализу рекомендательной библиографии, опубликованной в США в 1949 г. американским библиотекарем Элли Бет Мартин. Библиография включает 60 книг о России и представляет широкий спектр различных жанров, — от народных сказок до познавательных изданий. Авторские произведения были созданы литераторами, придерживавшимися различных политических взглядов и обладавших различным опытом знакомства и изучения как современной ситуации в Советском Союзе, так и истории и культуры России. В библиографию включены произведения американских авторов и переводы русской и советской детской литературы. Мартин снабжает каждую книгу комментарием, оценивая ее информативность, достоверность, идеологическую неангажированность, а также увлекательность — способность вызвать интерес у детей-читателей. Цель публикации Мартин — представить учителям и библиотекарям список книг для детей, чтение которых способно было дать американским школьникам базовую информацию о России, беспристрастную и разнообразную, чтобы помочь им составить собственное представление об отношениях между их родиной и СССР.

Ключевые слова: русские детские книги в переводе на иностранные языки, детская литература США, детское чтение, Вторая мировая война

Статья посвящена анализу рекомендательной библиографии, составленной в США в конце 1940-гг. и представлявшей список книг о России, предназначенных для детского чтения. Цель статьи — на основе анализа предложенного списка детских книг показать, что и из каких источников могли узнать американские школьники в 1940-е гг. о Советской России.

Ольга Николаевна Мязотс

Библиотека иностранной литературы имени М. И. Рудомино,
Москва
omaeots@gmail.com

В 1949 г. в апрельском номере журнала «Elementary English» была опубликована статья молодого американского библиотекаря Элли Бет Мартин¹ «Детские книги о зарубежных странах: Россия» [Martin 1949]. Эта публикация была одной из серии статей, подготовленных в рамках специального семинара студентами Библиотечной школы Колумбийского университета и обращенных к американским учителям и библиотекарям. Первой была опубликована статья руководителя семинара Хелен Р. Сэттли, в которой она подробно рассказывала о задачах проекта, методике работы и критериях оценки и отбора книг. Говоря об актуальности проекта, Сэттли писала: «Необходимость переоценки детских книг о зарубежных странах, которые уже стоят на полках наших школ и библиотек, а также необходимость критической оценки новых книг по этой тематике — две самые большие проблемы, которые стоят перед теми из нас, кто сегодня занимается детским чтением» [Sattley 1949, 12]. Указывая на значимость проведенной работы, Сэттли высказывала надежду, что дети, которые прочтут эти книги, «когда вырастут, будут, хотя бы путем голосования и выражения своего мнения способствовать формированию международных отношений между нашей страной и остальным миром» [Sattley 1949, 12].

В журнале были опубликованы статьи об Индии, Канаде, Нидерландах, России и странах Африки. Авторы статей приводили аннотированный список книг об этих странах, предлагали читателям — учителям и библиотекарям — критерии оценки того, насколько эти книги годятся для детского чтения. Каждая статья начиналась с вводной преамбулы, в которой составитель библиографии комментировал результаты своего исследования. Необходимость ознакомления детей с информацией о странах мира обсуждалось в те годы и на заседаниях Американской библиотечной ассоциации. Американские библиотекари в первой половине XX в. играли ведущую роль в оценке детских книг, выпускавшихся в США, и оказывали значительное влияние как на детское книгоиздание, так и на детское чтение: «Исключение из... рекомендательных списков книг для детского чтения, например, тех, которые публиковала Американская библиотечная ассоциация, приводило к тому, что эти книги отвергались библиотеками и намеренно изымались из обращения» [Haber 2017, 126]².

Согласно плану проекта, о котором Сэттли рассказывает в своей статье [Sattley 1949, 12–13], составители библиографий должны были осуществить критическую оценку как новинок, так и книг,

уже имевшихся в фондах школьных библиотек, и составить рекомендательные списки книг, чтение которых способно было дать американским детям объективную информацию о разных странах и народах, с целью помочь им составить собственное представление о различных культурах. Прежде чем приступить к исследованию, участники проекта сами изучали по разнообразным источникам культуру, историю и современное положение стран и регионов, о которых собирались писать.

Статья о России, написанная Элли Бет Мартин, включает обзор книг различной тематики и жанров. Это и переводы произведений советских писателей, и оригинальные произведения, созданные американскими авторами, многие из которых симпатизировали Советскому Союзу, а также русскими эмигрантами, оказавшимися в США³. Большая часть книг была издана в 1940-е гг., что объясняется не только желанием составительницы уделить больше внимания новейшим изданиям, но и тем, что в этот период число публикаций о России увеличилось, поскольку в годы Второй мировой войны в американском обществе возрос интерес к СССР, сражавшемуся с гитлеровской Германией.

Элли Бет Мартин предваряет свой список обширной преамбулой, в которой указывает на сложность поставленной перед ней задачи: «Ни по одной теме, по которой детским библиотекарям и учителям приходится отбирать книги, не существует более яростных споров, большего замешательства, большего непонимания, большего жара и меньшего света, большей потребности в знании, чем в теме о Советской России» [Martin 1949, 202]. Она включает в список не только художественную литературу, но и научно-познавательные книги, рассчитанные на детей от 6 до 14 лет. Целью своей публикации она видит необходимость дать «детям информацию, беспристрастную и разнообразную, о стране [России] и народе, чтобы они могли составить свое мнение на основе достоверных знаний и собственного понимания» [Там же, 202].

Библиографический список включает 60 изданий и разделен на 7 разделов: Некоторые взрослые книги о России⁴ (5 книг, вышедших в 1947–1948 гг.); История, описания и путешествия, биографии (12 книг 1942–1947 гг.); Фольклор и легенды (22 книги, из них 12 — 1940–47 гг.); Истории для мальчиков и девочек средней школы (9 книг, из них 6 — 1943–1948 гг.); Истории для учеников младшей школы (7 книг, из них 5–1943–1947 гг.), Музыка и музыканты (3 книги 1942–1947 гг.); Наука (2 книги 1933–1936 гг.). Все книги снабжены короткими аннотациями.

При отборе книг, рекомендованных для детского чтения, прослеживается тенденция, которую Мартин не скрывает: в первую очередь она рекомендует те книги, в которых подчеркивается сходство между русскими и американцами. Так, книга Георгия Скребницкого «Остров белых птиц» [Skrebisky 1948] характеризуется ею так: «Русские мальчики в этом переведенном рассказе кажутся такими знакомыми, что их вполне можно принять за американцев» [Martin 1949, 210]. Знакомство американских детей с Россией предлагается вести от похожего к особенному. Как самый важный критерий Мартин выделяет *увлекательность*: чтение включенных в библиографию книг должно «приносить радость и удовольствие» [Там же, 204]. Третий критерий — *универсальность*: «Это истории, которые можно рассказывать на любом языке о мальчиках и девочках любой национальности, потому что они о реальных людях из плоти и крови, со своими потребностями, которые понятны детям в любой точке мира» [Там же, 204].

При отборе учитывалась *информативность* книг. Выбранные издания, по мнению Мартина, дают представление о жизни в России в прошлом, во время Второй мировой войны и сразу после. При этом она подчеркивает важность последовательности информации — от знакомого к неизвестному: «Показывая человеческие черты, свойственные нам всем, они [книги из списка] также рассказывают об обычаях, привычках и верованиях, которые определяются культурой, историей и географическим положением этой страны» [Там же, 204–205].

Сознавая, что дети невольно становятся свидетелями политических споров взрослых, и желая оградить их от пропаганды, Мартин определяет в качестве еще одного важного критерия *неангажированность*. Признавая противоречивость трактовок в изданиях для взрослых, она с одобрением отмечает: «Удивительно, но детским книгам, наоборот, в значительной степени удалось избежать наиболее спорных тем. Если в некоторых документальных книгах различие в понимании гражданских свобод, свободы слова, прессы и государственного устройства между Россией и нашей страной четко определены, то в художественных произведениях главное внимание уделяется повседневной жизни и опыту» [Там же, 205].

Всем вышеназванным критериям отвечают включенные в список книги о природе. Помимо книг Георгия Скребницкого в США в 1940-е гг. издавались произведения Виталия Бианки и Евгения Чарушина, их творчество предлагалось американскому читателю как источник знаний о России. Так, в список включена изданная

в 1944 г. в издательстве «Macmillan» книга Евгения Чарушина «Медвежата» [Charushin 1944], в аннотации отмечается увлекательность сюжета, способного заинтересовать маленьких детей. Рецензент «The New York Times» Энн. Т. Итон 21 мая 1944 г. отметила также, что книга сделана не только «с подлинной любовью к животным», но и передает «достоверную атмосферу Севера России, откуда она произошла» [Eaton 1944, 21]. За достоверную атмосферу в книгах о России часто отвечали художники русского происхождения, такие как Вера Бок, Борис Арцыбашев, Джордж Корфф⁵ и др. Книги с их иллюстрациями также включены в список.

Отмечая, что «знание истории России для нас очень важно» [Martin 1949, 202], Мартин начинает свой список с раздела *Некоторые взрослые книги о России*, где представлены издания, которые дают объемную картину отношений между США и СССР. Книги из этого раздела предназначались не детям, а для информирования взрослых. Все они выпущены уже после войны в 1947–48 гг.⁶ Рекомендательный список книг, предназначенных именно детям, начинается разделом *История, описание, путешествия и биографии*, в котором указаны как биографические повести, так и познавательная литература. Биографии представлены двумя книгами Нины Бейкер Браун — «Ленин» [Baker 1945], дающей «благожелательный портрет Ленина» [Там же, 205] и «Петр Первый» [Baker 1943]. А также книгой Хелен Акер «Три мальчика старой России» [Acker 1944], которая составлена из биографий Льва Толстого, Максима Горького и Федора Шаляпина. Эти издания рекомендованы детям 11–14 лет.

Отбирая книги в этот раздел, Мартин, стремясь представить объективные сведения о России, в своих комментариях указывает на возможную пристрастность авторов — как положительную, так и негативную. Например, в список была включена книга Александра Назарова «Земля русских людей» [Nazaroff 1944], весьма популярная в США, выдержавшая несколько изданий. В статье эта книга представлена так:

Основанная на фактах благожелательная картина России, написанная соотечественником, который теперь стал американским гражданином. Дает точный исторический очерк и живые примеры многочисленных контрастов жизни в границах современной России. Не утаивает того факта, что многие достижения стоили бесчисленных человеческих жизней, и показывает, что коммунистическая партия «не позволяла выражение мнений по фундаментальным политическим темам и экономическим вопросам, если они не совпадали с одобренной точкой зрения» [Martin 1949, 206].

В то же время книгу Анны Луизы Стронг «Народы СССР» [Strong 1944] Мартин характеризует следующим образом: «Восхищенное отношение автора к своему предмету умаляет ценность книги. Она [Стронг] подчеркивает многие достижения постреволюционной России, но не замечает нищеты людей и тех трудностей и лишений, которые явно сопровождают это развитие. Сегодня эту книгу вряд ли восприняли бы столь благожелательно, как в 1944 г.» [Martin 1949, 206].

Стремясь дать детям больше документального материала для самостоятельного изучения, Мартин с одобрением отмечает те книги, где есть карты, статистические таблицы, фотографии и иллюстрации, точно изображающие реальную жизнь. Так, характеризуя книгу Дороти Эрскин «Русская история» [Erskine 1946], Мартин отмечает: «Много схем, карт и черно-белых рисунков, представляющих природные ресурсы, страну и людей — это важное дополнение для читателей старшего возраста» [Martin 1949, 206]. Все книги в этом разделе были выпущены в 1943–45 гг. и согласно маркировке Мартин рекомендованы для чтения детям 12–14 лет. В этот же раздел помещена и книга «Маленькие люди большой страны» [Cohn 1945] — это альбом рисунков русских детей, оказавшихся в эвакуации в Узбекистане. Тем не менее в своей аннотации Мартин полностью обходит вниманием военную тему, представленную в детских рисунках, отмечая лишь то, что этот альбом демонстрирует общий интерес советских и американских детей к поездам, самолетам и животным.

Самый большой раздел *Фольклор и легенды* состоит в основном из довоенных изданий. Включение их в рекомендательный список, определяется с одной стороны желанием представить руководителям чтения и детям-читателям глубокую культурно-историческую перспективу, а с другой — дать увлекательный материал для детского чтения. В раздел включены как сборники русских народных сказок в обработке Александра Афанасьева с иллюстрациями А. Алексеева [Afanasev 1945], Михаила Булатова [Bulatov 1944], Алексея Толстого [Tolstoi 1947], так и авторские сказки «Конек-Горбунок» Петра Ершова с иллюстрациями В. Бок [Ershov 1942], «Левша» Николая Лескова [Leskov 1943], «Верочкины сказки» Дмитрия Мамина-Сибиряка с иллюстрациями Б. Арцыбашева [Mamin-Siberiak 1922]. В список включены и пересказы русских (а также, например, грузинских) сказок, выполненные англоязычными авторами. Сказка А. С. Пушкина «Золотой петушок» представлена в пересказе, изданном в 1938 г., и автором в описании

указан не русский поэт, а художница-иллюстратор Элайн Погани [Rogany 1938], а в аннотации читателям дан совет «для большего удовольствия читать эту книгу, слушая музыку к балету „Соq d’Or“» [Martin 1949, 208]. Элли Бет Мартин отмечает высокое качество иллюстраций во многих изданиях.

Разделы *Истории для мальчиков и девочек средней школы* и *Истории для младших школьников* содержат повести и книжки-картинки. Это и переводы современных советских писателей, и оригинальные произведения американских авторов, в том числе выходцев из России или симпатизировавших СССР. Современная советская детская литература представлена несколькими произведениями, среди них «Приключения Травки» Сергея Розанова. В переводе, выполненном женой советского посла в США Максима Литвинова, англичанкой Айви Лоу, это произведение получило название «Приключения Миши» [Rozanov 1938]. Мартин отмечает прежде всего познавательное значение повести, которую она адресует детям 8–10 лет: «Эта реалистическая история будет интересна мальчикам и девочкам, которые хотят узнать о том, как работает трамвай, телеграф, линотипная машина» [Martin 1949, 210]. В книге были воспроизведены иллюстрации советского художника Александра Могилевского.

Повесть Любови Воронковой «Девочка из города» [Voronkova 1948] получила такую характеристику: «Американские девочки любят эту маленькую темноволосую девочку и будут сопереживать ее одиночеству. Горести войны, показаны в достаточном объеме, чтобы представить фон, на котором происходят события, но в основном это рассказ о судьбе Валентины, ее личной борьбе и развитии» [Там же, 210]. Указанный в библиографии Мартин перевод на английский язык книги Аркадия Гайдара вышел в 1943 г. [Gaidar 1943]. Издатели сочли необходимым сопроводить книгу предисловием, чтобы объяснить американским детям:

...В Советской стране дети практически с колыбели живут коллективной жизнью — в общественных яслях, детских садах, школах и Дворцах пионеров. Они привыкли действовать сообща, как единый коллектив. По этой причине во время войны они стали такой огромной силой. ...Дети в Советском Союзе теперь работают повсюду и берутся за любое дело, даже самое черное и неинтересное. Они собирают мусор, осколки снарядов, работают на фермах и на хлопковых полях. Маленькие девочки помогают в госпиталях, мальчики постарше следят за предотвращением пожаров. В школе дети говорят: «Пусть Гитлер не надеется, что помешает нам учиться» и «Мы должны учиться

на отлично, чтобы потом не было стыдно, когда наши отцы вернуться с фронта» [Gaidar 1943, vii].

Появившаяся в годы, когда в США была развернута кампания сбора средств для помощи России, книга Гайдара рассказывала о том, как советские дети помогают семьям воинов Красной армии и должна была способствовать пробуждению сочувствия к детям в стране-союзнице. Мартин включила это издание произведения Гайдара в свой список «как образец современных произведений, издаваемых в России» [Martin 1949, 209]. Но в то же время художественные качества книги она оценивает невысоко: «Мало развития в характере персонажей, действие движется скачками и события плохо связаны между собой», впрочем, она отмечает, что, возможно, книга «пострадала при переводе» [Там же, 209]. Повесть Гайдара, как и книга Воронковой получили одну и ту же возрастную адресацию — 9–12 лет.

Если «Тимур и его команда» заслужили все-таки умеренно положительную оценку, то «Цветику-семицветику» Валентина Катаева [Kataev 1947] рецензент дает однозначно негативную характеристику: «Современная сказка о том, как лепестки волшебного цветка исполняют желания девочки. Плохая книга с точки зрения содержания и формата» [Martin 1949, 207].

Мартин включает в свой список и книги, написанным авторами-эмигрантами, которые, по ее представлению, могли сочетать две культурные традиции. Так, одобрения заслужила книга Сони Мазер «Маша, маленькая русская девочка» [Mazer 1932], поскольку «автор сама ребенком приехала в эту страну (в США — *О. М.*) из России и смогла с помощью матери воссоздать привлекательную картину деревенской жизни в ту пору, когда о грандиозных переменах, которые принесла в дальнейшем Революция, еще только шептали» [Martin 1949, 209].

Положительную оценку заслужили и книги писательницы-эмигрантки Маргариты Рудольф «Маша-гусятница» [Rudolph 1939] и «Большая надежда» [Rudolph 1948]. В первом произведении, рекомендованном учащимся младшей школы, изображена жизнь в украинской деревне до революции. Вторая, обращенная к читателям более старшего возраста, является беллетризованной автобиографией писательницы: Маргарита Рудольф описала собственное детство в еврейском местечке на Черниговщине, события революции и Гражданской войны и свой переезд в 1923 г. к родственникам в США⁷. Причем «ужасы, пережитого в детстве, не скрываются,

а картина современной России представлена очень доброжелательно» [Martin 1949, 209]. И снова Мартин отмечает, что автор показывает «контрасты и сходства, а также большие надежды, которые обе страны возлагают на свои народы» [Там же, 209]. Однако библиограф невысоко оценивает художественные достоинства этой книги, которую, по ее мнению, «стоит читать прежде всего ради получения информации и описаний среды, а не из-за сюжета» [Там же, 209]. Книга Маргариты Рудольф «Большая надежда» вышла в период, когда дружественные отношения между США и СССР казались достижимыми и желанными. Издатель характеризует книгу как попытку, представив американцам неизвестную Россию, упрочить взаимопонимание и доверие между двумя народами и выражает пожелание американцам, особенно молодым: «установить откровенные личные контакты с советскими людьми, познакомиться поближе и узнать о них больше» [Rudolph 1948, текст на супер-обложке].

Действительно, в годы войны в США появились оригинальные повести для детей и юношества, рассказывающие о борьбе советского народа на фронте и в тылу. Американские авторы, желая помочь советскому народу, пытались изменить отношение к советским людям — от настороженного и враждебного отношения к диким большевикам, к уважительному и заинтересованному к мужественным и трудолюбивым русским людям, вставшим на защиту своей родины. Среди подобных книг была и включенная в список Мартин повесть Грегора Фелсена «Борьба — наш брат» [Felsen 1941], рассказывающая о борьбе советских партизан, которые, чтобы остановить наступление немцев, вынуждены были взорвать дамбу, построенную за несколько лет до этого под руководством американских специалистов. Грегор Генри Фелсен (1916–1995) — автор популярных в Америке книг для молодежи, в которых отражались актуальные социальные проблемы, в годы войны служил на военно-морском флоте на Тихом океане, в том числе работал в редакции военно-морского журнала. Фелсен придерживался в эти годы левых взглядов и даже по его собственному признанию состоял какое-то время в коммунистической партии (подробнее о Г. Фелсене см.: [Keyser]).

В начале повести автор сообщает о довоенных событиях и взаимоотношениях русских и американцев на одной из советских строек. Описывая американских инженеров, работающих в СССР, Фелсен представляет их глазами «казаков», как их называет автор, подчеркивая общие черты: «Михаил скоро познакомился с амери-

канцами. Конечно, их корявый русский понять было сложно, но в остальном они были совсем как русские. Они много смеялись, много работали и держались скромно» [Felsen 1943, 17]. В то же время в русских автор подчеркивает черты, которые могут вызвать симпатию: дружелюбие, непосредственность, веселость, любовь к песням и танцам. При этом Фелсен указывает на миссионерскую роль американских специалистов: они показаны как носители передовых технологий, без помощи которых русским не справиться.

Главная задача автора — пробудить в читателях сочувствие и уважение к советским людям и их героической борьбе с немецкими оккупантами. Ради достижения этой цели он выбирает понятные американскому читателю образы, в результате все происходящее приобретает условно-достоверный характер: «казаки», оказавшись в оккупации, свободно общаются с немцами, легко обводят глуповатых и жестоких фрицев вокруг пальца и, разговаривая на непонятно каком языке, проводят агитационную работу среди оккупантов, объясняя им неизбежность поражения Германии (хотя действие происходит осенью 1941 г.), призывают дезертировать или сдаваться в плен. В то же время большая часть жителей деревни уходит в леса, где под руководством «товарища из Москвы» формирует партизанский отряд. Хотя Фелсен показывает, что партизанское движение организовано «из Москвы», он нигде не упоминает о роли коммунистов. Это не случайно: коммунисты по-прежнему вызывали у американцев подозрение, так что борьба советских людей с фашистами представлена как борьба народная⁸. Несмотря на то что события в повести разворачиваются в первые месяцы войны, когда Красная Армия поспешно и беспорядочно отступала, американский писатель не упоминает об этом, наоборот — он постоянно подчеркивает хорошую организацию советского сопротивления. Мартин адресует эту книгу старшим школьникам:

Захватывающие приключения юноши-казака, присоединившегося к партизанскому отряду, который должен был взорвать Амсовскую плотину, чтобы ее не смогли захватить немцы. В этой динамичной повести ярко изображено мужество самых юных защитников русской родины, при этом автор не скрывает от читателя ужасы войны. Написанная в годы войны, книга до сих пор является важным напоминанием о том мужестве, с которым русские сражались как наши союзники совсем недавно [Martin 1949, 209].

Среди художественных произведений о войне, написанных специально для детей, в списке Мартин две книги супругов Лоран и

Джерольда Бейм⁹: «Лето Игоря: История наших русских друзей» [Beim 1943] и «Саша и самовар» [Beim 1944]. О последней Мартин пишет: «Маленький русский мальчик, чьи отец и братья ушли на войну, помогает взрослым тем, что относит самовар тем, кто работает в поле» [Martin 1949, 210]. Повесть «Лето Игоря» рассказывала американским школьникам о том, как жили во время войны их сверстники в СССР — государстве-союзнике. Городские школьники, отправляются летом на работу в колхоз, считая это помощью фронту. Рассказ о том, как советские дети помогают взрослым, работая в тылу, был близок и понятен юным американцам, для которых война прежде всего ассоциировалась со сбором пожертвований на военные нужды. Книга была издана американской организацией «Общество помощи русским в войне / Russian War Relief», занимавшейся сбором средств для Советской России, и была призвана представить американским детям тех, для кого они собирали помощь, а также пробудить уважение, сочувствие и доброе отношение к своим русским сверстникам. Поэтому все содержание книги обосновывает необходимость и важность такой деятельности. Повесть открывается цитатами из высказываний президента Франклина Рузвельта и советского посла Максима Литвинова. Сообщается, что на вырученные от продажи книги деньги будут куплены одежда, продукты и медикаменты для отправки в СССР. Вместо предисловия опубликовано письмо президента организации «Общество помощи России в войне» Эварда Кларка Картера:

Дорогие юные читатели, Большинство историй о людях в России, которые доходят до нас в эти дни, рассказывают о героях-солдатах, сражающихся с Гитлером на фронте и о мужестве женщин и детей, остающихся дома, но помогающих изгнанию нацистов из их любимой страны. Эта книга была написана специально для вас, она о мальчике, сыне русского армейского врача, который живет далеко от дымящихся орудий, танков и самолетов. Но он и его друзья в дни школьных каникул решили по-своему выполнить призыв, обращенный ко всем русским людям: «Если фронту надо — сделаем!»... Когда вы познакомитесь [с героями этой книги], вы поймете, что Игорь, Ваня и Катинка жертвуют многим для фронта — как и бойскауты, которые собирают картофель в штате Мэн, и миллионы американских мальчиков и девочек, таких же как вы, которые помогают на фермах и в городах, приближая победу, чтобы дети во всем мире могли жить счастливо — в мире, который станет лучше [Beim 1943, 9].

Картер выражает надежду, что после войны юные американцы и их русские ровесники «будут расти вместе как лучшие дру-

зья» [Beim 1943, 9]. На клапанах суперобложки помещено письмо Антонины Охловцевой, воспитательницы из детского дома в подмосковной Тарасовке, она рассказывает, как детдомовцы получили посылку с продуктами из США и благодарит за помощь. Она пишет, что ее воспитанники — осиротевшие дети войны, которых спасла Красная Армия, и признается, что, хотя государство делает для них все возможное, в военное время этого недостаточно: «часто мы работаем и сражаемся с голодными желудками» [Beim 1943, текст на суперобложке]. Письмо завершается тем, что русские всегда с благодарностью будут вспоминать помощь американцев. При этом отмечается, что детдомовцы не сидят сложа руки, ожидая помощи, а действуют: они разбили «Сад победы» и засадили 15 акров с капустой, помидорами и картошкой. Это важное упоминание, которое должно представить русских в глазах американцев не как просителей, а как людей, старающихся решить свои проблемы самостоятельно. К книге приложен бланк-открытка — американским детям предлагается написать письмо своим сверстникам в СССР.

В список для детей младшего возраста включена книжка-картинка «Иленка» [Kigman 1945] — о русской девочке и ее семье, живущей в советском селе. У Иленки есть все для счастья, но она никак не может решить, кем ей стать, когда она вырастет. Девочка посещает фабрику, где работает мама, школу, где учатся братья, колхоз, где работает отец. Она хочет стать то капитаном речного флота, то колхозницей, то балериной. Наконец отец объясняет ей, что важно не кем быть, а каким быть. Книга появилась на пике симпатий к СССР после окончания Второй мировой войны.

Завершают библиографию разделы *Музыка и музыканты* и *Наука*. В последнем указаны две книги весьма популярного за рубежом советского детского писателя Михаила Ильина [Ilin 1931; Ilin 1933; Ilin 1936]. Но Мартин указывает, что книг переведено больше и что они являются ценным дополнением к научно-популярным изданиям американских авторов: «Представленные... книги Ильина, переведенные с русского, являются, как и другие публикации этого автора, выдающимися примерами вклада русского автора в наше издание информативных книг» [Martin 1949, 211]¹⁰.

Важно отметить и то, что эта рекомендательная библиография была подготовлена и опубликована в тот короткий промежуток времени, когда доверие и симпатии, завоеванные в годы борьбы с фашизмом, еще не сменились настороженностью и откровенной враждебностью, возобладавшими в период Холодной войны. Статья Мартин была опубликована в 1949 г. — буквально нака-

нуне идеологической антикоммунистической кампании, получившей название «маккартизм». Жертвами маккартизма стали многие авторы книг, включенных в статью.

Так, если книга Маргерит Энн Стюарт «Земля Советов» [Stewart 1942] в 1945 г. была отмечена премией военно-морского флота США — «За признание исключительных заслуг военно-морского флота США и достойный награды вклад в военные усилия» [Hughes 1947], то уже в 1947 г. ее авторы, американские коммунисты, работавшие в 1930-е гг. в СССР, подверглись яростной критике, а в одной из школ Делавана (штат Винконсин) книга даже была сожжена [Hughes 1947]. Одно из обвинений указывало на невыигрышное сравнение: «автор постоянно сравнивает СССР и США и последние постоянно проигрывают» [Hughes 1947, 4]. В упрек авторам ставилось и то, что они оправдывали сталинские репрессии, в том числе расстрел священнослужителей. Однако Мартин дает книге положительный отзыв: «Хорошо написанная брошюра, представляющая страну с привлекательной стороны. Современные события рассматриваются в исторической перспективе. Отличные иллюстрации» [Martin 1949, 206]. Включение книг уже раскритикованных авторов в список, рекомендованный для школьного чтения, — смелый поступок прогрессивного человека. В преамбуле к своей библиографии Мартин отстаивает принципы интеллектуальной свободы и важность объективного знания в борьбе за мирное сосуществование. Она цитирует известного политолога русского происхождения Веру Майкл Дин: «Мы приходим к выводу, что такая великая держава, как США, не может определять свою политику страхом перед Россией, а наоборот должна демонстрировать и России, и миру конструктивную помощь. Мы также сознаем, что великая держава может позволить себе поступиться в малом, сохранив свои фундаментальные принципы» [Там же, 203]. Мартин повторяет позицию Дин: «Больше знания о России» [Там же, 203]¹¹.

Хотя список, подготовленный Мартин, является результатом субъективного отбора и не включает некоторые известные по другим источникам издания, появившиеся в США в указанный период, но сами критерии отбора: информативность, идеологическая неангажированность, достоверность, и широкий тематический охват предлагаемой рекомендательной библиографии, делают данную публикацию ценным источником, представляющим книги, из которых в 1940-е гг. школьники в США могли получить информацию о России.

Библиография отражает широкий спектр книг различных жанров — от народных сказок до научно-популярной литературы — созданных авторами, придерживавшимися различных политических взглядов и обладавших различным опытом знакомства и изучения как современной ситуации в Советском Союзе, так и истории и культуры России. Большинство изданий, созданных в 1940-е гг. отмечены активным интересом и симпатией к стране-союзнице во Второй мировой войне. Статья Мартин не только снабжала учителей и библиотекарей информацией о доступных для детского чтения книгах, но и призывала педагогов пополнять этими книгами фонды школьных библиотек, становиться активными проводниками знаний о России, направляя свои усилия на пробуждение у учащихся интереса к незнакомой стране, желания получать новые знания, что должно было воспитывать уважительное и доброжелательное отношение к СССР. Хотя на основе статьи Мартин невозможно сделать вывод о том, насколько активно эти книги были востребованы как в школьном, так и в досуговом чтении юных американцев, ее комментарий, предваряющий библиографию, свидетельствует о стремлении составительницы библиографии повлиять на ситуацию и активизировать интерес к книгам о России.

Примечания

- ¹ Автор статьи Элли Бет Мартин — Allie Beth Martin (1914–1976) — выдающийся американский библиотекарь, педагог и политик. В 1947–49 гг. жила с мужем в Нью-Йорке, где училась в Библиотечной школе Колумбийского университета. Была в курсе актуальных настроений в интеллектуальной среде. С 1949 г. работала в Публичной библиотеке Тулуза (штат Оклахома). В 1975 г. была избрана президентом Американской библиотечной ассоциации ALA.
- ² Подробнее о деятельности американских библиотекарей по оценке детских книг можно прочитать в книге Эрики Хабер в главе “Evolution of American Pedagogy and the Control of Children’s Reading” [Haber 2017, 65–68].
- ³ Некоторые книги из этого списка нашлись в фондах Библиотеки иностранной литературы, что позволило, при написании данной статьи, познакомиться с ними более подробно и понять, как воплощалась русская тема в детской литературе США в 1940-е гг.
- ⁴ Названия разделов даны в переводе автора статьи.
- ⁵ Джордж Корфф часто работал под псевдонимом Абаз.
- ⁶ Среди упомянутых в этом разделе книг: Dean V. M. United States and Russia. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1947; Stern B. J.,

Smith S. Understanding the Russians: A Study of Soviet Life and Culture. N. Y.: Barnes, 1947 и др.

- ⁷ Маргарита Рудольф — Rudolph Marguerita (1908–??) — писательница российского происхождения, которая переводила русские и славянские сказки, а также сама написала несколько книг. Она приехала в США, когда ей было 15 лет. Работала в университете Канзаса, занималась педагогикой. В 1931 г. вместе с мужем посетила СССР, они провели несколько месяцев в Харькове, работая в детском саду. В США Маргарита Рудольф работала в так называемых «прогрессивных школах», много писала о педагогике, потом стала сочинять и переводить книги для детей.
- ⁸ В рецензии на выход книги «Борьба — наш брат», опубликованной в «Нью-Йорк Таймс» в 1943 г., отмечалось отсутствие в ней нарочитой идеологической тенденциозности: «В этой книге, первой для молодежи об осажденной России, раскрываются дух и воля, повернувшие вспять ход войны против агрессоров. Это история молодого казака, не слишком озабоченного идеологией, готового как бездельничать, так и работать в колхозе на Украине, осиротевшего и ставшего бездомным под одной из первых немецких бомб» [Buell 1943, 12].
- ⁹ Лоран и Джерольд Бейм — авторы более 50 книг для детей, их книга «Двое — команда» («Two is a Team», 1945), в которой изображена дружба белого и черного мальчиков, считается первой американской межрасовой книжкой-картинкой.
- ¹⁰ Подробнее о восприятии книги М. Ильина «Рассказ о великом плане» на Западе см. [Мязотс 2017].
- ¹¹ Позиция Элли Бет Мартин перекликается с позицией русских педагогов-гуманистов, выступавших в годы Первой мировой войны против вовлечения детей в милитаристскую пропаганду. Можно вспомнить статью Евгения Елачича «Война и руководство детским чтением» (1915), в которой этот прогрессивный педагог призывал использовать опыт войны для просвещения детей. «...Пользуясь интересом ребенка к героической борьбе Бельгии, можно пробудить у него интерес и к самой Бельгии, к ее культуре, к ее истории и помочь ребенку познакомиться с этим не по газетным отрывкам, а путем внимательного чтения хороших, серьезных книг. ...именно переживаемое время можно использовать, чтобы углубить у детей понимание здорового национализма, чтобы развить у детей горячую активную любовь к родине и глубокое уважение к любви другого человека к своей родине» [Елачич 1915, 12–19].

*Литература**Источники*

- Acker 1944* — Acker H. Three Boys of Old Russia. N. Y.: Thomas Nelson and Sons, 1944.
- Afanasev 1945* — Afanasev A. Russian Fairy Tales. N. Y.: Pantheon, 1945.
- Baker 1945* — Baker N. B. Lenin. N. Y.: Vanguard, 1945.
- Baker 1943* — Baker N. B. Peter the Great. N. Y.: Vanguard, 1943.
- Beim 1943* — Beim L., Beim J. Igor's Summer. A Story of Our Russian Friends. N. Y.: Russian War Relief, Inc., 1943.
- Beim 1944* — Beim L., Beim J. Sasha and the Samovar. N. Y.: Harcourt, 1944.
- Bulatov 1944* — Bulatov M. The Wild Geese and Other Russian Fables. Transatlantic arts, 1944.
- Charushin 1944* — Charushin E. Baby Bear. N. Y.: Macmillan, 1944.
- Cohn 1945* — Cohn N. Little People in a Big Country. N. Y.: Oxford University Press, 1945.
- Ershov 1942* — Ershov P. Little Magic Horse. N. Y.: Macmillan, 1942.
- Erskine 1946* — Erskine D. Russia's Story. N. Y.: Crowell, 1946.
- Felsen 1941* — Felsen G. Struggle is Our Brother. N. Y.: Dutton, 1941.
- Gaidar 1943* — Gaidar A. Timur and His Gang / transl. by Z. Voynow. N. Y.: Scribner, 1943.
- Ilin 1931* — Ilin M. Moscow Has A Plan. A Soviet Primer. Lnd.: Jonathan Cape, 1931.
- Ilin 1933* — Ilin M. 100,000 Whys. A trip around the room. N. Y.: Lippincott, 1933.
- Ilin 1936* — Ilin M. Turning Night into Day: the story of lighting. N. Y.: Lippincott, 1936.
- Katayev 1947* — Katayev V. The Magic Flower. Colonial House, 1947.
- Kigman 1945* — Kigman L. Ilenka / ill. A. W. Bare. Boston: Houghton & Muffin Co., 1945.
- Leskov 1943* — Leskov N. The Steel Flea. N. Y.: Harper&Brothers, 1943.
- Mamin-Siberiak 1922* — Mamin-Siberiak D. Verochka's Tales. N. Y.: Dutton, 1922.
- Mazer 1932* — Mazer S. Masha, a Little Russian Girl. N. Y.: Doubleday, 1931.
- Nazaroff 1944* — Nazaroff A. Land of the Russian People. N. Y.: Lippincott, 1944.

- Pogany 1938* — Pogany E. The Golden Cockerel. N. Y.: Nelson, 1938.
- Roazanov 1938* — Roazanov S. Adventures of Misha. N. Y.: Stokes, 1938.
- Rudolph 1939* — Rudolph M. Masha the Little Goose Girl. N. Y.: Macmillan, 1939.
- Rudolph 1948* — Rudolph M. The Great Hope. N. Y.: The John Day Company, 1948.
- Skrebisky 1948* — Skrebisky G. White Birds Island. N. Y.: Kopf, 1948.
- Stewart 1942* — Stewart M. A. Land of the Soviets. N. Y.: Webster, 1942.
- Strong 1944* — Strong A. L. Peoples of the USSR. N. Y.: Macmillan, 1944.
- Tolstoi 1947* — Tolstoi A. Russian Tales for Children. N. Y.: Dutton, 1947.
- Voronkova 1948* — Voronkova L. Little Girl from the City. N. Y.: Little, 1948.

Исследования

- Елачич 1915* — Елачич Е. Война и руководство детским чтением // Что и как читать детям: критико-библиографический ежемесячный журнал. 1915. № 1. С. 12–19.
- Мязотс 2017* — Мязотс О. Н. Советские детские книги в Европе и в США в 1920–30-е гг. // Детские чтения. 2017. № 2 (12). С. 57–95.
- Buell 1943* — Buell L. E. New Books for Younger Readers // The New York Times. Section BR. 1943. February 21. P. 12.
- Eaton 1944* — Eaton A. T. Books for Younger Readers // The New York Times. 1944. May 21. P. 21. URL: <https://www.nytimes.com/1944/05/21/archives/baby-bears-a-true-story-translated-from-the-russian-of-e-charushin.html>.
- Haber 2017* — Haber E. Oz Behind the Iron Curtain: Aleksandr Volkov and his Magic land series. Jackson, MS: The University Press of Mississippi, 2017.
- Hughes 1947* — Hughes F. Moscow-bred Authors Press New Deal Aims: Work Thru Schools and American Army // Chicago Tribune. 1947. 10 Oct. P. 4.
- Keyser* — Keyser T. W. Felsen, Henry Gregor // The Biographical Dictionary of Iowa: University of Iowa Press Digital Editions. URL: <http://uipress.lib.uiowa.edu/bdi/DetailsPage.aspx?id=114>.
- Martin 1949* — Martin B. A. The Children's Books about Foreign Countries: Russia // Elementary English. 1949. Vol. 26, № 4. P. 202–211.
- Sattley 1949* — Sattley H. R. Children's Books about Foreign Countries: Evaluations and Reevaluations // Elementary English. 1949. Vol. 26, № 4. P. 12.

References

Buell 1943 — Buell, L. E. (1943). New Books for Younger Readers. The New York Times. Section BR, February 21, 12.

Eaton 1944 — Eaton, A. T. (1944). Books for Younger Readers. The New York Times, May 21, 21. Retrieved from <https://www.nytimes.com/1944/05/21/archives/baby-bears-a-true-story-translated-from-the-russian-of-e-charushin.html>.

Elachich 1915 — Elachich, E. (2015). Voyna i rukovodstvo detskim chteniem [War and leadership of children's reading]. Chto i kak chitat' detyam: kritiko-bibliograficheskiy ezheemesyachnyy zhurnal, 1, 12–19.

Haber 2017 — Haber, E. (2017). Oz Behind the Iron Curtain: Aleksandr Volkov and his Magic land series. Jackson, MS: The University Press of Mississippi.

Hughes 1947 — Hughes, F. (1947). Moscow-bred Authors Press New Deal Aims: Work Thru Schools and American Army. Chicago Tribune, 10 Oct., 4.

Keyser — Keyser, T. W. Felsen, Henry Gregor. The Biographical Dictionary of Iowa: University of Iowa Press Digital Editions. Retrieved from <http://uiipress.lib.uiowa.edu/bdi/DetailsPage.aspx?id=114>.

Maeots 2017 — Maeots, O. N. (2017). Sovetskie detskie knigi v Evrope i v SShA v 1920–30-e gg. [Soviet Children's Books in Europe and the USA in the 1920–1930s] Detskie chtenia, 2 (12), 57–95.

Martin 1949 — Martin, B. A. (1949). The Children's Books about Foreign Countries: Russia. Elementary English, Vol. 26, № 4, 202–211.

Sattley 1949 — Sattley, H. R. (1949). Children's Books about Foreign Countries: Evaluations and Reevaluations. Elementary English, Vol. 26, № 4, 12.

Olga Maeots

The Library for Foreign Literature

“WHAT BOOKS ABOUT RUSSIA COULD BE RECOMMENDED TO CHILDREN IN THE USA?” AN EXAMPLE OF ANNOTATED BIBLIOGRAPHY, 1949

The article is devoted to the analysis of the annotated bibliography published in the USA in 1949 by the American librarian Ellie Beth Martin. The bibliography includes 60 books about Russia and presents a wide range of books of various genres — from folk tales to non-fiction — created by authors who adhered to various political views and had various life experience and different study approach to the topic — both the current situation in the Soviet Union and the history and culture of Russia. The bibliography includes books by American authors and translations of Russian and Soviet children’s literature. Martin provides a commentary for each book, evaluating its informativeness, reliability, ideological non-engagement, and also the ability to arouse interest and bring enjoyment to child readers. The purpose of Martin’s publication was to provide teachers and librarians with a list of books for schoolchildren, the reading of which could give American children basic information about Russia, impartial and diverse, to help them to form their own understanding of the relationship between their homeland and the USSR.

Keywords: Russian children’s books in translation; children’s reading in USA; children’s literature about World War II

Константин Лемешев

Е. А. РАЗИНА — УЧИТЕЛЬНИЦА И ДЕТСКАЯ ПИСАТЕЛЬНИЦА: В ПОИСКАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПУТИ

В статье на основе материалов, хранящихся в «автобиографической коллекции» С. А. Венгерова в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН и Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга, а также других документов рассматривается творческая биография Елизаветы Алексеевны Разиной (1856–1915). Соотнесение фактов биографии, литературных произведений и учебных изданий дает возможность увидеть, как в судьбе и творчестве Е. А. Разиной взаимодействуют две линии: осмысление наследия и жизни своего отца, известного детского писателя А. Е. Разина, с одной стороны, и с другой — ее педагогическая деятельность. В статье представлены результаты исследования профессиональной траектории А. Е. Разиной в условиях реформ школьного образования и открывающихся возможностей для женщин-педагогов. Детская литература попадает в центр внимания неформальных учительских сообществ и становится одним из предметов их деятельности, прежде всего, в форме составления рекомендательной библиографии. Е. А. Разина принимала участие в коллективных библиографических «Обзорах» и в составлении хрестоматии для старших классов начальной школы, но в ее случае стремление дать детям по-настоящему хорошую книгу и желание быть достойной памяти отца, стать продолжательницей его дела привели к появлению новой детской писательницы.

Ключевые слова: Е. А. Разина, А. Е. Разин, С. А. Венгерова, детская литература, писатель-педагог, начальное школьное образование, библиография детской литературы

Константин Николаевич Лемешев

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
Санкт-Петербург
konstantinkn2013@yandex.ru

Жизнь и книги учительницы начальной школы

14 июля 1915 г. из Санкт-Петербурга было отправлено письмо. Адресат жил недалеко — в Царском Селе. Известно, что он письмо получил; вряд ли можно сомневаться и в том, что он был рад этому письму — как и многие сотни русских писателей и ученых, получавших в то время такие письма, содержащие просьбу (выраженную, впрочем, с деловой настойчивостью) отправить «в день получения» краткие сведения о себе и своих трудах (в соответствии с пунктами прилагаемой анкеты), а через некоторое время прислать и пространный вариант собственной биобиблиографии. Елизавета Алексеевна Разина, дочь детского писателя и педагога А. Е. Разина (1822 — 1875)¹ — а именно она была адресатом письма — выполнила просьбу, заполнив анкетный бланк и отослав его по указанному петербургскому адресу. Автор письма С. А. Венгеров работал в то время над изданием, которому он дал название «Предварительный список русских писателей и ученых и первые о них справки». В соответствии со своим названием список должен был стать подспорьем и основой «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых» — грандиозного биобиблиографического проекта, который Венгеров стремился завершить. Для получения необходимых сведений он провел масштабную кампанию по рассылке авторам (потенциальным персоналиям своего «Предварительного списка...») официальных обращений с просьбой прислать биографические данные и список трудов. Присланные ответы пополняли собрание автобиографий (один из источников «Предварительного списка...»), в которое вошла и анкета, заполненная Е. А. Разиной [Анкета 1915, 1–2]. Именно на основе этих данных были составлены посвященные Е. А. Разиной статьи в двух современных биобиблиографических изданиях («Русская интеллигенция» и «Писательницы России»)². Перед нами, таким образом, еще одно свидетельство того, что архив Венгерова, хранящийся в Рукописном отделе Пушкинского Дома, и, в частности, комплекс материалов, связанный с работой над «Предварительным списком...», является во многих случаях единственным источником сведений о многих писателях, а сам «Предварительный список» и по сей день «сохраняет статус своего рода первоисточника» [Хохлова 2014, 1864].

Из кратких ответов Е. А. Разиной на предложенные Венгеровым вопросы мы узнаем следующее. Е. А. Разина родилась 20 мая 1856 г. в Санкт-Петербурге в семье детского писателя А. Е. Разина. Вос-

питывалась дома, затем окончила Санкт-Петербургские педагогические курсы. В графе анкеты «звание, должность или занятие» Е. А. Разина написала: «Имею звание домашней наставницы, состою учительницей в Высшем начальном женском училище в Царском Селе». Этим ограничивается биографический раздел, далее идет список трудов [Анкета 1915, 1–2]. Отметим, что в этой части ни один из вышеназванных источников («Русская интеллигенция», «Писательницы России»), включая и саму анкету, не является полным и абсолютно точным.

Приведем список опубликованных трудов Е. А. Разиной в хронологическом порядке, объединив данные справочников и ее собственноручного списка, с уточнением библиографических данных, которые для каждого текста приводятся в следующем объеме: первое и последнее издание, журнальные публикации (если таковые были) и варианты названия; отметим также наличие ведомственных рекомендаций и допусков.

Литературные произведения

1. *Алексей Егорович Разин (Воспоминания дочери)* — «Детское чтение». 1885. № 4. (Е. А. Разина называет «Воспоминания» своей первой публикацией).

2. *Первые подвижники земли русской*. [Феодосий Печерский и Антоний Печерский]. Первая публикация: «Читальня народной школы». Вып. 52. СПб., 1888 (под загл. «Первые подвижники русской земли. Очерк Е. А. Разиной»). В изданиях М. В. Клюкина: 2-е изд. 1900; 5-е изд. М., 1917. В изданиях М. М. Ледерле и Ко: 2-е изд. СПб., 1893.

3. *Жизнь не для себя. Повесть для детей*. Первая публикация: «Родник». № 12. 1888. В изданиях М. В. Клюкина: М., 1898; 8-е изд. М., 1916. Допуски и рекомендации: Ученого Комитета Министерства народного просвещения (далее — МНП; со 2-го издания, 1900 г.) и Главного управления военно-учебными заведениями (с 3-го издания, 1903 г.).

4. *Святой преподобный Сергей Радонежский*. Исторический очерк. Первая публикация: журнал «Читальня народной школы». Вып. 5/6. СПб., 1892. В изданиях М. В. Клюкина: 3-е изд. М., [1909].

5. *Великий молитвенник русской земли святой преподобный Сергей Радонежский*. Рассказ Е. А. Разиной. В издании М. М. Ледерле и Ко: СПб., 1893³.

6. *Лукерьюшка*. Рассказ Е. А. Разиной. В изданиях М. В. Клюкина: СПб., 1893; 2-е изд.: М., [1909] (под загл.: «Любовь великая (Лукерьюшка). Рассказ»).

7. *Первый труженник земли русской, Петр Великий*. Исторический очерк. В издательстве «Просвещение»: СПб., [1913].

Учебные издания

1. *Задачи для постепенных упражнений в письменном изложении мыслей*. Классное пособие для начальных училищ. 1-й курс / Сост. учительницы А. Глазунова и Е. Разина. СПб., 1889 (Загл. со 2-го изд.: «Задачи и планы для упражнений в письменном изложении мыслей...»); 8-е изд., СПб., 1913.

2. *Задачи для постепенных упражнений в письменном изложении мыслей*. Классное пособие для старших отделений начальных училищ и младших классов средне-учебных заведений. 2-й курс / Сост. учительницы А. Глазунова и Е. Разина. СПб., 1890 (Загл. со 2-го изд.: «Задачи и планы для упражнений в письменном изложении мыслей...»); 7-е изд., СПб., 1912.

3. *Методические указания ко 2-му курсу «Задач...»*. С приложениям статей к 1-му курсу «Задач...» / Сост. учительницы А. Глазунова и Е. Разина. СПб., 1890; 8-е изд., СПб., 1911.

Указанные выше учебные пособия имеют рекомендации Ученого Комитета МНП и Учебного Комитета Ведомства учреждений Императрицы Марии.

4. *Новая хрестоматия для старшего отделения начальных училищ и низших классов средних учебных заведений* / Сост. кружком учительниц; под ред. В. А. Воскресенского. СПб., 1894; 11-е изд., СПб., 1913. Рекомендации (со 2-го издания): Учебного Комитета при Святейшем Синоде, Ученого Комитета МНП и Учебного Комитета Ведомства учреждений Императрицы Марии.

5. *Первая ступенька к письменному изложению мыслей*. Классное пособие для младших отделений начальных училищ. СПб., 1907.

Дополнить краткие сведения биографической части анкеты позволяют архивные документы, отражающие деятельность Царско-сельского женского высшего начального училища и отложившиеся в фондах ЦГИА СПб. Из них мы узнаем, что свою педагогическую деятельность Е. А. Разина начала 1 сентября 1878 г. в Костромской женской школе для образования сельских учительниц, где она преподавала до 14 августа 1879 г. После этого 14 лет (с 1 августа 1880 г. до 19 сентября 1894 г.) она состояла учительницей во 2-м Выборг-

ском женском городском начальном училище в Санкт-Петербурге, а с 1897 г. — учительницей Царскосельского женского приходского 2-классного училища МНП, которое в 1913 г. было преобразовано в Царскосельское женское высшее начальное училище. Предметами преподавания Разиной были русский язык, естествознание, география и история [Пенсионные карточки, л. 3; Сведения о преподавателях, л. 8, 9 об., 48 об.–49].

Ю. С. Пятина в диссертации, посвященной учебным заведениям Царского Села, отмечает, что еще в 1895 г. директор народных училищ Петербургской губернии указывал на «необходимость открыть в Царском Селе учебное заведение для девочек, нуждающихся „в пополнении знаний и общего развития, а равно по рукоделию, составляющему весьма важный фактор благосостояния небогатой семьи“» [Пятина 2011, 93–94]. Наконец, в 1897 г. состоялось открытие Царскосельского женского 2-классного училища МНП. Выступавший на открытии помощник попечителя Петербургского учебного округа В. В. Латышев отмечал, что и в Санкт-Петербурге, и в городах Санкт-Петербургской губернии (даже «в отдаленной и относительно весьма бедной Новой Ладогге») имеются двухклассные министерские женские училища. И при этом:

только город Царское Село... до настоящего времени не имел двухклассного женского училища, потребность в коем, однако, настолько очевидна и общеизвестна, что не требует доказательств. <...> Отказ в приеме учениц во все классы здешней гимназии, чрезмерное накопление учениц в начальных школах... постоянные и многочисленные заявления родителей о желании их иметь в Царском Селе школу, где дети их могли бы получить более высшее, чем элементарное, образование и научиться рукоделию — все это указывало и указывает на настоятельную и неотложную потребность в открытии двухклассной женской школы [Пятина 2011, 94–95].

Вот как описывала вверенное ей училище заведующая Н. Михайлова после его преобразования в высшее начальное (в 1913 г.):

Царскосельское женское высшее начальное училище существует с 1-го июля 1913 г. по Положению об училищах подобного типа от 25-го июня 1912 г. Училище имеет 4-годовалный курс обучения и состоит из 4 классов. По своей программе оно соответствует курсу 4-х классов гимназии; окончив школу дети могут поступать в 5-й класс, а с небольшой подготовкой и в 6-й класс гимназии. Система преподавания в школе предметная.

Педагогический персонал училища состоит из девяти преподавателей, из них, кроме законоучителя — 4 предметных учительницы; [а также] учительницы: 1) рукоделия, 2) графических искусств, 3) гимнастики и 4) учитель пения. За здоровьем учащихся следит женщина-врач, приходящая один или два раза в неделю, делая это безвозмездно.

Кроме обязательных предметов обучения, введено необязательное изучение иностранных языков: немецкого и французского.

<...>

Обучающиеся в школе принадлежат по преимуществу к крестьянскому сословию. Так, из 137 обучавшихся во 2-м полугодии 1913 г. — 84 крестьян[е], а остальные — дети горожан.

<...>

Содержится оно на средства ассигнуемые Министерством народного просвещения и Министерством Двора Его Величества [Отчет о состоянии училищ, 8–8 об.].

Итак, Разина начинает в 1897 г. работать в только что созданном училище, открытие которого ждали с таким нетерпением. Очевидно, что она, педагог, преданный своему делу, оказалась в нужное время и в нужном месте.

Путь в детскую литературу

Первый опыт работы с детской литературой Е. А. Разина получила не позднее 1885 г. (но, скорее всего, это произошло еще раньше, а именно в 1883 г.). «В феврале 1883 г. на общем собрании учащихся С.-Петербургских городских начальных училищ» была образована комиссия под председательством А. Я. Герда для составления «списка книг, полезных для чтения детям школьного возраста» [Обзор 1885, I]. Данный список формировался на основе просмотра рецензий на детские книги, вышедшие в свет после 1861 г., заключал в себе 150 названий и «был в сентябре 1883 г. отпечатан в небольшом числе экземпляров специально для учащихся в С.-Петербургских городских начальных училищах» [Обзор 1885, II–III]. Впрочем, данное библиографическое предприятие имело продолжение. «Просматривая рецензии в периодических изданиях, комиссия обратила внимание на тот факт, что одна и та же книга нередко оценивается очень различно». Принимая во внимание это обстоятельство (хотя и признавая его естественным) комиссия решила «составить, по окончании возложенной на нее работы, небольшой кружок учащихся, который постоянно следил бы за всеми

вновь выходящими детскими книгами, самостоятельно знакомился с каждой из них, подвергал каждую общей оценке и от времени до времени издавал бы „Обзор детской литературы“». В состав этого «небольшого кружка учащихся» вошла и Е. А. Разина [Обзор 1885, III–IV]. Всего вышло три выпуска «Обзора», составленных данным кружком (в 1885, 1886 и 1889 гг.). Можно предположить, что его участники (включая Разину) входили и в исходный состав комиссии 1883 г., следовательно, участвовали в работе над рекомендательным списком «книг, полезных для чтения детям школьного возраста», появившемся в сентябре 1883 г.

Параллельно с работой над «Обзором» Разина пишет воспоминания о своем отце для «Детского чтения». В многоплановой и разнообразной деятельности А. Е. Разина детская литература занимала одно из важнейших мест, и, конечно, посвященное ему повествование не могло не затронуть его труды в этой области. В 1848 г. он получает «место репетитора русского языка и словесности в Павловском кадетском корпусе». Затем, как пишет Разина, «отдавая всю душу делу учительства, отец пришел к мысли писать для детей и в 1850 г. начал вместе с М. Б. Чистяковым издание „Журнала для детей“» [Разина 1885, 12]. С этого времени детская литература становится его «любимым занятием» [Разина 1885, 15]. А. Е. Разин, увиденный глазами дочери, предстает как человек ранимый и незащищенный, совершающий ошибки, не всегда умеющий ладить с людьми и сопротивляться обстоятельствам, но всегда стремящийся помочь тем, кто рядом и кто нуждается в его помощи. Эта тема, наряду с темой просвещения и пользы знаний, к которым он всегда стремился, постепенно становится в тексте главной. Но вместе с тем появляется и другой мотив — мотив трагической незавершенности жизни, незавершенности того пути, который А. Е. Разин избрал для себя в самом начале своей деятельности. И не случайно появляются в тексте такие полные горечи строки:

Работая для детской литературы, отец мечтал еще приняться за книгу для народа, мечтал прочесть для народа несколько лучших произведений Пушкина и Гоголя... и начал было переделку «Мира Божия»⁴, но работа должна была остановиться в самом начале, за смертью. Умер он неожиданно, от разрыва сердца, не успев никому сказать последнего «прости», умер одинокий «с тоскою страшною обманутых надежд», в бедности и горе, которые грызли, томили и терзали его бедное сердце. Он умер один; о ком и о чем думал он в последнюю минуту жизни — знает один Бог... [Разина 1885, 18].

Ко времени написания «Воспоминаний» Е. А. Разина берется повторить жизненный путь своего отца. Она уже сделала первый шаг, став учительницей. Во время работы над библиографическими справочниками начинается ее погружение в мир детской литературы. Сделав жизнь отца предметом описания и осмысления, она, конечно, не могла не соотносить с ней и свой собственный жизненный путь. Трудно судить о том, насколько явно и отчетливо мысль стать достойной продолжательницей его дела руководила дочерью, но не кажется случайным то, что через три года после публикации «Воспоминаний» появляется первая повесть для детей самой Разиной («Жизнь не для себя») и ее очерк о святых Феодосии Печерском и Антонии Печерском.

Исторические очерки о святых основаны на житийных рассказах (это относится и к обеим редакциям очерка о св. Сергии Радонежском). Оригинальные произведения («Жизнь не для себя», «Лукерьюшка») повествуют о современности и о жизни мирской, но органично объединяются с рассказами о святых в тематическом и содержательном отношении, поскольку также развивают тему подвижничества — подвижничества в миру. Наиболее глубоко эта тема развита в повести «Жизнь не для себя».

Главная героиня повести, Вера Драбская, сталкивается с горем и несправедливостью еще будучи десятилетней девочкой. После смерти своей первой жены и матери Веры ее отец, богатый и значительный чиновник, «не злой, но совершенно бесхарактерный», женился второй раз, и, позволяя жене самовластно распоряжаться детьми и домом, «как будто забыл о существовании старшей дочери от первого брака» [Разина 1898а, 15]. И вот мачеха становится ее гонительницей и мучительницей. А когда родился Мишенька «ее новый братец и „наследник папеньки“ (как его все величали), ей и вовсе запретили являться в парадные комнаты, отвели чуть ли не угол за перегородкой». Дом, который в детстве, когда была жива ее «настоящая» мама, был для нее райским садом, превращается в место скорби и страданий [Разина 1898а, 5]. Только старая няня, приехавшая из деревни после смерти Верининой матери, поддерживает ее.

Читатель знакомится с Верой в злую для нее минуту. На этот раз не только брань, но и побои пришлось вытерпеть падчерице: «при взгляде на свою руку, на синяки, выступившие выше локтя, бедная Верочка еще пуще принимается плакать. „Матерь Божия, Пресвятая Богородица! Чем я согрешила, за что меня так мучают?“ — шепчут ее бледные трясущиеся губы, и быстро крестится

она, смотря в тот угол, где чуть теплится у нянечки ее лампада» [Разина 1898а, 5–6]. Конечно, сцена страданий беззащитного ребенка производит сильное впечатление и вызывает сочувствие. И здесь писательнице удастся, как кажется, избежать чрезмерной прямолинейности и сделать конфликт более сложным, не ограничивая его оппозицией «злая мачеха — невинная страдалница-падчерица». Дело в том, что вместе с мачехой в жизнь Веры вошли не только зло и злоба, но также и искушения, изощренные и опасные. «Крепко любит девочка свою старую няню; но и та стала чаще покидать ее с тех пор, как родился Миша, и в уме девочки начинает мелькать мысль, что во всем этом виноват он — ее маленький братец. Ненавижу я его и всегда буду ненавидеть! — восклицает она, вскакивая, и вдруг видит перед собой няню» [Разина 1898а, 6].

Итак, несправедливость и унижения все-таки довели десятилетнюю героиню до того, что она готова начать ненавидеть — осознанно и глубоко. Но кого? Ни в чем (как и она сама) неповинного ребенка. Случайно оказавшаяся рядом няня, услышав ее восклицание, начинает с Верой неспешный разговор — и спасает ее от ожесточения и озлобления. Звучат в этом разговоре и такие слова:

— Не могу я, няня, больше терпеть!

— Полно, Верушка, свет ты мой ясный; вспомни только великомученицу Варвару, преподобную Евфимию, Феодосия Печерского. То ли терпели эти святители?

<...>

— Няня, ведь то святители, а я не святая [Разина 1898а, 7].

Именно с этого момента, когда она была удержана няней от того, чтобы впасть в слепую мстительную злобу, начинается развитие личности главной героини. В течение всей жизни она будет восходить к отрицаемой ею святости. И будет следовать правилу, которое также слышит от своей няни: «Помни, Верушка — в монахини пойдешь — там молись, а в миру приведет Бог жить — допрежь всего людям служи» [Разина 1898а, 12–13].

Одним из важных мотивов повести является мотив сознательного и добровольного отказа от личного счастья. Вера оказывается перед таким выбором в начале самостоятельной жизни, когда у нее неожиданно появляется возможность изменить свою судьбу. Но она отвергает эту возможность, чтобы спасти от разорения отца, никогда ее не защищавшего и ничем не помогавшего. Воспользовавшись

Вериним наследством, но так и не избежав разорения, отец умирает, оставляя Веру в полной нищете. После этого ее жизнь становится постоянной борьбой с трудностями, которые нарастают день ото дня. Ей удается выстоять в этой борьбе, пожертвовав личным счастьем ради своих младших брата (того самого Миши, которого она когда-то собиралась ненавидеть) и сестры. Она одна воспитывает их, пытается дать им хорошее образование и вывести в люди. Отказ от счастливой жизни «для себя» и выбор подвижнического служения выстраивает также и финал повести. Выросшие «дети», благодаря ее усилиям поднявшиеся на ноги и вступающие в новую, светлую и радостную жизнь, хотя и ее, после стольких лет страданий, взять с собой в счастливый новый мир. Но Вера опять уклоняется от этой возможности. Она принимает решение стать сестрой милосердия, едет на войну. И здесь в последний раз появляется надежда на «счастливый конец». Молодая семья, Миша и его жена, сообщает о рождении у них ребенка, и на этот раз в письмах самой Веры «стало проглядывать горячее желание посмотреть» на счастливую жизнь молодых. Ее приезда ожидают со дня на день, «так как мир был уже заключен». Но этому не суждено сбыться: она умирает (от воспаления легких, которое получает вынося раненого солдата с поля боя), так и не приехав и не увидев того, что могла бы считать результатом и венцом своих трудов — счастья близких [Разина 1898а, 44–47]. В повести есть выразительные сцены и описания, тонкие и глубокие замечания; Разина ведет повествование от разных лиц, меняет его тональность, что свидетельствует о владении писательницей литературной техникой.

Далее, в 1889–1890 гг. выходят «Задачи для постепенных упражнений в письменном изложении мыслей» и «Методические указания» к ним, написанные в соавторстве с А. И. Глазуновой. В 1892 и 1893 гг. появляются две редакции очерка, посвященного св. Сергию Радонежскому, а в 1893 г. — рассказ «Лукерьюшка». В нем представлен вариант того же сюжета, что и в повести «Жизнь не для себя». Главная героиня, «поденщица и водоноска Лукерья», проходит через искушения и страдания, но остается верной нравственной максиме служения другим людям. Различие между сюжетами повести и рассказа во многом обусловлено тем, что главная героиня происходит из крестьянской среды, но в целом — перед нами та же сюжетная схема, что и в повести. Причины этого вариантного повтора не вполне ясны. Возможно, перенесение действия в крестьянскую среду, из которой происходит главная героиня, является результатом запроса на крестьянскую тему, «отчетливо оформив-

шесю в сфере детского чтения к 1880-м гг.» [Сенькина 2020, 168–169]. С учетом того, что в качестве издателя литературных произведений Е. А. Разиной выступал в основном М. В. Ключин, можно предположить, что именно он был в данном случае «непосредственным источником» этого запроса. Косвенно на это может указывать тот факт, что, несмотря на выход в свет повести «Жизнь не для себя» в 1888 г. (в «Роднике»), ее первое издание у Ключина (воспроизводящее текст журнальной публикации) состоялось только в 1898 г. А «Лукерьюшку» Ключин издает на 5 лет раньше — в 1893 г., предпочтя получить от автора новый текст с крестьянской тематикой, а не переиздавать уже существующий, но никак с крестьянской жизнью не связанный. Впрочем, это, конечно, только догадки, поскольку детали отношений между Е. А. Разиной, редакцией «Родника» и М. В. Ключиным по данному вопросу неизвестны. Однако важно отметить, что Е. А. Разина не включила «Лукерьюшку» в посланный Венгеру список своих трудов. Несмотря на то, что список мог составляться в некоторой спешке (напомним, что Венгер требовал от своих адресатов немедленного — в день получения его письма! — ответа), представляется более вероятным, что она сделала это сознательно.

В 1894 г. вышла в свет «Новая хрестоматия» под редакцией В. А. Воскресенского, подготовленная «кружком учительниц». Знакомая формулировка и несколько знакомых фамилий (7 из 16-ти составительниц принимали участие в «Обзорах детской литературы»), среди которых и Е. А. Разина. Цель издания и принципы отбора материала формулируются следующим образом:

...дать для чтения детям интересный художественный материал; познакомить их, хотя бы в отрывках, с произведениями великих русских писателей. <...> Материал, предлагаемый в «Новой Хрестоматии», взят большою частью из известных наших писателей; число статей переводных или заимствованных из книг для детского чтения весьма незначительно и вошло в хрестоматию только потому, что составители не могли найти в нашей литературе более ценных произведений для тех целей, которые обуславливались планом книги [Новая хрестоматия 1912, I].

Как видим, девять лет, прошедшие с момента выхода в 1885 г. первой публикации — «Воспоминаний» — это период интенсивной и плодотворной работы. Разина становится детской писательницей, разрабатывает учебные пособия, участвует в составлении «Новой хрестоматии» — все это, продолжая преподавать во 2-м женском

начальном училище на Выборгской стороне. Это, безусловно, потребовало большого напряжения сил (жалобы учителей на недостаток времени, на перегруженность работой звучали в те годы не реже, чем в наше время). Возможно, вслед за этим должен был последовать выход на новый уровень, на котором смог бы полнее раскрыться и ее литературный талант...

*Per aspera ad litteras*⁵

Строгость и точность официальных документов, деловая сухость их языка могут быть иногда исполнены настоящего драматизма. 10 января 1895 г. Финансовая комиссия Санкт-Петербургской городской думы собралась для того, чтобы рассмотреть и составить заключение по докладу городской Управы, представленному 24 октября 1894 г. В докладе Управы говорилось следующее:

Учительница 2-го выборгского женского городского начального училища Елизавета Алексеевна Разина обратилась в Комиссию по народному образованию с прошением об увольнении от занимаемой должности, вследствие постигшей ее тяжелой и неизлечимой болезни, и об исходатайствовании ей пенсии [Известия 1894, 495].

Далее в докладе отмечалось, что она прослужила более 14 лет «с полным усердием и несомненною пользою для вверенного ей училища, как то удостоверяют гг. эксперты по учебной части и члены комиссии, заведывавшие училищем» [Там же]. Затем приводились медицинские документы — свидетельства врачей с медицинскими деталями, диагнозом и заключением о том, что диагностированное заболевание

дает мало надежды на полное выздоровление, а потому... г-жа Разина не может продолжать своих служебных занятий, не может обходиться в настоящее время без постороннего за собой ухода и нуждается в продолжительном специальном лечении [Там же, 496].

Рассмотрев прошение Разиной и медицинские свидетельства Комиссия постановила:

...войти с ходатайством... в Думу о назначении Е. А. Разиной полной пенсии в размере 390 р. в год, ввиду неизлечимой и тяжелой болезни, не только лишаящей ее возможности заниматься каким бы то ни было трудом, как физическим, так и умственным, но требующей и за собою постороннего постоянного ухода, а также во внимание к ее свыше 14-летней безупречной и полезной службе и по совершенному отсутствию каких-либо других средств к существованию [Там же, 495–496].

Окончательное решение Городской думы гласило, что

г-жа Разина потеряла здоровье на служении училищному делу и в настоящее время страдает тяжкою и неизлечимою болезнью, сопровождающею расстройством движений, не позволяющим ей ни стоять, ни ходить, ни пользоваться своими руками, и требующею постоянного ухода за больною и помощи ей [Известия 1895, 673–674].

Из этого вытекала и резолютивная часть:

...назначить г-же Разиной пенсию из городских средств в размере 390 р. в год... и, кроме того, в виде исключения выдать ей единовременное пособие в сумме 600 р. [Там же, 674].

Видимо, напряжение оказалось слишком большим (один из медицинских экспертов отмечает в своем свидетельстве, что «означенные симптомы обнаружили постепенно под влиянием слишком ревностного исполнения своих обязанностей и ввиду распространения и тяжести заболевания всей нервной системы» [Известия 1894, 496]). Организм не выдержал, произошел слом, за которым мог последовать и жизненный крах. Однако этого не случилось, трагедии удалось избежать. Судьба ограничилась крутым драматическим поворотом, и окончательная победа осталась за героиней, каковой в данном случае стала уже сама Разина. Сохранилось ее письмо, адресованное М. М. Стасюлевичу, возглавлявшему Комиссию по народному образованию Санкт-Петербургской городской думы, в котором она выражает признательность лично ему, а также «всем членам Комиссии по народному образованию и гг. экспертам» с благодарностью за оказанную поддержку: «... я чувствую, что не стою оказанных мне благодеяний и тех преувеличенно хороших отзывов, о которых прочитала в газетах. Вполне сознаю, что я от всей души любила свое дело и исполняла его старательно... но все это ведь только долг мой» [Разина 1895, л. 1].

О времени, проведенном в борьбе с болезнью, не сохранилось никаких сведений. Но известно главное: она выстояла в этой борьбе, вернулась в профессию. Она по-прежнему была увлечена своим делом, в котором, вероятно, и черпала силы. Следует отметить, что, как минимум, первые 4 года в Царскосельском училище она проработала безвозмездно (указания на это имеются в приведенных выше документах ЦГИА на тех же листах: [Пенсионные карточки, л. 3; Сведения о преподавателях, л. 8, 9 об., 48 об.–49]).

Пенсии, которую она получала, хватало на жизнь, но Разина предпочитала проводить жизнь в труде, в привычной атмосфере

преподавательских будней, хотя еще совсем недавно эта «будничная» жизнь чуть было не обернулась для нее инвалидностью.

И при этом учительница Разина пыталась, по-видимому, работать с прежней энергией. Да, она больше не пишет художественной прозы для детей, но продолжает следить за специальной литературой, обнаруживая живой и непосредственный интерес ко всему, что происходит в профессиональном сообществе, составляет учебные пособия и пишет исторический очерк о Петре I. Так, в 1898 г. в журнале «Русская школа» появляется ее рецензия на книгу Н. Страхова «Методика русской грамоты и начальных упражнений в русском языке» [Разина 1898б]. Как видно из названия, тема для Разиной хорошо знакомая (методике начальных упражнений посвящено и ее собственное пособие, написанное в соавторстве с А. И. Глазуновой). Интересно отметить, что в этом же номере помещен ответ Н. Страхова [Страхов 1898]. Таким образом, перед нами настоящая полемика, которая получилась и острой, и содержательной. В задачи настоящей статьи не входит анализ этой профессиональной дискуссии и разбор аргументов сторон, однако позволим себе заметить, что, с нашей точки зрения, остроту этой полемике придал ответ Страхова, а глубину и содержательность — первоначальная рецензия Разиной. В 1907 г. она выпускает (в очередной раз в соавторстве с А. И. Глазуновой) небольшое учебное пособие, предназначенное для самых маленьких учениц училища («Первая ступенька к письменному изложению мыслей»). В 1913 г. из-под ее пера выходит большой исторический очерк о Петре I, название которого («Первый труженик земли русской, Петр Великий») очевидным образом перекликается с ранним историческим очерком о святых Феодосии и Антонии («Первые подвижники земли русской»). Скорее всего, появление очерка связано с празднованием 300-летнего юбилея дома Романовых, хотя никаких указаний на это в самой книге нет.

Какой представлялась Е. А. Разиной ее литературная судьба в самом начале пути? Главным делом ее жизни было преподавание, ему она отдавала все свои силы, через него пришла в детскую литературу⁶. В своей диссертации, посвященной формированию канона русской детской литературы в 1860–1880-х гг., О. А. Лучкина отмечает, что «эксперты детского чтения придавали особое значение текстам изящной словесности и рассматривали их как основные тексты для детского чтения... призывали с помощью изящной словесности защитить детей от современной беллетристики... от собственно детской литературы, и защитить саму изящную сло-

весность от забвения». При этом «детскую литературу педагоги априори считали литературой низкого качества. В многочисленных разборах детских книг или статей, посвященных детской литературе, рецензенты задавались вопросом: нужна ли вообще детская книга?» [Лучкина 2021, 160–161]. Исследовательница приводит слова К. Модзалевского, который в статье «Детская литература и детское чтение» (1872) приходит к следующему выводу: «Корень зла заключается не в том, что существует детская литература, а в том, что она из рук вон плоха... противодействовать же дурному влиянию детской литературы, устранить ее до тех пор, пока она не сделается лучше, можно только посредством хорошего чтения; дурному влиянию ее нужно противопоставить то хорошее влияние, какое может оказать на юношество чтение произведений нашей, так называемой, изящной литературы» [Там же, 162].

Как видим, вопрос формулируется с полемической остротой и подчеркнутой резкостью. Но все-таки из позиции Модзалевского следует, что он «дает шанс» и собственно детской литературе, не исключает для нее возможность «сделаться лучше», хотя и отодвигает это событие в некое неопределенное будущее. Актуальность этой проблемы сохраняется и в дальнейшем. В предисловии к «Новой хрестоматии» (1894) литературный материал, взятый «из известных наших писателей», противопоставляется материалу, заимствованному «из книг для детского чтения». Главный редактор В. А. Воскресенский и работающие под его руководством составители (среди которых Разина) отдают предпочтение «известным писателям» и обращаются к собственно детским книгам только в том случае, если «не могли найти в нашей литературе более ценных произведений для тех целей, которые обуславливались планом книги» [Новая хрестоматия 1912, I].

Был и «личный фактор», который мог обусловить особое отношение Разиной к литературному труду и литературе для детей. Кроме ощущаемой ею духовной связи с отцом и своего рода деятельного сопереживания ему, которые могли повлиять на ее решение стать литератором, у нее была счастливая возможность находиться в его творческой лаборатории, слышать, как он читает свои тексты и говорит о них в кругу семьи [Разина 1885, 14–18].

Итак, принимая во внимание вовлеченность Разиной в жизнь профессионального педагогического сообщества, можно предположить, что осознанное стремление принять посильное участие в процессе создания долгожданной «хорошей детской литературы», соединяясь с уже отмеченным «личным фактором», стали основ-

ной причиной, по которой Разина вступила на писательскую стезю. О серьезности намерений и серьезном отношении к детской литературе может свидетельствовать еще один факт. В анкетном списке трудов Разина не указала рассказ «Лукерьюшка». Как мы уже отметили, текст этот мог быть своего рода выполнением издательского заказа; конечным результатом этого предприятия писательница могла быть недовольна. Тогда причина отсутствия рассказа в присланном для венгеровского словаря списке могла, действительно, заключаться не в спешке, а в сознательном нежелании включать в этот список произведение, которое она сама считала неудачным, не соответствующим требованиям хорошей и качественной литературы для детей.

Могло ли повлиять на отказ от продолжения занятий художественной литературой понимание писательницей того, что она не сможет этим требованиям соответствовать — по причине ли плохого состояния здоровья, занятости преподавательской работой в Царском Селе, или из-за скептического отношения к своему писательскому дарованию? На этот вопрос трудно дать ответ. Е. А. Разина так и не успела отправить пространного очерка своей жизни и деятельности, который в июле 1915 г. ожидал получить от нее С. А. Венгеров. Через два месяца ее не стало. Она умерла 4 октября 1915 г. и была погребена на Кузьминском кладбище в Царском Селе [Метрические книги, л. 137 об.].

Если можно говорить о везении, о счастливом случае применительно к жизни Разиной, то, наверное, счастливым здесь можно назвать благоприятное соединение личного и социального. Безусловно, сильное влияние оказал на нее пример отца, жизненный путь которого она «прорабатывает» в тексте «Воспоминаний». Однако важно и то, что благодаря институциональному развитию системы образования в пореформенное время (в частности, системы начального образования) появлялись возможности, которые позволяли преподавателю реализовывать свои способности, позволяли проявляться импульсам, которые имели свои истоки в истории семьи и личной жизни. Детская литература становится предметом специального профессионального рассмотрения, работа в учительском сообществе приводит к погружению в литературный материал в рамках организованных форм коллективной деятельности по составлению рекомендательных библиографий, книг для чтения и т. д. В результате соединения всех этих факторов происходит рождение детской писательницы и новых книг для детей.

Примечания

- ¹ Сведения о А. Е. Разине, его трудах и литературу о нем см.: [Якубович, Овчинников 2007, 249–250].
- ² Издание «Предварительного списка...» не было завершено (о его источниках, структуре и истории изучения см. [Хохлова 2014]), но анкетные данные Е. А. Разиной были опубликованы (с некоторыми сокращениями и дополнениями) в биобиблиографическом издании «Русская интеллигенция. Автобиографии и биобиблиографические документы в собрании С. А. Венгерова» [Русская интеллигенция 2010, 274] и в электронном справочнике «Писательницы России: материалы для биобиблиографического словаря» [Писательницы России].
- ³ Заслуживает комментария соотношение изданий и текстов, посвященных св. Сергию Радонежскому. Вышедшие с интервалом в один год исторический очерк «Святый преподобный Сергий Радонежский» (1892) и рассказ «Великий молитвенник русской земли святой преподобный Сергий Радонежский» (1893) представляют собой разные редакции одного текста. В издании М. М. Ледерле и К^о (1893 г.) были сделаны сокращения и добавления фрагментов, однако остальной текст воспроизводится практически дословно. Ни сокращения, ни добавления не меняют стиля, языка или общего характера текста. Жанровые обозначения («рассказ», / «исторический очерк») здесь условны и не отражают каких-либо различий в стиле или содержании. Самое раннее издание М. В. Клюкина, которое нам удалось обнаружить (1909 г.), обозначено как 3-е, оно является воспроизведением журнальной публикации 1892 г. Возможно, 1-е и 2-е издания Клюкина оказались утрачены, но можно предположить и другое объяснение: Клюкин учел два предшествующих издания — 1892 г. («Читальня народной школы») и 1893 г. (М. М. Ледерле и К^о).
- ⁴ «Мир Божий» (1857) — одна из наиболее популярных в свое время книг А. Е. Разина, неоднократно переиздававшаяся.
- ⁵ *Per aspera ad litteras* (лат.) — Через тернии к литературе.
- ⁶ Фигура писателя-педагога является для того времени типичной, новым явлением было как раз иное — детский писатель *per se* [Маслинская 2019, 9–10]. Очевидно, что ипостаси педагога и писателя органично соединились в Е. А. Разиной — с очевидным же преобладанием педагогической.

Литература

Источники

Анкета 1915 — Разина Е. А. Анкета с ответами на вопросы КБС. 1915 // РО ИРЛИ. Ф. 377 (Венгеров Семен Афанасьевич (1855–1920), историк русской литературы, библиограф). Оп. 7. Ед. хр. 3028.

Известия 1894 — Известия Санкт-Петербургской городской думы. 1894. № 21.

Известия 1895 — Известия Санкт-Петербургской городской думы. 1895. № 5.

Метрические книги — Метрические книги собора св. Екатерины, г. Царское Село // ЦГИА СПб. Ф. 19 (Петроградская духовная консистория). Оп. 127. Д. 3334.

Новая хрестоматия 1912 — Новая хрестоматия для старшего отделения начальных училищ и низших классов средних учебных заведений / сост. кружком учительниц; под ред. В. А. Воскресенского. 10-е изд. СПб.: кн. маг. Н. Фену и Ко, 1912.

Обзор 1885 — Обзор детской литературы / составлен кружком учащихся; под ред. В. М. Гаршина и А. Я. Герда. Вып. 1: Книги, изданные в 1883 г. СПб.: Русский Книжный Магазин, 1885.

Отчет о состоянии училищ — Отчет о состоянии училищ Царкосельского уезда; сведения о преподавателях // ЦГИА СПб. Ф. 218 (Дирекция народных училищ Петроградской губернии). Оп. 1. Д. 1297.

Пенсионные карточки — Пенсионные карточки учителей и учительниц. Буква «Р» // ЦГИА СПб. Ф. 218 (Дирекция народных училищ Петроградской губернии). Оп. 1. Д. 1687.

Писательницы России — Писательницы России (до первой половины XX в.): материалы для библиографического словаря / сост. Ю. А. Горбунов: [сайт]. URL: <http://book.uraic.ru/elib/Authors/Gorbunov/index.htm>.

Разина 1885 — Разина Е. Алексей Егорович Разин. (Воспоминания дочери) // Детское чтение. 1885. № 4. С. 5–33.

Разина 1895 — Разина Елизавета Алексеевна. Письмо к Стасюлевичу Михаилу Матвеевичу. 1895, янв. 27 // РО ИРЛИ. Ф. 293 (Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826 - 1911), публицист, историк, профессор С.-Петербургского университета). Оп. 1. Ед. хр. 1198.

Разина 1898a — Разина Е. Жизнь не для себя. Повесть для детей. М.: М. В. Клюкин, 1898.

Разина 1898b — Разина Е. А. [Рецензия] // Русская школа. 1898. № 9. С. 239–245. Рец. на кн.: Н. Н. Страхов. Методика русской грамоты и начальных упражнений в русском языке. Харьков, 1898. 176 с.

Русская интеллигенция 2010 — Русская интеллигенция. Автобиографии и библиографические документы в собрании С. А. Венгерова. Аннотированный указатель: В 2 т. / под ред. В. А. Мыслякова. Т. 2. М — Я. СПб.: Наука, 2010.

Сведения о преподавателях — Сведения о преподавателях Царскосельского начального женского училища // ЦГИА СПб. Ф. 218 (Дирекция народных училищ Петроградской губернии). Оп. 1. Д. 1297.

Страхов 1898 — Страхов Н. Разъяснение некоторых недоразумений // Русская школа. 1898. № 9. С. 268–275.

Исследования

Лучкина 2021 — Лучкина О. А. Формирование канона литературы для детей в критике 1860 — 1880-х гг.: дис... канд. филол. наук: 10.01.01 / Ин-т рус. лит. (Пушк. Дом) Рос акад. наук. СПб., 2021.

Маслинская 2019 — Маслинская С. Г. Почему Д. Н. Мамин-Сибиряк стал главным детским писателем (к проблеме становления канона русской детской литературы) // Детские чтения. 2019. № 1 (15). С. 9–10.

Пятина 2011 — Пятина Ю. С. Учебные заведения Царского Села в пореформенный период (1864 — февраль 1917 г.): дис... канд. ист. наук: 07.00.02 / Сев.-зап. акад. гос. службы. СПб., 2011.

Сенькина 2020 — Сенькина А. А. Механизмы хрестоматизации и проблема литературного канона, или как крестьянский поэт Спиридон Дрожжин вышел в школьные классики // Детские чтения. 2020. № 1 (17). С. 167–204.

Хохлова 2014 — Хохлова Н. А. Может ли быть завершен изданием «Предварительный список русских писателей и ученых» С. А. Венгерова? // Русская литература. 2014. № 4. С. 184–193.

Якубович, Овчинников 2007 — Якубович И. Д., при участии Овчинникова Г. Д. Разин Алексей Егорович // Русские писатели. 1800 — 1917: Биограф. словарь / Гл. ред. П. А. Николаев. М., 2007. Т. 5. С. 249–250.

References

Hohlova 2014 — Hohlova, N. A. (2014). *Mozhet li byt' zavershen izdaniem "Predvaritel'nyj spisok russkikh pisatelej i uchenyh" S. A. Vengerova? [Is it possible to finish and publish "Preliminary list of Russian Writers and Scientists?"]*. *Russkaia literatura*, 4, 184–193.

Jakubovich, Ovchinnikov 2007 — Jakubovich, I. D., Ovchinnikova, G. D. (2007). *Razin Aleksey Egorovich*. In P. A. Nikolaev (Ed.), *Russkie pisateli. 1800 — 1917 [Russian writers. 1800 — 1917]* T. 5. (pp. 249–250). Moscow: The Great Russian Encyclopedia.

Luchkina 2021 — Luchkina, O. A. (2021). Formirovanie kanona literatury dlja detej v kritike 1860 — 1880-h gg. [Building the children's literature canon in critics of the 1860s to 1880s] (doctoral dissertation). Institute of Russian Literature, Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg.

Maslinskaya 2019 — Maslinskaya, S. G. (2019). Pochemu D. N. Mamin-Sibirjak stal glavnym detskim pisatelem (k probleme stanovlenija kanona russkoj detskoj literatury) [Why has D. N. Mamin-Sibiriak become the most prominent children's writer: on the establishment of the russian children's literature canon]. *Detskie chtenia*, 1 (15), 9–25. DOI: 10.31860/2304-5817-2019-1-15-9-25.

Pjatina 2011 — Pjatina, Ju. S. (2011). Uchebnye zavedenija Carskogo Sela v poreformennyj period (1864 — fevral' 1917 g.) [Educational institutions in Carskoje Selo after reforms] (Doctoral dissertation). North-West Academy of Public Administration, Saint-Petersburg.

Sen'kina 2020 — Sen'kina, A. A. (2020). Mehanizmy hrestomatizacii i problema literaturnogo kanona, ili kak krest'janskij pojet Spiridon Drozhzhin vyshel v shkol'nye klassiki [The mechanisms of anthologization and the problem of the literary canon: how the peasant poet Spiridon Drozhzhin became part of school classics]. *Detskie chtenia*, 1 (17), 167–204. DOI: 10.31860/2304-5817-2020-1-17-167-204.

Konstantin Lemeshev

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) of the Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0003-0185-8749

ELIZAVETA RAZINA — SCHOOL TEACHER AND CHILDREN'S AUTHOR: IN SEARCH OF A PROFESSIONAL PATH

This article examines the creative biography of Elizaveta Alexeevna Razina (1856–1915) on the basis of materials from the “autobiographical collection” of S. A. Vengerov at the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences and the Central State Historical Archive in St. Petersburg, as well as other documents. An exploration of biographical facts, literary works and textbooks makes it possible to see how two lines interact in Elizaveta Razina’s destiny and work: on the one hand, reflection on the heritage and life of her father, the famous children’s writer Alexej E. Razin, and on the other hand, her pedagogical activities. This article presents the results of the study of Elizaveta Razina’s professional path in the context of school education reforms and emerging opportunities for women educators. Children’s literature has become a focus for informal teachers’ communities and one of their activities, primarily in the form of a recommendatory bibliography. Elizaveta Razina took part in collective bibliographic reviews and in the compilation of a textbook for upper primary schools, but in her case the desire to give children a really good book and the desire to be worthy of her father’s memory and to continue his work led to the emergence of a new children’s author.

Keywords: Elizaveta A. Razina, Alexej E. Razin, Semjon A. Vengerov, children’s literature, writer-teacher, system of elementary education, bibliography of a children’s book

Никита Катанаев

МИСТИФИКАЦИЯ КАК АВТОРСКАЯ СТРАТЕГИЯ В СБОРНИКЕ А. КРУЧЕНЫХ «СОБСТВЕННЫЕ РАССКАЗЫ, СТИХИ И ПЕСНИ ДЕТЕЙ» 1923 Г.

В статье выявлена авторская стратегия Алексея Крученых в сборнике «Собственные рассказы, стихи и песни детей» (1923). Проведено сравнение с первым изданием сборника «Собственные рассказы и рисунки детей» (1914). Проанализирована композиция книги. Выдвинуто предположение, что некоторые стихотворения, включенные в сборник 1923 г., были написаны самим А. Крученых и выданы им за детские тексты. Целью мистификации были дружеские дразнилки в адрес В. Пальмова, С. Третьякова, В. Хлебникова и др. Чаще всего эти стихотворения похожи на ребусы, в разгадках которых обнаруживаются имена знакомых авангардистов. Делается вывод, что авторская стратегия состоит в том, чтобы устроить игру с читателем-взрослым, скрываясь под чередой масок поэтов-детей. Такая художественная стратегия была выбрана Крученых с целью сформировать собственную аудиторию вдумчивых, «посвященных» читателей и отделить недоумевающих «профанов». Этот подход заметно выделяет книгу Крученых в ряду других сборников детского творчества, вышедших в 1920-е гг.

Ключевые слова: русский авангард, футуризм, детское творчество, русская детская литература, А. Е. Крученых, дразнилка, литературная мистификация, эпиграмма, В. Хлебников, С. Третьяков, В. Пальмов, Ю. Марр, К. Чуковский, Н. И. Нисс-Гольдман

Впервые Алексей Крученых обратился к теме детского творчества в 1913 г., когда вышел сборник «Поросята», написанный совместно с одиннадцатилетней Зиной В. Уже год спустя под его редакцией был опубликован сборник «Собственные рассказы и

Никита Сергеевич Катанаев

Московский педагогический государственный университет,
Москва
nikhumster@gmail.com

рисунки детей». На фоне скандальных заумных книг футуриста 1913–1914 гг. этот сборник остался незамеченным критиками и читателями.

Первая рецензия на «Собственные рассказы и рисунки детей» вышла лишь в октябре 1917 г., в тифлисской газете «Кавказское слово». Ее автор Ю. Деген предполагал, что к детскому творчеству футуриста привело «искание новых приемов» [Сухопаров 1994, 273]. Поэт Леонид Вышеславский, вспоминая в 1985 г. об этом сборнике в очерке «Несколько слов об Алексее Крученых», утверждал, что в дореволюционное время детскому творчеству поэта почти не уделялось внимания. По его мнению, Крученых и Корней Чуковский первыми обратили пристальное внимание на детские речения [Там же, 115]. Однако это утверждение не вполне корректно: в брошюре Чуковского «Маленькие дети» (1928), о которой, вероятно, и пишет Вышеславский, есть ссылка на сборник Крученых [Чуковский 1928, 53].

В XXI в. «Собственные рассказы и рисунки детей» привлекли внимание поначалу искусствоведов и педагогов: «Собственные рисунки детей глазами художников „Мира искусства“ и футуристов» Ю. А. Молока (2003), «...Затея детей, проведенная в жизнь „взрослыми“: сборник рисунков и рассказов „Наш журнал“» К. В. Ремезовой (2014). В 2018 г. выходит статья Т. А. Терновой «Авторская художественная стратегия в сборнике А. Крученых „Собственные рассказы и рисунки детей“ (1914)». По справедливому утверждению исследовательницы, стратегия Крученых состоит в том, чтобы «поразмышлять о границах взрослого и детского восприятия, о феномене детского мышления» [Тернова 2018, 244].

Разделяя высказанную Т. А. Терновой позицию и учитывая то, что авторские стихотворные сборники Крученых рассматривались, начиная с монографии В. Ф. Маркова «История русского футуризма» 1968 г. [Марков 2017, 173–177], как цельные арт-объекты, предположим, что и переиздание в 1923 г. сборника под названием «Собственные рассказы, стихи и песни детей» также представляет собой реализацию определенной художественной стратегии. На наш взгляд, эта стратегия состоит в том, чтобы запутать читателя, размывая границу между детскими и взрослыми текстами, и тем самым утвердить родство футуристической зауми с детской речью, о чем Крученых писал еще в 1921 г., в «Декларации заумного слова»: «Глосса, восклицания, междометия, мурлыканья, припевы, детский лепет, ласкательные имена, прозвища — подобная заумь имеется в изобилии у писателей всех направлений» [Круче-

ных 1992, 136]. Результатом этой стратегии было формирование заумником после возвращения в Москву своей аудитории «посвященных» и отсеивание посторонних, профанов.

Сама идея сборника детского творчества была не нова и наследовала яснополянскому опыту Л. Н. Толстого, который признал за текстами наивных авторов большие литературные достоинства (статья «Кому у кого учиться писать: крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят?», 1862). В 1909 г. Н. В. Чехов в своем учебнике-монографии «Детская литература» поднял вопрос о собрании произведений детей. Такие сборники уже выпускались учителями школ, но редко выходили за пределы учебных заведений. Чехов предполагает, что в них вполне могут обнаружиться «произведения, заслуживающие быть напечатанными для более широкого распространения» [Чехов 1909, 28].

Издание сборника Крученых совпало со всплеском в начале 1920-х гг. научного, педагогического и писательского интереса к детскому словотворчеству и, шире, к участию детей в литературном процессе. В 1920 г. в Москве открылся Институт детского чтения, и «закладным камнем» его деятельности стала вышеназванная статья Л. Н. Толстого, прочитанная на торжественном открытии Института приглашенным артистом МХАТа В. В. Лужским [Арзамасцева 2012, 16]. В программе изучения детской литературы, помимо прочего, значилось «участие детей в детской литературе» [Там же, 23]. В 1923 г. рецензентская комиссия Института детского чтения подготовила бюллетень «Новые детские книги», где помещались и рецензии самих детей. В то же время в Петрограде начинает публиковаться альманах «Воробей» (1923–1924), ставший базой для начинающих детских писателей, которые вышли из кружка под руководством О. И. Капицы. В послереволюционные годы продолжается расцвет школьной журналистики, начавшийся с «пассионарного взрыва», который Ю. Б. Балашова связывает с «модернистской кружковой культурой» [Балашова 2007, 106]. Публикуются провинциальные сборники детских текстов: «Сборник детских рассказов и стихотворений» (Архангельск) [Сборник 1923], «Сборник детских рисунков и стихотворений воспитанников Дома физического образования г. Нижнего Новгорода, посвященный А. В. Луначарскому» [Сборник 1924] и пр. Чуть ранее, в 1920 и 1921 гг., в Париже в двух выпусках, был издан сборник «Дети детям: сборники рассказов, написанных и иллюстрированных детьми в возрасте 10–13 лет» [Коварские 1920; Коварские 1921]. Наконец, в начале 1920-х гг. Н. А. Рыбников приступает к созданию «Словаря

русского ребенка», а К. И. Чуковский начинает собирать материалы по детской речи.

В 1923 г., на новой волне внимания к детскому словесному творчеству, Крученых возвращается к идее сборника. За девять лет сборник претерпел значительные изменения: как видно из названия, Крученых совсем отказался от включения в него детской графики. Из девяти прозаических и поэтических текстов, первоначально включенных в сборник, в издании 1923 г. осталось лишь четыре. Они помещены составителем в самом конце и представляют собой скорее приложение, нежели основное содержание сборника. Новые же произведения включают восемнадцать поэтических и пять прозаических текстов, авторами которых указаны дети от двух до двенадцати лет. В большинстве случаев Крученых приводит только имена детей и первую букву фамилии; в первом же издании в основном были указаны только имена детей, кроме Зины В., давнего «соавтора» Крученых.

Содержательная композиция обновленного сборника характеризуется продуманным порядком. Все произведения ранжированы Крученых по возрастному критерию в порядке возрастания. В первом стихотворении двухлетней Лили-Елены «Ии» описывается наступление утра; действие последнего произведения «Буря» девятилетней Алены, вошедшего еще в первое издание, происходит вечером. Таким образом, составителем создается кольцевая композиция. В других же произведениях сборника часто звучат мотивы ночи, сна, луны.

Единственным исключением из ранжирования по возрастному критерию является стихотворение десятилетней Елены В., помещенное между произведениями Тани Гур. (11 лет) и Нины К. (12 лет). Стихотворение Елены В. с подзаголовком «Подражание В. Хлебникову» примечательно не только этим. В нем употреблено сразу несколько прозвищ-дразнилок, построенных путем изменения фамилии составителя:

Жил на свете Кручик-Кручень,
Гадкой критикой замучен,
Но не очень, очень, очень
Круча этим озабочен!
Всегда весел ловок Крых
Потому что — много дрых!.. [Крученых 1923, 9]

Подобная игра с именем и фамилией многократно использовалась будетлянином в собственных стихотворениях и до и по-

сле издания детского сборника: «Мои слова — в охапку — многи...» (1919), «Лирическое преступление» (1930), «Ты стала розовой...» (1930). В последнем Крученых использует то же прозвище, что и Елена В., — Кручень.

Вполне вероятно, что и другие прозвища футуриста, упоминаемые в стихотворении Елены В., использовались самим поэтом и его окружением в повседневном общении. Например, свои письма А. А. Шемшурину и М. В. Матюшину Крученых подписывал «Ваш А. Круч.» [Крученых 2012, 111]. «Кручей» называет поэта в своих воспоминаниях 1985 г. Л. Б. Либединская, это же прозвище упоминает В. В. Катанян [Сухопаров 1994, 53, 205]. Л. А. Озеров, в свою очередь, пишет о том, что Крученых «давали порой обидные прозвища», в том числе Круч и Круча [Там же, 144].

Обратим внимание на подзаголовок «Подражание В. Хлебникову». В поиске ответа на вопрос, почему маленькой девочкой (или же самим составителем сборника) был выбран такой подзаголовок, обратимся к последнему из стихотворений Хлебникова, посвященных Крученых. Оно было написано в 1921 г. и в рукописи содержит помету «Опасен». Материалы для сборника «Собственные рассказы, стихи и песни детей» Крученых собирал в 1921–1922 гг., то есть в процессе этой работы он уже мог быть знаком с посвящением Хлебникова. Приведем текст этого стихотворения полностью:

Лондонский маленький призрак,
Мальчишка в 30 лет, в воротничках,
Острый, задорный и юркий,
Бледного жителя серых камней
Прилепил к сибирскому зову на «чоных».
Ловко ты ловишь мысли чужие,
Чтоб довести до конца, до самоубийства.
Лицо англизма, крепостного
Счетоводных книг,
Усталого от книги.
Юркий издатель позорящих писем,
Небритый, небрежный, коварный,
Но девичьи глаза,
Порою нежности полный.
Сплетник большой и проказа,
Выпады личные любите.
Вы очаровательный писатель
Бурлюка отрицательный двойник [Хлебников 1931, 292].

В тексте Хлебникова соединяются жанровые признаки мадригала и эпиграммы. Некоторые из критических замечаний поэта впоследствии окажутся пророческими. Например, Н. Я. Гончарова-Шведова вспоминала, что «юркий издатель позорящих писем» предлагал ее отцу Якову Шведову купить «интимные письма Маяковского» [Сухопаров 1994, 131]. Многочисленные же книжки о Есенине, выпущенные Крученых после смерти поэта, подкрепляют слова Хлебникова о «большом сплетнике».

Крученых не могли не задеть эти строки, высказанные человеком, которого он считал близким другом и творческим собратом. Прямого поэтического отклика на стихотворение Хлебникова не последовало, однако стихотворение Елены В. может быть замаскированным шуточным ответом Крученых на «гадную критику» со стороны своего товарища¹. Таким образом, по нашему предположению, стихотворение «Жил на свете Кручик-Кручень...» — это не столько подражание Хлебникову, сколько парирующий критику ответ Крученых с указанием зашифрованного имени адресата.

Маскировка пародии и дразнилки под детские произведения применялась и прежде русскими поэтами. В 1857 г. был опубликован цикл А. С. Пушкина из трех фельетонов «Детская книжка», в которых пародировались дидактические рассказы для детей и высмеивались современники писателя: Н. А. Полевой, П. П. Свиньин и Н. И. Надеждин. По мнению Б. М. Гаспарова, «Мойдодыр» Чуковского содержит в себе пародии на футуристов, в том числе и Крученых [Гаспаров 1992, 307].

В подлинности произведений, выдаваемых Крученых за детские, впервые усомнился В. Ф. Марков в монографии «История русского футуризма». О текстах Зины В., включенных в сборник «Поросята», исследователь писал так: «Темы (клозет, помойная яма, свиньи) заставляют читателя усомниться в подлинности Зины В.: уж слишком все это напоминает самого Крученых!» [Марков 2017, 175].

По нашему мнению, в «Собственных рассказах, стихах и песнях детей» содержатся и другие замаскированные дразнилки, направленные в адрес близких знакомых Крученых. Несколько таких текстов принадлежат девятилетней Тане Т.-Г., два из которых очевидны: первый посвящен поэту-футуристу Сергею Третьякову, второй — художнику Виктору Пальмову:

У Сергея Третьякова²

Очень нервы нездоровы [Крученых 1923, 6].

Жил-был Пальмов,
Рисовал картины,
И нарисовал он
Большую паутину [Крученых 1923, 7].

Уже само упоминание девятилетней девочкой имен авангардистов наводит на мысль о мистификации со стороны составителя. Однако среди произведений Тани Т.-Г. есть еще одна, скрытая, дразнилка в адрес соратника Крученых — стихотворение «Юрочка»:

Сел котик на печурочку
И запел песню Юрочке:
Ты спи, мой Юрочка,
Ведь тебя ждет Снегурочка
Приезжай скорей, Юрочка,
Дарю тебе свинурочку! [Крученых 1923, 7]

Начало стихотворения практически полностью повторяет одноименную фольклорную прибаутку. Приведем ее текст по пособию для работников детских яслей и садов Е. И. Тихеевой (1935):

Котик серенький присел
На печурочке
И тихонько запел
Песню Юрочке:
— Вот проснулся петушок,
Встала курочка,
Подымайся, мой дружок,
Встань, мой Юрочка [Тихеева 1935, 7]

Сомнительно, чтобы Крученых не знал фольклорный первоисточник, переработкой которого, очевидно, является текст Тани Т.-Г. Скорее всего, это произведение, как и все остальные, включено составителем в сборник сознательно, с определенной целью. Чтобы представить ее, сравним содержательно стихотворение Тани Т.-Г. и потешку-прибаутку. Их смысл диаметрально противоположен: если в народном стишке кот будит Юрочку, то в авторском тексте, наоборот, убаюкивает, при этом обещает подарить мальчику некую «свинурочку». Это диалектное слово может быть ключом к разгадке авторства стихотворения.

Свиньи — часто встречающийся образ в поэзии самого Крученых. Он появляется в стихотворениях «Русь», «Я жрец я разленился...» и других. Еще раз упомянем и сборник «Поросята» (1913),

написанный совместно с одиннадцатилетней Зиной В. Чуковский в статье «Футуристы», опубликованной в 1914 г., (в расширенном виде статья вышла отдельным изданием в 1922 г., за год до публикации «Собственных рассказов, стихов и песен детей»), писал о Крученых, что «Свиньи, рвота, навоз, ослы — таков его жесткая эстетика». Самого будетлянина критик называет «свинофилом» [Чуковский 1922, 29]. Вполне вероятно, что и в стихотворении, написанном якобы Таней Т.-Г., Крученых возвращается к излюбленному мотиву.

Если предположить, что «Юрочка» тоже был написан составителем сборника и является, как и другие произведения, дразнилкой, то остается найти ее адресата. На наш взгляд, вероятным прообразом Юрочки мог быть поэт-заумник Юрий Марр, который познакомился с Крученых в Тифлисе в 1919 г. и под его влиянием «изменил поэтическую манеру» [Никольская 1985, 73–74]. Известны аллюзии в произведениях Марра на заумные тексты Крученых (например, в «мой дух... и УХНЕТ» и «Я получил от благодарных иностранцев») [Там же, 75–76]. В 1922 г. Марр переезжает в Петроград, а Крученых в это время уже находится в Москве. Возможно, «Юрочка» — это шуточное послание, приглашение Марра в столицу для продолжения заумного творчества («Приезжай скорей, Юрочка, // Дарю тебе свинурочку!»). Примечательно, что «детский» сборник хотя и издан уже в Москве, однако издательством указана группа «41°», организованная именно в Тифлисе, к ней примыкал и Юрий Марр.

Наконец, еще одна дразнилка содержится в стихотворении «Доктору», автор которого указан так: «Нис (6 лет)».

Я — Нис Гольдман,
А ты — дед Рындзюн, —
Мажешь горло больно,
А даешь изюм... [Крученых 1923, 1–2]

В стихотворении Нис является именем, однако за этим скрывается очередная мистификация Крученых. Очевидно, что стихотворение намекает на художницу и скульптора Н. И. Нисс-Гольдман (1892–1990). Соответственно, «дед Рындзюн» — никто иной, как отец художницы, знаменитый врач Илья Гилелевич Рындзюн (1848 — после 1917).

Еще одним подтверждением того, что за шестилетним Нисом скрывается сам составитель сборника, может стать второе стихотворение «ребенка»:

Жила-была пугала
Для ворон — пуганиста,
Никто с ней не играетя,
Она на кресле валяется,
Без носочков, без чулочков,
В одних волосиках!.. [Крученых 1923, 2]

В двух первых строках содержатся заумные неологизмы, образованные от корня *-луг-*. Первый из них практически в точности повторяет неологизм Крученых «пугаль», используемый сразу в двух стихотворениях из сборника «Взорваль» (1913): одноименное «Пугаль...» и «Нельзя стреляться» [Крученых 2001, 59–60]. Это же слово встречается в первом деймо оперы Крученых «Победа над солнцем» (1913): «Мы вооружаем против себя мир // Устраиваем резню пугалей» [Там же, 386].

Итак, как минимум шесть поэтических текстов, содержащихся в «Собственных рассказах, стихах и песнях детей», принадлежит самому Крученых, а пять из них являются дразнилками в адрес современников поэта. В некоторых дразнилках имена адресатов открыты, а в иных зашифрованы. Таким образом, Крученых в сборнике 1923 г. устраивает игру с читателем-взрослым, скрываясь под чередой масок поэтов-детей. Такая художественная стратегия была выбрана недавно вернувшимся в Москву поэтом с целью сформировать собственную аудиторию вдумчивых, «посвященных» читателей и отделить недоумевающих «профанов».

Примечания

- ¹ Наконец, если поменять сокращенную фамилию девочки и имя места-ми (В. Елена), то получается сочетание, фонетически схожее с именем Велемир.
- ² Выделение в первой строке сделано автором стихотворения.

Литература

Источники

- Крученых 2012* — Крученых А. Е. Алексей Крученых: Письма А. Шемшурину и М. Матюшину. Мир затрещит. М.: Гилея, 2012.
- Крученых 1992* — Крученых А. Е. Кукиш Прошлякам. Москва-Таллин: Гилея, 1992.
- Крученых 1923* — Крученых А. Е. Собственные рассказы детей / Собрал А. Крученых (в 1921–1922 г.). М.: Тип. ЦИТ, 1923.

Крученых 2001 — Крученых А. Е. Стихотворения; Поэмы; Романы; Опера СПб.: Акад. проект, 2001.

Хлебников 1931 — Собрание произведений Велимира Хлебникова. [Т. 3 : Стихотворения, 1917–1922] / под общ. ред. Ю. Тынянова и Н. Степанова. Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1931.

Исследования

Сухопаров 1994 — Алексей Крученых в свидетельствах современников: [сборник] / сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. С. Сухопарова. München: Sagner, 1994.

Арзамасцева 2012 — Арзамасцева И. Н. Подвижники детского чтения // Детские чтения. 2012. № 1 (1). С. 12–42.

Балашова 2007 — Балашова Ю. Б. Школьная журналистика Серебряного века. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. 114 с.

Гаспаров 1992 — Гаспаров Б. М. Мой до дыр // Новое литературное обозрение. 1992. № 1. С. 304–319.

Коварские 1920 — Дети детям: сборник рассказов написанных и иллюстрированных детьми / под ред. И. Коварского, Л. Коварской. Париж: Я. Поволоцкий, 1920. Вып. 1.

Коварские 1921 — Дети детям: сборник рассказов, написанных и иллюстрированных детьми в возрасте 10–13 лет / под ред. И. Коварского, Л. Коварской. Париж: Ed. J. Povolozky, [1921].

Марков 2017 — Марков В. Ф. История русского футуризма / В. Ф. Марков; пер. с англ. В. Кучерявкина, Б. Останина. СПб: Алетейя, 2017.

Никольская 1985 — Никольская Т. Л. Юрий Николаевич Март, заумный поэт // *Georgica I* / A cura di L. Magarotto e G. Scarcia. Roma: Arti Grafiche Scalia, 1985. С. 49–59.

Сборник 1923 — Сборник детских рассказов и стихотворений. Архангельск: Волна, 1923.

Сборник 1924 — Сборник детских рисунков и стихотворений воспитанников Дома физического образования г. Нижнего Новгорода, посвященный А. В. Луначарскому [Рукопись]. [Б. м.], 1924.

Тернова 2018 — Тернова Т. А. Авторская художественная стратегия в сборнике А. Крученых «Собственные рассказы и рисунки детей» // Книга в современном мире: проблемы рецепции: материалы международной научной конференции, 27 февраля — 1 марта 2018 г. / науч. ред. Т. А. Тернова. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2018. С. 237–247.

Тихеева 1935 — Тихеева Е. И. Игры и занятия малых детей: Пособие для работников гор. и колхоз. детских яслей и садов / Ленингр. науч.-иссл. ин-т охраны материнства и младенчества им. К. Цеткин. М.; Л.: Учпедгиз, 1935.

Чуковский 1928 — Чуковский К. И. Маленькие дети: Детский язык: Экикики: Лепые нелепицы. Л.: Красная газета, 1928.

Чуковский 1922 — Чуковский К. И. Футуристы. Петербург: Полярная звезда, 1922.

Чехов 1909 — Чехов Н. В. Детская литература: С прил. «Библиографии по вопросам детской литературы и детского чтения», сост. е. А. Корольковым / сост. Н. В. Чехов. М.: «Польза» В. Антик и К°, 1909.

References

Arzamastseva 2012 — Arzamastseva, I. (2012). Podvizhniki detskogo chtenija [Enthusiasts of children's reading]. *Detskie chtenia*, 1 (1), 12–42.

Balashova 2007 — Balashova, J. (2007). Shkol'naja zhurnalistika Serebrjanogo veka [School journalism of the Silver Age]. Saint-Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta.

Chekhov — Chekhov, N. (1909). Detskaya literatura: S pril. "Bibliografii po voprosam detskoj literatury i detskogo chteniya" [Children's Literature: With App. "Bibliographies on Children's Literature and Children's Reading"] (ed. by E. A. Korol'kov). Moscow: "Pol'za" V. Antik i K°.

Chukovskiy 1928 — Chukovskiy, K. (1928). Malen'kie deti: Detskij jazyk: Jekikiki: Lepyе nelepicy [Little children: Children's language: Ekikiki: Stupid absurdities]. Leningrad: Krasnaja gazeta.

Chukovskiy — Chukovskiy, K. (1922). Futuristy [Futurists]. Peterburg: Poljarnaja zvezda.

Gasparov 1992 — Gasparov, B. (1992). Moj do dyr [Wash to holes]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1, 304–319.

Kovarskie 1920 — Kovarskiy, I., Kovarskaya, L. (Eds.). (1920). Deti detyam: sbornik rasskazov napisannykh i illyustrirovannykh det'mi [Children to children: a collection of stories written and illustrated by children] (Vol. 1). Paris: J. Povolozky.

Kovarskie 1921 — Kovarskiy, I., Kovarskaya, L. (Eds.). (1921). Deti detyam: sbornik rasskazov, napisannykh i illyustrirovannykh det'mi v vozraste 10–13 let [Children to children: a collection of stories written and illustrated by children aged 10–13]. Paris: Ed. J. Povolozky.

Markov 2017 — Markov, V. (2017). Istorija russkogo futurizma [History of Russian Futurism] (transl. V. Kucherjavkina, B. Ostanin). Saint-Petersburg: Aletejja.

Nikolskaja 1985 — Nikolskaja T. (1985). Jurij Nikolaevich Marr, zaumnyj pojet [Yuri Nikolaevich Marr, zaum poet]. In L. Magarotto e G. Scarcia (a cura di), *Georgica I* (pp. 49–59). Roma: Arti Grafiche Scalia.

Sbornik 1923 — *Sbornik detskih rasskazov i stihotvorenij* (1923). [Collection of children's stories and poems]. Arkhangelsk: Volna.

Sbornik 1924 — *Sbornik detskih risunkov i stihotvorenij vospitannikov Doma fizicheskogo obrazovanija g. Nizhnego Novgoroda, posvjashennyj A. V. Lunacharskomu* (1924). [Collection of children's drawings and poems of pupils of the House of Physical Education in Nizhny Novgorod, dedicated to A. V. Lunacharsky].

Suhoparov 1994 — Suhoparov, S. (Ed.). (1994). *Aleksey Kruchenykh v svidetel'stvakh sovremennikov* [Aleksey Kruchenykh in the testimonies of contemporaries]. München: Sagner.

Ternova 2018 — Ternova, T. (2018). Avtorskaja hudozhestvennaja strategija v sbornike A. Kruchenykh "Sobstvennye rasskazy i risunki detej" [Author's artistic strategy in the collection of A. Kruchenykh "Own stories and drawings of children"]. In Ternova T. A. (Ed.), *Kniga v sovremennom mire: problemy recepcii: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, 27 fevralja-1 marta 2018 goda* [The book in the modern world: problems of reception: materials of the international scientific conference (February 27-March 1, 2018)] (pp. 237–247). Voronezh: Voronezhskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet.

Tikheeva — Tikheeva, E. (1935). *Igry i zanjatija malyh detej: Posobie dlja rabotnikov gor. i kolhoz. detskih jaslej i sadov* [Games and activities for small children: A manual for workers in the urban and collective farm. nurseries and kindergartens]. Moscow; Leningrad: Uchpedgiz. s.

Nikita S. Katanaev

Moscow State Pedagogical University; ORCID: 0000-0003-0632-4164

MYSTIFICATION AS AN AUTHORIAL STRATEGY IN THE BOOK OF A. KRUCHENYKH "OWN STORIES, POEMS AND SONGS OF CHILDREN" (1923)

The article reveals the authorial artistic strategy of Aleksey Kruchenykh's collected works "Children's Own Stories, Poems and Songs" (1923). A comparison with the first edition of the collection "Children's Own Stories and Drawings" (1914) is made. The composition of the book is analysed. It is suggested that some poems included in the collection of 1923 were written by Aleksey Kruchenykh himself and were passed off by him as children's texts. The aim of the hoax was to make friendly teasing references to Viktor Palmov, Sergey Tretyakov, Velemir Khlebnikov, and others. More often, these poems are like puzzles, whose clues reveal the names of familiar avant-garde artists. It is concluded that the author's artistic strategy is to confuse the reader by blurring the boundary between children's and adult texts and, thereby, to affirm the relationship of futuristic zaum with children's speech. This approach noticeably distinguishes the book of Kruchenykh from other collections of children's creativity published in the 1920s.

Keywords: russian avant-garde, futurism, children's creativity, russian children's literature, Aleksey Kruchenykh, teaser, literary hoax, epigram, Velemir Khlebnikov, Sergey Tretyakov, Viktor Palmov, Yury Marr, Korney Chukovsky, Nina Niss-Goldman

Марина Жиркова

НАЧАЛО ТВОРЧЕСКОГО ПУТИ ДЕТСКОГО ПИСАТЕЛЯ И ПОЭТА САШИ ЧЕРНОГО

В статье представлены результаты исследования пути поэта-сатирика в детскую литературу. Начало формирования детского поэта и писателя Саши Черного относится к доэмигрантскому периоду творчества. Первые публикации его детских произведений появлялись в различных газетах и журналах: «Киевская мысль», «Современник», «Русское богатство», «Для детей». Общие интересы и взгляды на содержание и оформление детской книги способствовали его сближению в 1910-е гг. с К. И. Чуковским и М. Горьким, вместе с которыми он участвует в создании новой детской литературы, формировавшейся в это время. Саша Черный был приглашен К. И. Чуковским в альманахи «Жар-птица» (1911) и «Елка» (1918); участвовал в сборнике под редакцией В. Ленина «Вербочки» (1913). Составителем «Голубой книжки» (1912) являлся сам Саша Черный, к публикации в которой он привлек М. Горького и К. Милля. В этих сборниках начинающему тогда детскому автору Саше Черному принадлежит первое место по количеству опубликованных произведений. Участие Саши Черного в организации новых кружков детских поэтов и писателей, пусть создаваемых только вокруг коллективных издательских проектов, вроде сборников и альманахов, — важный штрих к истории становления сообщества писателей, работавших для ребенка-читателя в первые десятилетия XX в. Для самого Саши Черного этот опыт стал частью его пути в детскую литературу, а выход авторских сборников произведений знаком того, что он видел себя в детской литературе независимым участником, что вполне проявилось в период эмиграции.

Ключевые слова: детская литература, Саша Черный, К. И. Чуковский, М. А. Горький, В. Д. Фалилеев, альманах, азбука, иллюстрация

Марина Анатольевна Жиркова

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург
manp@mail.ru

Саша Черный входит в русскую детскую литературу в самом начале XX в., в период ее обновления. Фактически он наряду с К. Чуковским и М. Горьким стоит у ее истоков, хотя его имя не упоминается в истории детской литературы этого периода. Отъезд писателя в эмиграцию исключил его из литературного процесса, как это произошло со многими, кто оказался в эти годы за границей советского государства. Цель данной публикации — показать формирование Саши Черного как детского писателя и поэта, обозначить этапы его «вхождения» в детскую литературу.

Первые публикации произведений для детей поэта-сатирика относятся к 1910-м гг., к доэмигрантскому периоду его творчества. В 1911 г. в киевской газете появилось первое стихотворение «Костер» («Киевская мысль» от 29 августа 1911 г.), в том же году он был приглашен Чуковским в альманах «Жар-птица» [Жар-птица 1911]; в 1912 г. Саша Черный подготовил сборник «Голубая книжка» [Голубая книжка 1912]. Чуть позже им изданы авторские книги стихов для детей «Тук-тук!» [Черный 1913], «Живая азбука» [Черный — 1914]. До революции он публиковал свои стихотворения в различных газетах, журналах, альманахах и сборниках, например, в той же «Киевской мысли» (1912, «Картина»), журналах «Современник» (1912, «Летом»), «Русское богатство» (1914, «Перед ужином»), «Для детей» (1917, «Про девочку, которая нашла своего Мишку»), «Снежная баба», рассказ «Что видел Топка во сне», «Цирк»), в альманахе «Вербочки» [Вербочки 1913] («На вербе», «Бобина лошадка», «Про кота»), в сборниках «Жар-птица» («Поезд», «Приставалка», «Колыбельная»), «Голубая книга» («Вечерний хоровод», сказка «Красный камешек») и «Елка» [Елка 1918] («Трубочист», рассказ «Домик в саду»). Все произведения поэта позднее вошли в книгу стихов «Детский остров» [Черный 1921] и сборник прозы «Серебряная елка» [Черный 1929], изданных уже в эмиграции.

Саша Черный и Корней Чуковский

Интерес поэта-сатирика к творчеству для детей не был случайным: в начале его творческого пути сатира преобладает, но постепенно творчество для детей становится равноправным, даже доминирующим, например, так произошло в эмиграции. Сложно определить, что подтолкнуло поэта к созданию первых детских произведений. Причин много, возможно, собственное безрадостное детство, о котором рассказывают биографы, или любовь к детям и умение находить с ними общий язык, или разрыв с журналом «Са-

тирикон» в 1911 г. и приглашение К. И. Чуковского в первый для Саши Черного детский сборник. Сближение двух детских авторов можно отнести к 1908–1909 гг., когда не без участия Чуковского, по мнению А. С. Иванова, состоялась публикация стихотворения поэта-сатирика в газете «Речь», ведущим критиком которой в это время являлся будущий автор «Крокодила» [Переписка 2006, 117]. Хотя их знакомство могло произойти и раньше. Например, стихотворение Саши Черного «Быт», опубликованное в десятом номере «Сатирикона» в 1909 г. имело посвящение К. И. Чуковскому, снятое поэтом позднее при издании книги «Сатиры» (1910) и переименованное в «Обстановочка».

В своих воспоминаниях Чуковский приводит отрывки из писем Саши Черного этих лет. В одном из них поэт-сатирик пишет: «Книжка висит над головой и положительно мешает думать и работать — *хочется уже выйти из круга ее мотивов, в нем становится тесно*, но чтобы прислушаться к новым голосам в самом себе — надо хоть иллюзию спокойствия (курсив мой — М. Ж.)» [Цит. по: Чуковский 2012с, 277]. Речь идет о готовящейся к изданию книге сатир [Черный 1910], но Саше Черному было тесно в рамках сатиры. Новым направлением становится творчество для детей, высоко оцененное Чуковским. В аннотации к детским сборникам издательства «Шиповник» критик так характеризует начинающего детского поэта: «В лице С. Черного мы должны приветствовать новую литературную силу. У него есть свой стиль, свое лицо, — и какая увлекательность лиризма! И сколько неожиданных образов, и какие полновесные слова» [Цит. по: Корвацкая 2021, 69], повторяя высказанное ранее мнение о таланте сатирика в статье «Юмор обреченных» (1910). Позднее Чуковский писал: «Уже по первым его попыткам я не мог не увидеть, что из него должен выработаться незаурядный поэт для детей. Самый стиль его творчества, насыщенный юмором, богатый четкими, конкретными образами, тяготеющий к сюжетной новелле, обеспечивал ему успех у детворы. Этому успеху немало способствовал его редкостный талант заражаться ребячьими чувствами, начисто отрешаясь от психики взрослых» [Чуковский 2012с, 288]. Именно Чуковский пригласил Сашу Черного в сборники «Жар-птица», «Елка» и журнал «Для детей».

Примечательно, что Саша Черный знаком и дружен в это время и с С. Я. Маршаком [Иванов 2007, 528; Миленко 2014, 100]. Но в 1911–1914 гг. Маршак находился в длительном заграничном путешествии. Его обращение к детской литературе произойдет несколько позднее, когда Саша Черный будет уже в эмиграции.

Сборники и альманахи

В 1911 г. вышла книга К. И. Чуковского «Матерям о детских журналах» [Чуковский 1911], в которой литературный критик подверг оценке современные журналы для детей. Чуковский заявил: «задача детского журнала вовсе не в том, чтобы лечить детей от детского безумия — они вылечатся в свое время и без нас, — а в том, чтобы войти в это безумие, вселиться в этот странный, красочный, совершенно другой мир и заговорить с детьми языком этого другого мира, перенять его образы и его своеобразную логику (потому что своя в этом другом мире логика!)» [Чуковский 2012b, 556]. Альманах «Жар-птица» должен был воплотить мечту будущего детского поэта о новом детском журнале и задумывался как периодическое издание, неслучайно на титульном листе указано «Книга первая». В своих дневниках за 1911 г. Чуковский пишет о нем именно как о детском журнале [Чуковский 2013, 170].

Первое стихотворение, написанное от имени самой книги, призывало к бережному отношению к книге и высказывало надежду на продолжение: «Будем ждать других „Жар-птичек“» [Жар-птица 1911, 3]. В сборник вошли произведения Саши Черного, А. Н. Толстого, К. Чуковского, М. Моравской, Вл. Азова и С. Сергеева-Ценского. Последний до этого неоднократно публиковался в альманахах издательства З. И. Гржебина «Шиповник»; А. Н. Толстой успел появиться как на страницах журнала «Тропинка», так и в альманахах «Шиповника»; Моравская также ранее публиковалась в журнале «Тропинка» под псевдонимом Рикитики. Писатель-сатирик Владимир Ашкинази, сотрудник журнала «Сатирикон», скрывался под именем Вл. Азов. Чуковский в своих воспоминаниях упоминает Куприна, которого он приглашал в детский альманах: «В то время меня увлекала мечта о создании подлинной, художественно ценной литературы для маленьких. Лет за пять до того я упросил Алексея Толстого, Сергеева-Ценского, Сашу Черного и других „молодых“ участвовать в редактируемом мной альманахе „Жар-птица“, выходявшем в издательстве „Шиповник“. О том же я просил и Куприна, но тогда он был поглощен своей „Ямой“ и не написал ничего» [Чуковский 2012a, 95]. Чуковский дебютировал не только как составитель альманаха (впрочем, его имя на титуле не указано), но и как детский прозаик и поэт: в альманахе опубликован его перевод-переложение «Собачье царство», сказка с подписями к рисункам «Цыпленок» и стихотворение «Доктор».

Рис. 1. Обложка сборника «Жар-птица», худ. С. Ю. Судейкин

Пять из тринадцати произведений, помещенных в «Жар-птице», принадлежат Саше Черному: стихотворения «Посвящение», «Приставалка», «Колыбельная», «Поезд» и сказка «Нолли и Пшик». В этих произведениях показан мир ребенка в его отношениях с родными (например, диалог, а фактически монолог с забавными вопросами малыша представлен в стихотворении «Приставалка»), в общении с игрушками (девочка поет колыбельную кукле, укладывая ее спать), в процессе самой игры («Поезд»).

Позднее Чуковский, вспоминая о роли М. Горького в развитии детской литературы и размышляя о новой детской литературе, писал: «В 1912 г. я даже составил подобную книгу под сказочным названием „Жар-птица“, пригласив для участия в ней А. Н. Толстого, С. Н. Сергеева-Ценского, Сашу Черного, Марию Моравскую, а также многих первоклассных рисовальщиков, но книга эта именно из-за своего высокого качества (а также из-за высокой цены) не имела никакого успеха и была затерта базарною дрянью» [Чуковский

Рис. 2. Обложка и титульный лист сборника «Голубая книжка»

2012, 70–71]. Первый и единственный выпуск «Жар-птицы» отражал процесс поиска нового направления в развитии детской литературы и стал «важной составляющей художественных процессов в отечественном книжном искусстве XX в.» [Корвацкая 2021, 74]. В дальнейшем четверо участников альманаха отправились в эмиграцию: Саша Черный, А. Н. Толстой, М. Моравская и Вл. Азов, один из них — Толстой — вернется в Россию, остальные так и останутся жить за границей. Только для Саши Черного детская литература станет одним из главных направлений творчества.

На 1912 г. был запланирован выход сборника для детей «Голубая книжка», автором идеи и составителем которого являлся на этот раз сам Саша Черный. В том же году на Капри состоялось его знакомство с М. Горьким, которое произвело очень сильное впечатление на поэта. В письме к Горькому он признавался ему в любви: «Я Вас очень люблю, Алексей Максимович, — на расстоянии в этом не советую признаться. Для меня знакомство с Вами большое и радостное событие» [Письма 1989, 22]. Горький тоже высоко оценил поэта: «Сейчас здесь Саша Черный, это тоже интересная душа, и думаю, что он только еще начинается» [Горький 2003, 87]; «Живет здесь Саша Черный, — это скромный, серьезный и приятный человек. Он гораздо интересней и талантливее своих двух книжек и кажется мне способным написать превосходные вещи. Задачи у него — чудесные, и это настоящий литератор, с большой любо-

вью к делу» [Горький 2003, 94]. Саша Черный приглашает Горького в задуманный им сборник для детей: «Очень хочу наладить детский сборник и, если Вы мне поможете, я справлюсь. Помните тех воробьев, которых Вы мне читали? Можно их у Вас попросить, Алексей Максимович? А если что-нибудь из того, что лежит у Вас на окне, — и совсем хорошо. Я бы сейчас снес к Бродскому для иллюстраций. <...> Думаю у Пришвина достать несколько страниц. У детей так мало стоящих книг, дешевых и совсем нет, — помогите, Алексей Максимович, прошу и умоляю» [Письма 1989, 23]. С Пришвиным что-то не сложилось. Саша Черный пригласил также знакомого по журналу «Сатирикон» Казимира Милля со сказкой «Как рыбы из верши ушли». Горький прислал для сборника две сказки, одна из них — «Воробьишко», а публикацию второй издательство отклонило: «она не могла войти в сборник „Голубая книжка“ по возрасту, т. к. книжка для малышей, дошкольников» [Письма 1989, 24] — объяснял Саша Черный, он выступал посредником между авторами и издательством, в котором книжку готовили к печати. В письме Горькому он упоминает об отправленном писателю гонораре за сказку «Воробьишко» и беспокоится, что того не поставили в известность об отказе в публикации второй сказки. Скорее всего, речь идет «Случае с Евсейкой», опубликованном в приложении к газете «День» в декабре того же 1912 г.

Художественное оформление книги выполнено И. Бродским и В. Фалилеевым. Знакомство Саши Черного с В. Д. Фалилеевым состоялось в том же 1912 г. на Капре у Горького. В Петербурге поэт заботился о художнике и пытался помочь ему с заказами, о чем тот писал Горькому: «Милого Александра Михайловича Гликберга видел несколько раз. Он старается устроить меня в разные издательства рисовальщиком. Так это у него так хорошо выходит. <...> Хлопочет об издании детских книг и надеется, что прочтем и Ваши рассказы для детей» [Письма 1989, 29]. Саша Черный письме к Горькому: «Был у Фалилеева. Он столько наработал за свою жизнь, что буквально ходишь по его мастерской по колено в офортах. Мы с ним будем стряпать к Рождеству детский рассказ» [Письма 1989, 23]. По-видимому, речь идет о сказке «Красный камешек», опубликованной в «Голубой книжке», выход которой как раз планировался на декабрь 1912 г., но задерживался, о чем он пишет Горькому: «Сборник еще не вышел, жду со дня на день; должен был выйти к Рождеству» [Письма 1989, 24]. Книжка появилась только весной 1913 г.: «„Голубая книжка“ наконец на Пасху вышла», — сообщает Саша Черный и обещает выслать Горькому:

«Звонил в издательство, но не мог узнать, выслали ли Вам экземпляры, ибо заведующий болен. Сегодня посылаю Вам один из своих» [Письма 1989, 26–27].

Сборник получил противоречивые отклики в печати: неизвестный критик счел неудачными как сами тексты произведений, так и иллюстрации к ним. Заметим здесь, что изначально делалась ставка на дешевизну издания, а также предполагалось второе, более качественное и дорогое: «издания будут два — дешевое и получше» [Письма 1989, 25], но второе издание не состоялось. Из четырех, опубликованных в «Голубой книжке» произведений, рецензент не упомянул только стихотворение С. Черного «Вечерний хоровод», зато остальные подверглись критике. Хрестоматийная сегодня сказка М. Горького «Воробышко», с точки зрения рецензента, «более претенциозна, чем остроумна и занимательна», «незначительна и по объему, и по содержанию» [Б. п. 1913, 18]. Впрочем, в «Саратовском вестнике» в библиографическом обзоре сборнику дана иная характеристика: «Очень хорошая книжка для детей младшего возраста, 4–6 лет. Наивным юмором, вполне доступным пониманию малышей написана сказка М. Горького „Воробышко“ — история первых шагов жизни маленького воробья; тепло, сердечно написана сказка Саши Черного „Красный камушек“... занимательна и сказка К. Милля „Как рыбы из верши ушли“. Очень милы стихотворения С. Черного „Вечерний хоровод“. Книжка удачно иллюстрирована И. Бродским и В. Фалилеевым. Издана изящно» [А. 1913, 5].

В 1913 г. поэт стал участником сборника «Вербочки», редактором которого выступил сын известного петербургского издателя — Владимир Иванович Сытин (под псевдонимом В. Ленин). Небольшой сборник собрал произведения Л. Зилова, С. Городецкого, В. А. Смирнова, Ф. Шкулева, П. Сухотина, П. Соловьевой, Г. Чижова, А. Абрамовой. Рисунки к книге дали Г. Алексеев, Вл. Егоров, В. Фалилеев, А. Комаров, Б. Зворыкин. Несмотря на такое многолюдное соседство, сборник смотрится цельным, благодаря выдержанному в нескольких произведениях тематическому единству, заданному названием. В нем опубликованы три стихотворения Саши Черного: «На Вербе», «Бобина лошадка» и «Про кота», рисунки к ним выполнены В. Фалилеевым. Союз поэта и художника будет продолжительным и успешным, вместе ими было подготовлено несколько сборников: «Голубая книжка», «Тук-тук!», «Живая азбука». Позднее поэта и художника будет связывать многолетняя творческая дружба, продолжившаяся в эмиграции.

Авторские книги Саши Черного

Первой авторской книгой Саши Черного для детей стал сборник стихотворений «Тук-тук!», выпущенный издательством И. Д. Сытина с оформлением обложки и рисунками В. Фалилеева [Черный 1913]. Название книжки перекликается с ранее опубликованным в «Жар-птице» стихотворением-посвящением:

Тук! Я новенькая книжка.
Что глядишь во все глаза?
Здравствуй, мальчик, стрижка-брижка,
И шалуныя-егоза!

Только, чур, не рвать страничек!
Подружимся, а потом
Будем ждать других «Жар-Птичек»
С новым радужным хвостом [Черный 1913, 3].

На обложке сборника «Тук-тук!» изображенная дверь как будто приглашает войти в мир книги; практически на каждой странице присутствуют иллюстрации, иногда их несколько к одному стихотворению. Иллюстрации в зависимости от содержания стихотворения несколько отличаются по стилю исполнения. Некоторые представляют ребенка или детей, погруженных в игру: девочка укладывает куклу спать под колыбельную песню, дети играют в поезд на стульях, мальчик Боб с лошадкой. Обстановка в комнате то детально прорисована, то на белом фоне выделены только главные герои. Часть рисунков можно отнести к пейзажным зарисовкам, например, к стихотворениям «На коньках», «Летом», «Костер», «Храбрецы», «Вечерний хоровод». Забавны анималистические изображения кота и мышей к стихотворениям «Про кота» и «Как кот сметаны поел». Все рисунки динамичны, дети показаны в игре, движении, кажется, что даже игрушки вот-вот оживут. Часть иллюстраций перекочевала из сборника «Вербочки» к тем стихотворениям, что были опубликованы в нем ранее и вошли теперь в новую авторскую книгу. Сборник включил как публиковавшиеся ранее («Колыбельная», «Поезд», «На вербе», «Костер», «Приставалка», «Летом», «Вечерний хоровод», «Про кота», «Бобина лошадка»), так новые стихотворения («На коньках», «Храбрецы», «Как кот сметаны поел»). Все стихотворения сборника, позднее помещенные в разные разделы, войдут в «Детский остров», книгу стихов Саши Черного, изданную в эмиграции.

Рис. 3. Обложки книг Саши Черного «Тук-тук!», худ. В. Д. Фалилеев и «Живая азбука», худ. В. Д. Фалилеев

Второй авторской книгой поэта стала «Живая азбука» [Черный 1914]. Ее также иллюстрировал В. Д. Фалилеев. Новая книга содержала многочисленные цветные иллюстрации, занимавшие большую часть страницы. Традиционно каждой букве посвящена отдельная страница с изображением животных или птиц, растений, реже людей (см. подробнее об оформлении азбук: [Ромашина 2017]). Поэтическая азбука Саши Черного предназначалась для домашнего чтения и первого знакомства ребенка с буквами. Книжка представляет собой единый поэтический сюжет: буквам и стихам, с ними связанным, предшествует вступление. Позднее, в эмиграции при переиздании азбуки [Черный 1922], С. Черный дописал концовку, усилив единство текста. «Живую азбуку» Саши Черного можно назвать маленькой детской энциклопедией в двестишестидесяти страницах, которая знакомит с различными живыми существами: здесь и мелкие насекомые (жука, мухи и пр.), и знакомые каждому животные (белка, еж, заяц, кот, мышь и т. д.) и экзотические (носорог, тигр, слон, шимпанзе и пр.), а также птицы (аист, ворон, гусь, дятел и др.) и пресмыкающиеся (ужик) и рыбы (щука). Наряду с животными — растения (астры, груша, дуб, елка и др.).

Современная поэту критика не пощадила начинающего детского поэта: критики упрекали его в несуразных и бессмысленных совпадениях, представленных в двестишестидесяти страницах, нескладности рифмы,

грубости, вульгарности и безыдейности образов. Не понравились и рисунки Фалилеева, выдержанные, с точки зрения рецензента, в неподходящих для них цветах и похожих «скорее на карикатуры». Книге было отказано в рекомендации для детского чтения: «жалеем тех детей, которые принуждены будут засорять свое воображение скудоумием и вульгарностью „Живой азбуки“» [Б. п. 1916, 25].

Иначе оценивали книгу позднее, когда она была переиздана в Берлине: «Выучиться читать по ней малышу едва ли удастся, но усвоив ранее букварь, он с большим интересом будет рассматривать знакомые буквы и слушать презанимательные стишки» [Б. п. 1922, 3]. Рецензент парижского издания также видит в «Живой азбуке» «подлинную жизнь в каждом растении, предмете, звере, в которых с такими забавными характеристиками представлены начальные буквы, и нетрудно представить себе, как легко укладываются в детские головы эти крупные, дородные и добродушные письмена» [А. М. 1927, 3]. По мнению журналиста А. Яблоновского, который был лично знаком с Сашей Черным, «книга» «Живая азбука — прелестная книга, которую перелистываешь с невольным уважением, как будто вспоминаешь свой первый лепет, свои первые шаги, свои первые игрушки... <...> Я не сомневаюсь, что эта книга Саши Черного будет иметь успех. Она того стоит. По этой книге весело и приятно учить грамоте» [Яблоновский 1927, 3]. Сложно сказать, почему так резко негативно была встречена книга при первом издании, возможно, с точки зрения рецензента, ей не хватало дидактизма, а юмор показался неуместным. Но к 1920-м гг. сформировалась новая детская литература с игровым началом, иронией и юмором, и теперь книга Саши Черного воспринималась иначе, а об успехе и популярности книги в эмиграции говорят ее переиздания в Берлине, Харбине и Париже.

Перед отъездом в эмиграцию

В 1914 г. с началом Первой мировой войны Саша Черный был призван в армию и отправлен на фронт. Во время войны он служил санитаром, а в 1916 г. стал смотрителем госпиталя в Гатчине [Миленко 2014, 191], тогда и возобновилась переписка с Чуковским и работа над произведениями, которые он отправлял в журнал «Для детей» — ежемесячное иллюстрированное приложение к журналу «Нива», выходившее в 1917 г. под редакцией Чуковского, которому удалось наконец реализовать давнюю мечту о периодическом издании для детей нового типа. В журнале публикуются

Рис. 4. Обложка альманаха «Елка», худ. В. В. Лебедев

стихотворения Саши Черного «Про девочку, которая нашла своего Мишку», «Снежная баба», «Цирк», достаточно объемные, но эмоциональным и динамичным сюжетом способные увлечь и удержать внимание маленького читателя, и рассказ «Что видел Топка во сне», повествующий о собачьих снах.

В 1917 г. Саша Черный был переведен в Псков, где он пишет уже для двух изданий: журнала Чуковского и горьковского альманаха «Радуга», при публикации получившего название «Елка» [Елка 1918]. Литературным редактором второго сборника также являлся Чуковский, который вспоминал позднее: «Из-за типографской разрухи эта „Радуга“ так долго печаталась, что вместо марта-апреля 1917 г. вышла лишь в следующем году, в конце января, в многоснежную зиму, когда ни о каких радугах не могло быть и речи. Поэтому издательство внезапно решило переименовать нашу „Радугу“ в „Елку“. Это пагубно отразилось на внешности книги, потому что мы

принуждены были выбросить и прелестную многоцветную обложку, и пышный форзац, изображающий радугу, на которую карабкается веселая толпа малышей. Все это великолепие было заменено некоей скудной банальностью, состряпанной наспех и чрезвычайно огорчившей Максима Горького. Особенно неприятен ему был рисунок на первой странице, где елку зажигают ангелочки, проникшие в книгу, так сказать, контрабандой, после того как она была сверстана и подписана Горьким в печать» [Чуковский 2012, 72].

В альманах «Елка» вошли стихотворение Саши Черного «Трубочист» и рассказ-сказка «Домик в саду». Первое представляет черного от сажи, поэтому пугающего детей трубочиста, образ которого поэт пытается приблизить к восприятию ребенка. К сожалению, стихотворение опубликовано в урезанном виде и «главные аргументы» остались на момент публикации только в письме Чуковскому: «Я хотел немного приоткрыть дверь в таинственную (для детского глаза) жизнь трубочиста: что у него тоже, как у всех, есть дети, и не черные, как бы полагалось ему иметь, а „беленькие“... и что за ним бегут гурьбой коты» [Переписка 2006, 122]. В сказке «Домик в лесу» вместе с детьми за строительством и обустройством маленького летнего домика наблюдают кошка и скворец, эмоционально обсуждая происходящее, хотя у них свой мир, свои отношения, но они также сопричастны и общему делу. Сохранилась переписка Саши Черного и редактора по поводу оформления текста [Переписка 2006, 126], где поэт подробно описывает возможные иллюстрации к сказке, которых должно было быть несколько, но, к сожалению, публикация вышла без учета авторских указаний. Сложно сказать, увидел ли Саша Черный новый альманах: в августе 1918 г. он покинул Псков и советское государство навсегда.

Наряду с признанными классиками детской литературы XX в. Саша Черный стоит у ее истоков. Общие интересы и взгляды на содержание и оформление детской книги способствовали его сближению в 1910-е гг. с Чуковским и Горьким, вместе с которыми он участвует в создании новой детской литературы, формировавшейся в это время. Начинаящему в этой области автору — поэту Саше Черному — в сборниках с его участием принадлежит первое место по количеству опубликованных произведений. Речь идет как о дореволюционных сборниках: «Жар-птица», «Голубая книжка», «Вербочки», так и об одном из первых изданий советского периода — «Елка». Участие Саши Черного в организации новых кружков детских поэтов и писателей, пусть создаваемых только вокруг коллективных издательских проектов, вроде сборников и

альманахов, — важный штрих к истории становления сообщества писателей, работавших для ребенка-читателя в первые десятилетия XX в. Для самого Саши Черного этот опыт стал частью его пути в детскую литературу, а выход авторских сборников произведений стал знаком того, что он видел себя в детской литературе самостоятельным участником, независимым от составителей и редакторов коллективных сборников, что вполне проявилось в период эмиграции.

Литература

Источники

А. 1913 — А. [Рецензия] // Саратовский вестник. 1913. №93, 30 апр. С. 5. Рец. на кн.: Голубая книжка. Сказки М. Горького; Саши Черного; К. Милля / рис. И. Бродского; В. Фалилеева. Изд. т-ва О. Н. Поповой.

А. М. 1927 — А. М. «Живая азбука»: [рецензия] // Последние новости. 1927. № 2143, 3 февр. С. 3.

Б.п. 1913 — [Б.п.] Голубая книжка: [рецензия] // Новости детской литературы. 1913. № 10–11. С. 18.

Б.п. 1916 — [Б.п.] [Рецензия] // Новости детской литературы. 1916. № 8. С. 23–25. Рец. на кн.: Саша Черный. Живая азбука / рис. В. Фалилеева. СПб.: Изд. Шиповник. (Библиотека «Жар-Птицы»).

Б.п. 1922 — [Б.п.] Саша Черный. Живая азбука: [рецензия] // Руль. 1922. № 625, 17 дек. С. 3.

Вербочки 1913 — Вербочки: Весенний альманах для детей младшего школьного возраста / под ред. В. Ленина. М.: Изд. тов.-ва И. Д. Сытина, 1913.

Голубая книжка 1912 — Голубая книжка: Сказки М. Горького, Саши Черного, К. Милля / рис. И. Бродского, В. Фалилеева. СПб.: О. Н. Попова, 1912.

Горький 2003 — Горький М. Полное собрание сочинений: Письма: в 24 т. Т. 10: Письма апрель 1912 — май 1913. М.: Наука, 2003.

Елка 1918 — Елка: Книжка для маленьких детей / сост. А. Бенуа и К. Чуковский; рис. В. Лебедева, А. Бенуа, Ю. Анненкова, В. Замирайло, В. Ходасевич, А. Радакова, Б. Попова, И. Репина, С. Чехонина, И. Пуни. Пг.: Парус, 1918. (Парус: Дет. кн. / под ред. Александра Бенуа, М. Горького)

Жар-птица 1911 — Жар-птица: Детский сборник издательства «Шиповник». Кн. 1 / под ред. К. Чуковского; рис. В. П. Белкина, С. В. Чехонина, М. В. Добужинского, А. Радакова. СПб.: Изд.-во «Шиповник», [1911].

Переписка 2006 — Переписка Саши Черного с Корнеем Чуковским // Новый журнал. 2006. № 245. С. 104–130.

Письма 1989 — Письма Саши Черного Горькому (вступ., подгот. текста и комм. Н. И. Дикушиной) // Горький и его эпоха: исслед. и материалы. М., 1989. Вып. 2. С. 20–32.

Черный 1914 — Черный С. Живая азбука / рис. В. Фалилеева. СПб.: Шиповник, 1914. (Б-ка «Жар-птицы»).

Черный 1922 — Черный Саша. Живая азбука / рис. Mad. Берлин: Огоньки, [1922].

Черный 1910 — Черный Саша. Сатиры. СПб.: Изд. М. Г. Корнфельда, 1910.

Черный 1929 — Черный Саша. Серебряная елка: сказка для детей. Белград: Б. и., 1929. (Русская библиотека; кн. 29).

Черный 1913 — Черный Саша. Тук-тук!: Стихи для детей / рис. В. Фалилеева. М.: тип. т-во И. Д. Сытина, 1913.

Чуковский 2012 — Чуковский К. И. Горький // Чуковский К. И. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 5: Современники; Приложение / сост., коммент. е. Чуковской. 2-е изд., электронное. М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2012. С. 38–76.

Чуковский 2012a — Чуковский К. И. Куприн // Чуковский К. И. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 5: Современники; Приложение / сост., коммент. е. Чуковской. 2-е изд., электронное. М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2012. С. 77–107.

Чуковский 1911 — Чуковский К. И. Матерям о детских журналах. СПб.: Рус. скоропеч., 1911.

Чуковский 2012b — Чуковский К. И. Матерям о детских журналах // Чуковский К. И. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 2: От двух до пяти; Литература и школа: Статья; Серебряный герб: Повесть; Приложение / сост., коммент. е. Чуковской. 2-е изд., электронное. М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2012. С. 543–600.

Чуковский 2012c — Чуковский К. И. Саша Черный // Чуковский К. И. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 5: Современники; Приложение / сост., коммент. е. Чуковской. 2-е изд., электронное. М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2012. С. 276–295.

Чуковский 2013 — Чуковский К. И. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 11: Дневник. 1901–1921 / предисл. В. Каверина; коммент. е. Чуковской. 2-е изд., электронное. М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2013.

Яблоновский 1927 — Яблоновский А. «Живая азбука»: [рецензия] // Возрождение. Париж. 1927. 24 февр. С. 3. Рец. на кн.: Саша Черный. Живая азбука / картинки Ф. Рожановского. Париж: Изд.-во Н. П. Карбасникова.

Исследования

Иванов 2007 — Иванов А. С. Волшебник // Черный Саша. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5: Детский остров / сост., подгот. текста и коммент. А. С. Иванова. М.: Эллис Лак, 2007. С. 523–548.

Иванов 2007a — Иванов А. С. Комментарий // Черный Саша. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5: Детский остров / сост., подгот. текста и коммент. А. С. Иванова. М.: Эллис Лак, 2007. С. 549–595.

Корвацкая 2021 — Корвацкая Е. С. К истории оформления сборника «Жар-птица. Сборник первый» издательства «Шиповник» // Новое искусствознание. 2021. № 1. С. 68–75. DOI: 10.24411/2658-3437-2021-11007.

Миленко 2014 — Миленко В. Д. Саша Черный: Печальный рыцарь смеха. М.: Молодая гвардия, 2014.

Ромашина 2017 — Ромашина Е. Ю. «А какую новую букву нам сегодня покажут?»: иллюстрированные алфавиты российских азбук и букварей XIX — начала XX // Университет XXI в.: научное измерение: материалы научной конференции. Тула: ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2017. С. 26–38.

References

Ivanov 2007 — Ivanov, A. S. (2007). Volshebnik [Wizard]. In Sasha Cherny, *Sobranie sochineniy: v 5 t. T. 5: Detskiy ostrov* [Collected Works in 5 vols.: Children’s Island] (T. 5, pp. 523–548). Moscow: Ellis Lak.

Ivanov 2007 — Ivanov, A. S. (2007). Kommentarij [Comment]. In Sasha Cherny, *Sobranie sochineniy: v 5 t. T. 5: Detskiy ostrov* [Collected Works in 5 vols.: Children’s Island] (T. 5, pp. 549–595). Moscow: Ellis Lak.

Korvackaya 2021 — Korvackaya, E. S. (2021). K istorii oformleniya sbornika “ZHAr-ptica. Sbornik pervyj” izdatel’sstva “SHipovnik” [To the history of the design of the collection “Firebird. The first collection” by Shipovnick publishing house]. *Novoe iskusstvoznanie*, 1, 68–75.

Milenko 2014 — ilenko V. D. Sasha Chernyy: Pechal’nyy rytsar’ smekha. M.: Molodaya gvardiya, 2014.

Romashina 2017 — Romashina, E.YU. (2017). “A kakuyu novuyu bukvu nam segodnya pokazhut?”: illyustrirovannye alfavitы rossijskih azbuk i bukvarej XIX — nachala XX [“And what new letter will they show us today?”: illustrated alphabets of Russian alphabets and alphabets of the XIX — early XX]. In K. A. Podrezov (Ed.), *Universitet XXI veka: nauchnoe izmerenie: Materialy nauchnoj konferencii* [University of the XXI century: scientific dimension: Materials of the scientific conference] (pp. 26–38). Tula: TGPU im. L. N. Tolstogo.

Marina Zhirkova

Leningrad State University named after. A. S. Pushkin;

ORCID: 0000-0003-4107-6944

THE BEGINNING OF THE CREATIVE PATH OF THE CHILDREN'S
WRITER AND POET SASHA CHERNY

The article presents the results of the study of the satirist poet's journey into children's literature. The beginning of the formation of the children's poet and writer Sasha Cherny dates back to the pre-immigrant period of his work. The first publications of his works for children appeared in various newspapers and magazines: "Kiev Thought", "Sovremennik", "Russian wealth", "For children". Common interests and views on the content and design of children's books contributed to his rapprochement in the 1910s with Korney Chukovsky and Maxim Gorky, together with whom he participated in the creation of new children's literature, which was being formed at that time. Sasha Cherny was invited by Korney Chukovsky to the almanacs "The Firebird" (1911) and "The Christmas Tree" (1918); participated in the collection "Verbochki" (1913). The compiler of the "Blue Book" (1912) was Sasha Cherny himself, in publication of which he involved Maxim Gorky and Kasimir Mill. In these collections, the then novice children's author Sasha Cherny holds first place for the number of published works. Reviving the history of the development of children's literature of the pre-revolutionary period, one should not forget about the role and significance of the poet excluded from it by emigration. Sasha Cherny's participation in the organization of new communities of children's poets and writers, even if these were created only for collective publishing projects like collections and almanacs, is an important touch in the history of the formation of the community of writers working for the young reader in the first decades of the twentieth century. For Sasha Cherny himself this experience was a part of his path to children's literature, and the publication of his collected works marked the fact that he saw himself as an independent contributor to children's literature, which was already quite evident in the time of emigration. Along with the recognized classics of children's literature of the twentieth century. Sasha Cherny stands at its origins.

Keywords: children's literature, Sasha Cherny, Korney Chukovsky, Maxim Gorky, Vadim Falileev, almanach, alphabet, illustration

Марина Костюхина

«ВЫЗЫВАНИЕ ДУХА БИАНКИ» (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСКИ М. ЗВЕРЕВА И Н. СЛАДКОВА)

Статья посвящена обзору творческого и личного общения советских писателей-натуралистов в 1960–1980-х гг. Вдохновителем и литературным учителем этого писательского сообщества был В. Бианки, а его учениками ленинградские авторы, писавшие о природе. Своим наследником в литературе Бианки называл Н. Сладкова. Переписка Н. Сладкова с казахстанским писателем-натуралистом М. Зверевым дает материал для анализа художественных и мировоззренческих установок авторов, причислявших себя к литературной школе В. Бианки, кроме того позволяет судить не только о личных взаимоотношениях корреспондентов, но и о феномене советского писателя-«природника». Противопоставляя себя любителям-дилетантам, «природники» настаивали на необходимости сочетать научную достоверность с художественной образностью, видя в этом специфику природоведческой литературы. Другой важной частью идентичности «природников» было участие в полевой биологической работе, позволявшей собирать материал для литературного творчества. Художественная программа ленинградских натуралистов была противоречивой: в чем-то наследовала природоведческой концепции и литературному методу Бианки, в чем-то их оспаривала. Тем не менее круг учеников Бианки взял на себя роль непререкаемых экспертов в области новинок натуралистической прозы для детей.

Ключевые слова: писатели-«природники», природоведческая сказка, эпистолярный, В. Бианки, Н. Сладков, М. Зверев

Марина Сергеевна Костюхина

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург
eakost@yandex.ru

Выражение, определившее название статьи, является цитатой из письма Николая Сладкова (1920–1996), адресованного Максиму Звереву (1896–1996) в 1983 г., и звучит дословно так: «по временам вызываю дух Бианки»¹. Вызывание духа Виталия Бианки (1894–1959), то есть обращение к личности писателя и цитирование его высказываний, неоднократно встречается на страницах переписки Зверева и Сладкова. Это объясняется не только личными симпатиями корреспондентов, но и той ролью, которую Бианки играл в сообществе советских писателей-натуралистов (в литературном обиходе 1960–1980-х гг. их называли «природниками»). Многие «природники» (среди них Н. Сладков и М. Зверев) были членами Союза советских писателей, занимали не последнее место в иерархии этого союза. Хотя «природники» не имели отдельной секции внутри писательской организации, они ощущали себя участниками литературного сообщества, скрепленного творческими, издательскими и дружескими связями. Неофициальной «столицей» этого сообщества был Ленинград, город, где жил и работал В. Бианки, признанный глава литературной школы «природников», к которой принадлежали Н. Сладков, Св. Сахарнов, А. Ливеровский, Э. Шим, К. Гарновский, Н. Павлова и др. Хотя сам Бианки предпочитал называть себя писателем-натуралистом, авторы из его литературного круга не чуждались именоваться «природниками» (по аналогии с писателями-«деревенщиками»)².

В культурной жизни Ленинграда «природники» были заметными людьми: они считались «своими» в Ленинградском отделе Детгиза, в редакции журнала «Костер», в отделах детских передач на ленинградском радио. Высокий уровень литературной культуры давал право ленинградским авторам противопоставлять себя московским писателям-натуралистам (прежде всего в лице Г. Скребицкого, автора многочисленных произведений о природе, растиражированных в школьных учебниках по чтению). Роль ленинградского сообщества «природников» признавали и те, кто жил далеко от обеих столиц и представлял региональные литературные центры. Так, деятельность М. Зверева была тесно связана с Алма-Атой, где писатель прожил большую часть жизни, занимался организацией алма-атинского зоопарка, руководил кружками юных натуралистов, был активным защитником природы и много печатался как литератор (имел звание народного писателя Казахстана). Территориальная отдаленность Алма-Аты от Ленинграда не помешала установлению дружеских контактов Зверева и Сладкова. Нечастые встречи писателей перемежались многолет-

ней перепиской, начавшейся в 1950-е гг. и продолжавшейся до последних лет жизни писателей (большая разница в возрасте — Зверев был старше Сладкова на 24 года — не мешала их дружескому общению). Начало переписке положили письма В. Бианки, адресованные Звереву³, а затем ее участниками стали писатели-натуралисты из разных регионов страны.

Переписка М. Зверева и Н. Сладкова позволяет судить не только о личных взаимоотношениях корреспондентов, но и о феномене советского писателя-«природника». Несмотря на широкую известность многих имен, это писательское сообщество не становилось предметом исследования. Переписка ленинградского и казахстанского писателей-натуралистов дает материал о творческих и идеологических установках внутри круга «природников». Постоянные споры, возникавшие между корреспондентами по вопросам природоведческой литературы, делают переписку особенно интересной для исследования этого сообщества советских авторов.

Пропуском в круг писателей-натуралистов служило наличие естественно-научного образования (биологического, географического, лесотехнического и т. д.), а также опыт исследовательской деятельности. Образовательный ценз не сводился к наличию у писателя диплома (Бианки бросил биофак университета, Сладков не закончил гидрометеорологический институт), но обязательным считалось знание научных фактов из области естествознания и владение системным подходом к явлениям природы. Научный специалитет, который соблюдали «природники», позволял провести границу между своими и чужими; к последним относились «любители природы», «дилетанты», как их с раздражением называли натуралисты. Зверев писал Сладкову: «Все познавательное и воспитательное значение природоведческой книги сводится на нет, если ее пишет дилетант» [Зверев 1984, 256]. Свидетельством дилетантизма служили многочисленные ошибки, допущенные «любителями природы» в книгах для детей (списки таких ошибок периодически рассылались возмущенными «природниками» в столичные и региональные издательства детской литературы).

К «дилетантам» натуралисты относили и «деревенщиков», несмотря на то что природоохранная тематика являлась общей для этого круга писателей. Сближению между ними мешало равнодушное отношение натуралистов к деревне как хранительнице народных традиций и фольклора. Зверев признавался Сладкову: «Откровенно говоря, до меня не доходит идея „фольклора“, вернее — не зажигает» [Письмо 1968, л. 49]. Не доходила она и до

Сладкова, хотя тот подолгу жил в деревне Ерзовка Новгородской области, хорошо знал деревенскую жизнь и местный фольклор.

«Деревенщиков», в свою очередь, раздражал научный снобизм писателей-натуралистов. Ф. Абрамов в одном из рассказов зло высмеял «природников» за аристократизм в деревенском быту и чуждость местному укладу жизни⁴. В действительности немногие из писателей-«природников» профессионально занимались научно-исследовательской деятельностью (как и немногие «деревенщики» были людьми деревни, а не обычными дачниками). Научная работа не оставляла натуралистам времени на писательство и наоборот. Зверев рассказывал, что смог заняться литературой только тогда, когда отпала необходимость работать зоологом, чтобы обеспечивать семью. Бианки, напротив, кормил семью литературными заработками, оставив науку. То и другое в условиях советского житья-бытья совмещалось с трудом.

Помимо знаний в области биологии и зоологии «природников» отличали профессиональные практики: они участвовали в экспедициях, организовывали походы, вели юннатские кружки и были, что называется, легки на подъем, когда дело касалось исследовательской работы в «поле». В отличие от авторов письменного стола, «природники» значительную часть времени проводили в разъездах и экспедициях. Зверев признавался Сладкову, что свои произведения он пишет, сидя у костра, в лесу, в палатке, на горном склоне или в степи, и эти слова не были романтической бравадой⁵.

«Природники» профессионально занимались экологической деятельностью, видя в этом проявление своей общественной позиции. Некоторые из природных объектов Казахстана до сегодняшнего дня радуют взор, благодаря активности Зверева в их сохранении (натуралистом было написано много статей в газеты Казахстана на тему защиты дикой природы). Публицистическая риторика заметно отличала «природников» от таких авторов, как Михаил Пришвин (при всей демонстрации уважения к писателю, они не чувствовали в Пришвине близкого по духу автора)⁶. Философским вопросам они предпочитали обращение в обком партии и экологическое просвещение. Публицистическая деятельность «природников» в советское время была высоко оценена государственными наградами и премиями («деревенщики», занимавшиеся проблемами экологии, ждали официального признания намного дольше).

Установка на популяризацию природоведческих знаний и просветительство привела «природников» в русло детской литературы. Бианки и Зверев начинали как талантливые зообеллетристы,

Рис. 1. М. Зверев и Н. Сладков на кордоне в Глубокой Щели Заилийского Ала-Тау. С фотоаппаратом Н. Сладков. Фото А. Лухтанова

вдохновленные произведениями канадского зоолога и писателя Э. Сетона-Томпсона (1860–1946). Однако идеи о значимости природного мира и его право быть независимым от человека шли в разрез с советскими идеями и практиками покорения природы. В итоге, Бианки и Звереву пришлось отказаться от зообеллетристики, сменив ее на природоведческие сказки и популярные издания для юннатов.

Несмотря на то что «природники» печатали свои книги в издательствах детской литературы, они сторонились коллег по литературному цеху. Истоки такого обособления — в идеологических преследованиях конца 1930–1940-х гг., когда шельмовались авторы, писавшие о природе (С. Маршак в эти годы «не замечал» Бианки, и тот до конца жизни платил тем же мэтру советской детской литературы, хотя оба были знакомы по совместной работе в ленинградском Детгизе)⁷. Но и в 1960–1970-е гг., когда повести о пионерах-героях стали мирно сосуществовать с книгами о юннатах, «природники» предпочитали дистанцироваться от детских писателей, подчеркивая свою идеологическую неангажированность. Сладков вслед за Бианки утверждал в переписке, что никогда не писал по заказу, имея в виду заказ идейно-пионерской тематики⁸.

Рис. 2. Н. Сладков (слева) и В. Бианки в домашней обстановке (фото 1950-х г.г.)

Рис. 3. М. Зверев и Н. Сладков. С фотоаппаратом Н. Сладков. Фото А. Лухтанова

Однако характер заказа в 1960–1970-е гг., в отличие от времени Бианки (1940–1950-е гг.), заметно изменился, и природоохранная тематика, прежде осуждаемая за безыдейность, двадцать лет спустя стала частью советского идеологического дискурса. «Беспредметная» любовь к природе оказалась прописанной по ведомству патристического воспитания подрастающего поколения и широко использовалась в общесоюзных пионерских проектах. Государственные награды и звания, полученные Зверевым и Сладковым, свидетельствуют об успешном «государевом служении» обоих авторов. По словам исследовательницы творчества писателей-«деревенщиков» А. Разуваловой: государственная премия «редко бывает проявлением бескорыстной любви к искусству, ибо прежде всего нацелена на легитимацию определенных культурно-идеологических установок и ценностей...» [Разувалова 2015, 9].

Официальному цеху авторов детской литературы «природники» противопоставляли собственное писательское сообщество, именованное литературной школой Бианки. Его участниками были люди разного возраста, с различным научным и литературным опытом (от юннатов до профессоров). Их объединяло совместное участие в культурно-просветительских проектах природоведческого содержания («Лесная газета», «Вести из леса»), инициатором и вдохновителем которых был Бианки. Сам писатель сопоставлял такой вид профессионально-дружеского общения с традицией русских культурных сообществ (кружков) и всячески его поддерживал: «Не зря же почти все искусство — даже в его величайших представителях — возникает в каких-то кружках (вспомните, например, Глинку, Сверчка — Пушкина, нашу „могучую кучку“ в музыке и т. д. и т. п.) — в среде, где есть понимание, общность взглядов при всей разности дарований, споры, „старшие и младшие“ в работе (по времени), общая любовь к искусству и т. д.» (из письма В. Бианки к В. Гарновскому от 4.11.47) [Бианки 2016, 291].

Школа Бианки воспринималась «природниками» не только как литературная институция со своими тематическими предпочтениями, эстетическими правилами и критериями оценки, но и как школа жизни, основанная на безусловном уважении к учителю и преданности учеников. Об этом свидетельствует риторика наставничества, характерная для стиля переписки и общения авторов круга Бианки. Примером могут служить многократно воспроизведенные слова Бианки из письма к Сладкову в 1952 г.: «Ты — мой наследник. Ты будешь продолжать в жизни то дело, которое делал я: средствами искусства призывать людей (равнодушных) стучаться в природы

замкнутую дверь») [Неуймина 1988, 54]. Риторика в стиле пушкинского «и, в гроб сходя, благославил» указывает на высокий стиль отношений между «природниками»⁹.

Единению «природников» способствовала дружеская атмосфера семьи Бианки, в квартире которого в последние годы жизни писателя проходили встречи участников радиопередачи «Вести из леса»¹⁰. Уход Бианки из жизни еще в большей степени содействовал его культу как учителя в литературе и наставника в жизни. Каждая природоведческая книга авторов круга Бианки выходила с его рекомендациями и пожеланиями, высказанными в личных письмах или в прижизненных рецензиях. Традиция таких рекомендаций и «благословений» при переиздании книг «природников» сохраняется до сегодняшнего дня, хотя бывшие «ученики» давно стали классиками природоведческой литературы¹¹.

Произведения Бианки и его высказывания о литературе служили для авторов его школы образцами и критериями в оценке произведений природоведческой тематики. В особенности это касалось жанра природоведческой сказки, создателем которой, и не без основания, считают Бианки. Начатый в давние 1920-е гг. спор о допустимости очеловечивания животных в природоведческой книге сохранял свою актуальность для «природников» в 1960–1980 гг. Сладков писал Звереву: «Значит так. Если Вы хотите рассказать о жизни животного, то должны пользоваться формой Бианковской сказки: разговаривать человеческим языком, все остальное точно, как в жизни» [Письмо 1985, л. 14]. Менторский тон объясняется не только особенностями характера Сладкова, склонного инициировать споры в переписке со Зверевым, но и тем, что именно Сладков был публично назван Бианки преемником в литературе. От преемников Бианки требовалась верность имени и литературным образцам, отступление от которых рассматривалось участниками школы как прямое или скрытое предательство. В одном из писем 1983 г. Сладков призывал Зверева не включать произведения «перебежчиков» в сборники (Зверев издавал в Казахстане альманах «Лик земли», составленный из рассказов казахстанских писателей-«природников»), называя молодых авторов карьеристами, не достойными звания учеников и наследников бианковской традиции.

Несмотря на наличие литературных образцов и правил, художественная программа ленинградских натуралистов была противоречивой. Она базировалась на призывах Бианки следовать художественной правде, сохраняя верность научному факту. В писательских практиках «природников» сочетание одного и другого

удавалось далеко не всегда, и от писателя требовалось определиться, что для него является первичным. Вот здесь и был источник споров между писателями, иногда доходивших до серьезных обид. В письме 1951 г. Бианки отчитал Зверева за высказывание о недостоверности научного факта в рассказе Пришвина «Лягушонок»: «В чудесном сердечном рассказе Пришвина о слишком рано весной проснувшейся лягушонке совсем не тот смысл — „глупый“ лягушонок Пришвина — теплый человеческий образ, „поэтический“ образ, в котором соединяются все на свете „слишком ранние предтечи, слишком медленной весны“» [Бианки 1975, 243]¹². В истории лягушонка, обманутого первым теплом, Бианки увидел образ человека, испытывающего холод окружающей жизни, и отнес это не только к себе, но и ко всему поколению «оттепели».

Поводом для личного спора между Зверевым и Бианки (а после смерти последнего между Зверевым и Сладковым) стала ошибка, допущенная Бианки в одном из изданий «Лесной газеты». В рассказе о птице коростель, которая пешком идет из Африки в акваторию Финского залива, Зверева возмутила очевидная ошибка: коростели не идут, а летят¹³. Много лет спустя Сладков убеждал Зверева: «Спросите сейчас любого от мала до велика, летит коростель в Африку или пешком идет? И все скажут, что идет! И только потому, что Бианки давным давно рассказал об этом в десяти строчках. Рассказал словами художника, и вот сколько лет не могут этого перешибить десятки (десятки!) научных статей и популярных изложений, напечатанных в самых широких изданиях» [Письмо 1968а, л. 4].

Подобное пренебрежение научным фактом возмущало Зверева, а Сладков вслед за Бианки упрекал товарища по перу в сухости языка и скупой образности, толкуя ему, что факт, осознанный умом, — это наука, а осознанный сердцем — искусство (образ коростеля-патриота осознается сердцем).

В силу дружелюбного характера, Зверев, который был значительно старше Сладкова по возрасту, не обижался на поучения, но время от времени напоминал в письмах Сладкову о том, что он знаком с Бианки с 1926 г., много общался с ним во время своих поездок в Ленинград и всегда находил с учителем общий язык. Однако личное знакомство с Бианки не отменяло установленной у ленинградских «природников» иерархии, согласно которой Сладков считался наследником Бианки, а значит был старшим по литературному цеху «природников» (первенство Звереву Сладков отводил только среди казахстанских писателей).

Стремясь следовать правилам написания природоведческой литературы, «природники» круга Бианки игнорировали очевидный факт: образцы становились трафаретами, мешавшими оценке новых имен и развитию природоведческой литературы. «Кто такой Снегирев — спрашивал Зверев Сладкова в письме 1974 г. о талантливом авторе рассказов о природе для детей. — Я увидел его книжку „Звери наших лесов“. Она ничего общего не имеет с художественной литературой!» [Письмо 1974, л. 3]. Зверев ставил знак равенства между литературой и школой Бианки, к которой молодой московский писатель действительно не принадлежал. Так же неопценными оказались москвичи Игорь Акимускин и Юрий Дмитриев (Зверев в письме советовался со Сладковым, куда причислить этих авторов, «в художественную элиту» или в «чернь»).

Неудивительно, что творческая новизна, при установленных «природниками» правилах, стала подменяться публицистической злободневностью. Зверева возмутил идущий пешком на родину коростель, но в этом же цикле рассказов Бианки описывает, как птицы разносят по всему миру весточки из советской страны, и никакие вражеские пограничники не могут остановить наших крылатых гонцов: «И все народы мира, заслоняя руками глаза от яркого солнца, всматриваются в летящие с севера стаи, вслушиваются в их голоса. Громкоголосые журавли и лебеди трубят им из поднебесья: — Кру-пру! Почта из СССР! Почта из СССР! Кру-пру! Ласковые ласточки, залетая под кровли, щебечут людям на ушко: — Почта из СССР! Почта из СССР! Прочтите, прочтите! Никакая пограничная стража, никакие войска и полиция не остановят наших крылатых посланцев — и им не откажешь в визе» [Бианки 2016, 150]. В таком «злободневном» контексте коростель, идущий пешком из далекой Африки на родную советскую землю, — вполне органичный образ, и поэтому Бианки не исправил, казалось бы, очевидную орнитологическую ошибку, повторив ее в переизданиях «Лесной газеты».

Писательской практикой в сообществе «природников» стала переделка собственных ранних произведений в соответствии с актуальными запросами времени. Каждая новая редакция книги Зверева «Белый марал» (переиздавалась 15 раз после 1929 г.) становилась все «злободневней»: охотников-аборигенов заменили колхозники, вера в тотемизм сменилась верой в науку, а конфликт между свободолюбивым зверем и человеком стал конфликтом между неразумным животным и образованным сотрудником зоопарка. Зверев писал об этом: «Охотник Аманчин — жадный собственник, за-

Рис. 4. Клуб писателей у костра. Слева направо: М. Зверев, Б. Щербakov, А. Лухтанов, Н. Сладков. Урочище Актогай на реке Чарын. Фото 1981 г.

интересованный в поимке мараленка только в корыстных целях. В последних изданиях он совсем другой человек. <...> Аманчин уже не охотник-единоличник, а охотник-промысловик агитирует вступить в колхоз отсталого охотника Мусу. Так возникает конфликт, злободневный для того времени, но не типичный для конца семидесятых годов. Поэтому я убрал в последующих вариантах этот раздел повести» [Зверев 1984, 250].

Взывая к духу Бианки, «природники» искали в образе учителя источник литературного вдохновения. Сладков писал Звереву о том, что в душе Бианки всегда жила Жар-птица, имея в виду творческое вдохновение. К счастью, творческая Жар-птица не позволила Бианки заниматься переделкой собственных ранних произведений в угоду «актуальности». Советская критика, в том числе из ближайшего окружения Бианки, приветствовала «развитие» писателя в сторону реализма. «От ранних произведений, в которых еще очень условны приметы времени, схематичны люди, отвлеченно романтична, а порой идеалистична их философия, — к реалистическому, научно-материалистическому восприятию природы, к полнокровным образам людей, к сегодняшней действительности шел этот путь» [Гроденский 1966, 45]. Сейчас именно раннее творчество Бианки воспринимается как безусловная классика.

Сладков часто подчеркивал разницу между собой и Зверевым, как по поводу споров о природоведческой сказке и границах антропоморфизма, так и по способам фиксации экспедиционного материала (Сладков вел дневниковые записи, Зверев пользовался карточками, составляя подробную картотеку). Различия в характерах и принципах преодолевались дружескими беседами у костра, долгими походами в горах и степях, изнурительными поисками редких птиц и готовностью не жалея сил проверить научный факт. Это объединяло алма-атинца М. Зверева, ленинградца Н. Сладкова, москвича С. Кустановича, казахстанца П. Мариковского, алтайца А. Лухтанова, усть-каменогорца В. Щербакова. Продолжением литературной школы В. Бианки был «Клуб писателей у костра» (название цикла рассказов в книге Зверева «Кладовая чудес», 1984), а не схоластические споры о границах антропоморфизма и различиях научно-художественной и природоведческой литературы.

Примечания

- ¹ Переписка Н. Сладкова и М. Зверева цитируется по материалам фонда Н. И. Сладкова (ЦГАЛИ СПб., фонд 538 (Н. И. Сладков)) с указанием адресатов и года письма.
- ² «Пишущих на производственную тему нарекли „производственниками“, на деревенскую „деревенщиками“. И вот уже в ходу слово „природники“ — это пишущие о природе» [Сладков 1983, 55].
- ³ После смерти М. Зверева его архив был передан родственниками в Центральный государственный архив Республики Казахстан, где ждет своего исследователя.
- ⁴ Речь идет о рассказе Ф. Абрамова «Сан Саныч», впервые опубликованном в журнале «Новый мир» (№ 5, 1982). Герой, носящий имя Сан Саныча, представляет собой негативный портрет А. Ливеровского, ближайшего человека к В. Бианки и его семье.
- ⁵ «я могу писать на кордоне, на пеньке в лесу, в самолете, в поезде, на вокзале, сидя среди шумной толпы, даже сидя на заднем сиденье в машине и ночью в темноте, освоив слепое письмо» [Письмо 1987, л. 26].
- ⁶ В письме к Н. Сладкову (1978) Зверев писал: «Как Вы думаете — почему Пришвина перестают читать, а с упоением читают Даррелла и др. подобных авторов... Видимо, наш век стал слишком практичным. Люди хотят называть вещи своим именами, знать в лицо то, что они должны любить, охранять, рационально использовать» [Письмо 1978, л. 18].
- ⁷ «Вспомнил о Маршаке, в руках которого была вся детская литература. Он делал все, чтобы замалчивали о нем (Бианки — М. К.), и тем самым

оказал ему неоценимую услугу: имя Бианки не было на слуху и книжки его печатали без оглядки на начальство, не придирались очень к „звериной теме“ и не тянули беспардонно, как других, на „современность“» [Последний год, л. 7].

- ⁸ «Что значит бесперспективность в те времена „темь природы“, я познал на себе. Всех пишущих „о природе“ сбивали с пути всеми возможными и невозможными способами. И устояли совсем немногие. И я в их числе» [Последний год, л. 8].
- ⁹ Цитата из А. Пушкина звучит в письме Бианки по поводу творчества Н. Сладкова: «и не случайно, конечно, Михаил Михайлович Пришвин, „заметил и, в гроб сходя, благославил“ Сладкова. „Главное, писал Пришвин, что отличает автора этих рассказов о природе, это, прежде всего, свой глаз, открывающий новое что-то в природе и как бы небывалое“» [Бианки 2016, 199].
- ¹⁰ «Маленькие наши сборы и разговоры о „Вестях из леса“ всегда были интересны. В отличие от официальных собраний в Союзе писателей, пропитанных ханжеством, подобострастием к властям, прямым холуйством и зеленой скукой» [Последний год, л. 7].
- ¹¹ На обложке книги М. Зверева «По следу» (Барнаул, 2021) перепечатана цитата из письма В. Бианки: «Вы волшебник и маг, — потому что сами постигали тайны (без кавычек) природы и великодушно раскрываете их перед всеми людьми-братьями». Цитата завершается призывом Бианки к своему «ученику»: «Совершенствуйтесь в этом жанре литературы — и Вы достойны будете занять свое (оригинальное, как у каждого художника) место даже в мировой литературе. В этом жанре приветствую и благославляю Вас» (авторская орфография сохранена — М. К.).
- ¹² Этот отрывок из письма В. Бианки Н. Звереву был издан в собрании сочинений Бианки отдельной статьей под названием «Об антропоморфизме».
- ¹³ «Даже такой писатель как Виталий Бианки, пользующийся вполне заслуженной известностью, сплошь и рядом допускал ошибки, от которых его отец, известный зоолог своего времени, вероятно, почувствовал бы себя неудобно» [Зверев 1953].

Литература

Источники

Бианки 1975 — Бианки В. Об антропоморфизме // Бианки В. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4.: Очерки, рассказы, статьи, дневники, письма. Л.: Дет. лит. Ленингр. отд-ние, 1975. С. 243–244.

Бианки 2016 — Бианки В. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4.: Воспитание радостью. М.: Терра: Книжный Клуб Книговек, 2016.

Зверев 1953 — Зверев М. Зоологические ошибки наших писателей // *Естествознание в школе*. 1953. № 3. С. 84–89.

Зверев 1984 — Зверев М. Тропой писателя // Зверев М. Д. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1.: Повести. Алма-Ата: Жазушы, 1984. С. 248–272.

Письмо 1968 — Письмо М. Зверева Н. Сладкову от 06.08.1968 // ЦГАЛИ. Ф. 538. Оп. 1. Д. 144.

Письмо 1968a — Письмо М. Зверева Н. Сладкову от 6.11.1968 // ЦГАЛИ СПб. Ф. 538. Оп. 1. Д. 92.

Письмо 1974 — Письмо М. Зверева Н. Сладкову, 1974 // ЦГАЛИ СПб. Ф. 538. Оп. 1. Д. 147.

Письмо 1978 — Письмо М. Зверева Н. Сладкову, 1978 // ЦГАЛИ СПб. Ф. 538. Оп. 1. Д. 150.

Письмо 1985 — Письмо М. Зверева Н. Сладкову от 8.04.1985 // ЦГАЛИ СПб. Ф. 538. Оп. 1. Д. 144. л. 14.

Письмо 1987 — Письмо М. Зверева Н. Сладкову, 1987 // ЦГАЛИ СПб. Ф. 538. Оп. 1. Д. 152.

Последний год — «Последний год». О В. В. Бианки С приложением отрывков из писем В. В. Бианки к Н. И. Сладкову (маш. копии) под общим названием «История одной любви» // ЦГАЛИ СПб. Ф. 538. Оп. 1. Д. 24.

Сладков 1983 — Сладков Н. О чем пишут «природники»? // *О литературе для детей*. Вып. 26. Л.: Детская литература, 1983. С. 55–66.

Исследования

Бианки, Федяева 2021 — Бианки В. В., Федяева Т. А. Виталий Бианки. М.: Молодая гвардия, 2021.

Гроденский 1966 — Гроденский Г. П. Виталий Бианки: Критико-биографический очерк. М.: Детская литература, 1966.

Неуймина 1988 — Неуймина Н. Николай Сладков: Писатель и человек. Л.: Советский писатель. Ленингр. отд-ние, 1988.

Разувалова 2015 — Разувалова А. Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2015.

References

Bianki, Fedyayeva 2021 — Bianki, V. V., Fedyayeva, T. A. (2021). Vitaliy Bianki. Moscow: Molodaya Gvardiya.

Grodenskiy 1966 — Grodenskiy, G. P. (1966). Vitaliy Bianki: Kritiko-biograficheskiy ocherk [Vitaliy Bianki: Critical biographical essay]. Moscow: Detskaya Literatura.

Neuymina 1988 — Neuymina, N. (1988). Nikolay Sladkov: Pisatel' i Chelovek [Nikolay Sladkov. Writer and man]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'. Leningr. otd-nie.

Razuvalova 2015 — Razuvalova, A. (2015). Pisateli-“derevenshchiki”: literatura i konservativnaya ideologiya 1970-kh godov [“Derevenshchiki” Writers: Literature and Conservative Ideology of the 1970s]. Moscow: Novoye Literaturnoye Obozreniye.

Marina Kostyukhina

Herzen University; ORCID: 0000-0001-8016-7676

“CALLING UP BIANKI’S SPIRIT” (BASED ON CORRESPONDENCE
BETWEEN MIKHAIL ZVEREV AND NIKOLAY SLADKOV)

The article is dedicated to a review of the literary and personal communication of Soviet nature writers in the 1960s and 1980s. V. Bianki was the inspirer and literary teacher of this writing community, and his students were Leningrad authors who wrote about nature. V. Bianki referred to N. Sladkov as his heir in literature. The correspondence between N. Sladkov and the Kazakh naturalist writer M. Zverev provides material for the analysis of the artistic and philosophical attitudes of the authors who ranked themselves among the literary school of V. Bianki and also allows to understand not only the personal relationship between the correspondents, but also the phenomenon of the Soviet writer-naturalist. In setting themselves in opposition to amateur amateurs, “naturalists” insisted on the need to combine scientific authenticity with artistic imagery, seeing this as the specificity of natural history literature. Another important part of the identity of “naturalists” was participation in biological fieldwork, which allowed collecting material for literary work. The artistic program of the Leningrad naturalists was contradictory: in some ways it inherited Bianki’s naturalist concept and literary method, and in other ways it challenged them. However, the circle of Bianki’s followers took on the role of unquestionable experts in the field of novelty naturalistic prose for children.

Keywords: prirodniki, naturalist writers, Vitaliy Bianki, nature study tales, Nikolay Sladkov, Mikhail Zverev

Татьяна Рожкова

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОПЫТ УРАЛЬСКОГО ЗАБОЙЩИКА И ЛЕСНИКА И. А. ГАГАРИНА: ШКОЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ В ПРАКТИКЕ СОЧИНИТЕЛЬСТВА

В статье анализируется рукопись уральского рабочего И. А. Гагарина «Избранные произведения из памяти всей моей жизни», написанная им в конце 40-х гг. XX в. Писательская практика непрофессионального сочинителя исследуется в контексте истории и культуры горнозаводской зоны Урала с привлечением фольклорных, литературных материалов и материалов по развитию народного образования в Оренбургской губернии. В итоге рукопись, не смотря на наличие в ней воспоминаний биографического характера, интерпретируется как сборник рассказов, предлагающих читателю промысловые хитрости лесника, страстного охотника и рыбака. Выявленные автором статьи точки пересечения письма И. А. Гагарина с книжной словесностью позволили описать приемы включения в текст литературного материала. На страницах прозы заимствования (устойчивые словосочетания описательного характера, строки широко известных стихов) встраиваются в структуру предложений, принимают нужные грамматические формы, отчего не сразу узнаются. Для поэтических финалов календарных зарисовок И. А. Гагарин отредактировал стихи Н. А. Некрасова, А. Н. Плещеева, В. И. Немировича-Данченко, М. П. Чехова. Правки сводятся к исключению далеких ему образов, замещению их образами его жизненного пространства; к перестановке очередности строф в нужной последовательности, в достраивании рядов описания своим материалом. И. А. Гагарин не стремится к разрушению поэтических первоисточников. Как малограмотный сочинитель, ищущий возможности точного выражения мысли, он не рассчитывал на успех собственного стихотворства, представленного в тексте рукописи жанровой формой частушки.

Ключевые слова: фольклор, литература, непрофессиональный писатель, литературный опыт, личная письменная практика, школьное чтение

Татьяна Ивановна Рожкова

Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова,
Магнитогорск
folklab@magtu.ru

Тетрадь «Избранных произведений из памяти всей моей жизни» попала в руки наследников в феврале 2011 г. при разборе домашнего архива. Она оказалась воспоминаниями Ивана Алексеевича Гагарина (1883–1950). В тетрадь была вложена страница «Автобиографии», где Иван Алексеевич обозначил свою социальную принадлежность («рабочий, родившийся в 1883 г. в Заводе Кусе»), происхождение родителей («отец был вечный лесоруб»; мать — «многосемейная беднячка»); дал сведения о родственниках («Остальное родство было все трудящиеся среди Советского Мира»)¹. Последовательно, с указанием точных дат, автор воспоминаний выстроил трудовой путь: с одиннадцати лет — лесоруб, с шестнадцати — забойщик Ахтенского рудника Кусинского завода; с 1914 г., «по слабости здоровья», — трудился в лесном хозяйстве Урала на разных должностях: лесник, объездчик, мастер по уходу за лесом. Подытоживается автобиография заключением: отработано сорок два года, назначена пенсия в 150 рублей «пожыженно» [Гагарин 2020, 77].

Страница «автобиографии» обещала исследователю жизнеописание рабочего Ахтенского рудника Кусинского завода Златоустовского горного округа [Из прошлого Златоустовских заводов 1926, 14]². Однако все оказалось не так. В книге нет сведений о родных и близких, нет упоминаний об исторических событиях, свидетелем и участником которых он был³. Записки создавались в конце 1940-х гг., в последние годы жизни Ивана Алексеевича. По воспоминаниям внука, Бориса Григорьевича Гагарина (1940 г.р.), дед «писал последние два-три года. Ему прирубили к основному дому избенку. Он сидел и там писал» [ЗС-2021_Гагарин_аудио].

Повествование начинается с 1893 г.: герою десять лет и он переживает значимые события своего становления. В этот год он научился ловить рыбу. В семье к отцовским «горьким копейкам» прибавились деньги от ее продажи: «стал сам получше кушать, и отцу немножко помогать» [Гагарин 2020, 103]. Исхитрился собрать денег на первую удочку, «справил» приличную одежду: «...мать мне купила ботинки за 80 копеек, подошва кожаная, но безподбор, это раньше назывались Шопегунчики. На Шаровары Матерья по 15 копеек за метр. Нарубашку по 12 копеек метр. И фуражку за 30 копеек. А пинжак мать Сшила Из своей Старой пальтушки» [Гагарин 2020, 103].

Не менее важный эпизод 1893 г. связан с тем, что Иван отстоял свое желание учиться, в школу записался самостоятельно, против воли отца, чем гордился: «А как тебя отец отпустил? Я сам за-

писался, безспросу. Небось ругал? Сначала ругал, а нынче ничего ниговорит» [Гагарин 2020, 98].

Возможность заработка от продажи рыбы, сделала учебу мальчика проблематичной: отец стал настаивать на прекращении занятий:

Так вот дурак бросайка школу свою, да начинай гденибудь прислужничать Сытей будешь. А то и в курень со мной чашу собирать тоже помоча. Чем одежду Рвать даром в школе. Я отвернулся в угол и сильно заплакал. Мать спрашивает Что с тобой? Да я в курень непойду буду учиться в школе: а после уроков буду ездить с дядей Степаном рыбу ловить. Отец закричал на меня;

Ну ладно-ладно дурак поезди может будешь рыбака как и дядя? И я успокоился... С тех пор я стал еще прилежней учиться, и после домашнего задания бегал к дяди на рыбалку [Гагарин 2020, 100].

Богатое на детали бытовой повседневности начало рукописи в дальнейшем сменяется сюжетами, связанными исключительно с охотой и рыбалкой. Личный промысловый опыт И. А. Гагарина; истории преодоления страха смерти в уральской тайге, изображенные победы в противостоянии с природой или зверем становятся для него главными.

С точки зрения психологии автобиографической памяти, в книге реализовался голографический принцип самопрезентации. Рассказанные И. А. Гагариным промысловые истории, являясь «опорными точками», способствуют формированию целостного представления о личности повествователя. Мы видим, что на этапе обучения промысловому искусству, Иван проявляет терпение, твердость, целеустремленность; в отношениях с наставниками и родителями — уважение, послушание. К двенадцати годам оказывается успешнее старшего брата Михаила: «Вот это охотник, я понемаю!», «...братишко, ты меня перешеголял»; заслуживает похвалу отца: «Как ты его сборол? Но молодец?» [Гагарин 2020, 106, 112, 124].

В текст повествования включаются лестные высказывания о нем других лиц. Учитель по хитростям рыбного промысла хвалит за интерес к учебе: «...еще в школе учишься Молодец?» [Гагарин 2020, 98]. «Рыбным инженером» называют сестры, «затейником» — мама, имея в виду сметливость, ловкость, расторопность и трудолюбие сына. Голографический принцип позволяет получить целостное представление об авторе «в различных временных ипостасях», обеспечивает написанному «соотнесение с прошедшими событиями жизни» [Нуркова 2000, 39]. «Любой читатель», считает Иван

Алексеевич, с интересом прочтет «приключения» охотника, «что и когда случилось со мной». Ведь его герой «идет по лесу: и все думает, осмерти» и не знает, что с ним случится «толи радость, толи Смерть» [Гагарин 2020, 161].

Тема «Избранных произведений...» для уральского региона знаковая и связана с практикой жизни горнозаводского населения, вынужденного не отказываться от дополнительного источника дохода. Рыбалка, охота, сбор грибов и ягод не были «любимым времяпровождением» мужчин, занятых тяжелым трудом. «Охота на пушных зверей, — пишет И. А. Гагарин, — кормит и одевает нас много миллионов человек» [Гагарин 2020, 142]. «Все питание» в большую семью он приносил из леса: выпадет снег — добывает мясо; осенью собирает мед в липовые кадки, калину, черемуху, бруснику, — «натаскивает как крот в чулан и амбар» [Гагарин 2020, 86]. Рассказы И. А. Гагарина отражают значимую практику выживания населения территории. В монографии «Культура и быт рабочих горнозаводского Урала» В. Ю. Крупянская и Н. С. Полищук обратили внимание на большое число среди рабочих Нижнего Тагила «страстных охотников» [Крупянская 1971, 170]. Разговоры которых, связанные с рыбалкой и охотничьим промыслом, входили в круг жизненно важных для старообрядческого населения бесед. «Собираясь в избе зимой, а в теплую погоду на улице», рабочие Нижнего Тагила говорили «об охоте, рыбалке, о диспуте православного священника с „кержацким попом“, о чертях, дьяволах и т. д.» [Крупянская 1971, 170].

Промысловые истории И. А. Гагарина основаны не только на его личном опыте, они включали опыт семьи (отца, брата), земляков. «Озартней охотничьей собаки» видит себя рабочий Златоустовского горного округа Иван Алексеевич Гагарин [Гагарин 2020, 112]. На промысловой тропе чувствует в себе повадки «дикого зверя»: «Тих-тихо идешь, и как дикий зверь обитатель тайги; высматриваешь вовсе четыре стороны; что где не окажется-ли какая-нибудь пожива? Так бродишь изодня вдень, и сам незнаешь куда» [Гагарин 2020, 140]. За письменным столом всплыли «в памяти» прежние разговоры с товарищами в охотничьей избушке: «У нас там лампа керосинка светло горит. Который вечер приходится вечеровать: то зверьков обдираешь, то капканы готовишь: А когда ляжем и долго не спим, все обсуждаем как лучше; и где взять какова зверя» [Гагарин 2020, 141–142].

Уместным будет провести типологическую параллель между биографиями И. А. Гагарина (1883 — 1950) и уральского писателя

А. П. Бондина (1882 — 1939). Они были не только современниками, но и людьми близкого социального опыта. Алексей Петрович родился в Нижнем Тагиле Верхотурского уезда Пермской губернии, на экономически и культурно близкой территории. Более тридцати лет проработал А. П. Бондин слесарем на заводах. Литературным трудом всерьез занялся после революции, считал себя учеником М. Горького. Его имя стоит в ряду «зачинателей советской литературы на Урале». В 1937 г. А. П. Бондин опубликовал сборник «В лесу». По высказыванию друзей, его составили охотничьи истории, которыми он, будучи «изумительным рассказчиком», развлекал своих гостей [Боголюбов 1968]. Сюжеты, составившие рукопись И. А. Гагарина, — его промысловый опыт, полный азарта и риска. В преклонном возрасте он был осмыслен, записан, собран в книгу «Избранные произведения из памяти всей моей жизни». О дальнейших планах составителя можно только догадываться.

Язык повествования И. А. Гагарина сохраняет признаки устной речи, сопровождаемой жестами, игрой интонации. Приведем несколько примеров: «Прицелился как брат учил, и бух... меня оглушило»; «...вдруг вылетают: раз в лет!», «Крадешься к огромной стаи где наводе, и раз вних» [Гагарин 2020, 105, 114, 115]. Он легко переходит от картин жестокой борьбы человека и зверя («вынул нож и перерезал ему горло») к искреннему любованию красотой природы:

Река протекает сильными, Извилистыми зигзагами, и впадает в реку Кусу. Интересная картина пройти по ее руслу, по любоваться разными украшениями: где есть выворочены бурей огромные ели, и легли поперек ее русла; как будто кто-то приготовил для путника хороший переход. Кудрявая рябина Смотрит как в зеркало светлой реки; отрожая в ней Свои Красивые резные листья, и сильные ветки ягод. Молодая черемуха низко на клонила на дводою, купает внеи свои ветви, усыпанные душистыми Кистями Цветов; которые изливают сильный аромат, в тиши далекой низмины [Гагарин 2020, 187–188].

Его пейзажные картины наполнены известными по литературе формулами: «мохнатые синие тучи», «пронзительный резкий ветер», «ели свысокими острыми верхушками», «безлюдная тайга», «темные вершины», «дерзкий топор заботливого лесопромышленника» и пр. Вспоминая время работы в лесном хозяйстве Урала, он переходит на язык газет, производственных собраний, язык инструкций по уходу за лесом: «Треть лесов всего мира принадлежат С. С. С. Р. И занимают много миллионов десятин. Наша Страна одна из Самых богатых лесом и нетолько поколичеству, но и покачеству»

[Гагарин 2020, 175]. Личное слово упрятано глубоко, появляясь, оно узнается сразу по наивности высказывания: «Лес защищает почву и нежит», «Грибы и ягоды <...> служат пищей и лакомством человеку»; «А если весь мир много миллионов срубят по три штуки, то это получится ужасное количество» [Гагарин 2020, 175, 55]. Придаваясь дидактическим рассуждениям, И. А. Гагарин отсылает нас к басне И. А. Крылова «Свинья под дубом»: «Люди не понимали, что такое лес. Думали такая страшная тайга для чего она, ей nebude конца, жеч ее так. Не скоро выжгеш. Просто не понемали что такое лес, и для чего его береч. Жыли на пример как Свинья под-дубом. Жолудями питається, и Сама же подрывает Корни» [Гагарин 2020, 180].

Отдельные сюжеты автором озаглавлены и имеют свои правила композиционного построения, что придает тексту признаки литературности. В них прозаическая повествовательная часть завершается небольшим по объему стихотворением. В рассказы охотничьей темы он включает четверостишия собственного сочинения. В календарной прозе И. А. Гагарин воспользовался стихами известных русских поэтов: Н. А. Некрасова, А. Н. Плещеева, В. И. Немировича-Данченко, М. П. Чехова.

Неустойчивость повествования: переход от устной речи к языку письменному, к образцам художественного или газетного стиля, — открытая зависимость от чужого слова характерна для сочинений самодеятельных писателей [До и после литературы 2009]. Вместе с тем содержание и механизм взаимодействия «наивной словесности» с другими культурными полями в каждом конкретном случае вызывает свой филологический интерес. Предполагая в И. А. Гагарине, «азартном охотнике» и леснике, не только рассказчика (человека устной культуры), но и увлеченного читателя, человека чувствительного к красоте литературного слова; необходимо обратиться к биографии сочинителя, определить содержание его литературного опыта, уточнить круг текстов, оказавших влияние на его воображение. Ответы на заданные вопросы следует искать не только в тексте записок, но и культурном пространстве времени и семьи.

Старобрядческие корни семьи Гагариных

Не обнаружив в рукописи деда подробностей прошлого своего рода, наследники предприняли собственный поиск⁴. В частности, никто не знал дату смерти прадеда Алексея; было непонятно, почему его нет на общей семейной фотографии 1906 г. В диалоге

большой семьи Гагариных, собравшейся к одной из юбилейных дат, открылись старообрядческие корни предков. Вспомнилось, что взрослые называли себя кержаками, внуков крестили в старообрядческой церкви: «...нас с Петром Плотниковым [старшим внуком 1939 г.р.] крестить возили перед войной в Миасс, где такая Старообрядческая церковь была» [Гагарин 2020, 213]; «В Кусе три храма, в Златоусте три храма, нас повезли креститься в Миасс. Я кержак» [ЗС-2021_Гагарин_аудио]. Старообрядческая община города Миасса и в наши дни одна из известных и крепких в вере.

Бабушка «наставляла» внуков, чтобы крестились в церкви двумя перстами. «Я спрашивал, — вспоминает Б. Г. Гагарин, — он [дед] говорил: у них так, у нас — так» [ЗС-2021_Гагарин_аудио]. В речи бытовали поговорки: «так кержаки не поступают»; «так кержаки себя не ведут», «не по-кержацки это». Дед всегда говорил с сожалением: «Мы-то кержаки какие...». Семейные воспоминания являются наглядным примером к публикациям этих лет в «Оренбургских Епархиальных ведомостях». Златоустовский горный округ имел значительное раскольничье население. Непосредственно в Кусинском заводе делом «вразумления» раскольников занималось Свято-Троицкое братство. «Оренбургские Епархиальные ведомости» регулярно оповещали о проходящих с раскольниками беседах. По опубликованным отчетам, «благонамеренные» заводчане охотно посещали открытые состязательные беседы миссионеров, «желая уяснить себе, насколько они правы в своих убеждениях» [ОЕВ 1877, 252]. Случались переходы в единоверие. По семейным разговорам, единоверие принял прадед Алексей, но продолжал помогать отшельникам-старообрядцам. С ним произошла трагическая история: «...прадед пошел к этому отшельнику с провиантом и там попал в засаду служивым людям. Его арестовали за то, что он якобы убил этого инока. Кто и когда это сделал — осталось тайной, но прадеда Алексея посадили в тюрьму. В каком году это произошло — неизвестно, но на фотографии 1906 г. прадеда нет. Он так и умер в тюрьме» [Гагарин 2020, 215]. Историю эту в семье умалчивали: «Ни отец наш, ни Иван Иванович [старший сын Ивана Алексеевича] никогда об этом случае не рассказывали, даже пребывая в очень подпитом состоянии» [Гагарин 2020, 215]⁵.

В доме деда был иконостас, старорусские книги. Последние держали в сундуке («целый сундук книг»), который перешел к старшему сыну, потом к его дочери. В рукописи И. А. Гагарина мы нашли только два оборота, характерных для духовной книжности: «...хотел стереть меня с лица Земли. Но бог не привел; я проехал

другой дорожкой»; «И говорю Лесничему но, что будет благословляй Пошол Начинать» [Гагарин 2020, 176, 193]. Дед запомнился внуку Борису увлеченным читателем («много читал»), но литературы светской. Их общение сводилось к следующим наставлениям, записанным в разное время интервьюирования: «Книжку выдаст и все дела»; «Книжку дает, ты читай, мне расскажешь»; «Боря, нако тебе книжку, почитай»; «Боря, читай... потом принесешь, опосля расскажешь, что ты понял» [ЗС-2021_Гагарин_аудио]. Среди рекомендуемых книг запомнились М. Е. Салтыков-Щедрин и И. С. Тургенев; любимое чтение — «Записки охотника» [Гагарин 2020, 6]. С годами Борис Григорьевич оценил настойчивость деда: «Я потом в библиотеку записался, в одну, вторую... Все ходил книжки читать» [ЗС-2021_Гагарин_аудио]. Книгами обеспечивал сын Петр Иванович (1913 г.р.). Он тоже был склонен к литературному труду. После окончания ряда учебных заведений, Петр Иванович много лет проработал в журналистике, издал книгу своих рассказов и повесть [Гагарин 1958; Гагарин 1961]. В его бумагах и была найдена рукопись деда.

*Школьный опыт чтения и письма в практике сочинительства
И. А. Гагарина*

История Кусинского завода, где родился Иван, начинается в середине XVIII в., когда промышленники Мосоловы купили у башкир землю на реках Куса и Ай, площадь которой по купчей так и осталась невыясненной. Завод работал на сырье Ахтенского рудника, открытого «случайно» в 1827 г. «местным крестьянином» [Златоустовский горный округ 1896, 63]. Здесь с 1899 г. по 1914 г. Иван Гагарин трудился забойщиком⁶.

В Кусе была народная школа, в которой, по всей вероятности, И. А. Гагарин «кончил только три класса». Школа содержалась «за счет сумм» Златоустовского горного округа [Краткий исторический очерк 1914, 8]. Обучение было бесплатным, школьников кормили обедом, что могло стать причиной, по которой дети из бедных рабочих семей стремились ее посещать. В воспоминаниях есть следующий эпизод: Степан «отломил кусок шаньги и подает мне: я стесняюсь? Ешь! ты сегодня ел-ли хлеб? Я в школе ел» [Гагарин 2020, 98].

На обучение детей записывали в возрасте от 8 до 12 лет [Журнал заседаний съезда 1912, 40]. Документа об образовании Ивана Алексеевича не сохранилось, но сохранилось «Свидетельство» жены —

Евдокии Лазаревны Патрушевой. Если взять во внимание тот факт, что в Кусе было одно народное училище, то Иван Алексеевич мог учиться с женой в одной школе. В «Положении о начальных народных училищах» прописано: «...могут обучаться дети обоего пола там, где не представляется возможность иметь отдельные училища мужские и женские» [Положение о начальных народных училищах, 158]. Евдокия Лазаревна поступила в школу в 1894 г., ей было десять лет. Документ об окончании выдан Златоустовским уездным училищным советом в декабре 1898 г., в нем перечислены следующие дисциплины: закон Божий, русский, арифметика, письмо, рукоделие. Если в 1893 г. Гагарину было десять, и он учился во втором классе («Вот когда мне было десять лет, я учился в школе во втором классе»), он должен был окончить школу не позднее 1895 г.⁷

Материалы по истории народных школ Оренбургского учебного округа позволяют получить представление об объеме начальных знаний И. А. Гагарина. Перед педагогами ставили задачу развить у детей навыки «скорого и выразительного чтения», красивого и грамотного письма; сформировать у них «умение связно излагать» мысли на бумаге [Журналы заседаний съезда 1912, 117].

Иван Алексеевич относился к тем детям, что смело и самостоятельно подключались к жизни: сам записался в школу, сам выучился премудростям рыбалки и охотничьего дела. Он с большим вниманием относился к советам наставников: «прицелился как брат учил», как отец «рассказал» [Гагарин 2020, 105, 121]. Будучи уже взрослым человеком, он старается быть ближе к грамотным специалистам. Вечерами Гагарин с помощником лесничего М. А. Мысовым, в котором он признал «ученого» человека («прошел лесную школу»), не только «беседовал... о лесе как государственном богатстве, как его сохранить от пожаров», но и слушал «внимательно» и «записывал» некоторые слова [Гагарин 2020, 189]. С образованием связывал Иван Алексеевич свои дальнейшие успехи в работе и ставил перед собой образовательные задачи: «Нужно изучить всю географию; и все правила по рубкам ухода за лесом» [Гагарин 2020, 91]. Трудности исполнения порученного связывал с малограмотностью: «Так я дивлюсь сам над собой: как я малограмотный, и дошел практически до этого дела: до технического уровня: по лесу насаждению» [Гагарин 2020, 93]. Обратившись «в поздних годах» к сочинительству, свое неумение изложить на бумаге задуманное опять связывает с отсутствием образования: «очень жаль что я малограмотный, и не смогу Описать все Подробно...» [Гагарин 2020, 168].

Начальные навыки чтения и письма на родном языке, знания о построении текста («связности изложения») он вынес из школы. Трудно сказать, откуда у него появилась мысль размещать в финале рассказов стихи, что придавало сочинению характер литературного труда. Любовь к ритму и рифме заметна в языке его прозы, которая, вероятнее всего, тоже опиралась на впечатление от некогда прочитанного или услышанного. В частности, появившиеся в его описании «равнины», «нивы», «ровные поля», не свойственны уральскому горному пейзажу и явно механически заимствованы: «Вверху Небо Голубое; в дали Озеро большое; на лугах равнины; за лугами Нивы; золотятся всюду ровные поля; Это ты родная русская земля» [Гагарин 2020, 81]. Не принадлежат ему следующие строки: «Здравствуй солнце золотое, здравствуй Небо Голубое; благодарю я вас за все, и приду сюда еще» [Гагарин 2020, 81]. Они могли сложиться с появлением в круге чтения его детей и внуков сказки К. И. Чуковского «Краденое солнце» (1927)⁸. Создавая зимний пейзаж, Гагарин встраивает в предложение, описывающее лес, строку из сказки «Красная шапочка» в переработке П. А. Висковатова: «Идеш Смотриш, вон там за ветром межд-берез, пробирается мороз» [Гагарин 2020, 173]⁹.

Любовь к ритмически организованному слову, по всей вероятности, привела его к мысли испытать собственные способности. В финале истории о рыбалке он размещает четверостишие, напоминающее частушку: «Эх: блещет рыбка в речке светлой; / Серебристой чешуёй; / Ванька судочкой под- Ивой / Стоит, как будто часовой» [Гагарин 2020, 105]. Частушечный ритм был ему хорошо знаком; известно, что частушка — популярнейший жанр заводского фольклора и «прочно входила в устный репертуар» рабочей культуры [Крупянская 1971, 220–222].

Описание охоты на глухаря он закончил следующим сочинением: «Эх: Сходил бы я наток, / Посмотреть Глухарика: / Стали уши очень тупы, / видно паеш сухарика» [Гагарин 2020, 124]. Оно является переложением строк размещенных немного выше, где он иронически смотрит на свое настоящее положение: «И такой был озарт у меня ходить не тока, пока был здоровый. Но: нонче видно бросать приходится: глазами стал слабый; а уши не слышат как глухарь играет» [Гагарин 2020, 124]. Четверостишием заканчивается рассказ о первом опыте охоты: «Эх? Хоть-бы раз еще пришлось, / повидать в лесу козла: / Схватить живого-бы руками, / побороться за рога» [Гагарин 2020, 113].

Все финалы охотничьих историй объединены темой обязательного промыслового успеха, в них И. А. Гагарин изображает себя непобедимым соперником любого зверя.

Я их пару там Сшибу, / Домой хозяйки принесу... [Гагарин 2020, 117].

Я стрелять тебя сумею, / Пушу прямо в правый Глаз... [Гагарин 2020, 119].

Ты хитрила вечно крепко, / Но: попала на базар: / Как попала в мою Ямку, / Я тебя тут Ободрал [Гагарин 2020, 130].

А все-же я тебя не брошу, / Где-нибудь да все найду: / Заберу тебя я в сумку, / И домой стобой приду... [Гагарин 2020, 133].

Как придешь ты на Гумно, / Я покажу тебе одно: / Ловить овец не помогу, / А Шкуру я стебя снесу [Гагарин 2020, 137].

Стихотворные финалы к картинам сезонных изменений в природе, заслуживают особого внимания, так как здесь представлен круг литературного чтения бывшего забойщика и лесника. В прозаической части календарной прозы Гагарин — тонкий наблюдатель «чудес природы». Он признается: «...все мои удовольствия, и наблюдения за травой, и лесом; жаркая моя отрада» [Гагарин 2020, 168]. Наблюдаемая красота «убивает» в нем азарт охотника: «Мне так это понравилось, что я бросил и охоту; и пошел прислушиваться этих звонких уральских ручейков...» [Гагарин 2020, 163]. Тему «Весна» он завершает двумя поэтическими текстами: «Пробуждение весны» и «Весною». Текст «Пробуждение весны» — переработка стихотворения В. И. Немировича-Данченко «Пробуждение». Любителям поэзии оно могло быть знакомо в двух вариантах: полном и кратком. Полный текст напечатан А. С. Сувориным [Немирович-Данченко 1902]. В сборнике «Избранные стихотворения В. И. Немировича-Данченко», изданного в типографии М. Г. Волчанинова, стихотворение публикуется в кратком варианте [Немирович-Данченко 1893, 22]. Где познакомился И. А. Гагарин с текстом стихотворения, однозначно сказать нельзя. Просмотр рекомендаций для школьного чтения показал, что предлагалась, главным образом, проза В. И. Немировича-Данченко, она стояла в одном ряду с прозой И. С. Тургенева, Д. Н. Мамина-Сибиряка. По мнению педагогов, этот материал давал возможность научить детей наблюдать природу и воспитывал к ней «любобное» отношение [Тургенев для детей 1908, 102]. В школах Оренбургской губернии для классного чтения учителя использовали более десятка книг учебной литературы [Журналы заседаний съезда 1912,

162–163]¹⁰. По данным комиссии, в Златоустовском уезде предпочтение отдавалось книге Д. И. Тихомирова «Вешние всходы», где стихотворения В. И. Немировича-Данченко нет [Тихомиров 1896].

По тексту, размещенному И. А. Гагариным в рукописи, можно понять: ему был знаком (или перед ним прямо лежал) краткий вариант текста В. И. Немировича-Данченко. Он переделал его под свое настроение, убрав из весеннего пейзажа тему смерти и печали, автобиографическую для В. И. Немировича-Данченко. В картине мира И. А. Гагарина природа пробуждается к жизни, а его «сердце ретивое» «ревет» в мечтах «о свежей рыбке», «сладких харлюсках»:

Немирович-Данченко В. И. «Пробуждение»

Давно ль поля под саваном белели,
А уж пришла цветущая весна:
Растаял снег и улеглись метели,
Лазурь небес в реке отражена...

С высоких мачт привольно вьются флаги
И паруса на солнышке блестят.
Гремят ручьи, оживлены овраги,
С полей плывет весенний аромат...

Воскресло все!.. кипят живые силы,
Клокочет кровь и дышится вольней;
В цветах весны красуются могилы,
И пенье птиц все слышится звончей...
Мечты растут, как пчелы в полдень вьются,
С последним льдом тревоги унесло...
И труд кипит, и песни раздаются,
Забыта смерть, грядущее светло...

[Немирович-Данченко 1893, 22]

Гагарин И. А. «Пробуждение весны»

Давноль поля под-саваном белели,
А уже пришла Цветущая Весна:
Разтаял снег, утихли все мятели,
Уснула матушка зима.
С высоких гор, привольно пахнет влагой,
И утесы все на Солнышке блестят:
Гремят ручьи, ожыли все овраги,
Сполей несет весенний аромат.
Воскресло все? Кипят живыя силы,
Клокочет кровь и дышется вольней:

В цветах весны, красуются все Люди,
И пеня птиц все слышится Сильней.
Ревет и Сердце о родном урале,
О высоких елях, холодных ручейках:
Еще ревет он кребче, озверях, и обптице,
О свежей рыбке, и сладких харлюсках.
Привольно быть весною на урале,
Гулять посклонам, и душистым пихтарям:
Пить воду свежу как зеркальну,
Бродить по Ельникам, и лазить по Камням.
Проснулось Сердце ретивое,
Несплю я ночи ни одной:
ревет в хорошую погоду,
и еще пуще как весной?

[Гагарин 2020, 164]

Второе стихотворение финала И. А. Гагарин составил на основе произведения М. П. Чехова «В деревне», сознательно или по ошибке памяти переставив строфы:

Чехов М. П. В деревне
Как я люблю свои берёзы,
Свои леса, свои луга,
И ночи летние, и грозы,
И зиму с стужей, и снега!

Люблю я речки серебристой
Хрустально-нежный разговор,
И травки бархатный, душистый,
С цветами скромными ковёр.

Люблю я мирные картины
Своих полей, своих лесов,
Люблю мычание скотины
И звуки птичьих голосов.

Я не расстанусь с этим раем,
Люблю я эту красоту
И город с пылью и трамваем
Им ни за что не предпочту [Чехов].

Гагарин И. А. «Весна»
Люблю я милыя картины,
Вешних полей, и всех лесов:

Люблю Овражки, и долины,
И звуки птичьих Голосов.
Люблю и реки Серебристы,
Журчанье, Шум, и разговор:
И травки бархатной Пушистой,
С цветами Яркими Ковров

[Гагарин 2020, 165].

В пейзажах лета И. А. Гагарин выстраивает несколько зрительных картин движения жизни вокруг старого пня и лесного ручья, бросая цепкий взгляд лесного жителя на состояние «фруктовых» кустарников: «Тут под березами, Цветет своими цветами Крушина. Подальше рябина. А малина сильно распушила свои листья и цвет Набирает. Смородина Сильная с большими зелеными Ягодами» [Гагарин 2020, 166]. Последнее имело прагматический смысл. Когда наступит время осени, он придет сюда и займется заготовками, о которых подробнее пишет в другом месте:

Близко косени поспела малина самая вкусная ягода; набереш ее несколько ведер, высушиш, и весь год сней стряпаеш пироги <...> Потом собираеш смородину, черную как зайчы глаза; И красную, и сушыш тоже на пироги. Потом поспела брусника: ее набирал ведер до двадцати, еш весь год счаем; и пироги пекеш. Тут черемуха поспела... [Гагарин 2020, 86].

Летние картины заканчиваются строками стихов Н. А. Некрасова и своими уточнениями: «Грибная пора отойти не успела, / Смотрю уже черника поспела; / Малина, брусника вдруг покраснела, / Жаркое лето быстро пролетело» [Гагарин 2020, 168].

Стихотворение «Осень» составлено из стихов Н. А. Некрасова, А. Н. Плещеева, С. Есенина:

Осень наступила, высохли цветы,
И глядят уныло голые Кусты.
Вянет и желтеет травка на лугах,
Только зеленеет озимь на полях.
Поздняя осень Грачи улетели,
Лес оголился, поля опустели

[Гагарин 2020, 171].

Следующие два четверостишия он считает нужным прокомментировать:

Под-осенними осинками,
Зайка зайке говорит:
Посмотрика как паутинками,
Наш осинник весь об-вит.
«А это петлями».

2.

Скучная картина,
Тучи без конца:
дождик так и льется,
Лужи у крыльца.
«Это Матушка Осень!»

[Гагарин 2020, 172].

После зимних пейзажей размещает свой поэтический опыт, основанный на формуле «Люблю я...»: «Эх: Люблю я дни морозные, / Красавицы зимы: / Люблю мятели грозныя / И Снежные Холмы...» [Гагарин 2020, 173].

Стихотворения этой части рукописи отчасти могут быть связаны с его школьным читательским опытом, отчасти они свидетельствуют о сложившемся интересе к поэзии вообще. Сочинения Н. А. Некрасова и А. Н. Плещеева, при обучении детей чтению и письму, входили в учебные книги и пособия в качестве лучшего поэтического материала [Острогорский 1883, Некрасов 1891]¹¹. Свидетелем любви горнозаводских педагогов к стихам Н. А. Некрасова оказался писатель А. П. Бондин. Как ученик народной школы Нижнего Тагила, он написал об этом в автобиографической повести «Моя школа» [Бондин 1937]. «Скучная картина» А. Н. Плещеева входила в пособие Д. И. Тихомирова «Вешние всходы», по которому учились дети Златоустовского уезда [Тихомиров 1918, 135]¹²

Басня И. А. Крылова «Свинья под дубом» появилась в рукописи И. А. Гагарина не случайно. Она проходит в списке «образцовых текстов» для учащихся первого класса Оренбургской губернии [Циркуляр 1877, 206]. В качестве материала для письменных работ предлагается В. Острогорским; А. Радонежский рекомендует ее, как лучшее сочинение И. А. Крылова [Острогорский 1883; Радонежский 1895]. И. А. Вольпер включает в учебную книгу для детей, плохо говорящих на русском языке [Вольпер 1887]. В итоговых материалах съезда директоров и инспекторов народных училищ Оренбургского учебного округа «Свинья под дубом» входит в список текстов для заучивания [Журналы заседаний съезда 1912, 175]. «Заучивание отдельных фрагментов учебного материала», «дословное... повторение», «следование образцам, независимо

от предмета» — долгое время оставались главными методическими приемами учителей народных школ вообще, Оренбургской губернии в частности [Суворова 2012].

Иван Алексеевич работал не над автобиографической книгой, которую ожидали наследники. Он выстраивал сборник литературных рассказов лесника, страстного охотника, рыбака и предполагал для рукописи своего читателя. Памятные сюжеты промысловых историй И. А. Гагарин стремился «раскрасить» книжным словом, материалом стихов, основанных на переработке некогда выученного, прочитанного или услышанного. На страницах его прозы литературные заимствования, а именно: устойчивые словосочетания, строки широко известных стихов, — проникают в структуру предложений, принимают нужные грамматические формы, отчего не сразу узнаются. Открыто влияние книги проявилось в стихах, размещенных после прозаических картин весны, лета, осени, где он перерабатывает в основном школьную лирику Н. А. Некрасова, А. Н. Плещеева, В. И. Немировича-Данченко, М. П. Чехова. В каждом конкретном случае он проводит свои «редакторские» правки. Чаще всего исключает далекие ему образы, замещая образами окружающего его пространства, перестраивает очередность строк в нужной ему последовательности, достраивает ряды перечислений своим материалом. И. А. Гагарин не стремится к значительному разрушению отобранных поэтических текстов. Как малограмотный сочинитель, ищущий возможности точного выражения мысли, он не рассчитывал на успех собственного стихотворства, представленного в тексте рукописи жанровой формой частушки.

Примечания

- ¹ Страницы рукописи И. А. Гагарина указываются по семейному изданию: Гагарин И. А. «Из памяти всей моей жизни...» (Нижневартовск, 2020), где размещена ее постраничная ксерокопия [Гагарин 2020]. В тексте статьи орфография и пунктуация рукописи сохраняются.
- ² Златоустовский горный округ сложился в 1811 г. из заводов: Златоустовский, Кусинский, Саткинский и Артинский. В 1815 г. к нему был присоединен Миасский завод. Организация округа сохранялась до Октябрьской революции [Из прошлого Златоустовских заводов 1926].
- ³ Иван Алексеевич Гагарин в годы Великой Отечественной войны находился в трудовой армии, где рубил и сплавлял лес. Участниками войны были его сыновья.
- ⁴ В послесловии к рукописи деда, внук Борис Григорьевич Гагарин пишет: «Дед нигде и никогда в своих записях не упоминает имен своих родных.

К великому сожалению, мы — потомки, остались теперь в роли Иванов, не помнящих родства. Мы знаем, что прадед был Алексеем, но отчества его не знаем, а бабушку с великим сомнением именуем Елизаветой Рябининой» [Гагарин 2020, 210].

- 5 Вариант истории был записан от младшего внука В. П. Гагарина (1945 г.р.): «Они староверы были, и там под Таганаем какие-то староверы скрывались. Он носил им иногда еду. И однажды туда пришел, а отшельник один был убит, и жандармы сидели и ждали. В тюрьме он сгинул» [ЗС-2021_Гагарин_аудио].
- 6 На Ахтенском руднике местных рабочих «обоего пола» трудилось от 100 до 300 человек. «...Расчет... производился следующим образом: за вскрышу пустой породы от 1 р. 30 к. до 3 р. За куб. саж., за добычу руды по 10 коп. за тележку вместимостью 1,5 пуд., и 2 коп. за доставку ея на пожег из разрезов» [Златоустовский горный округ 1896, 64]. В воспоминаниях Гагарина мы находим данные его заработка: «Работу проводил все время по стахановски: Товарищи, которые работали сомной в руднике зарабатывали 2 р. 40 к. и 2 р. 60 к. и до трех рублей в неделю: А я зарабатывал от Шести рублей, и до десяти: т.е. вырабатывал две, и три нормы» [Гагарин 2020, 79]. На руднике Гагарин потерял здоровье и перешел в лесное хозяйство Урала.
- 7 Иван Алексеевич пишет о себе: «прошел три группы», возможно, он смог проучиться только три года, отсюда отсутствие в семье «Свидетельства» об ее окончании. По документам жены Евдокии Лазаревны, обучение было четырехлетним.
- 8 Сказка К. И. Чуковского «Краденое солнце» впервые была напечатана в 1933 г., отдельная публикация состоялась в 1936 г.
- 9 Сравни: «Ветер по лесу шумит! / Ветер по лесу бежит! / С сучьев лист последний рвет, / По траве, по мхам несет. / А за ветром меж берез, / Пробирается мороз...» [Висковатов 1914, 23].
- 10 Представители комиссии по отбору книг для классного чтения отметили, что в разных уездах Оренбургской губернии в качестве «наилучших» были отмечены разные издания. Сборник А. Г. Баранова «Наше родное» (1894) предпочли в трех уездах; сборник В. П. Вахтерова «Мир в рассказах для детей» (1902) оценили учителя шести уездов. Менее востребованными оказались учебные книги К. В. Лукашевич «Сеять» (1907) и И. И. Горбунова-Посадова «Красное солнышко» (1909).
- 11 Обратим внимание, что в 1877 г. в программу публичных народных чтений не допускались «некоторые тенденциозные стихотворения Некрасова» [Циркуляр 1877, 63]. В 1906 г. в курс русского языка для реальных училищ были допущены с оговоркой («в случае свободного времени») следующие произведения поэта: «Крестьянские дети», «Мороз-Красный нос», «Русские женщины» [Циркуляр 1905, 467].
- 12 Отсылка к стихотворению А. Н. Плещеева «Дедушка» состоялась в разговоре об Иване Алексеевиче с внуком: «Он не был домашним дедуш-

кой, который сделал бы внучатам свисток... Он постоянно пребывал в тайге на промысле» [Гагарин 2020, 215]. Стихотворение было написано в экспедиции 1999 г. Хлесткина Екатерина Петровна (1909 г.р.), сокрушаясь по поводу своей памяти заметила, что не помнит того, что было вчера, а вот стихотворение, которое учила в школе, может рассказать: «Дедушка голубчик, сделай мне свисток. / Дедушка, найди мне беленький грибок / И хотел мне дедка белку рассказать, / Посулил мне дедка белочку поймать. / Ладно, ладно детки, дайте только срок, / Будет вам и белка, будет и свисток» [ЭК-1999].

Литература

Источники

Бондин 1937 — Бондин А. П. Моя школа: Повесть в 2 частях. Свердловск: Свердловское обл. изд-во, 1937.

Бондин 1937а — Бондин А. П. В лесу: [Сборник рассказов для детей средн. и старш. возраста]. Свердловск: Свердл. обл. изд-во, 1937.

Вольпер 1887 — Вольпер М. А. Руководящие заметки о преподавании русского языка по руководству того же автора «Русская речь», примененному к обучению русскому языку в тех школах, в которых дети, при поступлении, не умеют говорить по-русски. СПб.: Д. Д. Полубояринов, 1887.

Висковатов 1914 — Висковатов П. А. Внучка бабушки Татьяны. СПб.: Изд-е А. Ф. Девриена, 1914.

Гагарин 2020 — Гагарин И. А. Из памяти всей моей жизни... Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского ун-та, 2020.

Гагарин 1958 — Гагарин П. И. За голубым Сибирским морем: Повесть. Челябинск: Кн. изд-во, 1958.

Гагарин 1961 — Гагарин П. И. Два желания: Рассказы. Челябинск: Кн. изд-во, 1961.

Журналы заседаний съезда 1912 — Журналы заседаний Съезда директоров и инспекторов народных училищ Оренбургского учебного округа в г. Уфе: 11–16 июня 1912 г / Обраб. для печати М. А. Миropиев. Уфа, 1913.

Златоустовский горный округ 1896 — Златоустовский горный округ. Краткое описание производств четырех заводов округа: Златоустовского, Саткинского, Кусинского и Артинского. Нижний-Новгород: тип. Газеты «Волгарь», 1896.

Тургенев для детей 1908 — Иван Сергеевич Тургенев для детей / под ред. Котляревского Н. СПб.: И. Глазунов, 1908.

Из прошлого Златоустовских заводов 1926 — Из прошлого Златоустовских заводов. Златоуст: Пролетарская мысль, 1926.

Краткий исторический очерк 1914 — Краткий исторический очерк деятельности Златоустовского земства со дня открытия земских учреждений в Уфимской губернии. Златоуст, 1914.

Некрасов 1891 — Некрасов Н. Я. После азбуки. Первая книжка для классного чтения. СПб., 1891.

Немирович-Данченко 1893 — Немирович-Данченко В. И. Избранные стихотворения В. И. Немировича-Данченко. М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1893.

Немирович-Данченко 1902 — Немирович-Данченко В. И. Стихи. 1865–1901 г. 2-е изд. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1902.

ОЕВ 1877 — Оренбургские Епархиальные ведомости. 1877. № 8.

Положение о начальных народных училищах — Положение о начальных народных училищах // Сборник всех узаконений и распоряжений правительства по земским учреждениям. СПб.: тип. К. Вульфа, 1868.

Острогорский 1883 — Острогорский В. Русские писатели как воспитательно-образовательный материал для занятий с детьми. Вып. 1. СПб.: Изд. «Невской книжной торговли», 1883.

Радонежский 1895 — Радонежский А. Родина: Сб. для клас. чтения с упр. в разборе, уст. и письм. излож.: В 3 ч.: Курс приготовит. и 4 низших кл. СПб.: тип. В. Балашева, 1895.

Тихомиров 1896 — Тихомиров Д. И. Вешние всходы: Руководство для учителя к первой и второй книге для классного чтения и бесед, устных и письменных упражнений. М.: журн. «Дет. чтение», 1896.

Циркуляр 1877 — Циркуляр по Оренбургскому учебному округу. 1877.

Циркуляр 1905 — Циркуляр по Оренбургскому учебному округу. 1905. № 7.

Чехов — Чехов М. П. В деревне [Poemata.ru]. URL: <https://poemata.ru/poets/chehov-mihail/v-derevne/>.

Архив лаборатории народной культуры:

ЗС-2021_Гагарин_аудио — Записи сотрудников — 2021_ аудио.

ЭК-1999 — Экспедиция 1999 — Тирлян.

Исследования

Боголюбов 1968 — Боголюбов К. Петрович: Воспоминания о А. П. Бондине // Уральский следопыт. 1968. № 6, июнь. С. 67-72. <https://uralstalker.com/uarch/us/1968/06/67/>.

До и после литературы 2009 — До и после литературы: тексты «наивной словесности» / Российский гос. гуманитарный ун-т. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2009. (Традиция-текст-фольклор: Типология и семиотика).

Крупянская 1971 — Крупянская В. Ю., Полишук Н. С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала. (Конец XIX — начало XX в.) / АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1971.

Нуркова 2000 — Нуркова В. В. Свершенное продолжается: психология автобиографической памяти личности. М.: Изд-во УРАО, 2000.

Суворова 2012 — Суворова А. В. Развитие системы начального образования в Оренбургской и Уфимской губерниях (начало XX в — 1914 г.): автореф. дис... канд. ист. наук / [Южно-Уральский гос. ун-т]. Челябинск, 2012.

References

Bogolyubov 1968 — Bogolyubov, K. (1968). Petrovich: Vospominaniya o A. P. Bondine [Petrovich: Memories about A. P. Bondine]. Ural'skij sledopyt, 6 (June), 67-72. Retrieved from: <https://uralstalker.com/>.

Do i posle literary 2009 — Do i posle literary (2009). Teksty “naivnoj slovesnosti” [Before and after the literature. Some texts of “naive literature”]. Moscow: Rossiyskiy gos. gumanitarnyy un-t.

Krupyanskaya 1971 — Krupyanskaya, V. Yu., Polishchuk, N. S. (1971). Kul'tura i byt rabochih gornozavodskogo Urala (konec XIX — nachalo XX v.) [Culture and household of workers in metallurgical Ural (end 19th — beginning 20th)]. Moscow: Nauka.

Nurkova 2000 — Nurkova, V. (2000). Svershennoe prodolzhaetsya: psihologiya avtobiograficheskoy pamyati lichnosti [Past Continuous: The Psychology of Autobiographical Memori]. Moscow: Izd-vo URAO.

Suvorova 2012 — Suvorova, A. V. (2012). Razvitie sistemy nachal'nogo obrazovaniya v Orenburgskoj i Ufimskoj guberniyah (nachalo XX v. — 1914 god) [Development of the system of preliminary education in Orenburg and Ufa governorates (beginning 20th — 1914)] (doctoral dissertation). South Ural State University, Chelyabinsk.

Tatiana Rozhkova

The Institute of Historical Anthropology and Philology of Nosov

Magnitogorsk State Technical University (NMSTU);

ORCID: 0000-0002-3373-0267

LITERARY EXPERIENCE OF THE URAL CUTTER AND FORESTER
IVAN GAGARIN: SCHOOL READING IN WRITING PRACTICE

The article analyses the manuscript of the Ural cutter and forester Ivan Gagarin "Selected memories from my life" written by him in the late 1940s. The writing practice of a non-professional writer is analyzed in the context of the history and culture of the metallurgical Ural district, drawing on folklore, literary material and materials on the education development of Orenburg Governorate. As a result, the manuscript, although it contains memoirs of a biographical nature, is defined as a collection of stories that tell the readers about the craft tricks of a forester, an avid hunter and fisherman. The author of the article found some overlaps between Ivan Gagarin's writings and professional literature narrations, and these allow us to describe the techniques of incorporating literary material into the text. In his prose, the borrowings (such as descriptive phrases, lines of well-known poetry) are incorporated into the structure of sentences and assume appropriate grammatical forms. For poetic endings of the calendar sketches Ivan Gagarin changed the poems of Nikolai Nekrasov, Alexey Plescheev, Vladimir Nemirovich-Danchenko, Mikhail Chehov. The edits are as follows: the author eliminated the patterns that were alien to him and included those of his everyday life; he rearranged the verses in the sequence he needed, added his own descriptive material. Ivan Gagarin does not mean to destroy his poetic origins. As an illiterate composer looking for opportunities to express his thought accurately, he did not count on the success of his own poetry, represented in the text of the manuscript by the genre form folk rhymes.

Keywords: folklore, literature, unprofessional writer, literature experience, personal literature practice, school reading

Лев Григорян

ЭВОЛЮЦИЯ ЗАМЫСЛА СКАЗКИ «СЕМЬ ПОДЗЕМНЫХ КОРОЛЕЙ» А. М. ВОЛКОВА В 1963–1967 ГГ.

Статья посвящена работе А. М. Волкова над текстом сказки «Семь подземных королей» (1967), входящей в цикл повестей об Изумрудном городе (1939–1982). Автор исследования, обратившись к переписке и дневникам А. М. Волкова, выявил, что сказка создавалась в тесном сотрудничестве с художником-иллюстратором Л. В. Владимирским и как под его влиянием трансформировался авторский замысел и перерабатывался текст произведения. Важным фактором, повлиявшим на эволюцию сказки, стали требования издательства «Советская Россия», куда была представлена рукопись. Первый вариант рукописи был забракован, в результате чего Волков кардинально переработал текст, значительно изменив сюжет. Идеи и советы Владимирского привели к смене заглавия книги и повлияли на выбор Волковым новой сюжетной линии. В статье сопоставляются разные редакции текста, прослеживаются вносимые в рукопись изменения. Автор статьи выдвигает гипотезу о том, что переработка текста сказки отразила новые веяния, набравшие силу в советской детской литературе 1960-х гг., в том числе гуманизацию ценностей, деидеологизацию и отход от трансляции позиции классовой непримиримости.

Ключевые слова: советская детская литература, А. М. Волков, «Семь подземных королей», текстология, Л. В. Владимирский, иллюстрация в детской книге, литературная сказка

Сказочный цикл об Изумрудном городе А. М. Волкова известен миллионам детей и взрослых в России и других странах бывшего СССР. Однако мало кто знает, что у третьей книги цикла, «Семь

Лев Арменович Григорян

Всероссийский институт научной и технической информации Российской академии наук (ВИНИТИ РАН),

Москва

levgr2@yandex.ru

подземных королей», вышедшей в 1967 г., путь к читателю был очень непрост, а замысел сказки подвергся коренной переработке в русле новых тенденций, возобладавших в советской детской литературе, начиная с 1960-х гг. Влияние на сюжет оказали, среди прочего, учтенные автором замечания редакторов, рекомендации коллег, друзей и близких А. М. Волкова, а также в немалой степени советы и иллюстрации художника Л. В. Владимирского, работавшего в творческом содружестве с А. М. Волковым на протяжении двадцати лет — с 1957 г. по 1977 г.

Литературная критика и публицистика, посвященные творчеству А. М. Волкова, сосредоточены преимущественно на первой части цикла, сказке «Волшебник Изумрудного города» (1939): анализируются главным образом ее отличия от первоисточника — сказки Л. Ф. Баума «Удивительный волшебник Страны Оз» (1900), положенной Волковым в основу собственного текста [Haber 2014; Петровский 2006; Несбет 2008; Митрохина 2001].

Представляется, однако, что и следующие части сказочной серии Волкова могут дать богатый материал для исследований. Сказка «Семь подземных королей» в этом отношении наиболее интересна, поскольку Волков фактически написал ее дважды: первоначальную рукопись отвергло издательство, и автор был вынужден полностью переработать текст, заметно изменив сюжет. Настоящее исследование представляет собой попытку реконструкции причин, побудивших А. М. Волкова изменить замысел сказки и образы ее ключевых персонажей. Материалом послужили дневники и литературные документы А. М. Волкова, сохранившиеся в архиве писателя, а также иллюстрации к сказке, выполненные Л. В. Владимирским.

Два сюжета под единым заглавием

В качестве отправной точки анализа имеет смысл привести содержание сказки в том виде, в каком она переиздается сейчас [Волков 1967], с той степенью детализации, которая позволит отследить внесенные автором изменения. Итак, глубоко под землей в Волшебной стране расположена гигантская Пещера, населенная трудолюбивым народом рудокопов. Ими правят семь королей, чередуясь, каждый по месяцу. У каждого короля свой двор, свои министры, свой штат прислуги и даже собственное войско. Содержать их приходится народу. Полугодовой период междуцарствия короли

со своими подручными проводят в непрерывном волшебном сне, навеваемом Усыпительной водой. Помимо усыпления на длительный срок, вода стирает память, поэтому пробудившиеся подобны новорожденным младенцам, их приходится всему учить заново.

Вековой уклад Пещеры рушится, когда из верхнего мира бежит в Подземелье изменник Руф Билан, персонаж предыдущей части сказочного цикла. Билан разрушает источник волшебной воды. Королевские дворы перестают засыпать. Численность знати, обеспечивать которую должен народ, возрастает в семь раз. В стране начинается экономический кризис, маячит угроза голода. В этот момент в страну попадает главная героиня первых двух сказок Волкова («Волшебник Изумрудного города» (1939) и «Урфин Джюс и его деревянные солдаты» (1963)) девочка Элли с троюродным братом Фредом. Дети исследовали лабиринт пещер в американском штате Айова, внезапный обвал отрезал им путь домой, и после странствия по подземной реке они выбрались в страну семи королей. Короли, ошибочно считают Элли феей — такая слава закрепилась за ней во время предыдущих визитов в Волшебную страну. Они берут Элли и ее брата в плен, требуя, чтобы «фея» своим колдовством вернула им волшебную воду. Но Элли обычная девочка и колдовать не умеет. Ей удается отправить весточку наверх, в Изумрудный город, к ее друзьям Страшиле, Железному Дровосеку и Смелому Льву. Те готовы идти войной на семерых королей ради освобождения Элли. Но Элли не хочет кровопролития, и дело решают миром. Друзья Элли со свитами приходят в Пещеру как гости и восстанавливают волшебный источник без всякой магии, «гидравлическим» способом.

Короли, предчувствуя возвращение чудесной воды, строят козни друг против друга. За время бодрствования они почувствовали вкус к власти. Каждый замышляет устранить шестерых соперников, усыпив их навечно, и впредь править единолично. Перехитрить их всех удастся Страшиле Мудрому. Он усыпляет всех семерых королей с их дворами, а когда они пробуждаются, забыв свое прошлое, внушает им, что прежде они были ремесленниками, землепашцами, металлургами. Так приходит конец королевской власти. Рудокопам больше не нужно содержать знатных бездельников. Хозяйство страны идет на лад. Народ рудокопов переселяется из Пещеры наверх, под солнце Волшебной страны, где климат гораздо лучше. Элли с братом возвращаются домой верхом на драконе. На прощание мышьяная фея Рамина предрекает Элли, что та больше не вернется в Волшебную страну.

Такова итоговая версия сказки. Но ранний замысел Волкова был иным. Прежде всего, называться сказка должна была «Двенадцать подземных королей». Такое решение обусловлено тем, что срок царствования королей — по месяцу: полный цикл смены королей занял бы ровно год. К тому же число «двенадцать» хорошо соотносится с традициями сказочной и мифологической литературы: достаточно вспомнить сказку «Двенадцать месяцев», двенадцать подвигов Геракла и т. д.

Однако еще на стадии раннего замысла Л. В. Владимирский как опытный иллюстратор предложил Волкову для удобства различения королей соотнести их с цветами радуги — и таким образом сократить число монархов до семи. Волков согласился, тем более что внесение ярких красок в блеклый сумрак подземелья, где проходит основная часть действия повести, благотворно сказалось бы на восприятии текста читателями [Дневник, кн. 13, 28.01.1963, 138–139]. Так в стране рудокопов появился и знаменитый Радужный дворец, знакомый читателям по книжным редакциям второй сказки цикла — «Урфин Джюс и его деревянные солдаты» [Волков 1963], но отсутствовавший в ее ранней версии, которая печаталась в газете «Пионерская правда» [Волков 1962–1963] (задумав третью книгу серии, А. М. Волков успел внести поправки в текст второй книги, готовившейся в тот момент к изданию).

Числом королей различия между версиями будущей третьей сказки не ограничились. В первоначальном ее замысле не было главного волшебного элемента — Усыпительной воды, а весь сюжет строился на другой основе. Беглец из верхнего мира Руф Билан не разрушал волшебный источник, а втерся в доверие к королям, убедив их напасть на народы Волшебной страны — Жевунов, Мигунов и прочих, и угнать их в рабство. Подземные короли в первой версии сказки не погружались в сон на полгода, поэтому экономический кризис в Пещере был перманентным и требовались новые рабочие руки. Короли прислушались к Билану, отправили наверх свои армии, усиленные полчищами драконов, захватили Изумрудный город и забрали в рабство тысячи пленников, в том числе правителя города Страшилу. Правителю Мигунов Железному Дровосеку удалось сохранить свободу: он забаррикадировался в Фиолетовом дворце, выдержал осаду и, соединившись со звериным войском Смелого Льва, сумел отбить нападение рудокопов.

Таким образом, в первой редакции «Семи подземных королей», написанной Волковым в 1963 г., с 18 июня по 10 июля [Дневник, кн. 14, 18.06.1963, 59; Дневник, кн. 14, 10.07.1963, 64], стержем

сюжета была война — как и во всех прочих самостоятельных сказках Волкова от «Урфина Джюса» (1963) до «Тайны заброшенного замка» (1976, 1982). А тот факт, что итоговая версия «Семи королей» стала в цикле единственным исключением, обошедшимся без войны (не считая «Волшебника Изумрудного города», основанного на книге Баума) [Латова 2002], — следствие не первоначального намерения Волкова, но рекомендаций редакторов и художника, забравших черновой вариант.

По-иному решалось в первой редакции и введение в сюжет Элли. Не было путешествия с братом по пещерам, обвала, плавания по подземной реке. Вместо этого Элли призвали на помощь ее друзья, как было и в «Урфине Джюсе». По совету волшебницы Виллины за Элли в Канзас была отправлена ворона Кагги-Карр, магически увеличенная во много раз. Спутником Элли был не ее брат Фред (на тот момент еще не придуманный автором), а дядя, моряк Чарли, герой из предыдущей части цикла. Итак, Элли и Чарли прилетели в Изумрудный город на гигантских воронах. Там они вместе с Дровосеком и Урфином Джюсом (бывшим антагонистом второй книги серии, раскаявшимся в своих преступлениях) составили план атаки на страну рудокопов для вызволения Страшилы и прочих пленников. Волшебница Виллина временно наделила Элли магической силой, благодаря чему Элли научилась увеличивать ворон. Боевой отряд верхних жителей взял штурмом подземные лабиринты, гигантские вороны победили драконов в кровопролитной битве, пленники восстали, власть королей пала. Изменник Билан, накликавший столько бед на подземный народ, был казнен. Освобожденные рудокопы предоставили бывшим вельможам возможность избрать трудовую профессию без внушения им ложной памяти. Финального переселения рудокопов наверх в этом сюжете не предусматривалось. Не было и предсказания мышинной феи, закрывшего впредь для Элли путь в Волшебную страну.

Такой была первая редакция сказки, машинописный вариант которой долгое время хранился в домашнем архиве писателя, затем был передан его внучкой, К. В. Волковой, в Томский музей имени А. М. Волкова, а оцифровку прошел только в 2022 г.

Обилие кровавых сцен, жестокостей, битв, при недостатке в сюжете собственно сказочных, то есть волшебных и игровых компонентов, привело к тому, что издательство сказку отвергло [Дневник, кн. 14, 04.12.1963, 98]. Как отмечал на полях рукописи редактор Ю. С. Новиков, в первой книге цикла герои убивали крыс¹, во второй — дерево (деревянных солдат-истуканов), а в третьей — лю-

дей [Волков 1963а, примеч. ред., 134]. «Кровь рекой!» — отмечал редактор. Резкое неприятие редактора вызвали многочисленные упоминания в тексте трупов людей и животных. Критике подверглось также превращение ворон в гигантов; редактор посчитал, что «гигантская ворона — отвратительное зрелище для ребят» [Волков 1963а, примеч. ред., 87].

Переработка сюжета автором: новые мотивы и смыслы, основные различия

Столь холодная реакция на сказку после громкого успеха «Урфина Джюса» заставила Волкова задуматься о коренной переработке сюжета.

Война была исключена из фабулы, оставшись лишь в виде угрозы, которой не суждено сбыться. Волков хотел было совсем убрать военную тему, но художник Владимирский разубедил его, предложив оставить подготовку к войне для нагнетания интереса читателей. Кроме того, Владимирский посчитал, что звериное войско Смелого Льва будет смотреться забавно [Дневник, кн. 14, 14.04.1964, 162–163]. Добавился чудесный сон королей под воздействием Усыпительной воды и разрушение Биланом ее источника. Идея о волшебной воде Владимирскому очень понравилась, и он предложил, смеха ради, усыпить кого-либо из верхних жителей, к примеру, того же Льва, чтобы тот, проснувшись, вообразил себя котенком. В итоговом варианте усыпление с кратковременным впадением в младенчество досталось брату Элли, Фреду.

Отказавшись от коллизии с гигантскими воронами, Волков стал искать другой способ привести Элли с дядей Чарли в Волшебную страну. Идею о подземном ходе, либо подземной реке подал Волкову его сын Вивиан (впрочем, прообраз этой идеи формировался у Волкова еще в период работы над «Урфином Джюсом») [Дневник, кн. 14, 25.03.1964, 151]. Новый вариант предполагал, что уже не Элли с дядей выручают Страшилу из плена, а наоборот, Страшила спасет их, когда река принесет их в Пещеру².

Прелюдией к подземному путешествию Элли и Чарли, по новому замыслу Волкова, должна была стать экскурсия в горы. Там Элли, погнавшись за бабочкой, сорвалась бы в ущелье, выход откуда был только один — по реке, уносящейся в недра земли. Брат Волкова, Анатолий, указав, что Канзас не горная местность, посоветовал заменить экскурсию поездкой к родственникам в Аппалачи [Лит. док. Т. 11, 04.05.1964]. В итоге, от сцены с бабочкой Волков

отказался, а новые приключения Элли начались с поездки к родне в штат Айова. Также Анатолий Волков рекомендовал брату разместить страну рудокопов не под землей, а наверху, где яркие краски будут нагляднее, и предложил для всей сказки заглавие «Королевство семи цветов» [Лит. док. Т. 9, 05.02.1963]. Идея шла вразрез с предыдущей, второй сказкой цикла, где страна рудокопов уже фигурирует как подземное царство. Но Волков сумел извлечь из совета рациональное зерно и добавил переселение рудокопов наверх в финале сказки.

Поскольку редакторы сочли образ раскаявшегося Урфина недо-стоверным³, Волков исключил этого персонажа из новой версии «Семи королей» (но мыслей об исправлении Урфина не оставил, и часть выброшенных сцен с ним позже вошла в переработанном виде в книжную версию пятой повести цикла, «Желтый Туман» (1974)).

Волков советовался насчет переработки «Семи королей» с литературоведом Е. П. Брандисом и латышской писательницей Анной Саксе (именно ее идея придать индивидуальность отдельным королям побудила Волкова добавить главу, где каждый король старается перехитрить других, добываясь единоличной власти) [Лит. док. Т. 11, 08.06.1964; Дневник, кн. 15, 14.06.1964, 3].

Ряд рекомендаций вновь дал Л. В. Владимирский. Его советы касались деталей финального усыпления королей, уменьшения роли Тотошки, сокращения сцены погони Элли за бабочкой и др. [Дневник, кн. 14, 14.04.1964, 162–163]. Среди прочего, Владимирский предложил акцентировать в сказке не подземное путешествие Элли, а дикий мир Пещеры, ее устройство и быт, ситуации, связанные с Усыпительной водой⁴. Благодаря этой подсказке вся первая треть книги превратилась в подробную хронику древних времен Пещерного царства, став единственной настолько объемной экспозицией во всех шести сказках Волкова. История народа рудокопов получила сюжетное обрамление: от изгнания в древности под землю до финального возвращения наверх тысячу лет спустя.

Более того, Волков добавил вступительный эпизод, повествующий о том, как появилась сама Волшебная страна: таковой ее сделал в незапамятные времена чародей-великан Гуррикап (в журнальной версии — Гуррикан, через «н»⁵), искавший место, где бы провести старость. Между прочим, приведенное Волковым объяснение истоков Волшебной страны позволило литературоведу Е. М. Неелову усмотреть в сказочном цикле признаки трансформации в жанр фантастики, поскольку сказка традиционно не предполагает подобных

пояснений, мир в ней «просто существует, появляясь всякий раз, как возникает сказка» [Неелов 1976]. Прозорливое наблюдение Неелова блестяще подтвердилось в заключительной, шестой книге цикла, где Волков обратился к типичным темам научной фантастики — космосу, инопланетянам и т.д.

Наконец, новый план «Семи королей» был составлен, и 14 мая 1964 г. Волков, не дожидаясь одобрения редакции, приступил к работе над рукописью [Дневник, кн. 14, 14.05.1964, 172].

Вскоре однако редакторы настояли на существенной правке сюжета, добившись, чтобы из сказки был исключен моряк Чарли. Взамен Волков дал Элли другого спутника — троюродного брата, мальчика Фреда, рассудив, что так будет даже интереснее для маленьких читателей. При создании образа Фреда Волков ориентировался на типаж Тома Сойера из повестей Марка Твена [Дневник, кн. 14, 16.05.1964, 173; Галкина 2006, 164] (действительно, у подземных приключений Элли и Фреда много общего с эпизодом, где Том с Бекки Тэчер заблудились в пещерах [Твен 1936]).

С изъятием из сюжета всей линии о гигантских воронах была также уточнена идейная основа сказки: скорректирован баланс между волшебством и наукой в русле, характерном для других сказок серии⁶. Нотка торжества науки над магией добавилась и в новую версию «Семи королей».

Напомним, что в первой версии сказки существенный вклад в победу над подземной армией внесло волшебство доброй феи Виллины: та научила девочку Элли заклинанию увеличения ворон, и Элли, прибегнув к колдовству, создала из ворон-гигантов целую воздушную эскадру, разгромившую вражеских драконов. Однако обращение к ворожбе принижало образ Элли: во всех остальных книгах серии девочка Элли и сменившая ее затем сестра Энни (обе — самые обычные дети из Канзаса) оказывались сильнее любых волшебников, властителей и воевод исключительно благодаря своей доброте, простоте, отзывчивости, смекалке, отваге, наконец, дружеской взаимопомощи, но только не владению колдовством [Овчинникова 2003].

В новой версии «Семи королей» Волков избавил Элли от несвоей ей роли ворожбы. И хотя магический компонент в финале сказки все-таки сыграл свою роль, представ в виде чудесной Усыпительной воды, перевоспитавшей королей-тунеядцев, однако само появление этой воды из разрушенного источника было обеспечено вполне прозаически — источник восстановили при помощи буровой техники. Рецензент Т. К. Кожевникова усмотрела в этом

забавный смысловой перевертыш, переосмысляющий устарелые сказочные шаблоны в новаторском духе советской эпохи: уже не магия приходит на помощь людям, чтобы решить их проблемы, а сами люди благодаря труду и научным знаниям дают вторую жизнь ослабевшему чуду [Кожевникова 1968].

9 июня 1964 г. второй вариант «Королей» был дописан, и Волков отметил в дневнике, что на этом завершает всю трилогию, продолжать которую не будет⁷. Из 192 страниц рукописи лишь 18 были взяты из первого варианта; таким образом, вторая редакция «Семи подземных королей» могла по праву считаться не просто доработкой исходного черновика, но практически новой рукописью.

Основные различия между первой и второй редакциями сказки представлены в Таблице 1. Большинство внесенных автором смысловых изменений можно разделить на три категории:

1) адаптация к детскому восприятию (в таблице отмечена литерой Д) — стремление сделать сказку *ярче, красочнее, веселее*, и, главное, *добрее* (последний мотив настолько значим, что представляется оправданным вынести его в отдельную категорию — «гуманизация»);

2) гуманизация (литера Г) — устранение избыточной жестокости, кровавых сцен, гибели персонажей, минимизация лексики, связанной со смертью;

3) усиление логики повествования (литера Л) — упрочение причинно-следственных связей, слаженности сюжета, композиционной структуры, психологической достоверности характеров персонажей, акцентуация характерных для советской идеологии нравственных ценностей, в общем, выправление недочетов и слабых мест, замеченных редакторами, тестовой аудиторией и самим автором.

Добавленное автором в финале предсказание феи Рамины, навеки закрывшее для Элли путь в Волшебную страну, стало заключительным логическим аккордом, превратившим серию сказок Волкова в завершенное (как тогда казалось) произведение-трилогию.

Впрочем, решение Волкова распрощаться с Волшебной страной оказалось преждевременным. Три года спустя, в июне 1967 г., писатель задумал сюжет четвертой сказки, получившей название «Огненный бог Марранов» [Дневник, кн. 16, 13.06.1967, 157]. За ней последовала пятая, «Желтый Туман», затем шестая, «Тайна заброшенного замка», и планировалась седьмая — предыстория о приключениях Гудвина до того, как он стал Волшебником Изумрудного города [Дневник, кн. 7, 06.04.1968, 138; Дневник, кн. 20,

Таблица 1. Основные различия между 1-й и 2-й редакциями «Семи подземных королей»

Основные различия	1-я редакция (1963)	2-я редакция (1964)	Характер правки
спутник Элли	дядя Чарли	брат Фред	Д
волшебство	увеличение ворон	Усыпительная вода	Д, Г
путешествие в Волш. страну	полет на гигантских воронах	на лодке по подземной реке	Д
роль Элли и ее спутника	спасают друзей в Волш. стране	нуждаются в помощи друзей из Волш. страны	Л
решение конфликта	войной	дипломатией	Г
предыстория Подзем. царства	не ясна (теряется в глубине веков)	детализована в отдельную сюжетную линию	Л
появление Волш. страны	не объясняется	создана великим волшебником Гуррикапом	Л
Урфин Джюс	перевоспитался и помогает Элли	отсутствует	Л
волшебная сила у Элли	делегирована ей феей Виллиной	отсутствует	Л
тема научно-технического прогресса	второстепенна (оснащение армии, расчистка пути в Подземелье)	ключевая (восстановление источника Усыпительной воды)	Л
судьба королей	свержение	усыпление и перевоспитание	Г
судьба Руфа Билана	повешен	усыплен на 10 лет	Г
народ рудокопов (в финале)	остаётся в Пещере	переселяется наверх	Л, Д
будущее Элли	не оговаривается	Элли больше не вернется в Волшебную страну	Л

15.11.1970, 167–168]. Приступить к работе над этим, последним сюжетом, Волков уже не успел.

Влияние Л. В. Владимирского

Однако в 1964 г. до новых сказок было еще далеко; прежде нужно было довести до публикации рукопись «Семи королей». Редакция одобрила новый вариант повести [Дневник, кн. 15, 16.03.1965, 149]. Наступил этап иллюстрирования. Оформить книгу издатель-

ство «Советская Россия» предложило Леониду Владимировскому, уже работавшему с предыдущими повестями из этого цикла⁸.

После долгих проволочек, связанных с медлительностью редакторов, нехваткой бумаги, косностью издательских планов и прочими организационными трудностями, договор на сказку был подписан, и в сентябре 1966 г. Волкову был представлен макет будущей книги с иллюстрациями Владимировского.

Качество иллюстраций Волков оценил высоко, но был совершенно обескуражен тем фактом, что Владимировский без согласования с ним внес поправки в текст, поменяв местами нескольких королей. Это привело не только к расхождению с журнальной версией сказки и с готовившимся параллельно к печати ташкентским изданием, но и к логическим нестыковкам в сюжете, которые по сей день замечают внимательные читатели. Так, например, в одной сцене короли Ментахо и Арбусто названы почти ровесниками [Волков 1967, 86], а в другой указывается, что Ментахо — здоровяк в расцвете сил, в то время как Арбусто — дряхлый старец [Волков 1967, 202–203]. Скепсис у Волкова вызвало и то, что едва ли не половину королей Владимировский, вопреки тексту, изобразил детьми.

Следует отметить, что в ходе работы над циклом книг о Волшебной стране Волков не раз вносил изменения в тексты сказок по советам Владимировского — как на стадии рукописи, так и при подготовке переизданий после состоявшейся публикации. Именно так в редакции «Волшебника Изумрудного города» 1959 г. вместо Безруких Коротышей (из изданий 1939 г. и 1941 г.) появились Прыгуны, а Прекрасную Женщину (одну из фальшивых личин лжеволшебника Гудвина) сменила Морская Дева [Волков 1939; Волков 1941; Волков 1959; Григорян 2022]. Некоторые подсказки Волков принимал с неохотой, другие с энтузиазмом, отмечая энергичность Владимировского⁹. Однако до случая с перестановкой королей (как, впрочем, и после) не было прецедентов вмешательства Владимировского в текст без ведома Волкова.

Внесенные самовольно правки смущенный Владимировский объяснил необходимостью соблюдения цветовой гаммы, достижения гармонии на рисунках и т.д. Поскольку изменения были подкреплены готовыми иллюстрациями, а книга уже подписана к печати, поправить дело было нельзя [Дневник, кн. 16, 22–25.09.1966, 208–214]. Пришлось Волкову смириться с получившейся путаницей. Размолвка между автором и художником окончилась миром¹⁰, и в дальнейшем оба они вспоминали тот случай с юмором. В це-

лом умение Владимирского придать рисункам юмористический характер благотворно повлияло на восприятие сказок читательской аудиторией и, в известной мере, уравнило свойственные Волкову устремления к патетике, трагизму, реалистической серьезности повествования, временами проступавшей сквозь игровую ткань сказок.

Показательна в этом смысле судьба драконов. В первой редакции «Семи подземных королей» драконы выступали исключительно в качестве злобных чудовищ — «военно-воздушных сил» подземной армии, враждебной положительным героям. Внешность и поведение драконов описывались в сугубо негативных тонах. В финале все драконы погибали, уничтоженные гигантскими воронами, о чем автор сообщал с нескрываемым удовлетворением [Волков 1963а, 155]. Однако Владимирский к воплощению образа драконов подошел нестандартно. Его драконы визуально восходили не к образу змея, типичного, к примеру, для изображения китайских драконов, и не к крокодилам, как их иногда рисуют, иллюстрируя детские сказки, а к раскинувшей крылья летучей мыши (о чем сам Владимирский рассказывал много лет спустя в одной из передач для детей). Морде дракона художник придал добродушное, даже улыбочивое выражение. И вот, во второй редакции «Семи королей» уже появляется смысленный ручной дракон Ойххо, который в финале переносит Элли и Фреда на родину. Обаятельный Ойххо полюбился читателям и стал постоянным персонажем всех следующих сказок Волкова.

Похожая метаморфоза, благодаря Владимирскому, произошла с другой разновидностью подземной фауны — придуманными Волковым зверьми-Шестилапами. В текстах Волкова Шестилапы описаны как массивные создания со светящейся белой шерстью, агрессивные и всеядные. Во второй книге цикла имеется даже сцена битвы друзей Элли с подземным чудищем-Шестилапом. Владимирскому образ Шестилапого долго не давался [Дневник, кн. 22, 10.01.1973, 211], но, в конце концов, художник нашел решение, изобразив зверя похожим на неуклюжего добродушного бегемота серо-бурой окраски. Более того, Владимирский добавил в макет «Семи королей» рисунок — детскую игрушку рудокопов в виде малыша-Шестилапого с уморительной рожицей и широкой улыбкой, хотя в тексте такая игрушка не фигурирует. Рисунок стал одним из наиболее популярных в оформлении сказки. А Шестилапы в продолжениях цикла ни разу больше не проявляли враждебности к людям.

Идеологический дрейф и гуманизация нравов

В декабре 1967 г. повесть Волкова «Семь подземных королей» с красочными иллюстрациями Владимирского была опубликована издательством «Советская Россия» [Дневник, кн. 17, 11.12.1967, 14] и сразу завоевала у детской аудитории огромную популярность, подобно всем прочим книгам цикла о Волшебной стране. Как отмечали сотрудники книжных магазинов, сказки Волкова, едва появившись на прилавках, раскупались в кратчайшие сроки¹¹. На писателя и художника обрушился шквал читательских писем¹². Дети делились впечатлениями, требовали продолжения, просили выслать им книги. Существенную долю читательской почты составляли просьбы вернуть в сюжет будущих сказок девочку Элли вопреки предсказанию мышинной феи Рамины.

Но в этом вопросе Волков не уступил. Решившись продолжить серию, он заменил Элли младшей сестрой, маленькой Энни. Впрочем, в тексте «Огненного бога Марранов» Волков оговорил, что сестры похожи как две капли воды, а Владимирский в точности отразил сходство, изобразив Энни идентичной копией Элли. У подобного решения имелись свои преимущества и недостатки [Спынь 2022], но детальное их рассмотрение могло бы стать темой отдельной статьи о судьбе второй трилогии Волкова.

Хотя детская аудитория приняла сказку Волкова о Семи королях с неподдельным восторгом¹³, в среде взрослых читателей звучали и скептические отзывы, касавшиеся идеологического базиса книги, а именно перевоспитания королей из нахлебников в тружеников: как отметил один из корреспондентов Волкова¹⁴, «король никогда не будет кузнецом», «борьба на идеологическом фронте продолжается и никогда не прекратится, пока есть две системы [социализма и капитализма]», «сказка должна воспитывать детей в классовом духе» [Лит. док. Т. 19]. Рецензент Т. К. Кожевникова дала перевоспитанию королей иную оценку: «Писатель верит в природную неиспорченность человеческой природы, в то, что естественное состояние человека — это положение труженика в коллективе, а не обладание властью над себе подобными» [Кожевникова 1968]. Впрочем, официальная литературная критика обошла эту тему стороной, и сказки Волкова продолжали издаваться огромными тиражами.

Ретроспективный взгляд на события минувшего века позволяет сделать вывод, что сказка Волкова «Семь подземных королей» отразила переходный этап эволюции советской идеологии. В более раннюю эпоху сама мысль о возможности гуманного перевоспита-

ния королей была бы сочтена неприемлемой для советской детской литературы, где короли традиционно трактовались как неисправимое социальное зло, угнетатели простого народа, подлежащие свержению с последующим арестом, изгнанием или истреблением.

В сказке Волкова короли остаются злом, но все больше приобретают человеческие черты; градус ненависти к ним снижается, появляется возможность писать о них с добродушной иронией и даже с симпатией, изображать их на рисунках с теплотой, присущей иллюстрациям Владимирского (показателен рисунок, где трое из семи королей — маленькие дети [Волков 1967, 2]), зарождается вера в возможность сделать из короля «настоящего человека». А первый шаг к «очеловечиванию» короля — представление его в ипостаси ребенка, с присущей тому невинностью, душевностью, добротой. Такой подход активно вошел в советскую детскую литературу как раз в 1960-е гг.

Так, например, к этому же периоду относится известная повесть Л. А. Кассиля «Будьте готовы, Ваше высочество!» о принце-ребенке из вымышленной страны, ставшем пионером в СССР [Кассиль 1964]. В 1960-е гг. получила широкое распространение в Советском Союзе сказка А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц» (1943), напечатанная в 1959 г. в журнале «Москва» в переводе Н. Галь; с 1964 г. ставились пьесы по сказкам польского писателя Я. Корчака о Короле Матиуше (1923¹⁵) [Корчак 1924; Корчак 1972]. Владимирский интуитивно угадал путь трансформации образа королей «через детство» и отразил его на иллюстрациях даже вопреки тексту Волкова.

Можно добавить, что в следующие десятилетия, особенно после распада СССР, короли в отечественной детской литературе были окончательно реабилитированы, а романтизированные образы принцесс и принцев заполнили книжный рынок и киноиндустрию.

Показательна в этом смысле метаморфоза сказок С. Л. Прокофьевой, герои которых в 1960-е — 1980-е гг. боролись против злых королей и презирали каверзных бездельниц-принцесс [Прокофьева 1967; Прокофьева 1972; Прокофьева 1986], а с 1990-х гг. сами превратились в принцесс и принцев, теперь уже добродушных и благородных [Прокофьева 1996; Прокофьева 2010]. Конечно, в случае С. Л. Прокофьевой вряд ли можно говорить о влиянии Волкова¹⁶ на идейную эволюцию ее сказок. Хотя в архиве Волкова сохранился набросок письма молодой писательнице с кратким дружеским отзывом на ее сказку «Неизвестный с хвостом» (1963) [Лит. док. Т. 9, 29.05.1963; Прокофьева 1963], свидетельствующий

о знакомстве двух литераторов, не вызывает сомнения, что Софья Прокофьева — вполне самобытный, самостоятельный автор. Скорее, следует допустить, что в сказках обоих писателей подспудно отразились тектонические сдвиги позднесоветской идеологии, менявшейся в определенном направлении — к ослаблению классового антагонизма и смягчению нравов.

Гуманизация общественных нравов ярко проявилась в советской авторской сказке 1950-х — 1970-х гг. Возобладало представление о том, что сказка, сохраняя воспитательную основу (но уже в более тонкой, завуалированной и ненавязчивой форме), должна быть веселой, доброй, оптимистичной, со счастливым концом. Дети в сказке не должны гибнуть или становиться калеками, в какие бы передрыги ни попадали¹⁷. Со злодеями, даже самыми закоренелыми, надлежит справляться бескровно. Да и сами злодеи в сказочном мире должны выглядеть забавно и глуповато, чтобы не слишком пугать читателя-ребенка.

В полной мере эти тенденции воплотил и Л. В. Владимирский, иллюстрируя сказки А. М. Волкова, в том числе «Семь подземных королей». На отдельных рисунках художник, идя порой вразрез с текстом, прибегает к настоящему гротеску, комично преувеличивая те или иные характеристики королей и прочих жителей Подземного царства. Так, король, отличавшийся полнотой, изображен непомерно пузатым, «в три обхвата», коротышкой, едва ли не карликом [Волков 1967, 23]. Другой король, кичившийся высоким ростом, представлен в виде худющего переростка, вдвое выше и впятеро тоньше своего тучного собрата [Волков 1967, 22]. Мягкий юмор Владимирского заметен также в изображении костюмов подземных жителей, деталей интерьера и т.д. Например, головные уборы ремесленников и чиновников на ряде рисунков выполнены в форме их «орудия ремесла»: у виночерпия на голове перевернутый кубок, у министра продовольствия — тарелка с фруктами, у сапожника — шляпа в виде башмака и т.п. [Волков 1967, 29, 90–91], хотя в тексте сказки ничего подобного нет.

Заключение

Судьба повести «Семь подземных королей» стала поворотной для всего цикла. Допущенный Волковым в черновой редакции сказки чрезмерный уклон в воинственный реализм мог привести к овзроslению всех дальнейших книг серии и к потере сложившейся аудитории, но был своевременно скорректирован, в том числе

благодаря Л. В. Владимирскому. Сам Волков, спустя четыре года после отклонения первой версии «Королей», перечитал ее и согласился с решением издательства. В дневнике он оставил запись: «Правильно сделали в „Советской России“, что забраковали эту сказку. Очень жестокая книга! Сколько в ней крови, сколько гибнет в войне и птиц, и животных, и людей... Война пронизывает всю повесть, от начала до конца, и сказка оставляет очень тяжелое впечатление... Много труда я затратил на эту сказку, но не жалею о ее судьбе. Она выпадает из общего плана эпопеи — такого солнечного и радостного колорита Волшебной страны. „Огненный бог [Марранов]“ — совсем другое дело. Тут и войны какие-то игрушечные, без единого убийства, и все заканчивается веселым аккордом — игрой!» [Дневник, кн. 16, 25.08.1967, 190а–190б]

Сотворчество Волкова и Владимирского продлилось двадцать лет, с 1957 г. до конца жизни Волкова¹⁸. Авторская оценка труда и таланта художника была столь высока, что Волков даже называл Владимирского своим соавтором [Галкина 2006, 159; Лит. док. Т. 15] и признавался, что представляет своих героев именно такими, какими их изобразил художник Владимирский [Лит. док. Т. 28].

Примечания

- ¹ Насчет крыс редактор Ю. С. Новиков допустил неточность. По сюжету «Волшебника Изумрудного города» героям противостоят кровожадные волки, воробьи и пчелы; крысами же колдунья Бастинда лишь голословно пугает Элли.
- ² Об этих раздумьях и коррективах свидетельствует дневниковая запись Волкова от 25 марта 1964 г.: «...говорил с Вивой о новом сюжете и, между прочим, о том, как мне перенести Элли в Волшебную страну. Вива говорил о подземном ходе или подземной реке. Я и сам об этом думал, еще когда писал „Урфина“, и теперь решил, что, пожалуй, это будет лучше всего. По подземной реке моряк и Элли попадут сразу в Пещеру — и выручить их должен Страшила — услуга за услугу! Наметилось много оригинального, например, сон королей с их семьями и дворами в промежутках между правлениями страной» [Дневник, кн. 14, 25.03.1964, 151].
- ³ На полях машинописи первой редакции «Семи подземных королей» сохранилась редакторская пометка Ю. С. Новикова: «Неверно! Не в характере Урфина», относящаяся к следующему пассажи:

«Весть о новом предательстве Руфа Билана не удивила Урфина.

— Я всегда ждал от этого молодца чего-нибудь подобного. У него не было ни капельки привязанности к своей стране... Впрочем, не мне

его осуждать, — спохватился Урфин, — я сам был такой. Но поверьте, я совсем изменился, мне дан хороший урок.

— А мы в этом и не сомневались, — заверила Элли. — Потому я и явилась к вам просить помощи.

— Помощи? Моей помощи?!

Угрюмое лицо Урфина Джюса засияло восторгом, радость и гордость наполнили его душу. Как?! Значит, он еще не пропащий человек, коли в него верят, коли считают, что он может искупить свои преступления?!»

- ⁴ В дневниковой записи Волкова от 14 апреля 1964 г. сказано: «Вечером был Владимирский. Обсуждали план „Семи подземных королей“. Он сделал ценные замечания. Упор надо сделать на Пещеру, ее странную жизнь, на ситуации, связанные с усыпительной водой (идея эта очень ему понравилась). Путешествие Элли и Чарли под землей — вспомогательный момент, не надо его развивать. Провести их, и дальше опять — Пещера» [Дневник, кн. 14, 14.04.1964, 162].
- ⁵ Среди поклонников сказок А. М. Волкова на интернет-форуме «Изумрудный город» бытует гипотеза, что имя Гуррикан, первоначально данное Волковым чародею-великану, основателю Волшебной страны, могло восходить к имени бога ветра Хуракана из пантеона майя, от которого, как считается, произошло слово «ураган». Подтверждений, как, впрочем, и опровержений этой гипотезы в материалах архива А. М. Волкова обнаружить не удалось. Остались неизвестными и причины замены имени волшебника в книжной редакции сказки на вариант Гуррикап. Примечателен однако тот факт, что отправной точкой сюжетов первых двух сказок Волкова послужил именно ураган: в «Волшебнике Изумрудного города» ураган уносит домик с Элли в Волшебную страну, а в завязке «Урфина Джюса» семена живительного растения занесены ураганом на огород титульного героя. Не менее любопытна в этом контексте дневниковая запись А. М. Волкова от 20 января 1942 г.: «Художественный руководитель [алма-атинского кукольного] театра рассказывала мне о постановке „Волшебника“; оказывается, они решили, что действие сказки разворачивается в стране древних ацтеков или майев. Сообразно с этим они и оформили пьесу, причем познакомились с литературой о стране майев. На мысль о майях их натолкнули строки повести: „Страна Гудвина отделена от всего остального мира великой пустыней“; поэтому они поместили ее на Мексиканском плоскогорье» [Дневник, кн. 4, 20.01.1942, 34].
- ⁶ Например, в «Урфине Джюсе» армию жестоких деревянных солдат, оживленных чудесным порошком, побеждают при помощи обыкновенной пушки, олицетворяющей собой достижения науки и техники цивилизованного мира [Волков 1963]; в «Желтом Тумане» коварной колдунье-великанше Арахне противостоит гигантский человекопо-

добный робот, сконструированный защитниками Изумрудного города [Волков 1974], и т.п.

- ⁷ Утомление автора от работы над сказкой отражает эмоциональная запись в дневнике за 9 июня 1964 г.: «Итак окончен 2ой вариант — и вся трилогия, потому что продолжать я ее не буду! Конечно, еще много надо работать над отделкой» [Дневник, кн. 14, 09.06.1964, 177].
- ⁸ К тому времени сокращенная версия сказки уже вышла в журнале «Наука и жизнь» с рисунками Л. Смехова [Волков 1964].
- ⁹ Показательна дневниковая запись Волкова от 21 октября 1957 г.: «Был опять у меня Владимирский с рисунками. Вот активный художник! Он вмешивается в построение книги, просит о перестановках, указывает на неудачные места. Впервые встречаю художника, который с такой любовью и старанием относится к своей работе и для которого книга так дорога, как свое собственное творение. Это не халтурщик типа Милашевского...» [Дневник, кн. 10, 21.10.1957, 34–35].
- ¹⁰ В дневниковой записи от 23 сентября 1966 г. Волков зафиксировал свои впечатления от этого казуса: «Взял с собой гранки и сел читать. Когда дошел до главы „Катастрофа“, то понял, что настоящая катастрофа произошла с книгой! Владимирский самоуправно перевернул королей и их цвета. Все пошло кувыркком: с текстом ташкентского издания (и тем, что опубликован в „Науке и Жизни“) получается масса разночтений. Я был крайне возмущен и выразил это возмущение резкими репликами на полях. Ужасное безобразие!» [Дневник, кн. 16, 23.09.1966, 209]. В записи от 24 сентября Волков приводит пояснения Владимирского: «...я позвонил Владимирскому. Он пыхтел и мялся, а потом признался, что вся эта история дело его рук. Он, видите ли, хотел соблюсти гамму и получить гармонию и все такое прочее. А о том, что получится расхождение с другими изданиями, он не потрудился подумать. Договорились о том, что завтра он придет с макетом, и мы будем думать, как спасти положение» [Дневник, кн. 16, 24.09.1966, 210]. Наконец, запись от 25 сентября знаменует примирение автора и художника: «Пришлось махнуть рукой и согласиться на то, чтобы книга осталась в таком виде, как он ее „отредактировал“. <...> Дав отпущение грехов Владимирскому, пришлось отрезать мои замечания на полях. <...> Самую резкую реплику, где говорилось о поразительной бесцеремонности, Владимирский выпросил у меня „на память“. Пусть читает и поучается. И все же пришлось пойти на мировую — иначе нельзя. <...> Решили, что если будут читательские письма, отмечающие разночтения, будем все валить на художника. Тут-де, мол, гамма цветов и требование гармонии и прочая чепуха... <...> Владимирский ушел страшно довольный». [Дневник, кн. 16, 25.09.1966, 212–214].
- ¹¹ Редактор минского издательства «Народная асвета» Л. С. Курбеко писал А. М. Волкову, что спрос на его сказки огромен, их «прямо с руками рвут» [Дневник, кн. 24, 12.12.1974, 59].

- ¹² Как отмечал сам А. М. Волков: «Я получил тысячи писем с похвальными отзывами о моих сказках...» [Волков 1978; Галкина 2006, 177]. В 2002 г. массив из 420 детских писем А. М. Волкову за 1968–1971 гг. был передан его внучкой, К. В. Волковой, в дар Томскому музею «Волшебная страна», и это лишь часть обширной корреспонденции Волкова за указанный период [Галкина 2006, 177].
- ¹³ В подавляющем большинстве детских писем, полученных А. М. Волковым, его сказки и иллюстрации Л. В. Владимирского удостоились самых высоких оценок. Приведем лишь несколько характерных цитат: «Очень Вас прошу, напишите еще много приключений Элли и ее друзей. Иллюстрации Л. Владимирского мне очень понравились, и прошу такие же рисунки сделать к новой книге». (Галя Бизяева, 2 класс, г. Владивосток) [Галкина 2006, 178]; «Я читал книгу „Семь подземных королей“. Она мне очень понравилась. Красивые картинки художника Л. Владимирского... Я бы еще читал много и много о Волшебной стране» (Валера Назаров, 6 класс) [Лит. док. Т. 21]; «Я люблю книги, как, например: Малыш [и] Карлсон, который живет на крыше... Буратино, и три [сказки], написанные Волковым и др. Мне... очень хочется [прочесть] еще даже две повести о Волшебной стране. Я очень огорчилась, когда мышь Рамина сказала, что Элли больше не увидит друзей. Мне очень понравились красочные иллюстрации Владимирского. Я бы очень хотела иметь портрет: Элли, нарисованная Владимирским» (Наташа Шумкова, 6 класс, ст. Сысоево Ростовской обл.) [Лит. док. Т. 18]; «Я читала все три сказочные повести... Я даже не могу сказать, как они мне понравились. Они у меня служат как бы настольными книгами. <...> ...это лучшие книги в моей библиотеке, а она у меня не маленькая. <...> Все мои знакомые любят эти книги, мы даже читали их вслух... Я не знаю, как просить, умолять, говорить об этом вам, Александр Мелентьевич! Я даже плакала, когда узнала, что это последняя книга, я просто не могу расстаться с Элли и всеми персонажами ваших книг. Они стали моими друзьями. Еще раз прошу вас написать новую повесть о них» (Надя Борисова, 8 класс, г. Уяр Красноярского края) [Лит. док. Т. 27]. Показателен отзыв взрослой читательницы: «Я знаю, как многие мечтают приобрести эти книги. Их и взрослым приятно почитать, хоть на немного вернуться в свое детство, посмотреть на яркие, словно живые, портреты героев (не рисунки, а портреты, так назвал их мой сынишка [Саша], и я с ним полностью согласилась). <...> Рисунки Л. Владимирского он считает живыми. „Ведь никто не утерпит, чтобы не прочитать сказку, если хоть глазочком посмотрит на Страшилу, Льва, Тоттошку“, — утверждает Саша. Уважаемая редакция... доставьте нашим детям и нам, взрослым, радость, издайте, пожалуйста, эти книги большим тиражом. Как нам хочется купить новые сказки Волкова! Нет слов, чтобы выразить сердечную благодарность Александру Мелентьевичу и Леониду

Викторовичу за эти прекрасные книги» (И. Н. Коршикова, Москва) [Лит. док. Т. 24]. В некоторые письма дети добавляли свои рисунки по мотивам иллюстраций Л. В. Владимирского. Особенно лестным для автора и художника стал случай, когда шесть девочек из г. Воткинска переписали от руки сказки «Урфин Джюс» и «Семь подземных королей» и перерисовали иллюстрации Владимирского к ним [Галкина 2006, 166; Лит. док. Т. 18, 06.04.1968]. Многие дети предлагали свои варианты сюжетов для будущих сказок о Волшебной стране.

- 14 А. М. Волков поддерживал переписку с широким кругом корреспондентов — коллегами по перу, переводчиками, рецензентами, журналистами, редакторами, театральными деятелями, а также с земляками, своими бывшими учениками, друзьями и знакомыми разных лет, нередко отвечал на детские письма. Некоторым корреспондентам, в том числе Анатолию Волкову, Т. К. Кожевниковой, А. О. Саксе, В. Н. Бондаренко, Е. П. Брандису и др., по сложившемуся постепенно обычаю, Волков высылал на отзыв рукописи своих новых произведений до публикации в издательствах, стараясь затем, по возможности, учесть замечания и исправить найденные ошибки. Нередки были и случаи, когда давние знакомые Волкова сами считали нужным поделиться с ним впечатлениями о его уже вышедших книгах; пример с критикой перевоспитания королей относится как раз к таким случаям.
- 15 В СССР книги о Матиуше стали активно издаваться с 1972 г., почти полвека спустя после раннего перевода 1924 г.
- 16 Тем не менее прямое влияние сказочного цикла Волкова на отечественную детскую литературу прослеживается в произведениях таких авторов, как К. Булычев [Булычев 1978], Д. Ю. Суслин [Суслин 1998], Т. Ш. Крюкова [Крюкова 1996] и др., где-то в виде явных цитат и отсылок, где-то на идейном и/или сюжетном уровне. Впрочем, представляется, что этот вопрос достоин стать темой отдельного исследования.
- 17 Отметим попутно, что тема сиротства, повсеместная для детской литературы XIX — первой половины XX вв. уже к 1960-м — 1970-м гг. заметно утратила свои позиции, а тема нищеты ушла полностью.
- 18 А. М. Волков (1891–1977) ушел из жизни, не застав книжной публикации заключительной сказки цикла, «Тайна заброшенного замка» (1982). Иллюстрации к этой сказке Л. В. Владимирский делал, уже не имея возможности согласовать их с А. М. Волковым. В некотором смысле сотворчество Л. В. Владимирского с А. М. Волковым заочно продолжилось в 1990-е годы, когда Волкова уже не было в живых. В 1996 г. вышла сказка «Буратино в Изумрудном городе», написанная и проиллюстрированная Владимирским [Владимирский 1996].

*Литература**Источники*

Бульчев 1978 — Бульчев К. Сто лет тому вперед. М.: Детская литература, 1978.

Владимирский 1996 — Владимирский Л. В. Буратино в Изумрудном городе. М.: Астрель, 1996.

Волков 1939 — Волков А. М. Волшебник Изумрудного города. М.-Л.: Детиздат ЦК ВЛКСМ, 1939.

Волков 1941 — Волков А. М. Волшебник Изумрудного города. М.-Л.: Детиздат ЦК ВЛКСМ, 1941.

Волков 1959 — Волков А. М. Волшебник Изумрудного города. М.: Советская Россия, 1959.

Волков 1962–1963 — Волков А. М. Урфин Джюс и его деревянные солдаты (в сокращении) // Пионерская правда. 1962. № 100–103; 1963. № 2, 4–5, 7, 10–14, 18–19, 21.

Волков 1963 — Волков А. М. Урфин Джюс и его деревянные солдаты. М.: Советская Россия, 1963.

Волков 1963a — Волков А. М. Семь подземных королей (вариант 1, рукопись). 1963 // Фонды Детского музея «Волшебная страна» им. А. М. Волкова ТГПУ.

Волков 1964 — Волков А. М. Семь подземных королей // Наука и жизнь. 1964. № 10, окт. С. 73–83; № 11, нояб. С. 126–137; № 12, дек. С. 120–129.

Волков 1967 — Волков А. М. Семь подземных королей. М.: Советская Россия, 1967.

Волков 1974 — Волков А. М. Желтый туман. М.: Советская Россия, 1974.

Волков 1978 — Волков А. М. Повесть о жизни // Вслух про себя. Сборник статей и очерков советских детских писателей. Кн. 2. М.: Дет. лит., 1978. С. 61–78.

Дневник, кн. 4 — Дневник. Книга 4 (4 декабря 1941 — 5 февраля 1943) // Архив А. М. Волкова.

Дневник, кн. 10 — Дневник. Книга 10 (13 июня 1957 — 29 июля 1958) // Архив А. М. Волкова.

Дневник, кн. 13 — Дневник. Книга 13 (8 октября 1961 — 9 марта 1963) // Архив А. М. Волкова.

Дневник, кн. 14 — Дневник. Книга 14 (10 марта 1963 — 9 июня 1964) // Архив А. М. Волкова.

Дневник, кн. 15 — Дневник. Книга 15 (10 июня 1964 — 31 декабря 1965) // Архив А. М. Волкова.

- Дневник, кн. 16* — Дневник. Книга 16 (1 января 1966 — 1 ноября 1967) // Архив А. М. Волкова.
- Дневник, кн. 17* — Дневник. Книга 17 (2 ноября 1967 — 1 ноября 1968) // Архив А. М. Волкова.
- Дневник, кн. 20* — Дневник. Книга 20 (1 февраля 1970 — 3 января 1971) // Архив А. М. Волкова.
- Дневник, кн. 22* — Дневник. Книга 22 (1 января 1972 — 5 марта 1973) // Архив А. М. Волкова.
- Дневник, кн. 24* — Дневник. Книга 24 (28 мая 1974 — 31 декабря 1975) // Архив А. М. Волкова.
- Кассиль 1964* — Кассиль Л. А. Будьте готовы, Ваше высочество! // Костер, 1964. № 10, окт. С. 9–27; № 11, нояб. С. 15–33; № 12, дек. С. 17–35.
- Корчак 1924* — Корчак Я. Приключения Короля Матюша / пер. с польск. Ю. Н. Райтлер. Л.: Прибой, 1924.
- Корчак 1972* — Корчак Я. Король Матиуш Первый; Король Матиуш на необитаемом острове / пер. с польск. Н. Подольской. М.: Детская литература, 1972.
- Крюкова 1996* — Крюкова Т. Ш. Хрустальный ключ: Повесть-сказка. М.: Армада, 1996.
- Лит. док. Т. 9, 05.02.1963* — Письмо Ал-дру Волкову от Анат. Волкова, 05.02.1963 // Архив А. М. Волкова. Литературные документы. Т. 9 (январь — декабрь 1963). Фото 36–40.
- Лит. док. Т. 9, 29.05.1963* — Набросок письма С. Л. Прокофьевой от А. М. Волкова, 29.05.1963 // Архив А. М. Волкова. Литературные документы. Т. 9 (январь — декабрь 1963). Фото 97–98.
- Лит. док. Т. 11, 04.05.1964* — Письмо Ал-дру Волкову от Анат. Волкова, 04.05.1964 // Архив А. М. Волкова. Литературные документы. Т. 11 (апрель — декабрь 1964). Фото 48–58.
- Лит. док. Т. 11, 08.06.1964* — Письмо А. М. Волкову от А. О. Саксе, 08.06.1964 // Архив А. М. Волкова. Литературные документы. Т. 11 (апрель — декабрь 1964). Фото 74–77.
- Лит. док. Т. 15* — Письмо Т. К. Кожевниковой от А. М. Волкова, 07.09.1967 // Архив А. М. Волкова. Литературные документы. Т. 15 (февраль — ноябрь 1967).
- Лит. док. Т. 18* — Письмо А. М. Волкову от Н. Шумковой // Архив А. М. Волкова. Литературные документы. Т. 18 (апрель — сентябрь 1968). Фото 12–15.
- Лит. док. Т. 18, 06.04.1968* — Письмо А. М. Волкову от Г. Рахматулиной, получ. 06.04.1968 // Архив А. М. Волкова. Литературные документы. Т. 18 (апрель — сентябрь 1968). Фото 3–6.

Лит. док. Т. 19 — Письмо А. М. Волкову // Архив А. М. Волкова. Литературные документы. Т. 19 (октябрь 1968 — март 1969). Фото 7–8.

Лит. док. Т. 21 — Письмо А. М. Волкову от В. Назарова, 12.12.1969 // Архив А. М. Волкова. Литературные документы. Т. 21 (апрель — декабрь 1969). Фото 59.

Лит. док. Т. 24 — Письмо А. М. Волкову от И. Н. Коршиковой // Архив А. М. Волкова. Литературные документы. Т. 24 (май — ноябрь 1970). Фото 72–75.

Лит. док. Т. 27 — Копия письма А. М. Волкову от Н. Борисовой, получ. 22.12.1969 // Архив А. М. Волкова. Литературные документы. Т. 27 (декабрь 1971 — декабрь 1972). Фото 114–115.

Лит. док. Т. 28 — Письмо Л. В. Владимирскому от А. М. Волкова, 31.12.1972 // Архив А. М. Волкова. Литературные документы. Т. 28 (январь — ноябрь 1973). Фото 37–40.

Прокофьева 1963 — Прокофьева С. Л. Неизвестный с хвостом. М.: Детский мир, 1963.

Прокофьева 1967 — Прокофьева С. Л. Сказка о ветре в безветренный день. М.: Детская литература, 1967.

Прокофьева 1972 — Прокофьева С. Л. Лоскутик и Облако. М.: Детская литература, 1972.

Прокофьева 1986 — Прокофьева С. Л. Глазастик и ключ-невидимка. М.: Детская литература, 1986.

Прокофьева 1996 — Прокофьева С. Л. Принцесса Уэнни. М.: Армада, 1996.

Прокофьева 2010 — Прокофьева С. Л. Подземный принц. М.: TriMag, 2010.

Суслин 1998 — Суслин Д. Ю. Принц Белой башни. М.: Армада, 1998.

Твен 1936 — Твен М. Приключения Тома Сойера / пер. с англ. К. Чуковского. М.–Л.: Детиздат, 1936.

Исследования

Галкина 2006 — Галкина Т. В. Незнакомый Александр Волков в воспоминаниях, письмах и документах / Т. В. Галкина; Том. гос. пед. ун-т. Томск: ТГПУ, 2006.

Григорян 2022 — Григорян Л. А. Сопоставление редакций сказки «Волшебник Изумрудного города» А. М. Волкова: послепубликационный этап доработки текста // Детская книга в цифровую эпоху: сб. тр. по материалам Всеросс. с междунар. участием науч.-практ. конференции (Томск, 2–3 декабря 2021 г.) / Том. гос. пед. ун-т; ред. колл.: Т. В. Галкина, М. В. Курьшева, М. Л. Левченко, Е. К. Макаренко, Н. А. Медова, Е. А. Полева, Е. А. Сафонова. Томск: Изд-во ТГПУ, 2022. С. 8–19.

Кожевникова 1968 — Кожевникова Т. К. Остроумная революция // Архив А. М. Волкова. Литературные документы. Т. 18 (апрель — сентябрь 1968). Фото 75–83. Рец. на кн.: Волков А. М. Семь подземных королей. М.: Советская Россия, 1967. 230 с.

Латова 2002 — Латова Н. В. Чему учит сказка? (О российской ментальности) // Общественные науки и современность. 2002. № 2. С. 180–191.

Митрохина 2001 — Митрохина К. Две такие разные волшебные страны. Приключения Дороти Гейл в Советском Союзе // Первое сентября, 2001. 17 нояб. (№ 82). С. 6.

Неелов 1976 — Неелов Е. М. Научно-фантастические мотивы в сказочном цикле А. М. Волкова «Волшебник Изумрудного города» // Проблемы детской литературы: Межвузовский сборник. Петрозаводск: Петрозаводский гос. ун-т им. О. В. Куусинена, 1976. С. 133–148.

Несбет 2008 — Несбет Э. На чужом воздушном шаре: Волшебник страны Оз и советская история воздухоплавания // Веселые человечки. Культурные герои советского детства. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 181–203.

Овчинникова 2003 — Овчинникова Л. В. Русская литературная сказка XX в. История, классификация, поэтика: Учеб. пособие М.: Флинта: Наука, 2003.

Петровский 2006 — Петровский М. С. Правда и иллюзии страны Оз // Книжки нашего детства. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2006. С. 324–394.

Спынь 2022 — Спынь К. М. Психологическая достоверность образов сказочных персонажей (на примере сказок А. М. Волкова) // Детская книга в цифровую эпоху: сб. тр. по материалам Всеросс. с междунар. участием науч.-практ. конференции (Томск, 2–3 декабря 2021 г.) / Том. гос. пед. ун-т; ред. колл.: Т. В. Галкина, М. В. Курышева, М. Л. Левченко, Е. К. Макаренко, Н. А. Медова, Е. А. Полева, Е. А. Сафонова. Томск: Изд-во ТГПУ, 2022. С. 20–36.

Haber 2014 — Haber E. Is Magic Land Oz? A. M. Volkov and the Question of Originality // Детские чтения. 2014. № 2 (6). С. 255–268.

References

Galkina 2006 — Galkina, T. V. (2006). Neznakomyy Aleksandr Volkov v vospominaniyakh, pis'makh i dokumentakh [Unknown Alexander Volkov in memoirs, letters and documents]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.

Grigoryan 2022 — Grigoryan, L. A. (2022). Sopotavlenie redakcij skazki “Volshebник Izumrudnogo goroda” A. M. Volkova: poslepublikacionnyy etap dorabotki teksta [Comparison of the editions of the fairy tale “The Wizard of the Emerald City” by A. M. Volkov: post-publication stage of text revision]. In T. V. Galkina, M. V. Kuryshcheva, M. L. Levchenko, Ye. K. Makarenko,

N. A. Myodova, Ye. A. Poleva, Ye. A. Safonova (Eds.), *Detskaya kniga v cifrovuyu epokhu* [Children's book in the digital era: collection of works based on the materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation (Tomsk, Dec. 1–2, 2021)] (pp. 8–19). Tomsk: Tomsk State Pedagogical University edition.

Haber 2014 — Haber, E. (2014). Is Magic Land Oz? A. M. Volkov and the Question of Originality. *Detskie chtenia*, 2 (6), 255–268.

Kozhevnikova 1968 — Kozhevnikova, T. K. (1968). *Ostroumnaya revolyuciya* [Witty revolution] [Review of the book *Sem' podzemnykh koroley* [Seven Underground Kings], by A. M. Volkov]. Archive of A. M. Volkov. Literary documents. Vol. 18 (April — September 1968). Photos 75–83.

Latova 2002 — Latova, N. V. (2002). *Chemu učit skazka?* (O rossiyskoy mental'nosti) [What does the fairy tale teach? (About the Russian mentality)]. *Obschestvennye nauki i sovremennost'*, 2, 180–191.

Mitrokhina 2001 — Mitrokhina, K. (2001). *Dve takie raznye volshebnye strany. Priklyucheniya Doroti Geyl v Sovetskom Soyuze* [Two such different magical countries. Dorothy Gale's adventures in the Soviet Union]. *Pervoe sentyabrya*, 82, 17 Nov., 6.

Neyolov 1976 — Neyolov, Ye. M. (1976). *Nauchno-fantasticheskie motivy v skazochnom cikle A. M. Volkova "Volshebnik Izumrudnogo goroda"* [Sci-fi motifs in fairy-tale cycle "The Wizard of the Emerald City" by A. M. Volkov]. In *Problemy detskoj literatury* [Problems of children's literature]: interuniversity collection of papers (pp. 133–148). Petrozavodsk: O. V. Kuusinen Petrozavodsk State University.

Nesbet 2008 — Nesbet, A. (2008). *Na chuzhom vozdušnom share: Volshebnik strany Oz i sovetskaya istoriya vozdukhoplavaniya* [In borrowed balloons: The Wizard of Oz and the history of Soviet aviation]. In *Vesyolye chelovechki. Kul'turnye geroi sovetskogo detstva* (pp. 181–203). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Ovchinnikova 2003 — Ovchinnikova, L. V. (2003). *Russkaya literaturnaya skazka XX veka. Istoriya, klassifikacija, poetika* [Russian literary fairy tale of the XX century: history, classification, poetics: Textbook]. Moscow: Flinta: Nauka.

Petrovskyy 2006 — Petrovskyy, M. S. (2006). *Pravda i illyuzii strany Oz* [The truth and illusions of the Land of Oz]. In M. S. Petrovskyy, *Knigi nashego detstva* [Books of our childhood] (pp. 324–394). Saint-Petersburg: Ivan Limbakh edition.

Spyn' 2022 — Spyn', K. M. (2022). *Psikhologicheskaya dostovernost' obrazov skazochnykh personazhey (na primere skazok A. M. Volkova)* [Psychological reliability of fairy-tale characters (on the example of A. M. Volkov's fairy tales)]. In T. V. Galkina, M. V. Kuryшева, M. L. Levchenko, Ye. K. Makarenko,

N. A. Myodova, Ye. A. Poleva, Ye. A. Safonova (Eds.), *Detskaya kniga v cifrovuyu epokhu* [Children's book in the digital era: collection of works based on the materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation (Tomsk, Dec. 1–2, 2021)] (pp. 20–36). Tomsk: Tomsk State Pedagogical University edition.

Lev Grigoryan

The All-Russian Institute of Scientific and Technical Information of the Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0002-6535-6185

THE PLOT EVOLUTION OF THE FAIRY TALE “SEVEN UNDERGROUND KINGS” BY ALEKSANDR VOLKOV IN 1963–1967

The article is devoted to the work of Aleksandr Melentevich Volkov on the text of the fairy tale “Seven Underground Kings” (1967), which is part of the cycle of stories about the Emerald City (1939–1982). The author of the study, referring to the correspondence and diaries of Aleksandr Volkov, revealed that the fairy tale was created in close cooperation with the illustrator Leonid Viktorovich Vladimirsky, and shows how, under the influence of Vladimirsky, the author's idea was transformed and the text of the work was remastered. An important factor that influenced the evolution of the fairy tale was the requirements of the publishing house “Soviet Russia”, where the manuscript was submitted. The first version of the manuscript was rejected, so Volkov radically revised the text, significantly changing the plot. Vladimirsky's ideas and advice led to a change in the title of the book and influenced Volkov's choice of a new storyline. The article compares different versions of the text, traces the changes made to the manuscript. The author of the article hypothesizes that the reworking of the fairy tale' text reflected new trends that gained strength in the Soviet children's literature of the 1960s, including the humanization of values, de-ideologization and a decrease of class antagonism.

Keywords: Soviet children's literature, Aleksandr M. Volkov, “Seven Underground Kings”, textology, Leonid V. Vladimirsky, illustration in a children's book, literary fairy tale

Валентин Головин

МУЗИЦИРОВАНИЕ И ПЕНИЕ В ПОВЕСТИ АРКАДИЯ ГАЙДАРА «ТИМУР И ЕГО КОМАНДА»

В статье рассматривается мотив пения и музицирования в повести Аркадия Гайдара «Тимур и его команда» (1940). Проанализировано 18 эпизодов, в которых персонажи повести поют или музицируют: музыкальная самодельность (постановка оперы), домашнее и любительское музицирование, хор красноармейцев, сигналы трубача, исполнение «романса-новины» и частушки под драку, выкрики молочницы, концерт импровизированного оркестра детей, играющих на «склянках, жестянках, бутылках и палках», использование музыкальных игрушек и др. Музыкальная фактура повести соотносена с контекстом массовой музыкальной культуры 1930-х гг. и с традицией русской музыкальной классики. Выявлены функции этого мотива в тексте повести: создание атмосферы подмосковного дачного поселка, аллюзии, характеристика образов героев-взрослых. В статье показано, как при помощи сцен пения и музицирования проявляется авторская ирония, как расставляются авторские акценты в изображении и оценке персонажей. Анализ этого мотива позволяет предложить новые интерпретации изображенного в повести А. Гайдара мира детей и взрослых; в качестве релевантных категорий, по которым проводится разграничение детей и взрослых в повести, можно назвать *оригинальный / вторичный, естественный / искусственный и импровизация / исполнение*.

Ключевые слова: советская детская литература, Аркадий Гайдар, «Тимур и его команда», мотив, пение, музыка

Валентин Вадимович Головин

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
Санкт-Петербург
valentin_golovin@mail.ru

Начиная с момента переосмысления творчества Гайдара в постсоветский период, исследователи стали обращать внимание на особенности изображения мира детей и мира взрослых в повести А. Гайдара «Тимур и его команда». Если Н. В. Федосеева считает, что в повести представлен пример «адекватного и педагогически целесообразного общения взрослого и ребенка» [Федосеева 2013, 151], то другие исследователи преодолевают жестко заданную в советский период идеологическую и педагогическую интерпретацию, оспаривая эту точку зрения. О «разорванных связях» поколения Тимура с поколением отцов пишет М. Чудакова [Чудакова 2004]; дисфункциональность родителей и в целом взрослых персонажей отмечает М. Литовская [Литовская 2006, 34]; Л. Рудова, констатируя безусловную авторитетность образов старших мужчин «летчиков, командиров, красноармейцев» в глазах подростков, тем не менее оговаривает, что Тимур приходится совмещать в себе функции «и сына, и брата, и отца» [Рудова 2014, 91], ведь в ситуации отсутствия родительской фигуры раннее взросление неизбежно. Таким образом, в новейших исследованиях творчества Гайдара укрепляет свои позиции точка зрения, в согласии с которой одной из основных тем повести является «непонимание взрослыми жизни детей». Этот смысловой слой лежит на поверхности и кажется традиционным для детской литературы.

Но более глубокий и детальный анализ поэтики повести, в частности анализ сцен пения и музицирования, позволяет увидеть не вполне очевидные смыслы, а именно, заметную иронию в отношении взрослых. Эпизоды пения и исполнения музыки значимы для развития сюжета и раскрытия образов героев и только в редких случаях имеют фоновый характер. В статье будет рассмотрен «музыкальный текст» повести, определены — в большинстве случаев — его источники, раскрыты функции, как эксплицитного, так и имплицитного характера.

Где-то играли на гитаре

Часть эпизодов содержит упоминание пения и музицирования в качестве художественной детали, необходимой для прорисовки фона, на котором разворачивается действие, подчеркивания тех или иных акцентов, создания полифонического эффекта:

1. «У тридцатого километра их нагнала походная красноармейская мотоколонна. Сидя на деревянных скамьях рядами, красноармейцы держали направленные дулом к небу винтовки и *дружно пели*

(курсив мой — В. Г.). При звуках этой песни шире распахивались окна и двери в избах. Из-за заборов, из калиток вылетали обрадованные ребятишки. Они махали руками, бросали красноармейцам еще недозрелые яблоки, кричали вдогонку „ура“ и тут же затевали бои, сражения, врубаясь в полынь и крапиву стремительными кавалерийскими атаками» [Гайдар 1986, 186]¹. Это своего рода зачин: первое появление красноармейцев и подражание им детей. Культ армии и подражание военным будет проследиваться во всей повести, а завершится она сценой бурной реакции детей на появление военного эшелона, идущего с мобилизованными на фронт.

2. «Через открытое окно доносились далекие гудки паровозов, лай собак и удары волейбольного мяча. *Где-то играли на гитаре* (курсив мой — В. Г.). И только здесь, около серой дачи, все было глухо и тихо» [191] Этот штрих создает образ дачного поселка с его полифонией.

3. «Игра была в самом разгаре, когда за оградой раздался *резкий звук сигнальной трубы* (курсив мой — В. Г.). Это снаружи у стены стояли посланцы от команды Тимура. Штаб-трубач Коля Колокольчиков сжимал в руке медный блестящий горн, а босоногий суровый Гейка держал склеенный из оберточной бумаги пакет... Обиженный тем, что его называли хлюпиком, штаб-трубач Коля Колокольчиков вскинул горн и, раздувая щеки, яростно протрубил отбой. И, не сказав больше ни слова, под любопытными взглядами рассыпавшихся по ограде мальчишек оба парламентаря с достоинством удалились» [216]. Здесь фиксируется факт особой «должности» Коли Колокольчикова и его умение исполнять на трубе военные сигналы. Сима Симаков также изъявляет свое желание поиграть на трубе: «Коля, дай-ка я дудану в трубу» [221].

4. Женя, в свою очередь, умеет играть на аккордеоне, она 1). нажимает на клавиши, сопровождая рассказ Ольги о ее встрече с Георгием Гараевым, и 2). в другом эпизоде, когда переживая о невозможности встречи с отцом, безуспешно пытается успокоить себя наигрыванием на аккордеоне: «Она зажгла свет на террасе, в кухне, в комнате, села на диван и покачала головой. Так сидела она долго и, кажется, ни о чем не думала. Нечаянно она задела валявшийся тут же аккордеон. Машинально подняла его и стала перебирать клавиши. Зазвучала мелодия, торжественная и печальная. Женя грубо оборвала игру и подошла к окну. Плечи ее вздрагивали» [240]. Здесь мы видим привычки домашнего музицирования.

5. С «торговым выкриком», «распеванием» своего товара выступает молочница: «За забором она (молочница — В. Г.) слышала

густой приятный голос: кто-то негромко пел. Значит, хозяева были дома и здесь можно было ожидать удачи. Пройдя через калитку, старуха нараспев закричала: — Молока не надо ли, молока?» [218]

6. В разговоре с Ольгой Гараев-старший упоминает пианистку, которая могла бы ему аккомпанировать во время выступления перед обитателями поселка: «Оля, я с пианисткой не хочу. Хочу с вами! У нас получится хорошо. Можно, я к вам через окно прыгну? Оставьте уютю и выньте инструмент. Ну вот, я его вам сам вынул. Вам только остается нажимать на лады пальцами, а я петь буду» [218]

7. В числе второстепенных персонажей — комическая фигура «тенора», который, видимо, будет принимать участие в концерте в парке: «— Проходи, проходи, тенор, — показывая на монтера, отвечал старик. — Вон бас не возражает. И ты, тенор, не возражай тоже» [233].

8. Повесть заканчивается счастливым примирением героев — Жени, Ольги, Тимура и Гараева-старшего. Взрослые и дети музицируют вместе. Игра при помощи случайных предметов, на чем угодно, — абсолютно детская забава и этот эпизод демонстрирует детскую естественность всех участников. Одновременно, как и в начале повести, — это пример типичной эмоциональной детской реакции во время проводов военнообязанных: «Пер-р-вая... ты на свете хвастунишка и атаман! — передразнила ее Ольга, и, перекидывая через плечо ремень аккордеона, она сказала. — Ну что ж, если провозать, так провозать с музыкой. Они вышли на улицу. Ольга играла на аккордеоне. Потом ударили склянки, жестянки, бутылки, палки — это вырвался вперед самодельный оркестр, и грянула песня. Они шли по зеленым улицам, обрастая все новыми и новыми провожающими. Сначала посторонние люди не понимали: почему шум, гром, визг? О чем и к чему песня? Но, разобравшись, они улыбались и кто про себя, а кто и вслух желали Георгию счастливого пути. Когда они подходили к платформе, мимо станции, не останавливаясь, проходил военный эшелон» [248].

9. Для полноты картины надо отметить и «музицирование» игрушечного зайца, с помощью которого Женя пытается развлечь маленькую дочь вдовы летчика: «Держа куклу кверху ногами, так, что деревянные руки и пеньковые косы ее волочились по песку, белокурая девочка остановилась перед забором. По забору спускался раскрашенный, вырезанный из фанеры заяц. Он дергал лапой, тренькая по струнам нарисованной балалайки, и мордочка у него была грустновато-смешная» [213–214].

Мы не шайка и не банда, не ватага удальцов...

В отличие от приведенных примеров, исполнение частушки Симой Симаковым и его танец семантически гораздо более насыщены. Рассмотрим эту сцену. Сварливая бабка причитает по поводу пропажи своей бодливой козы и ругает внучку Нюрку, упустившую козу («И я ее, козушку, продать хотела. А теперь вот моей голубушки и нету»; «Молчи, Нюрка! Молчи, разиня бестолковая!»). В это время коза, найденная командой Тимура, влетает во двор:

Калитка со скрипом распахнулась. Низко опустив рога, во двор вбежала коза и устремилась прямо на молочницу. Подхватив тяжелый бидон, молочница с визгом вскочила на крыльцо, а коза, ударившись рогами о стену, остановилась.

И тут все увидали, что к рогам козы крепко прикручен фанерный плакат, на котором крупно было выведено:

Я коза-коза,
Всех людей гроза
Кто Нюрку будет бить,
Тому худо будет жить.
А на углу за забором хохотали довольные ребяташки.

Воткнув в землю палку, притопывая вокруг нее, приплясывая, Сима Симаков гордо пропел:

Мы не шайка и не банда,
Не ватага удальцов,
Мы веселая команда
Пионеров-молодцов
У-ух, ты!

И, как стайка стрижей, ребята стремительно и бесшумно умчались прочь [212].

На первый взгляд, ничего примечательного в этом фрагменте нет. Ребята нашли бодливую козу, чем спасли члена своей команды Нюрку от побоев, предупредили распускавшую руки суеверную старуху, исполнили «пионерскую» песню и удалились. Но нам представляется, что смыслы, которые кроются в этом эпизоде, характеризуют и самого Симу Симакова, и метонимически — всю команду Тимура.

Сима исполняет парафраз частушки «под драку». Важное отличие от традиционного исполнения — наличие отрицательной частицы «не», что противопоставляет Симу и его товарищей «хулиганской» субкультуре. В пропетом Симой куплете мы видим

лексемы, которые устойчиво встречаются в частушках «под драку» (*шайка, ватага, молодцы, удалые, веселые*). Примеров таких частушек можно привести бесчисленное множество, вспомним широко известные: «*Наша шайка, шайка-лейка, / Пачка ржавленных гвоздей*»; «*Эх, ватага на ватагу, / Ну-ка армия на рать*»; «*Наша компания собралась, / Разудалых молодцов!*». Однозначно отсылает к частушке «под драку» и местоимение «мы», подчеркивающее принадлежность исполнителя к мужской агрессивной группе, бравоирование этим: «*Мы ребята-ежики, / У нас в карманах ножики*»; «*А мы по улице идём, / Всем подарки раздаём*». Сима завершает свое исполнение эмотивным междометием («*У-ух, ты!*»), что подтверждает жанровую характеристику этого куплета — исполняется именно частушка «под драку». Приведем один текст и комментарий к нему, относящийся к устюженской традиции:

Шире, улочка, да роздайся
Шайка жуликов да идет.
Шайка жуликов, мазуриков,
Нигде не пропадет. Ух! Е... твою мать [Частушки]².

Хотя отрицательные частицы также органичны для частушек «под драку» («не дрался», «да не на тех нарвались»), у Симы Симакова («не шайка», «не ватага») они выполняют функцию размежевания исполнителя с «квакинской» (хулиганской) шайкой, поскольку в дачных слухах и сплетнях (распространяемых, например, молочной и бабкой) тимуровскую команду также именовали «шайкой». Сима решительно заявляет о том, что он и его команда принадлежат к другой группе ребят, но потенциал первоисточника сохраняет задиристость, браваду, веселость и даже угрозу в отношении бабки, колотившей внуку.

Исполнению сопутствуют два важнейших момента, внимание на которых ранее ещё не акцентировалось. Во-первых, Сима начинает петь, «воткнув в землю палку, притопывая вокруг нее, приплясывая», то есть герой имитирует ритуальное поведение, исполняя особый танец перед дракой. Мы наблюдаем традицию «ломания»³ в гайдаровском изводе, где показана демонстрация ритуальной пластики и традиционная форма «завязывания» драки. И при этом Гайдар акцентирует внимание читателей на одном жесте-действии Симы Симакова: прилагая усилие, он втыкает палку в землю, символически обозначая тем самым ситуацию «начала». Такие же точно, или семантически тождественные ритуальные действия, совершались и участниками реальных драк. Именно «втыкание»

и аналогичные знаки-действия озаменовывали начало реальной драки или кулачного боя: вырывание кола из заборов и изгородей, втыкание кола в землю, ножа в матицу, удар кулаком по верху гармони и, конечно, действия, обозначенные фразой «об дорожку пиджаком». Сима воспроизвел все элементы ритуального действия перед дракой: обозначил втыканием палки начало драки, исполнил частушку и станцевал.

Многие читатели гайдаровского поколения, не отделенные от традиции или хорошо помнившие ее, понимали всю экспрессию песенного вытанцовывания Симы Симакова и всю силу убеждения, обращенного к вредной бабке, колотящей внучку. Кстати, реальный драчун в этой сцене всё-таки присутствует — это бодливая коза, которая не смогла атаковать оказавшуюся во дворе молочницу и ударилась рогами об стену. Песенный перфоманс Симы Симакова таким образом приобретает важный подтекст. Сима исполняет органичный оригинальный текст, уместный и соответствующий обстоятельствам, содержащий скрытый, но отчетливый посыл: «Бабка, не бей внучку!». Характерно, что бабка уже была предупреждена Симой, с отсылкой к «мирным», правовым нормам («бить не по закону!»), но не вняла предупреждению и получила угрозу, намекающую на схватку / драку.

Крылья красноезвездные, милые и грозные...

Пение и музицирование характеризует и взрослых персонажей — Ольгу и Георгия Гараева. Рассмотрим эпизоды с ними детально. Итак, Ольга:

1. Поет и музицирует на аккордеоне в первый день приезда на дачу, что приводит к знакомству с Георгием Гараевым. Относит аккордеон домой: «Она положила аккордеон на колени, перекинула ремень через плечо и стала подбирать музыку к словам недавно услышанной ею песенки» [189].

2. По просьбе Гараева аккомпанирует ему на аккордеоне на дачной эстраде.

3. Поет Гараеву прощальную песню про «бомбы и пулеметы».

4. Вместе с импровизированным «детским оркестром» («ударили склянки, жестянки, бутылки, палки»), играет на аккордеоне, провожая Гараева и мобилизованных на фронт.

Аккордеон упоминается в повести 17 раз. Ольга открывает и закрывает футляр, где хранится аккордеон, постоянно переносит инструмент с места на место, охраняет его и трижды аккомпани-

рует на нем. Какую именно мелодию и песню исполняет Ольга вместе с детьми, в последний раз, когда провожают Георгия Гараева на фронт, нам неизвестно. Но до этого момента она пропевает один и тот же текст два раза. Первый раз, едва приехав на дачу, когда случайным слушателем её музыкальной импровизации оказывается Георгий Гараев, а во второй раз уже по его просьбе. Гараев-старший отправляется на фронт в «форме капитана танковых войск» и взволнованно обращается к Ольге: «Спойте мне и сыграйте, Оля, что-нибудь на дальнюю путь-дорогу» [247]. Гараев очевидно влюблен в Ольгу, и как можно предположить, хотел бы услышать лирический по содержанию текст, но Ольга вновь выбрала «бомбы, пулеметы», извинившись, что она не знает «такой хорошей песни про танкистов» [247]. Четыре строки Ольгиной песни Гараев цитирует ранее [220]. Сравним варианты текста песни Ольги:

Первое исполнение	Исполнение при прощании
Ах, если б только раз	...Летчики-пилоты!
Мне вас еще увидеть,	Бомбы-пулеметы!
Ах, если б только раз	Вот и улетели в дальний путь.
И два. и три	Вы когда вернетесь?
А вы и не поймете	Я не знаю, скоро ли,
На быстром самолете,	Только возвращайтесь...
Как вас ожидала я до утренней зари	хоть когда-нибудь.
Да!	Гей! Да где б вы ни были,
Летчики-пилоты!	На земле, на небе ли,
Бомбы-пулеметы!	Над чужими ль странами –
Вот и улетели в дальний путь.	Два крыла,
Вы когда вернетесь?	Крылья красноезвездные,
Я не знаю, скоро ли,	Милые и грозные,
Только возвращайтесь...	Жду я вас по-прежнему,
хоть когда-нибудь [188].	Как ждала [247].

Песенный текст Ольги таким образом исполняется по частям, дважды. Но что это за текст, каково его содержание и к какому песенному жанру он относится?

С одной стороны, это любовно-романтические строчки, а также отдельные слова, содержащие аллюзии на известные романсы и поэтику русского романса в целом: «Ах, если б только раз / Мне вас еще увидеть»; «Как вас ожидала я до утренней зари»; «Вы когда

вернетесь? / Я не знаю, скоро ли, / Только возвращайтесь... хоть когда-нибудь». / «Жду я вас по-прежнему, / Как ждала». Первое четверостишие, начинается практически с дословного повтора романа «Только раз бывают в жизни встречи» (Б. Фомин, П. Герман, 1924). И в гайдаровском тексте, и в тексте известного романа фраза «только раз» в первых четырех стихах повторяется дважды. Учитывая, что именно в 1938 г., после долгого перерыва, вышла грампластинка с исполнением этого романа Изабеллой Юрьевой, а также факт всесоюзного транслирования музыки по радио, очевидно, что автор романа, который исполняет Ольга, знаком с этой фразой, должен узнать ее и читатель. Аналогично обстоит ситуация и с романом П. Фальбинова и Н. Дулькевич «Как хороши те очи» (1910). В 1920-е гг. грампластинка с этим романом переиздавалась с дореволюционных матриц, где дважды звучит фраза, воспроизведенная в гайдаровском тексте «Еще хоть раз / Увидеть вас!» («Ах, не забыть мне вас, / Дивные очи! Еще хоть раз / Увидеть вас!»). Более того, Ольга повторяет начальное междометие «Ах!», что отсылает сведущего читателя к меланхолическому романсу и показывает вторичность текста, исполняемого Ольгой⁴.

Если оставить в Ольгиной импровизации только те строки, которые следуют канону классического романа, то получается вполне приемлемый, трогательный, хоть и несколько нескладный, «романс-ожидание»:

Ах, если б только раз
 Мне вас еще увидеть
 <...>
 Как вас ожидала я до утренней зари
 <...>
 Вы когда вернетесь?
 Я не знаю, скоро ли,
 Только возвращайтесь... хоть когда-нибудь.
 Жду я вас по-прежнему,
 Как ждала [188, 247].

Но романсовая идея «сбивается» уже в четвертом стихе. Начальные строки с повтором: «Ах, если б только раз / Мне вас еще увидеть, / Ах, если б только раз» [188] в соответствии с поэтикой романа должны заключаться строкой усиления или повторения желания, например, «взглянуть в ваши глаза». Но у Гайдара «увидеть только раз» получает странное развитие, которое, на наш взгляд, примитивизирует текст, сводя его едва ли не к пародии: «И два, и

Рис. 1. Грампластинка «Только раз». 1938 г.

Рис. 2. Грампластинка «Как хороши те очи». 1920-е гг.

три». Страстное «только раз» получает количественное уточнение, чувство лирического героя в этом умножении сущностей нивелируется. Такое комическое снижение законами романа не допускается. Язык Ольгиного романа инфантилизируется, количественные числительные («два, три») дискредитируют чувственность героини романа.

Следующее трехстишие вводит военную тему:

А вы и не поймете
На быстром самолете,
Как вас ожидала я до утренней зари [188].

Героиня ждет героя, не спит, а адресат ее песни не понимает этого, летая на быстром самолете. С одной стороны, строка «Как вас ожидала я до утренней зари», предполагающая возможность или желаемость ночного свидания, идеально вписывает происходящее в канон любовного романа — лирическая героиня томится неразделенными чувствами, а герой не ведает о них. Сохраняется обращение на «вы», что также характерно для романсовой традиции. Но появление героя, летающего на самолете (свидание с ним становится крайне проблематичным), которого одновременно «ожидают до утренней зари», превращает этот текст в романс-«новину». Такая форма «обновления» традиционных жанров путем включения в них имен современников (напр., Сталина или Чкалова) или упоминания новейших технических устройств (напр., самолета или трактора) была весьма популярна в 1930-е гг. На появлении этого элемента заканчивается чувствительный романс и начинается тривиальная и расхожая для тех времен тема — прославление советских авиаторов. Поэтика и смысл традиционного романа разрушаются, что подтверждает, например, бравурный припев:

Да!
Летчики-пилоты! Бомбы-пулеметы!
Вот и улетели в дальний путь.
Вы когда вернетесь?
Я не знаю, скоро ли,
Только возвращайтесь... хоть когда-нибудь [188].

Переход к припеву через выкрик «Да!» никак не подготовлен предыдущим содержанием. Строка «Летчики-пилоты! Бомбы-пулеметы!» решительно меняет и жанр, и характер текста. В первых, объект ожидания перестает быть единственным, лирический герой, которого героиня «ожидает до утренней зари», превра-

щается в военно-профессиональную множественность, и героиня как будто ждет уже всех военных летчиков, а не одного, единственного и неповторимого. Во-вторых, следом идет перечисление понятий, не имеющих личного начала, а относящихся к военному снаряжению летательного аппарата. «Бомбы-пулеметы» нивелируют личный мотив, переводя его в общественный. Трогательный любовный романс закончился, началась песня с военной риторикой⁵. В песне Ольги ритмика организуется музыкой, но сам поэтический текст этого пятистишия лишен какой-либо устойчивой организации, строки разносложные и рифмуются только вторая и пятая («в дальний путь» — «когда-нибудь»). Строка «Летчики-пилоты! / Бомбы-пулеметы!» — и вовсе схожа с частушечной формой, как и с текстом наивной песни. Итак, когда романсовое начало песни утрачено, тогда оказывается уместным выкрик — «Да!». Единственный искомый превратился во множество искомых, люди и орудия уничтожения людей оказываются равноположенными, поэтическая ритмика сбивается — мы видим здесь отчетливые признаки так называемого «наивного стиха». Рассмотрим финальную часть песни:

Гей! Да где б вы ни были,
На земле, на небе ли,
Над чужими ль странами —
Два крыла,
Крылья красноезвездные,
Милые и грозные,
Жду я вас по-прежнему,
Как ждала [247].

Выкрик «Гей!» однозначно свидетельствует об отказе от томительного ожидания-страдания. Но этот выкрик должен быть услышан (летчиком или летчиками) в небе или на аэродроме. Рифма «Не были — на небе ли», хоть и богата, но организуется при помощи «ли». Гайдар, вставляя фонетически избыточную частицу «ль», акцентирует наивность и примитивность текста («Над чужими ль странами»). Включение «ль», усиливающее аллитерацию с основой на «л» (не были — на небе ли — чужими ли), добавляет сложности в артикуляции.

Мы видим, что Ольга воспроизводит текст неизвестного автора, который пытался создать содержательно-эмоциональную песню об ожидании летчика лирической героиней, но не справился с этой задачей. Автор то включает в свой текст романсовые клише, под-

ражая традиции, то увеличивает число желаемых встреч или число ожидаемых персонажей, то насыщает песню разными по стилю и оттенку междометиями («Ах», «Да», «Гей»), неуклюже расставляет эпитеты. Поэтическая организация стиха также далека от совершенства. Песни о летчиках, в контексте глорификации военных и военной мощи, были очень популярны во второй половине 1930-х гг.⁶ И выбор Ольгой песни о летчиках был вполне объясним: Ольга поет посредственную песню, но ей самой она очень нравится, как это часто бывает с наивными исполнителями.

Я стар. Я слаб. О, горе мне... о, горе!

На первый взгляд кажется, что Георгий Гараев изображен в повести более компетентным музыкантом, нежели юная аккордеонистка Ольга Александрова. При том, что он предстает перед читателем в трех профессиональных ипостасях: инженер-механик, оперный баритон и капитан танковых войск («Я инженер-механик, но в свободное время я играю и пою в нашей заводской опере»), репетированию оперной роли уделено значительно больше текстового пространства, чем остальным действиям дяди Тимура:

1. В первой сцене появления Тимура его дядя в полном сценическом гриме ведет допрос племянника: кому адресована записка, кто стрелял холостыми из револьвера и кто разбил зеркало и пепельницу («К нему подошел седой лохматый старик. Холщовая рубашка его была бедна. Широоченные штаны — в заплатках. К колену его левой ноги ремнями была пристегнута грубая деревяшка. В одной руке он держал записку, другой сжимал старый, ободранный револьвер» [197]). Тимур отвечает, с юмором комментируя оперные атрибуты и занятия дяди: «Но, дядя... боевых патронов у тебя не бывает, потому что у врагов твоих ружья и сабли... просто деревянные» [197]. Дядя относится к своей оперной роли с полнейшей серьезностью и самозабвением, что со снисходительностью замечает Тимур:

— Ага, Рита (собака-овчарка — В. Г.) Мы с тобой попались. Ничего, он сегодня добрый. Он сейчас петь будет. И точно. Сверху из комнаты послышалось откашливание. Потом этакое тра-ля-ля! И наконец низкий баритон запел: Я третью ночь не сплю, мне чудится все то же Движенье тайное в угрюмой тишине... [198]

2. Вторая сцена напоминает комедию положений. Молочница «услышала густой приятный голос: кто-то негромко пел». Предположив, что ей посчастливится продать свой товар невидимому

певцу, она открывает калитку и видит «выходящего из кустов косматого, одетого в лохмотья хромоногого старика, который держал в руке кривую обнаженную саблю». Странный старик охотно соглашается купить молоко, но, когда он вместо денег «достал из кармана большой ободранный револьвер», молочница отказывается от денег и, ретировавшись, сердито кричит: «В больнице тебя, старого черта, держать надо, а не пускать по воле» [219]. Далее появляется «пожилой джентльмен, доктор Ф. Г. Колокольчиков», который выясняет, что вооруженный старик — дядя Тимура, пытавшегося, по мнению доктора, похитить у него байковое одеяло. Удивленный таким известием Георгий невольно обнаруживает свое бутафорское оружие: «И спрятанная у него за спиной рука с револьвером невольно опустилась» [220]. Изрядно испугавшись, но сохраняя присутствие духа, доктор пятится к калитке, где встречает Ольгу и дабы не оставлять девушку наедине с опасным стариком, уводит её с собой. Гараев пропевает, «бойко притопывая своей деревяшкой», куплет из Ольгиной песни и разоблачается: «Он отстегнул ремень у колена, швырнул на траву деревянную ногу и, на ходу сдирая парик и бороду, помчался к дому» [220]. Он находит Ольгу, идущую с речки, и всё ей объясняет: «Я должен перед вами извиниться за то, что напугал вас утром. А ведь хромой старик у калитки — это был я. Это я в гриме готовился к репетиции» [224].

3. Следующий развернутый эпизод связан непосредственно с содержанием оперы и ролью, которую исполняет Гараев. Во время мотоциклетной прогулки Ольга расспрашивает Гараева о спектакле, он описывает своего героя, кратко пересказывает либретто оперы и пропевает, комментируя, часть своей арии.

Вот что мы узнаем об опере с его слов: близ границы находится военная часть, возможно, пограничная застава. Молодые красноармейцы ходят в караул, после которого играют в волейбол. Есть женские персонажи, по крайней мере две героини с именем Катя («Катюши»). Больше никаких деталей Гараев не сообщает, все содержание оперы пересказано им Ольге в пяти коротких предложениях. Единственная роль, описанная подробно, — гараевская. Он играет сошедшего с ума старика-инвалида, бывшего партизана, живущего близ границы. Ему кажется, что враги могут тайно пересечь границу, перехитрить красноармейцев. Герой демонстрирует типичную манию преследования с навязчивыми состояниями, близкими к параною. По ночам «старик» поет свою арию безумца, а хор (скорее всего, красноармейцев) отвечает ему: «Старик, спокойно... спокойно!» На основании этих сведений мы можем зафиксировать

два конфликта заводской оперной постановки: первый — внутренний, это разлад старика с самим собой; второй — противостояние старика и красноармейцев воинской части, которым он мешает спать своим пением и которые вынуждены его успокаивать. В таком виде содержание оперы сводится к коллизии «сумасшедший старик на границе».

Собственно гараевская ария представлена читателю в двух фрагментах. Первый из них Гараев пропевает Ольге во время мотоциклетной прогулки, дополняя пересказом об оперных репликах других участников:

Георгий нахмурился и тихо запел:
 За тучами опять померкнула луна.
 Я третью ночь не сплю в глухом дозоре.
 Ползут в тиши враги. Не спи, моя страна!
 Я стар. Я слаб. О, горе мне... о, горе!
 Тут Георгий переменял голос и, подражая хору, пропел:
 — Старик, спокойно... спокойно! [225]

Второй фрагмент своей арии Гараев исполняет на дачной эстраде, глубоко погружившись в роль:

Глубокая морщина перерезала лоб Георгия, он ссутулился, наклонил голову. Теперь это был старик, и низким звучным голосом он запел:

Я третью ночь не сплю Мне чудится все то же
 Движенья тайное в угрюмой тишине
 Винтовка руку жжет. Тревога сердце гложет,
 Как двадцать лет назад ночами на войне.
 Но если и сейчас я встречу с тобою,
 Наемных армий вражеский солдат,
 То я, седой старик, готовый встану к бою,
 Спокоен и суров, как двадцать лет назад! [234]

Текст арии нельзя признать оригинальным. Во-первых, болезненная мания старика («он живет близ границы, и ему кажется, что враги нас перехитрят и обманут») совпадает с трагическим переживанием в известной арии Шакловитого в «Хованщине» (1872) М. П. Мусоргского:

Спи, русский люд, враг не дремлет!
 Не дай Руси погибнуть от лихих наемников!

Во-вторых, текст напоминает арию князя Игоря из оперы «Князь Игорь» (1887) А. П. Бородина:

Ария больного старика	Ария князя Игоря
Я третью ночь не сплю Мне чудится все то же Движенье тайное в угрюмой тишине Винтовка руку жжет. Тревога сердце гложет, Как двадцать лет назад ночами на войне. Но если и сейчас я встречу с тобою, Наемных армий вражеский солдат, То я, седой старик, готовый встану к бою, Спокоен и суров, как двадцать лет назад [234].	Ни сна, ни отдыха измученной душе, Мне ночь не шлет отрады и забвенья. Всё прошлое я вновь переживаю, О, дайте, дайте мне свободу, Я мой позор сумею искупить; Спасу я честь свою и славу, Я Русь от недруга спасу!

Содержательное совпадение очевидно: оба героя не спят и измучены собственными думами. Оба героя вспоминают прошлое. Оба героя, если у них появится возможность вступить в бой, намерены реализовать свою воинскую доблесть. Только в одном случае – это князь в богатырском облачении, в другом — лохматый больной старик в рогоже с заплатками. Отметим, что обе арии (Шакловитого и князя Игоря) баритональные, и сам Гараев обладает баритоном, о чем неоднократно упоминается: «и низкий баритон запел», «густой приятный голос», «басистый голос».

Вторичность является здесь, пожалуй, самой важной характеристикой: монолог безумного старика аккумулирует самое характерное, самое узнаваемое из классических арий Князя Игоря и Шакловитого⁷. Из традиции классической русской оперы герой Гараева заимствует не только текст арии, но и свой образ. Его грим и сценический костюм (холщовая, подчеркнута бедная, с заплатками одежда, взлохмаченная голова и борода) отсылают к образам двух наиболее известных оперных сумасшедших — Мельника из оперы А. С. Даргомыжского «Русалка» (1855) и юродивого из «Бориса Годунова» (1874) М. П. Мусоргского. Мельник в опере Даргомыжского, так же как и старик Гараева сходит с ума и представляет

себя вороном («Я ворон, ворон, а не мельник!»), и князь печалится его внезапному сумасшествию: «О, старик несчастный!», «Несчастный, он помешан! Бедный мельник!». Примерно такими же словами сочувствуют своему оперному герою сам Гараев и Женья. «Плач юродивого» из «Бориса Годунова» так же, как ария гараевского старика, полна чувством тревоги за отечество: «Темень тёмная, непроглядная. / Горе, горе Руси! / Плачь, плачь, русский люд. / Голодный люд».

Гайдар сознательно подчеркивает вторичность гараевской арии. Тема границы и пограничников звучала в те годы весьма отчетливо: из репродукторов и радио лились «Катюша» (М. Блантер, М. Исаковский, 1938), «Три танкиста» («Над границей тучи ходят хмуро», бр. Покрасс, Б. Ласкин, 1939) и множество других песен. К двум песням апеллирует текст арии гараевского старика: первая — «Письмо в Москву» (Н. Богословский, М. Тевелев, 1938), где также есть и бессонная ночь, и государственная граница:

Пусть будет ночь, пускай погода злится,
И пусть вступает сон в свои права,
Но я не сплю в дозоре на границе,
Чтоб мирным сном спала моя Москва.

Вторая — «Дальняя сторожка» (И. Дунаевский, Е. Долматовский, 1939), в которой седой старик («На сорок втором / Разъезде лесном / Старик седой живет»), путевой обходчик (сорок лет живет в путевой сторожке, где «Сынов он взрастил, / Внучат обучил»), с железнодорожным молотком противостоит нарушителям границы. Патетика старика-обходчика и гайдаровско-гараевского старика поразительно совпадает:

Заносит он молоток свой,
Волной вздымается грудь,
Пусть жизнь он отдаст,
Но только не даст
Врагу разрушить путь!

Обходчик даже смелее, так как он вооружен лишь молотком, а у героя Гараева имеются сабля и револьвер.

Перечисление песен со сходными коллизиями и героями можно продолжить. Все тексты относятся к 1938–1939 гг. Наконец, в 1939 г. в Москве в театре им. Станиславского, с режиссурой самого К. С. Станиславского ставится опера Л. Степанова «Пограничники» [Степанов 1938] (действие происходит на таджикской границе, которую пытаются перейти враги-басмачи), получившая

как критические отзывы о музыке, так и положительные рецензии о содержании [Лепин 1938]. Фрагменты из этого спектакля (под названием «Дарвазское ущелье») издавались на пластинках в 1938–1939 гг. Среди изданных фрагментов особо выделялась патриотическая ария Сеида, восхваляющего советское государство и Сталина.

Итак, к постановке в заводском самодеятельном театре готовится тривиальная советская опера о пограничниках, к которой герой, однако, относится как к важнейшему делу жизни. Гайдар опять, как и в романсе-новине Ольги, сознательно, на наш взгляд, вставляет в текст арии одну неудачную строку: «Но если и сейчас я встречу с тобою». «Встречуся» - это скорее просторечие, чем высокий оперный стиль, между тем подобрать вариант более изящный и грамотный совсем нетрудно например: «Но если суждено мне встретиться с тобою». Своеобразие конфликта (вооруженный сумасшедший старик будит заставу), неоригинальность арии, наличие в тексте арии неуклюжих строк заставляет нас сделать вывод о дилетантизме всей оперы в целом, представленной как неуклюжая попытка создать новый, патриотический текст о защитниках советской границы. Именно к этой постановке дилетантски-клишированного опуса Гараев относится более чем серьезно, и настолько чувствует себя профессионалом, что даже советует Ольге, после одного прослушивания её «псевдороманса» учиться в консерватории.

Ситуация с «оперой», на наш взгляд, не просто комична, она характеризует Гараева и взрослых музицирующих персонажей повести в целом. Дядя Тимура подходит к исполнению самодеятельной роли с такой же серьезностью, что и профессиональный актер. Все свои оперные штудии он проводит в актерской одежде и гриме: лохматый парик, искусственная борода, «бедная» холщовая рубашка, широченные штаны в заплатках. К колену левой ноги ремнями пристегивалась грубая деревяшка-протез. В одной руке кривая сабля, в другой — револьвер. Зачем ему настоящая, а не бутафорская «в облупленных и исцарапанных ножнах кривая турецкая сабля»? Зачем настоящий, а не бутафорский револьвер, хоть и заряженный холостыми патронами, в то время как у других участников оперы, по словам Тимура, «ружья и сабли... просто деревянные». Нужно ли это дяде Тимура для «вживания в образ»? Чтобы никто не сказал «не верю!» Даже подготовку к заводской репетиции Гараев-старший проводит в гриме, причем не к концертному исполнению, а просто к репетиции: «Это я в гриме готовился к репетиции» [224].

Жене, зрительнице спектакля, сильно переживавшей за сестру на сцене, очень жалко «хромого, смелого старика» [234]. Но можно предположить, что для читателя герой Гараева скорее смешон. Обилие цитат из классических опер усиливает комизм ситуации. И умный Тимур относится к этому с иронией: «Ничего, он сегодня добрый. Он сейчас петь будет» [198]. В общем, и опера дурацкая, и ситуация слегка дурацкая, а этот эпитет нам позволил употреблять сам Гайдар: «это значит, что: спи спокойно, старый дурак! Давно уже все бойцы и командиры стоят на своем месте...» [226].

Подводя итог, приведем реестр музыкальных эпизодов повести: хоровое пение красноармейцев, дачное музицирование на гитаре, сигналы трубача, игра двух героев на аккордеоне, исполнение «романса», «торговое» распевание молочницы, репетирование оперных арий, частушечное пение с приплясыванием, детский маршевый концерт банок и склянок под аккомпанемент аккордеона, имитация игры на балалайке игрушкой-марионеткой. Дети импровизируют, исполняя ритуальный фольклор (частушку «под драку»), а взрослые персонажи поют миксы из городских романсов, массовой советской песни и арий самодеятельных заводских опер.

Музицирование и пение в повести Аркадия Гайдара «Тимур и его команда» существенно для понимания образной системы повести. Гайдар отчетливо показывает, на чьей стороне находятся авторские симпатии. Взрослые исполняют произведения плохого музыкального и текстового качества, посвящают этому немало времени и считают, что служат искусству, в то время как в их представлении подростки заняты чем-то подозрительным и дурным. Получается некая смысловая инверсия, потому что на самом деле только дети и подростки в повести занимаются настоящим делом — они живут полноценной, а не сценической или дачно-ролевой жизнью, их игры, отношения и переживания так же подлинны и не менее ценны, чем у взрослых. Гайдаровское иронизирование над музыкальными штудиями взрослых всё расставляет на свои места.

Примечания

¹ Далее в квадратных скобках будет указываться страница цитирования по изданию: Гайдар А. Тимур и его команда: Собр. соч. в 3-х томах. М.: Правда, 1986. Т. 2. С. 185–249.

² Любопытен комментарий к данной записи: «– После частушки надо ухват — Это идем с гуляния пьяные бабы, уж мы, бабы поняла? Дак

вот этак и поем. Это бабы [так поют]. Ну, а девушкой-то я культурна была — не пела такие песни».

- ³ Ломание — «ломание веселого», ритуальный танец с расслабленными мышцами под гармонь. Часто предшествует началу драки, инициирует ее, «заводит» участников.
- ⁴ На наш взгляд, именно это свойство текста определило тональность музыки Л. Шварца к фильму «Тимур и его команда» 1940 г., в котором Ольга исполняет романс в достаточно печальной манере.
- ⁵ Об эротических мотивах в поэзии о летчиках и авиации см. статью Ю. Левинга [Левинг 2005].
- ⁶ В 1934–1939 гг. вышло 4 пластинки с песнями о летчиках (<https://records.su/search>), в самых разных жанрах, в том числе и пластинка с частушками «О летчиках» (1937) в исполнении хора Пятницкого. Самый известный пример — «Авиационный марш (Все выше)» (1931), автор музыки — Ю. А. Хайт, автор слов — П. Д. Герман). Заметим, что у марша «Всё выше» и романа «Только раз бывают в жизни встречи» один автор слов Павел Давыдович Герман (впрочем, Юрий Левинг приводит другую версию авторства этого текста [Левинг 2005]). Если предположить, что Гайдар об этом знал, то это вносит дополнительную интригу в толкование текста песни, исполняемой Ольгой.
- ⁷ «Оперную повседневность» предвоенного времени прекрасно иллюстрирует рассказ Ю. Нагибина «Меломаны», где описывается повальное увлечение детей классической оперой.

Литература

Источники

Гайдар 1986 — Гайдар А. Тимур и его команда // Гайдар А. Собрание сочинений: в 3-х т. М.: Правда, 1986. Т. 2. С. 185–249.

Лепин 1938 — Лепин А. Опера о пограничниках // Музыкальная академия. 1938. Вып. № 2, (54). С. 31–38.

Степанов 1938 — Степанов Л. Композитор и режиссер: (К постановке оперы «Пограничники» в театре им. Станиславского) // Музыкальная академия. 1938. Вып. № 4, (56). С. 82–83.

Частушки — Частушки «По деревне» // Календарные обряды и фольклор Устюженского района / сост. А. В. Кулев, С. Р. Кулева. Вологда: Областной научно-методический центр культуры, 2004: электрон. издание. URL: https://cultinfo.ru/arts/folk/demo/audioalbom/ustujna/53_kcntk080-14_text.htm.

Исследования

Левинг 2005 — Левинг Ю. Латентный Эрос и небесный Сталин: о двух антологиях советской «авиационной» поэзии // Новое литературное обозрение. 2005. № 6 (76). С. 143–172.

Литовская 2006 — Литовская М. Стилевой инфантилизм Гайдара // Филологический класс. 2006. № 2 (16). С. 30–35.

Рудова 2014 — Рудова Л. Маскулинность в советской и постсоветской детской литературе: трансформация Тимура (и его команды) // Детские чтения. 2014. № 2 (6). С. 85–100.

Федосеева 2013 — Федосеева Н. В. Воспитательный аспект общения в системе «взрослый — ребенок» в произведениях А. П. Гайдара «Чук и Гек» и «Тимур и его команда» // Приволжский научный вестник. 2013. № 8 (24). Т. 2. С. 147–152.

Чудакова 2004 — Чудакова М. О. Дочь командира и капитанская дочка: К 100-летию со дня рождения Аркадия Гайдара // Русский журнал: электрон. журн. 2004. 22 янв. URL: http://old.russ.ru/culture/literature/20040122_mch.html.

References

Chudakova 2004 — Chudakova, M. O. (2004). Doch' komandira i kapitanskaya dochka: K 100-letiyu so dnya rozhdeniya Arkadiya Gaydara [The Commander's Daughter and the Captain's Daughter: On the 100th Anniversary of the Birth of Arkady Gaidar]. Russkiy zhurnal: electron. magazine, 22 Jan. Retrieved from: http://old.russ.ru/culture/literature/20040122_mch.html.

Fedoseeva 2013 — Fedoseeva, N. V. (2013). Vospitatel'nyy aspekt obshcheniya v sisteme "vzroslyy — rebenok" v proizvedeniyakh A. P. Gaydara "Chuk i Gek" i "Timur i ego komanda" [The educational aspect of communication in the The adult-child system in the works of A. P. Gaidar "Chuk and Gek" and "Timur and his team"]. Privolzhskiy nauchnyy vestnik, 8 (24), T. 2, 147–152.

Leving 2005 — Leving, Yu. (2005). Latentnyy Eros i nebesnyy Stalin: o dvukh antologiyakh sovetskoy "aviatsionnoy" poezii [Latent Eros and Heavenly Stalin: On Two anthologies of Soviet "aviation" poetry]. Novoe literaturnoe obozrenie, 6 (76), 143–172.

Litovskaya 2006 — Litovskaya, M. (2006). Stilevoy infantilizm Gaydara [Gaidar's stylistic infantilism]. Filologicheskiiy klass, 2 (16), 30–35.

Rudova 2014 — Rudova, L. (2014). Maskulinnost' v sovetskoy i postsovetskoy detskoy literature: transformatsiya Timura (i ego komandy) [Masculinity in Soviet and post-Soviet Children's literature: the transformation of Timur (and his team)]. Detskie chtenia, 2 (6), 85–100.

Valentin Golovin

Institute of Russian Literature (The Pushkin House) RAS;

ORCID: 0000-0001-9863-034X

MUSICIANSHIP AND SINGING IN ARKADY GAIDAR'S NOVEL
TIMUR AND HIS TEAM

The article deals with the motif of singing and music-making in the story "Timur and his team" (1940) by Arkady Gaidar. The author analyses 18 episodes in which the characters of the story sing or play music: a musical amateur performance (staging an opera), home and amateur music-making, Red Army chorus, trumpeter's signals, performing a "novelty romance" and ditties accompanied by a fight, shouts of a milkmaid, improvised orchestra concert by children playing on "bottles, cans, bottles and sticks", use of musical toys and so on. The musical texture of the novel is placed in the context of mass musical culture of the 1930s and in the tradition of Russian classical music. The functions of this motif in the text of the story are revealed: the creation of an atmosphere of a dacha village near Moscow, allusions, and characterization of adult heroes. The article shows how the irony of the author is expressed through scenes of singing and music-making, and how the author's accents are placed in the depiction and evaluation of characters. The analysis of this motif allows us to propose new interpretations of the world of children and adults depicted in A. Gaidar's story; the relevant categories which distinguish children and adults in the story are original/secondary, natural/artificial and improvisation/performance.

Keywords: Soviet children's literature, Arkady Gaidar, Timur and his team, motif, singing, music

Софья Лойтер

«КОНДУИТ И ШВАМБРАНИЯ» ЛЬВА КАССИЛЯ: ИСТОРИЯ ТЕКСТА

В статье предпринимается анализ структурных и текстовых изменений, внесенных Л. Кассилем при переиздании повести «Кондуит и Швамбрания». Материалом исследования стали издания повести 1935 г., 1937 г., два издания 1957 г. и последнее прижизненное издание 1965 г. Анализ названных опубликованных редакций показывает формирование повести «Кондуит и Швамбрания» как единой книги, единого сюжетного и структурного целого, чего еще не было в издании 1935 г. Выявлены изменения, внесенные Л. Кассилем в поздние редакции повести, предложена классификация авторских правок: 1) изъятия идеолого-политического свойства, 2) изъятия и изменения, обусловленные нападками педагогической критики; 3) поправки и изменения творческого характера. Л. Кассиль был вынужден реагировать на идеологические кампании, разворачивающиеся как в масштабе страны, так и в профессиональной литературной среде (антисемитские кампании 1930–40-х гг., депортация немцев Поволжья в 1940-е гг., дискуссии о «псевдоромантизме и формализме» в критике и др.). Еще одной причиной изменений текста повести стали обстоятельства семейной биографии писателя: репрессии в отношении его брата Иосифа Кассиля, выступившего прототипом одного из главных героев повести — Оськи. Тем не менее «Кондуит и Швамбрания» осталась единственной книгой в творчестве Л. Кассиля, в которой заявлена еврейская тема.

Ключевые слова: советская детская литература, история издания, текстология, редакция, авторская правка, самоцензура, Л. Кассиль, «Кондуит и Швамбрания»

Софья Михайловна Лойтер

Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск
sofia5@sampo.ru

Повесть Льва Кассиля «Кондуит и Швамбрения» относится к числу редких книг детской литературы, обладающих большой и многолетней историей создания, которая ставит вопрос, какой текст считать каноническим, то есть авторским в последней редакции, принятой для последующих изданий. «Кондуит и Швамбрения» начинается публикациями 1928–1929 гг. в журналах «Новый Леп» и «Пионер» первой и тогда самостоятельной книги «Кондуит». За ними последовало отдельное издание «Кондуита» в 1930 г. и чередой его переизданий¹. Успех «Кондуита» стимулировал Кассиля продолжить рассказ о детстве, и в декабре 1930 г. в письмах родителям он впервые упоминает о работе над следующей книгой, за которую «энергично взялся», — «Швамбрения» [Таратута 1997, 205–206]. В 1931 г. «Швамбрению» печатает журнал «Пионер» [Кассиль 1931], а в самом начале 1933 г. в издательстве «Федерация» выходит отдельная книга «Швамбрения. Повесть с картами, гербом и флагом» [Кассиль 1933]. Спустя два года издательство «Советский писатель» выпускает новое издание «Швамбрании», на титульном листе которого впервые и затем уже навсегда появился такой подзаголовок: «Повесть о необычайных приключениях двух рыцарей, в поисках справедливости открывших на материке Большого Зуба великое государство Швамбранское, с описанием удивительных событий, происшедших на блуждающих островах, а также о многом ином, изложенном бывшим швамбранским адмиралом Арделяром Кейсом, ныне живущем под именем Льва Кассиля, с приложением множества тайных документов, мореходных карт, государственного герба и собственного флага» [Кассиль 1935].

Идентичны этому издания 1936 и 1937 гг. Затем наступил долгий перерыв. Выборочно историю создания и изданий книги, рассказанную самим Кассилем в письмах родителям за 20 лет, а это более 1000 писем, представила Е. А. Таратута в публикации «„Да здравствует Швамбрения“! или Сорок лет спустя» [Таратута 1979]. Каждое письмо — это и размышления, и разговор о каком-то моменте творческого процесса: изменениях, сокращениях, изъятиях, дополнениях, реакция на критику и т. д. Письма, которые становились по существу дневником автора, воссоздают «трудный путь» книги, атмосферу тогдашних литературных споров вокруг нее, спектр мнений о ней («вредная, антипедагогическая книга», «бессмертная, мировая вещь», «просто блестящая», «совершенно замечательная», «гениальная»). После издания 1937 г. книга не выходила в течение 20 лет, а следующее издание вышло в 1957 г. не в Москве, а Петрозаводске. Впрочем, в Москве она вышла в том

же году, а уже в 1959 г. «Кондуит и Швамбрания» публикуется в серии «Золотая библиотека». Эти издания 1957 г. и последующих лет до появления прижизненного, соответствующего авторской воле Собрания сочинений в 1965 г. издавались с множеством купюр, изменений и поправок [Кассиль 1965–1966; Кассиль 1987–1988; Кассиль 2009].

Впервые проблему текстологии повести «Кондуит и Швамбрания» Л. Кассиль поднял известный культуролог из Шадринска С. Б. Борисов. Свои наблюдения и выводы он делает на основе сопоставления издания книги 1935 г. и изданий, появившихся в 1957 г. и последующих годах. Эти сравнения выявили изъяты, совокупный удельный вес которых составляет примерно один процент объема книги [Борисов 2007, 492]. Борисов приводит фрагменты текста, которые были определены им как изъяты, имевшие «преимущественно принудительный идеолого-политический, то есть, фактически, цензурный, а отнюдь не творческий характер» [Борисов 2007, 501]. Они касаются еврейской, немецкой темы и ксенофобии. В главах: «История», «От Покровска до Дранздонска», «Мы — демократы», «Бог и Оська», «Наука умеет много гитик» это отдельные небольшие высказывания, которые во всех последующих изданиях были изъяты и за редким исключением никогда не воспроизводились. Приведу такой фрагмент, содержащий еврейскую и немецкую темы:

На уроке истории учитель говорит:

— Турки, как и все мусульмане, отличаются бесчеловечной жестокостью, кровожадностью и зверством. Их священная книга Коран учит убивать христиан без всякой жалости, ибо чем больше «неверных» христиан убьёт турок, тем больше грехов ему простится. Но в сегодняшней войне турок перещеголяли в зверствах куль-тур-ные немцы. Они, немцы, варварски разрушили...

Класс оборачивается и укоризненно смотрит на Куфельда: Куфельд — немец. Класс возмущённо смотрит на Реклинга. Реклинг — тоже немец. Класс грозно смотрит на Крейберга, на Виркеля, на Фрицлера... Крейберг, Виркель, Фрицлер — все немцы. Враги! — неприятель в классе!

— А евреи — спрашивает вдруг хитрый Гешка Крейберг. — А евреи? Правда, говорят, тоже кровожадны, Кирилл Михалыч? И продают Россию...

Теперь весь класс смотрит на меня. Я краснею так мучительно, что мне кажется, будто хлынувшая в лицо кровь уже прорвалась сквозь кожу щек наружу.

— Это не относится к уроку, — отвечает учитель. — Сегодня мы говорим не о них.

Во время перемены классная доска, — эта чёрная трибуна и вечевой колокол класса, — покрывается крупными надписями: «Бей немчуру!», «Фрейберг — немец, перец, колбаса...», «Все жиды — изменники» [Кассиль 1935, 108–109].

Полностью изъята и никогда не восстанавливалась глава «Из хорошего дома», располагавшаяся в издании 1935 г. между главами «Мир животных» и «Вокруг нас», в которой откровенный юдофобский пассаж звучит из уст бонны Августы Карловны:

Нас старательно обучали также хорошим манерам.

Прежде всего запрещалось болтать ногами и языком за обедом. Папа учредил премии: гривенник за молчаливый обед. Папа не ошибся. Никто из нас так и не заработал гривенника.

Пробовали воспитывать нас и чужими наёмными руками. Взяли бонну из «хорошего дома». Звалась она Августа Карловна.

Такой злобной ведьмы я больше не встречал. Меня она невзлюбила с самого начала, а мне она была омерзительна до конца.

— Ну-с, — дразнила она, — вот я и к евреям попала. Так, так, хорошее племя... А знаешь, что ваши древние... Христа к кресту прикнутили. Ваше племя бог проклял... И тебе на том свете крыса живот выест. Вот... А знаешь, как вас зовут? Жида вас зовут... Вот как.

— Вы юдофобка и дура, — говорил я, чуть не плача. — Аннушка тоже говорит, что вы... пожилая хрычиха... Вот. И если вы ещё будете, то я маме пожалуюсь.

— Конечно, конечно, — говорила Августа Карловна. — Иди, иди. Жалуйся. Передавай. Иуда-предатель тоже из ваших был.

И я не мог идти жаловаться. Я плакал по ночам. Обида раздирала внутренности, как крыса, обещанная мне в аду. План мести созрел.

Когда бонна вошла раз в детскую, её ударила по голове щетка, державшаяся на двери. В этот же момент загремели бубенцы на привязанных к двери вожжах, и ночной горшок синим метеором промелькнул у самого носа Августы. Горшок качался под люстрой. Во время последовавшего затем скандала и отсидки в «аптечке» всё выяснилось. Аннушка пошла за извозчиком. Я отказался попроситься с Августой [Кассиль 1935, 47–48].

Ни в одном из последующих изданий этот фрагмент не повторялся. Еврейская тема осталась в одной лишь главе «Самоопределение Оськи», которая в издании 1935 г. называлась «Самоопределение национальностей».

Мои наблюдения основываются на изданиях 1935 г., 1937 г., двух изданиях 1957 г. и прижизненном издании 1965 г. (из названного Собрания сочинений). Анализ этих редакций показывает формирование повести «Конduit и Швамбрения» как единой книги, единого сюжетного и структурного целого, чего еще не было в издании 1935 г. В 1935 г. она состояла из трех частей — «Страна вулканического происхождения» (52 главы), «Блуждающие острова» (47 глав) и «На твердой земле» (17 глав) — всего 116 глав, что составляло примерно две трети текста будущей повести. Позже в Детиздате под названием «Конduit и Швамбрения» (с выше приведенным подзаголовком) выходит книга с другой структурой и количеством глав (173 главы).

Дополнения — это главы, которые содержат эпизоды или сцены из проживаемой жизни или событий, наблюдаемых главными героями повести Лелькой и Оськой. Окружающая героев жизнь предстает преображенной совершенно особым взглядом автора на привычные вещи и предметы, неожиданными ассоциациями, сближениями и причудливыми сочетаниями, которые образуют «нарочито инфантильно-приключенческую и сатирическую оправу повести» [Таратута 1979, 228]. «Конduit и Швамбрения» — единственная в своем роде книга Кассиль с сатирической и иронической стилистикой.

Книга первая. «Конduit»

Первая часть — «Страна вулканического происхождения»: включала в себя 13 глав. Главы издания 1935 г. — «Покровская Золушка», «Клейменные орлы», «Газообразное начальство», «Святки», «Дни склеены синдетиконом», «Анонимка», «Золушка разоблачены», «Туфелька Сандрильоны» — выпущены в издании 1937 г., но восстановлены во всех последующих изданиях. Особенно сложная судьба оказалась у второй части первой книги под названием «Голубиная книга»: Кассиль выделил ее в самостоятельную в издании 1937 г. Только 6 глав («Наука умеет много гитик», «Место на глобусе», «Происхождение негодяев», «Верхний этаж мира», «Лапти в сирени», «Первая Швамбранка») перешли из издания 1935 г. 30 глав в нем отсутствовали: «Вступительное», «Забрили! Оболванили!», «Пуговицы», «Наполеон и Конduit», «П. Г.», «Голуби-сизяки», «Директор», «Учительская», «Инспектор», «Агнцы и козлищи», «Сказание об Афонском Рекруте», «Первый звонок», «Шалман», «Черт и младенцы», «Во саду ли...», «Идем

на вы!», «Манифест», «Сорванные голоса», «Земский и сын», «Глава почти кинематографическая», «Фараон вызывает Иосифа», «Шаги в коридоре», «Развязка», «Восемь», «Иосиф-бенефициант», «Журавли и лебеди», «Три „Е“ и Тараканий ус», «Историческая гвардия», «Среди блуждающих парт», «Царский день».

Первая глава «Вступительное» сохранялась во всех последующих изданиях, но с изъятием этнонима «евреям»: «Батюшка, а ведь это им не требуется, кажется? Евреям... Вообще иных вероисповеданий...». Главы «Сказание об Афонском Рекруте», «Шалман», «Черт и младенцы», «Во саду ли...», «Идем на вы!», «Манифест», «Сорванные голоса», «Земский и сын», «Глава почти кинематографическая», «Фараон вызывает Иосифа», «Шаги в коридоре», «Развязка», «Восемь», «Иосиф-бенефициант» в изданиях 1957, 1959 и 1960 гг. отсутствовали, они восстановлены в первом томе собрания сочинений.

В главе «Шалман» издания 1937 г. был эпизод о городо-вом Козодаве: «Сначала Козодав недружелюбно отнесся к Иосифу. „Послушай-ка ты, палестинский дворянин, — рычал он, — а не сродственник ли ты тому провизору Пукису, который в запрошлом лете аптеку обмишурил?“ — „Послушайте, — сказал на это Иосиф, вы знаете, на углу живет себе сапожник Романов? Совсем неважный сапожник. А в Петербурге живет тоже один Романов и занимает довольно важное место. Так что, я вас спрашиваю, сапожник Романов должен отвечать за того Романова?“» [Кассиль 1937, 52–53]. Этот отрывок не восстановлен ни в одном из изданий.

Третья часть в издании 1937 г. носит название «Проштрафившаяся доблесть» и состоит из 8 глав, бывших в издании 1935 г. Однако во всех последующих после 1937 г. изданиях эта часть называется «Дух времени», и в ней, в свою очередь, есть одноименная глава «Дух времени», которая в изданиях 1935 и 1937 гг. называлась «Мала куча». Отмеченные С. Б. Борисовым отрывок из главы «Нас обучают войне» и глава «Неприятель в Покровске», в которых Лельку и Оську возмущают разные проявления ксенофобии, сохранены в издании 1937 г., но изъяты во всех последующих.

Четвертая часть «Февральский кондуит» начинается главой «О круглой земле, великой революции и маленьком море», в которой в издании 1935 г. были такие строки: «И дядя из Саратова, из-за Волги, рассказывает о войне, расстреле рабочих, о забастовках, погромах, о революции, равенстве, братстве...» [Кассиль 1935, 115]. В издании 1937 г. и всех последующих этот фрагмент выглядит так: «И дядя из Саратова, из-за Волги, торопясь, рассказывает

по телефону о войне, о революции, равенстве, братстве...» [Касиль 1937, 97]. В этой части 30 глав, из них 25, отсутствовавших в издании 1935 г.: «Цап-Царапыч гонится за луной, или что сказал об этом кондуит», «На баррикадах», «Большая перемена», «Латинское окончание революции», «Романов Николай, вон из класса!», «Степка-агитатор», «Тигренка», «Заговор», «На Брешке», «Калоши директора», «Для чего иногда служат разбитые горшки», «Родителям на утешение», «На приеме у скотского», «Директор и Оська», «Отцы, папаши, батьки», «Кондуит директора», «Случай на острове Мадагаскаре», «Присутствие духа», «Цап-Царапыч ставит точку», «Реформа единицы», «Протеже дамского комитета», «Плюс минус Люся», «Письмо», «Веселый Монохордов», «Ландыш в Кондуите». Впоследствии три главы — «Тигренка», «На приеме у скотского» и «Случай на острове Мадагаскаре» — были изъяты во всех изданиях.

Книга вторая. «Швамбраня»

Первая часть — «Швамбранская революция» — 5 глав («Поход „Бренабора“, „Отплытие“, „Битва при Шараде“, „Заповедник героев“, Закат был отменен») во всех отдельных изданиях сохранена. «Конец кондуита» (вторая часть) — это 11 глав, отсутствовавшие в издании 1935 г. («Хочу заседать», «Комбинация из трех пальцев», «Сэр Роберт, святой Георгий и добрые дела», «Баржа безруких кавалеров», «Поражение Георгия-Победоносца», «Атлантида», «Вверх ногами», «Канун», «Урок истории», «День, не записанный в кондуите», «Конец кондуита»). Во всех последующих изданиях она не претерпела изменений. Третья часть «Блуждающие острова». В издании 1937 г. это 47 глав, которые, кроме упомянутой и приведенной Борисовым главы «За ушко да на солнышко», полностью перешли из издания 1935 г.

Главы «Орда кочует» в изданиях 1935 и 1937 гг. позже стала называться «Школа кочует», а глава «В собачьем ящике» — «Ночь перед письменной». В издании 1957 г. между главами «Красные безобедники» и «Блуждания швамбран, или Таинственный солдат» появились главы «Плохо дело», «Чай да сахар», а в издании 1960 и 1965 гг. еще две главы в такой последовательности: «Плохо дело», «Да — нет», «Гляделки на поправке», «Чай да сахар»; между главами «Концерт в Тратрочке» и « Знакомства, дезертиры, сквозняки» появились главы: «Комиссар и дамки», «Лапки-тыпки», «Папа подает надежды». Четвертая часть «На твердой земле» в издании 1937 г. и последующих состоит из 16 глав. Исключена лишь приведенная

выше глава из издания 1935 г. «Мрак в пещере». Глава «Когда Фектистка получил фамилию» с 1957 г. стала называться «Когда Фектистка утвердил фамилию».

Важным обстоятельством является то, что Кассиль начинал работать над повестью 23-летним, талантливым, раскованным, безоглядным, озорным, по-мальчишески дерзким, а закончил работу над ней 50-летним человеком. 27 лет жизни, на протяжении которых произошло много драматических событий в стране и жизни автора. В августе 1937 г. арестован объявленный «врагом народа», «антисоветчиком и троцкистом» брат писателя, молодой ученый и литератор Иосиф Кассиль, прототип Оськи в книге. Вскоре была арестована и сослана отказавшаяся отречься от мужа, «вредителя народа и шпиона», его жена Зинаида Петровна. «Над Львом Абрамовичем занесся меч... Понимая, что он „под колпаком“, Кассиль — старший все же продолжал заступаться за брата, писал во все инстанции, хлопотал о пересмотре дела, „шитого белыми нитками“... Обращался с письмом к генеральному прокурору Вышинскому, просил пересмотреть дело брата. Однако это письмо оказалось гласом вопиющего в пустыне», — пишет саратовский краевед Ю. В. Песиков, много изучавший семью писателя, архивные документы, сохранившиеся письма и свидетельства [Песиков 1995, 22, 24]. В январе 1938 г. Иосиф Кассиль был расстрелян. Ареста стал ждать и сам Лев Кассиль. К счастью, он остался на свободе, остался и в Союзе писателей, распрощавшись, правда, с должностью редактора журнала «Мурзилка». Однако от литературной и общественной жизни он не был отлучен.

В конце 1930-х гг. тотальные репрессии в стране соединяются с целенаправленной антиеврейской политикой государства, закрытием редакции еврейских газет и издательств, всех еврейские школы. В 1949 г. уничтожен знаменитый ГОСЕТ — еврейский государственный театр, созданный сразу после революции. Тщательно срежиссирован разгром умышленно созданного Еврейского антифашистского комитета, чтобы превратить его в антисоветское буржуазное националистическое подполье. Репрессированы и расстреляны многие его деятели. В конце 1940-х гг. начинается космополитическая кампания, за ней сфабрикованное «дело врачей». В этих условиях «еврейская тема» становится нежелательной. Но Кассиль не просто не замалчивал свое еврейское происхождение, а, напротив, подчеркивал его, естественно и непринужденно называл имена и фамилии еврейских родственников или воспроизводил речевой колорит коммивояжера Пукиса.

«Кондуит и Швамбрания» оказывается единственной и последней книгой Кассиля, в которой вообще употребляется слово «еврей». Еврейская тема осталась в одной лишь главе «Самоопределение Оськи», которая в издании 1935 г. называлась «Самоопределение национальностей». Ни в одной из книг, написанных в последующие годы, нет ни одного еврейского имени или фамилии. Они исчезли из художественного пространства Кассиля.

Из книги почти полностью удалена и немецкая тема. В августе 1941 г. выходит Указ Президиума Верховного Совета СССР от «О переселении всех немцев из Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей в другие края и области». 7 сентября 1941 г. была ликвидирована и Автономная республика немцев Поволжья.

Как видим, элиминации, «исправления» и изменения в повести «Кондуит и Швамбрания», чей период создания Кассиль обозначил припиской в конце книги «1928–1931; 1955», имеют неоднородный характер. Условно их можно классифицировать таким образом:

- 1) изъятия идеолого-политического свойства,
- 2) изъятия и изменения, обусловленные нападками педагогической критики;
- 3) поправки и изменения творческого характера.

В 1950-е гг. усиливаются обвинения в «ложной романтике», «псевдоромантизме и формализме», обусловленные поэтизацией придуманной страны Швамбрания, Советская парадигма детства не допускала существование параллельной, более совершенной действительности, а придумывание страны детской мечты расценивалось как неприятие реальной живой жизни. Этим объясняется нарочитый декларативный и категоричный посыл, которым заканчивается третья глава «Запоздавшее предисловие» первой части, которое ни в одно из изданий после 1935 г. не включалось:

Но суть повести совсем не в этом. Игра отмечала все, что происходило в действительности, все, чем были полны в то время наши ребячьи головы. Война, ложная героика, идеалы мешанской доблести, уродливое воспитание, революция, жажда общественности, попытки разобраться в происходящем, рождение новой школы, годы разрухи, ломка старой семьи и т. д. Поэтому повесть о небывшей Швамбрании — это, прежде всего, правдивая, немножко озорная, но совершенно правдивая повесть о невыдуманной, сбывшейся революции [Кассиль 1935, 17].

Изъятие этого фрагмента произошло на том этапе переработки текста, когда автор ощутил несостоятельность деклараций, касающихся противопоставления Швамбрании революции в пользу последней. Именно отсюда тот благоразумный и рассудочный голос, который, оставаясь за пределами художественного изображения, неоднократно звучит в повести, доказывая, что реальная жизнь и особенно свершившаяся революция выше придуманной страны. Такого рода стихотворный гимн Швамбрании и особенно последняя «Глава с глобусом», которая заменяет эпилог:

Прощай, прощай, Швамбрания!
За работу пора нам!
Не зевай по сторонам!
Сказка — прах, сказка — пыль!
Лучше сказки будет быть!
Жизнь взаправду хороша... [Кассиль 1935, 337–338]

Но для того ли Кассиль вздохнул, самозабвенно, горячо и страстно рассказал о своей выдумке, чтобы отказаться от нее. Называя в письме родителям «зерна серьезного философского замысла» книги, убежденный в том, что «единственно, что для него ясно»: «книга очень оригинальная по выдумке и ведущему приему... впервые дает пространное толкование весьма популярной среди ребят игры во вторую жизнь» [Таратута 1979, 228].

Швамбрания — ярчайшее художественное открытие Кассиля, перенесшего игру своего детства в книгу, исследовавшего ее как явление детского мифотворчества. После Швамбрании художественное воссоздание стран детского воображения стало органической стороной его творчества: позже была создана страна Синегория («Дорогие мои мальчишки»), Джунгахора («Будьте готовы, Ваше Высочество!»). Однако ни одна из них не может сравниться с Швамбранией, как не могут сравниться с ней другие известные мне страны детского воображения (см. работы [Лойтер 1992; 1998; 199; 2001; 2006; 2007, 2019]). Не могут сравниться по полнокровности, которая обеспечивается ярким и развернутым художественным изображением географии, народонаселения, геральдики, топонимики, ономастики, антропонимики, словообразования, реквизита. Когда заходит речь о детских играх в страну, многочисленные придуманные изощренные лексемы-топонимы заменяет одна метафора, одно обобщенное имя — «Швамбрания». Мне не раз доводилось, когда речь заходила о детских мечтаниях, слышать: «наши детские Швамбрании», «сочиняли свои Швамбрании», «швамбран-

ская карта» [Москвина 2001, 252; Роднянская 2010, 42]. Феномен Швамбрании, ставшей наиболее совершенным из всех художественных воспроизведений детской страны-мечты, неким поэтическим символом, «именем нарицательным» называет М. Л. Гаспаров [Гаспаров 1998, 436].

Игра в страну-мечту — игра в утопию. А в основе утопии, утверждающей равенство, справедливость и являющейся одним из двигателей человеческой истории, как известно, всегда лежит способ сопоставления сущего с идеалом, в детском варианте в том числе. Утопизм не всегда включает в себе только положительное начало. Отличительной чертой утопических легенд в их взрослом варианте, как доказывает К. В. Чистов, является социальная и политическая функция, сопряженная с выработкой революционных представлений и преобразований, нередко с прямой политической борьбой. «Это не только не снимает, но, наоборот, обостряет вопрос о крайней опасности срочной, насильственной бескомпромиссной реализации утопических идей, каковы бы они ни были изначально» [Чистов 2003, 487–488]. И в этом убеждает нас исторический опыт и события 1917 г. Обладающий совсем иной природой детский утопизм лишен прямо выраженной прагматической нагрузки. Это игра в чистом виде — *упоение* как эстетическое, интеллектуальное, нравственное переживание и саморазвитие. Упоение — важнейшая закономерность, определяющая суть и характер детского социального проектирования.

Примечания

¹ Кассиль Л. Кондуит (из книги) // Новый Лепф. 1928 № 5; Кондуит // Пионер. 1929. № 3, 5, 7, 10, 15; Кондуит. Последняя повесть о гимназии / рис. А. Брея. М.; Л.: Мол. гвардия, 1930; то же. М.: «Роман-газета», 1930; то же. Изд. 2-е. М.: Мол. гвардия, 1931; то же. Изд. 3-е. М.: «Мол. гвардия», 1931; Подпись Цап-Царапыча (из повести «Кондуит») / рис. Кукрыниксов. М.: Мол. гвардия, 1931; Блуждающая школа (из повести «Кондуит»). М.: Мол. гвардия, 1932; Кондуит. Последняя повесть о гимназии / рис. Кукрыниксов. Изд. 5-е, доп. М.: Детгиз, 1934; Кондуит. Последняя повесть о гимназии / илл. Кукрыниксов. Изд. 6-е, доп. Саратов: Обл. кн. Изд., 1935.

Литература

Источники

Кассиль 1931 — Кассиль Л. Швамбрания // Пионер. 1931. № 1. С. 4–7; № 9. С. 3–5; № 10. С. 2–5; № 12. С. 6–11; № 13–14. С. 7–10; № 15. С. 5–7; № 17–18. С. 11–15; № 20–21. С. 18–21.

Кассиль 1933 — Кассиль Л. Швамбрания. Повесть с картами, гербом и флагом. М.: Федерация, 1933.

Кассиль 1935 — Кассиль Л. Швамбрания. Повесть о необычайных приключениях двух рыцарей, в поисках справедливости открывших на материке Большого Зуба великое государство Швамбранское, с описанием удивительных событий, происшедших на блуждающих островах, а также многом ином, изложенным бывшим швамбранским адмиралом Арделяром Кейсом, ныне живущем под именем Льва Кассиля, с приложением множества тайных документов, мореходных карт, государственного герба и собственного флага. М.; СПб.: Типография Воровского, 1935.

Кассиль 1937 — Кассиль Л. Кондуит и Швамбрания. М., Л.: Детиздат, 1937.

Кассиль 1965–1966 — Кассиль Л. А. Собрание сочинений: в 5 т. / [коммент. Е. Таратуты]. М.: Дет. лит., 1965–1966.

Кассиль 1987–1988 — Кассиль Л. А. Собрание сочинений: в 5 т. / [коммент. Е. Таратуты]. М.: Дет. лит., 1987–1988.

Кассиль 2009 — Кассиль Л. А. Собрание сочинений: в 5 т. / [сост. В. Кассиль, И. Собинова-Кассиль]. М.: Терра — Книжный клуб, 2009.

Исследования

Борисов 2007 — Борисов С. Б. Книга Л. А. Кассиля «Кондуит и Швамбрания»: проблемы текстологии // Борисов С. Б. Человек. Текст. Культура: социогуманитарные исследования. Шадринск: Шадринский Дом Печати, 2007. С. 491–501.

Гаспаров 1998 — Гаспаров М. Л. Записки и выписки (Продолжение) // Новое литературное обозрение. 1998. № 31 (3). С. 427–439.

Лойтер 1992 — Лойтер С. М. Игра в страну-мечту как явление детского фольклора // Школьный быт и фольклор: в 2-х ч. / сост. А. Ф. Белоусов. Таллинн: Таллин. пед. ин-т, 1992. Ч. 1. С. 65–75.

Лойтер 1998 — Лойтер С. М. Детские утопии, или игра в страну-мечту как явление детского фольклора // Русский школьный фольклор: От «вызываний» Пиковой дамы до семейн. рассказов / сост. А. Ф. Белоусов. М.: Ладомир; Назрань: АСТ, 1998. С. 605–617.

Лойтер 1999 — Лойтер С. М. Феномен детской субкультуры. Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 1999.

Лойтер 2001 — Лойтер С. М. Русский детский фольклор и детская мифология: Исслед. и тексты. Петрозаводск: КГПУ, 2001.

Лойтер 2006 — Лойтер С. М. Еще раз о детской игре в страну // Фольклор, постфольклор, быт, литература: сборник статей к 60-летию Александра Федоровича Белоусова. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, 2006. С. 59–64.

Лойтер 2007 — Лойтер С. М. Древнегреческие истоки русских детских игровых утопий первой трети XX века // Россия и Греция: диалоги культур: материалы I Международной конференции. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. С. 338–343.

Лойтер 2019 — Лойтер С. М. И снова: Игры в страну-мечту или детские утопии и их северные архетипические истоки // Рябининские чтения — 2019: материалы VIII конференции по изучению и актуализации традиционной культуры Русского Севера. Петрозаволск: КарНЦ РАН, 2019. С. 412–414.

Москвина 2001 — Москвина М. Как стать детским писателем // Вопросы литературы. 2001. № 6, нояб.-дек. С. 250–258.

Роднянская 2010 — Роднянская И. Пророки конца эона. Инволюционные модели культуры как актуальный симптом // Вопросы литературы. 2010. № 1, янв.-февр. С. 5–56.

Песиков 1995 — Песиков Ю. В. Улица старшего сына: Рассказ о Льве Кассиле и его семье. Саратов: Слово, 1995.

Таратута 1979 — Таратута Е. История «Швамбрании»: «Да здравствует Швамбрания!» или Сорок лет спустя. История создания, издания и споров вокруг нее, рассказанная самим Львом Кассилем в письмах к родителям // Жизнь и творчество Льва Кассиля / сост. Л. Разгон. М.: Дет. лит., 1979. С. 204–265.

Чистов 2003 — Чистов К. В. Русская народная утопия (Генезис и функции социально-утопических легенд). СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.

References

Borisov 2007 — Borisov, S. B. (2007). Kniga L. A. Kassilya “Konduit i Shvambraniya”: problemy tekstologii [Kassil “Conduit and Shvambrania”: problems of textual criticism]. In S. B. Borisov Chelovek. Tekst, Kul'tura: sotsiougumanitarnye issledovaniya [Human. Text, Culture: socio-humanitarian studies] (pp. 491–501). Shadrinsk: Shadrinskiy Dom Pechati.

- Chistov 2003* — Chistov, K. V. (2003). Russkaya narodnaya utopiya (Genezis i funktsii sotsial'no-utopicheskikh legend) [Russian folk utopia (Genesis and functions social utopian legends)]. Saint-Petersburg: Dmitriy Bulanin.
- Gasparov 1998* — Gasparov, M. L. (1998). Zapiski i vypiski (Prodolzhenie) [Notes and extracts (Continued)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 31 (3), 427–439.
- Loyter 1992* — Loyter, S. M. (1992). Igra v stranu-mechtu kak yavlenie detskogo fol'klora [Playing in a dream country as a phenomenon for children folklore]. In A. F. Belousov (Ed.), *Shkol'nyy byt i fol'klor: v 2-kh ch. Ch. 1.* [School life and folklore: in 2 parts] (Part 1, pp. 65–75). Tallinn: Tallin. ped. in-t.
- Loyter 1998* — Loyter, S. M. (1998). Detskie utopii, ili igra v stranu-mechtu kak yavlenie detskogo fol'klora [Children's utopias, or playing in a dream country as the phenomenon of children's folklore]. In A. F. Belousov (Ed.), *Russkii shkol'nyy fol'klor: Ot "vyzyvaniy" Pikovoy damy do semeyn. rasskazov* [Russian school folklore: From the "evocations" of the Queen of Spades to family stories] (pp. 605–617). Moscow: Lodomir; Nazran': AST.
- Loyter 1999* — Loyter, S. M. (1999). Fenomen detskoj subkul'tury [The phenomenon of children's subculture]. Petrozavodsk: Izd-vo KGPU.
- Loyter 2001* — Loyter, S. M. (2001). Russkiy detskiy fol'klor i detskaya mifologiya: Issled. i teksty [Russian children's folklore and children's mythology: Research. and texts]. Petrozavodsk: KGPU.
- Loyter 2006* — Loyter, S. M. (2006). Eshche raz o detskoj igre v stranu [Once again about the children's game in the country]. In *Fol'klor, postfol'klor, byt, literatura: sbornik statey k 60-letiyu Aleksandra Fedorovicha Belousova* [Folklore, post-folklore, everyday life, literature: a collection of articles dedicated to the 60th anniversary of Alexander Fedorovich Belousov] (pp. 59–64). Saint-Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet kul'tury i iskusstv.
- Loyter 2007* — Loyter, S. M. (2007). Drevnegrecheskie istoki russkikh detskikh igrovyykh utopiy pervoy trety KhKh veka [Ancient Greek origins of Russian children's Game Utopias of the First Third of the 20th Century]. In *Rossiya i Gretsiya: dialogi kul'tur: materialy I Mezhdunarodnoy konferentsii* [Russia and Greece: Dialogues of Cultures: Proceedings of the I International Conference. Petrozavodsk] (pp. 338–343). Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU.
- Loyter 2019* — Loyter, S. M. (2019). I snova: Iгры v stranu-mechtu ili detskie utopii i ikh severnye arkhетipicheskie istoki [And again: Games in a dream country or for children utopias and their northern archetypal origins]. In *Ryabininskie chteniya — 2019: materialy VIII konferentsii po izucheniyu i aktualizatsii traditsionnoy kul'tury Russkogo Severa* [Ryabininsky Readings — 2019: materials of the VIII conference on the study and actualization of the traditional culture of the Russian North] (pp. 412–414). Petrozavolsk: KarNTs RAN.
- Moskvina 2001* — Moskvina, M. (2001). Kak stat' detskim pisatelem [How to become a children's writer]. *Voprosy literatury*, 6, Nov.-Dec., 250–258.

Rodnyanskaya 2010 — Rodnyanskaya, I. (2010). Proroki kontsa eona. Involyutsionnye modeli kul'tury kak aktual'nyy simptom [Prophets of the End of the Eon. Involutional models of culture as an actual symptom]. *Voprosy literatury*, 1, Jan.-Feb., 5–56.

Pesikov 1995 — Pesikov, Yu. V. (1995). Ulitsa starshego syna: Rasskaz o L've Kassile i ego sem'e [Street of the eldest son: A story about Leo Kassil and his family]. Saratov: Slovo.

Taratuta 1979 — Taratuta, E. (1979). Istoriya “Shvambranii”: “Da zdravstvuet Shvambraniya”! ili Sorok let spustya. Istoriya sozdaniya, izdaniya i sporov vokrug nee, rasskazannaya samim L'vom Kassilem v pis'makh k roditelyam [History of “Shvambrania”: “Long Live Shvambrania”! or forty years later. History of creation, publication and disputes around her, told by Lev Kassil himself in letters to his parents]. In L. Razgon (Ed.), *Zhizn' i tvorchestvo L'va Kassilya* [Life and work of Lev Kassil] (pp. 204–265). Moscow: Det. lit.

Sofia Loiter

Petrozavodsk State University

“THE CONDUIT AND THE SHVAMBRANIA” BY LEV KASSIL:
A HISTORY OF THE TEXT

The article analyzes the structural and textual changes made by Lev Kassil in the reprinting of the story “Conduit and Shvambraniya”. The material for this study is the 1935 and 1937 editions of the story, two editions in 1957 and the last lifetime edition in 1965. An analysis of the published editions shows the formation of the story “The Conduit and Shvambrania” as a single novel, a single narrative and structural whole, which was not yet the case in the 1935 edition. The author reveals the changes made by Lev Kassil in later versions of the story and offers a classification of authorial corrections: 1) deletions of ideological and political nature; 2) deletions and changes caused by attacks of pedagogical critics; 3) corrections and changes of artistic nature. Lev Kassil was forced to respond to the ideological campaigns that were unfolding both on the national scale and in the professional literary environment (the anti-Semitic campaigns of the 1930s and 1940s, the deportation of the Volga Germans in the 1940s, discussions of “pseudo-romanticism and formalism” in criticism, etc.). Another reason for changing the text of the story was the circumstances of the writer’s family biography: the repression of his brother Iosif Kassil, who was the prototype of one of the main characters in the story — Os’ka. Nevertheless, *The Conduit and Shvambrania* was the only book in Kassil’s work in which a Jewish theme was expressed.

Keywords: Soviet children’s literature, publishing history, textology, editorial, author’s corrections, self-censorship, Lev Kassil, “Konduit i Shvambrania”

ПУБЛИКАЦИИ

Алла Грачева

О НЕОБЫЧАЙНЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЯХ БЛАГОРОДНЫХ ВОЖДЕЙ ПАНТЕРЫ, СЕРЖАНТА И ИХ ДРУЗЕЙ В ГОРАХ ЛУИЗИНА, ЛЕСАХ СИДОНИИ И В АМЕРИКАНСКИХ ПРЕРИЯХ: ДЕТСКАЯ ПРОЗА АКАДЕМИКА С. Ф. ПЛАТОНОВА

В статье рассмотрены сохранившиеся в личном архиве С. Ф. Платонова прозаические произведения, написанные в период обучения будущего академика в старших классах гимназии. В центре внимания находится так называемый «луизинский» цикл, созданный Платоновым в 1873–1875 гг. Произведения этого цикла (выпуски самодельной газеты «Луизинский Вестник», два эссе «Беседы о Луизине» и миниатюрная повесть «В прериях») связаны с летним пребыванием Платонова на даче в местечке Луизино под Санкт-Петербургом. В итоге статьи сделан вывод о том, что созданный подростками «луизинский миф» являлся одним из вариантов «руссоистского мифа» о жизни естественного человека, находящегося в гармонии с природой.

Ключевые слова: академик С. Ф. Платонов, Томас Майн-Рид, русская детская литература, журналистика, приключенческая проза

Академик РАН Сергей Федорович Платонов (1860–1933) по праву входит в число корифеев российской науки. С. О. Шмидт характеризовал его так: «С уходом из жизни Ключевского в представлении и широкой общественности, и многих ученых „главой

Алла Михайловна Грачева

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
Санкт-Петербург
ichnelat@rambler.ru

русской историографии“ становится Сергей Федорович Платонов — выдающийся исследователь и знаток истории нашего отечества (особенно XVI–XVII столетий); первоклассный лектор и наставник в семинарских занятиях — создатель научной школы... автор самых распространенных учебников по русской истории для высшей и средней школы, организатор системы образования» [Шмидт 2010, 5]. Книгам, статьям, лекционным курсам и учебникам С. Ф. Платонова были присущи не только научная фундаментальность, но и блестящий стиль изложения, яркость характеристик исторических эпох и их героев, образность авторского повествования, — все эти свойства ставили его работы на грань между «сухим» научным трудом и талантливым художественным произведением. Как же сложился, пользуясь старым университетским термином, «историко-филологический» феномен С. Ф. Платонова?

Историк науки, обращаясь к вопросу о первоисточках формирования личности того или иного выдающегося ученого, чаще всего опирается на данные автобиографий своего героя, а также на свидетельства современников, вспоминая о самом начале его жизненного пути, о влиянии на него тех или иных близких людей, учителей, наконец, книг. Но в случае С. Ф. Платонова у исследователя есть уникальная счастливая возможность обратиться к материалам обширного архива ученого, к тому же предварительно систематизированного им самим (См.: Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Фонд. 585).

В составе этого гигантского комплекса документов сохранились и плоды литературного творчества будущего академика, относящиеся к периоду его обучения в старших классах петербургской частной классической гимназии Ф. Ф. Бычкова, в которой он учился в 1870–1878 гг. Эти произведения были написаны тогда, когда Платонову было 13–17 лет.

Большая часть имеющихся произведений — лирика [см.: Мамонова 2002, 445–446]. Поэтические опусы Платонова состоят в основном из любовной лирики, полной ходульных романтических штампов; а также из описаний природы; из патриотических стихов, связанных с русско-турецкой войной 1877–1878 гг.; из переводов и наконец из шуточных вирш. Большинство дошедших стихотворений являются подражаниями М. Лермонтову и поэтам «чистого искусства» — А. Фету и Я. Полонскому. Юный автор систематизировал свои стихи и записывал их в тетради, иногда придавая им форму законченного печатного издания, с титульным листом,

оглавлением, а в ряде случаев и с авторскими комментариями. Примечательны поздние приписки Платонова на полях этих тетрадей, замечания, сделанные им, возможно, при итоговой систематизации своего архива: «Ха-ха-ха!»; «Чепуха», «Прошу Вас, не читайте — это бред сумасшедшего», «Две или три вещи порядочные».

Кроме стихов, сохранились и опыты гимназиста Платонова в прозаических жанрах. В их число входит, например, произведение, составленное из двух компонентов: отрывка из первой части «ненаписанного романа „Не суждено“» (1877) и дополняющей его «критической статьи», подписанной псевдонимом «В. М. Сидоров» [Стихотворения 1874–1876]. Последняя была стилизована под стандарты тогдашней журнальной критики и посвящена подробному разбору содержания второй (sic!), фактически заведомо не существовавшей, части того же романа. Рассматриваемые в совокупности, «отрывок» и «статья» составляли целостный, законченный текст с «рваной» художественной структурой, встречающейся в русских романтических повестях 30-х — 40-х гг. XIX в. В состав уцелевших подростковых произведений Платонова входят также фельетоны, посвященные «внутригимназическим» темам, путевые заметки о его путешествии в Великий Новгород и одна пьеса. Если характеризовать сохранившееся платоновское творчество того времени в целом, то надо отметить интенсивное освоение молодым автором различных жанровых канонов и стилевых манер, его явную тягу к стилизаторству, через которое велся поиск *своего* стиля. «Серьезные» псевдоромантические произведения Платонова в областях поэзии, прозы и драмы отличались выпренностью, ходульностью, были насыщены «байроническими» или «фетовскими» штампами. Другие тексты, которые были связаны не с отображением придуманных «страстей», а с описанием чувств, более органичных подростковому возрасту, таких, как, например, радость верного товарищества, жажда приключений, были полны искренности, свежести, юмора и юношеского стремления к игровому преобразению действительности.

Примером последнего направления творчества гимназиста Платонова является «луизинский» цикл 1873–1875 гг. Появление этого комплекса текстов было связано с летним каникулярным пребыванием Сергея в одном из предместий Петергофа — деревне Луизино, ставшей с середины XIX в. одним из популярных дачных мест петербуржцев. Ныне это историческое название части Петродворцового района Санкт-Петербурга [Гусаров 2017, 25–57]. Деревня была расположена неподалеку от железнодорожной станции Но-

вый Петергоф. Рядом с ней протекал Старопетергофский канал, отделявший Луизино от Бабигонского холма, на котором располагался дворец Бельведер с огромным парком и прудами. Приехавшие на дачу ребята одного возраста легко знакомились друг с другом. Сергей быстро стал участником дружеской компании ровесников-гимназистов. Образовался союз, состоявший из пяти друзей: Сергея Платонова, Василия Латкина, Петра Рубцова, Василия Круковского и его брата — Георгия (Юрия), который и стал лидером образовавшегося сообщества.

Духовной основой содружества стало общее увлечение подростков: «запойное» чтение приключенческих произведений Т. Майн-Рида. В 1864–1875 гг. издательство «М. О. Вольф» предприняло серьезное предприятие — публикацию двадцати четырёхтомного собрания сочинений американского писателя. Издание включало в себя его многочисленные романы и рассказы, такие, как, например, «Оцеола, вождь семинолов», «Девственные леса», «Белый вождь», «Жизнь у индейцев», «Мальчики в плену», «Степные разбойники в Техасе». Содержанием этих произведений, уже тогда прочно вошедших в круг юношеского чтения, были странствия и приключения молодых людей в странах Северной и Южной Америки; изображение знакомства подростков с природой и населением этих мест; описание дружбы героев с благородными индейцами и их совместной борьбы с белыми и краснокожими злодеями. В прозе Майн-Рида использование устаревших романтических сюжетных схем сочеталось с упрощенной идейно-философской ориентацией текстов на «руссоистский миф» о неиспорченных цивилизацией идеализированных «детях природы», живущих в органичном единстве с нею.

У Платонова и его новых дачных друзей знакомство с книгами Майн-Рида вызвало стремление как-то «освоить» столь полюбившийся им воображаемый мир и создать сходное с майн-ридовским *свое* воображаемое пространство, внутри которого они были бы максимально свободны, а также могли бы выступать как в роли его творцов, так и героев-демиургов. Итогом стало создание «луизинского мифа», содержание которого можно реконструировать на основе документов, сохранившихся в архиве Платонова.

Гимназисты-мифотворцы придумали свою особую ойкумену, существовавшую как бы независимо от реального мира, но в то же время где-то рядом, параллельно ему. Любопытно, что созданная подростками пространственная модель по ряду параметров предвосхищала миры трилогии Федора Сологуба «Творимая ле-

генда» (1905–1913). В придуманном подростками мире было два государственных образования. Одним из них являлось высокоцивилизованное и идеально устроенное государство Луизино, в котором не было безграмотных жителей, процветали науки и искусства. В число его граждан входили и пятеро друзей — «вождей», каждый из которых носил в луизинском пространстве новое имя, типологически родственное именам-прозвищам майн-ридовских краснокожих. К сожалению, в имеющихся текстах сохранились только краткие буквенные обозначения прозваний четырех луизинцев. Полностью можно восстановить только имя их предводителя: Пантера или Георгий Пантера (в реальности — Георгий Круковский). По форме правления Луизино представляло собой нечто вроде просвещенной монархии, во главе которой стоял либеральный главный «вождь» — Георгий Пантера. Столицей государства был названный в честь правителя город Георгиевск. Территория Луизина была столь обширной, что ее окраины еще оставались неизведанными. Это рождало потребность в организации луизинцами специальных научных экспедиций для исследования заповедных пространств. Самой большой и широкой рекой страны была впадающая в озеро Проточное река Вель, притоком которой была протекавшая по глубокому ущелью речка Кунтаякич. Другая река — Аяхта — впадала в озеро Чистое. На крайнем севере Луизина находилась Чертова Бездна. В стране было несколько городов (Георгиевск, Нордштадт, Драхтенбург) и сел (Катальное, Чистое, София). В неопределённой по географическим параметрам дали от метрополии располагалась ее так называемая «Петербургская колония». С южной стороны находились бескрайние, населенные дикарями леса («тайга»). Луизино имело мощную армию и было заинтересовано в охране и расширении своей территории путем присоединения прилегавших к границам лесных пространств, а также земель непосредственных соседей. Его геополитическим соперником была расположенная за ничейной «тайгой» страна Сидония. На ее территории находилось неопределенное по форме правления агрессивное государственное образование, тяготеющее к типу племенного объединения. Правил Сидонией «вождь» по имени Косые Глаза. С точки зрения цивилизованных луизинцев все жители Сидонии были необразованными дикарями. Большинство их жило в поселениях, а малая, совсем одичавшая часть скрывалась в «тайге». Отношения между обоими государствами были на грани войны и сводились к неоднократным набегам сидонцев на пограничные земли луизинцев, которые успешно отражали атаки соседей, и,

в свою очередь, совершали рейды на их владения. Территории двух государств разделяла Луизинская гряда и Каталыйный канал. Вокруг этих «очагов цивилизации» располагались бескрайние девственные леса и высокие горы.

Если говорить об происхождении топонимики виртуальных пространств Луизина и Сидонии, то можно заметить, что часть названий вполне достоверна и восходит к названиям городов, поселений, рек и озер в разных областях Российской империи. Некоторые из них связаны с географическими названиями петербургских окрестностей, находившихся рядом с дачным местечком Луизино. Так, например, существовал уездный городок София — ныне это обиходное название большого района вошедшего в черту Санкт-Петербурга города Пушкина, бывшего Царского Села. Возможно, фантазийный топоним «Катальный канал» скрывал реальное название — «Старо-петергофский канал», а гигантская «Луизинская гряда» была преображенным «Бабигонским холмом». Также вероятно, что если реальными прототипами луизинских могучих «вождей» и «воинов» были гимназисты-дачники, то деревенские мальчишки стали прообразами диких сидонцев. Конфликты и драки, возникавшие между приезжими из Петербурга и местными, в пространстве «луизинского мифа» трансформировались в бесконечные набеги и войны между жителями двух враждебных держав.

Письменная фиксация сведений о созданном Платоновым и его друзьями «игровом пространстве» — государствах Луизино, Сидония и окружающих их бескрайних кишаших дикарями лесах, — начинается с 1875 г. — времени появления рукописной «политической и литературной газеты» «Луизинский Вестник» [Луизинский Вестник]¹. Его редактором-издателем был указан «В. Латкин», издателем — «С. Платонов». Большинство публиковавшихся материалов было подписано псевдонимами или инициалами авторов. При этом инициалы могли быть сокращением как их настоящего имени, так и луизинского прозвания. Так, например, Платонов публиковался под инициалами и псевдонимами: «С. П.», «О. Я.», «В. Дубровский», «Serge...nt». Главный «вождь» луизинцев печатался под именем «Пантера» или под инициалами «Г. П.». Василий Латкин и Петр Рубцов — под инициалами, соответственно: «В. Л.» и «П. Р.».

Сохранилось 7 выпусков «Луизинского вестника». Как было объявлено, издание должно было выходить три раза в неделю.

В подписанной инициалами «С. П.» передовице первого номера от 1 августа 1875 г. утверждалось:

В наше время Луизино намного продвинулось вперед по пути просвещения. Еще прежде лузинцы ощутили жажду к чтению и, вместе с тем, начали образовываться, а теперь в среде их нет безграмотных. — Это великий шаг вперед со стороны нашего государства. В Луизине есть прекрасная библиотека, училища, — арсеналы наполнены новейшей системы ружьями и прочим оружием, но до сего времени в Луизине не было постоянного чтения, т. е. газет и журналов, хотя лузинцы этого и желают. Их желание исполняется. Газета с полным литературным отделом возникла. Просим же лузинцев не оставить без внимания это замечательное явление в их отчизне.

«Луизинский Вестник» был создан в полном соответствии со структурой газеты.

Открывал ее раздел «Политические события», который вел главный «вождь» лузинцев — Георгий Пантера. Он как правило, информировал своих подданных об отражении очередных происков сидонцев, а также о проведенных или предстоящих военных и научных экспедициях. Вот, например, «пропагандистская» заметка Пантеры от 5 августа 1875 г.:

Сидонцы несмотря на то, что обещали не тревожить прохожих лузинцев по Вельской дороге, изменили своему слову, а именно тем, что 5го августа этого года выстрелили в одного лузинца, шедшего мимо их, и ранили тяжело в голову. Что сие означает, мы не можем сказать, но, по всей вероятности, это обстоятельство вынудит нас снова предпринять поход против этих трусливых варваров и приучить их держать свое слово.

В этом же разделе читатели знакомились с «придворными новостями», например, им сообщалось о праздновании дня рождения матушки правителя.

Следующим по важности был раздел «По Луизину», в котором давалась информация о текущих событиях в разных областях страны. Его вел Василий Латкин («В. Л.»):

По Луизину

Петербургская колония

Из питер<бургской> кол<онии> пишут, что так как, по всей вероятности, вождь переедет в свою зимнюю резиденцию в последних числах августа, то там уже все начинают готовить для его встречи и для пребывания в ней. <...>

София

Нам пишут из Софии, что все озера, исключая Чистого, Проточного и Микеровского [?], несмотря на обильные дожди, не пополнились водою, и только в нескольких из них образовались небольшие лужи, что, конечно, очень прискорбно для прибрежных жителей. Даже Софийское озеро, которое прежде никогда не высыхало, нынешнее лето последовало общему примеру и от него осталась небольшая лужа. Скверно, осрамилось нынче это озеро. Да и не удивительно, таких жаров, как в это лето, давно не было; что уже Чистое озеро, да и то сильно обмелело, так что все боялись, что вот-вот совсем останутся без воды.

В соответствии с газетными правилами «Вестник» имел литературный «подвал» с общим названием рубрики: «Фельетон». Раздел единолично вел Сергей Платонов. В первом номере была помещена подписанная инициалами «С. П.» миниатюра «Из дневника ...ского помещика Манилова». Это был стилизованный под гоголевскую прозу рассказ героя «Мертвых душ» о его путешествии вместе с критиканом Собакевичем из родного поместья в российские столицы и далее в Луизино:

Москву мы проехали, и прямо в Петербург. Город чрезвычайно хороший, какой большой, глаза разбегаются, а Мих<аил> Сем<енович> [Собакевич — А.Г.] сердит, что зелени нет. Вспоминал все свои леса. — Сидим мы с ним в гостинице, в карты играем, вдруг он говорит:

— Поедем, брат, в Луизино.

— В какое Луизино? — спрашиваю.

— А в чужую страну.

— А далеко это?

— Близко, — говорит, — сесть на железную дорогу, и готово.

— Помилуй, — сказал я, — да я о такой стране и не слышал!

— А я так слышал.

Вот поди с ним; ведь я три года в уездном училище сидел, дома учился и в офицерах служил, а о Луизиине, да еще о том... как его?... да о Пиренейском полуострове ничего не слышал. Это странно!.....

Завтра едем в Луизино.

17 июля 18** года.

Я в Луизиине. Оно мне очень нравится. Ну, а Мих<аил> Сем<енович> вечно ворчит... Вот всем хороший человек, а по нем никак не угодить. Да еще на ноги любит наступить. Совсем сегодня одному лузинцу ногу отдал, тот даже взвизгнул!.. Ай, как устал, лучше завтра допишу...

В этом тексте, открывавшем вместе с передовицей новое издание, кратко, но точно обозначен момент пересечения границы между реальностью и миром фантазии. Повествование неслучайно ведется от имени прекраснородушного Манилова, мечтавшего о материализации своей идиллической грезы — о возникновении особого гармонического пространства, расположенного в локусе дивного моста. В миниатюре Платонова сразу же обозначена категориальная типология «Луизина», как варианта утопии, существующей параллельно и совсем рядом с Москвой и Петербургом. Эта область мира фантазии совсем «близко, — ...сесть на железную дорогу, и готово».

В разделе «Фельетон» анонимный автор также демонстративно подчеркивал внутреннюю связь пространства виртуального «Луизина» с созданным Майн-Ридом идеализированным миром американских индейцев. Это было внутреннее сродство двух вариантов «руссоистского мифа». Скрывшись под значимым псевдонимом «В. Дубровский», Платонов из номера в номер печатал свое новое произведение, открыто стилизованное под прозу Майн-Рида и озаглавленное так: «Дон Пабло. Роман из американской жизни».

В «Луизинском Вестнике» был также обширный «Литературный отдел», где публиковались стихи, рассказы и переводы. Один раз этот раздел даже разросся до уровня «Литературного приложения» к газете. Круг его авторов был довольно широк, в их число входили и девочки. Однако этот раздел был наименее самобытен. Большая часть представленных в нем произведений представляла собой зачастую беспомощные подражания «взрослой» литературе, в частности, все той же поэзии «чистого искусства».

В газете присутствовал и «Юмористический отдел», который вел все тот же Сергей Платонов. Значительное количество материалов составляли переводы довольно «тяжеловесных» иностранных анекдотов. Гораздо любопытнее были образчики российского юмора, или списанные редактором раздела с каких-то отечественных изданий, или же созданные им самим:

Объявления

1. Требуется огромных размеров пожарная машина, чтобы она могла быть доставляема по телеграфу во все места обширной российской империи для тушения ее бесчисленных пожаров. Об условиях узнать везде, кроме Луизина.
2. Требуется на фаянсовый завод для расписывания сервизов господин почтенных лет, знающий правописание настолько, чтобы

не писать на чашках эпитафий, подобных следующим: «дарю в день Андела», «когда будишь питчай вспомни обо мне» и т. п.

Как и большинство самодеятельных детских газет и журналов, «Луизинский вестник» был начат с энтузиазмом и творческим задором. Эмоциональный настрой издания определялся восторгом юных горожан перед окружающими их живописными окрестностями, свежестью восприятия прелестей и невзгод дачного бытия. Походы вдоль Старо-петергофского канала, обследование роц и парков Бабигонского холма, купание в прудах и озерах, стычки с деревенскими мальчишками, — все это органично соединялось с чтением приключенческих романов Майн-Рида. В результате всего этого и возникло то «игровое» пространство «луизинского мифа», в которое Сергей Платонов и его друзья погружались во время летних каникул и которое зримо представало на страницах «Луизинского Вестника». Однако дружный порыв к изданию газеты постепенно угасал. Это видно по тому, что в каждом последующем номере всё больше и больше полос оставались не заполненными. Долго держался раздел «Политические события», в котором сообщалось то об очередной вылазке зловредных сидонцев, то о новой экспедиции в дальние области Луизина. Однако и он прекратил свое существование, увеличив количество незаполненных газетных полос. «Последним могиканином» газеты оставался раздел «Фельетон». Издание «Вестника» было полностью прекращено в связи с окончанием дачного сезона 1875 г. и возвращением пятерки луизинцев в Петербург.

Если Георгий Круковский (Пантера) был лидером, главным «вождем» летней компании друзей, то Сергей Платонов (Serge...nt = Сержант) был ее идеологом, летописцем и панегиристом. Именно его перу принадлежат тексты, целью которых было «воскрешение» и поддержание «луизинского мифа» и его идеалов в сознании товарищей в период их безвылазного пребывания в холодном Петербурге и полного погружения в гимназические занятия. Созданные Платоновым зимой 1875 г. «Беседы о Луизино» и миниатюрная приключенческая повесть «В прериях» были призваны поддержать друзей, придавленных реальностью, одолеваемых, используя термин из книги Фр. Ницше «Так говорил Заратустра», Духом Тяжести. В этих произведениях летописец «Serge...nt» силой своего воображения снова отправлял своих товарищей в опасные дебри лесной «тайги» между Луизино и Сидонией, заставлял их совершить головокружительное путешествие из Кронштадта в Сан-Франциско,

сражаться против кровожадных апахов (апачей) вместе с благородными команчами, пересечь всю Америку и только после всех этих странствий и приключений, полными сил и впечатлений, снова вернуться в реальность холодного январского Петербурга. В конце своей повести автор писал: «Через десяток-другой дней мы видим наших друзей в вагоне поезда, летящего в Чикаго, а через два месяца у В<асилия> Л<аткина> в Петербурге, вспоминающих Америку, Митаками, апахов и все примечательно в прериях. В конце скажу Вам, что все они убедились, что иногда Майн-Рид врёт, но большая часть у него — правда». Таким образом, воскрешая в памяти своих товарищей прелесть луизинской летней утопии, Платонов поддерживал в них силу сопротивления навалившимся на них житейским тяготам, утверждал реальную ценность благородства, верности и чести, лежавших в основе их дружеского союза.

В 1976 г. Платонов тяжело переболел тифом. В «Автобиографической записке» он вспоминал: «Эта болезнь составила грань в моей духовной жизни. До нее я был беззаботным мальчиком; после нее началась серьезная умственная жизнь. У меня образовались новые знакомства, появились новые влияния. До болезни я не чувствовал потребности смотреть вперед и определять свой дальнейший путь; теперь же передо мной, как путеводный маяк, стал университет» [Академическое дело 1929–1931 гг. 1993, 257]. С поступлением Платонова в высшее учебное заведение закончились и его летние каникулы в Луизино, и его роль летописца трудов и дней кампании дачников-гимназистов. Просматривая на пороге перехода к новому этапу жизни свои ранние литературные труды, семнадцатилетний юноша дал им следующую оценку в одном из своих стихотворений [Стихотворения 1874–1875]:

Вместо предисловия

Все это детское, лет прежних увлеченье,
Когда все впечатления новы,
Ребяческого сердца то произведенья,
Без твердой мысли головы.
Что в них?!.. Прекрасного слепое обожанье
И сердцем жизнь, а не умом,
Придуманные детские страданья
В сердечке радостно живом.
Читатель! Не рази насмешливой их речью
За то, что для тебя в них смысла нет, —
А для меня есть смысл и буду их беречь я,
Как память милых детских лет.

Чем же примечателен для понимания научного и человеческого лица академика Платонова сохранившийся «луизинский» цикл его юношеских произведений? Во-первых, в этих текстах видна интенсивная работа их создателя над выработкой принципов художественного изложения прошедших «достоверных» («исторических») событий и создания образов их участников. Во-вторых, и это, может быть, главное, — в этих во многом наивных произведениях четко заявлена интенция автора на включение в нейтральное повествование неперменного критерия — нравственного императива.

Платонов вновь вернулся к своим юношеским творениям при трагических жизненных обстоятельствах. 12 января 1930 г. он был арестован и обвинен в руководстве контрреволюционной организацией «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России», которая была «открыта» ОГПУ в 1929 г. в рамках сфабрикованного «Академического дела» [Академическое дело 1929–1931 гг. 1993]. В 1931 г. «следствие по его делу было... уже закончено и в ожидании решения своей участи С. Ф. Платонов занялся в камере в ленинградских „Крестах“ приведением в порядок своего личного архива» [Брачев 1997, 15]. Поведение Платонова в процессе следствия по выдвинутому против него ложному обвинению, его отношение к своим ученикам и коллегам, проходивших с ним по тому же политическому делу, еще раз показало его человеческую порядочность, верность тем нравственным принципам, которые когда-то, давным-давно, на совсем другом временном и возрастном уровне, декларировались и отстаивались дружеским союзом создателей «луизинского мифа». Возможно, что воспоминания о нем также были причиной того, что архивист и источниковед Платонов сохранил как исторический факт документальные свидетельства о кратком существовании рожденной юношеским воображением луизинской утопии.

В *Приложении* по архивным источникам и с исправлением замеченных опечаток публикуются произведения: 1) *Serge...nt* [С. Ф. Платонов]. «Беседы о Луизине». Дата: «21 янв<аря> <18>75 г. 10 ½ часов вечера»; «22 янв<аря> <18>75 г. 9 час<ов> 40 минут утра». Автограф // РНБ. Ф. 585. Ед. хр. 1537. Л. 2—7 об.; 2) *Serge...nt* [С. Ф. Платонов]. «В прериях». Дата: <1875>. Автограф // РНБ. Ф. 585. Ед. хр. 1537. Л. 8—21 об.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Serge...nt [С. Ф. Платонов]

I.

Беседы о Луизине

В тайге

Беседа I

В 1873 г. я приехал в Луизино и решился исследовать его. Я стал искать случая для путешествия в лес, в южном Луизине, называемом «тайгою». Наконец, два луизинских вождя, Георгий Пантера и еще один, направлялись в «тайгу», чтобы осмотреть ее и узнать, нет ли признаков неприятеля в этой пустынной, мало посещаемой стране... Я решился отправиться с ними, и мы выступили, хорошо вооруженные, в путь. Мое новое оружие, прекрасная винтовка нового устройства, приспособленная к здоровому штыку, и сабля, довольно длинная, — украшали меня. Вожди луизинцев беззаботно подвигались вперед, навстречу опасности. Эта «тайга», о которой я слышал много рассказов, была при том наполнена дикарями, которые под ветвями ее деревьев искали себе пропитания и часто нападали на коренных луизинцев. Но дикие варвары не могли устрашить храбрых луизинских граждан, которые с ружьями в руках прокладывали себе путь на широкую дорогу в рядах пришельцев и гнали их перед собою, как стадо баранов. Теперь вообразите, насколько трое углублялись в страну все дальше и дальше от дому. Меж тем десять — 8 человек не могли нам не показаться навстречу, и, хотя дикари вооружены в несколько раз хуже нас, но тем не менее три на одного слишком много. Итак, мы подвигались по «тайге». Вожди болтали со мною, развлекали меня, но я шел молча, и грустные думы шевелились у меня в голове. Вдруг показалась «тайга», ее деревья неприветливо смотрели на нас и наводили на непривычного тяжелую тоску. — Я все думал, что дело обойдется без боя. Мы подвигались вдоль окраины «тайги», параллельно с ней. Мы дошли до конца ее и хотели уже возвратиться и войти внутрь ее, как вдруг моя кровь остановилась, сердце перестало биться, и я невольно взвел курок: пред нами в опушке «тайги» стали человек 8 с отвратительными лицами и приготовились к бою. Нас отделял от них овраг.

— Смирно, — закричал явственным громким отчетливым голосом Пантера, — не стрелять, приготовься. И он обратился к дикарям.

— Прочь с нашей земли, подлое племя, — закричал он — прочь. Слышите ли вы?

Но тут раздался воинственный крик неприятеля, и камни со свистом пролетели над нашими головами. Тут Пантера кинулся чрез овраг со штыком наперевес.

— Луизино, урра-а-а! — раздалось далеко в воздухе.

... Враги разделились на партии, в середине помещались 6 молодых воинов. По бокам стояли два вождя-великана и ждали нас. Оба луизинца пошли на великанов, а мне осталась молодежь. Помня приказание не стрелять, я обернул ружье штыком и подбежав к переднему, ударил его в грудь, он отскочил, в это время мой приклад стукнул другого; вид крови и крики «Луизино, ура!» опьянили меня, и я щедро сыпал удары. Не знаю, долго ли коротко я дрался, но я не получил ни одной раны, между тем как мои неприятели пострадали, благодаря моему ружью. Вдруг все они бросили оружие и отбежали от меня. Я огляделся. Вожди-великаны были обезоружены, на безоружных сыпались удары штыков. Поражение было полное.

— Довольно, — наконец вскричал Пантера, — вон отсюда, подлецы, прочь, и радуйтесь, что отделались так дешево, слышите, вон, или мы положим вас на месте.

Дикари сплотились в кучу и, не подбирая оружия, удалились из «тайги».

— За ними, — приказал Пантера тихо, — и, если только будут сопротивляться, стреляй в великанов. Ну, вперед!

И мы последовали за ними, держа ружья наготове. Они направились из пределов Луизина и вскоре скрылись между деревьями Сидонии... Мы же, довольные победой, подобрав оружие врага, отправились домой.

— У нас такие стычки не редкость, бывает и по пяти на одного и то враги бегут, — объяснил мне дорогою Пантера.

Итак, читатель, вот какую жизнь ведут луизинцы, и это каждую неделю они встречаются с врагами, нападающими со всех концов на пределы этого маленького, но (л. 5 об.) сильного и благоустроенного государства.

Я почти в то же время участвовал в нападении на границы сидонийцев, соседей Луизина, и таким образом привык к боям,

и мало-помалу втягивался во все интересы луизинской жизни и делался луизинцем.

Может быть, я еще опишу и то нападение, о котором сейчас говорил, но теперь поздно, читатель, пора спать. Прощай или лучше, до свидания.

Serge...nt

21 янв<аря> 75 г.

10 ½ часов вечера

***

Нападение на Сидонию

Беседа II-я

Вскоре после битвы в «тайге», Георгий Пантера объявил поход на сидонцев. Я не замедлил присоединиться к отряду, и мы двинулись на восток Луизина к Луизинской гряде и, взобравшись на нее, шли по вершинам, выбирая удобное место для нападения. Георгий Пантера и другой, знакомый нам уже вождь, начальствовали над отрядом.

Мы уже прошли все горы и переправились через Каталный канал в низменную часть пограничного с Сидонией Луизина.

— Здесь, — сказал нам Пантера, указывая на границу. В Сидонии прямо перед нами простирался довольно редкий лес, а за ним немного вправо выяснялась деревня. Мы перешли границу, решившись напасть на это поселение, но, хотя и думали, что защитников будет мало, по причине полевых работ, тем не менее держались осторожно, оставив позади свободный путь к мосту и горам. Все было тихо, только животные [1 нрзб] ходили вокруг жилища.

Вдруг пули посыпались на селение, животных, и Пантера с наслаждением смотрел на гибель вражеского достояния... Я тоже выстрелил несколько раз, но мои пули не причинили особого вреда.

Вдруг все, доселе тихое, закричало, заревело, и на наш отряд кинулось огромное ополчение из деревни, с криком и визгом. Сопротивляться было немислимо на чистом месте, и мы, отступив к мосту, заняв его и решившись не отступить, ждали врагов. Вот они у границы, переступают ее и... останавливаются, не решаясь атаковать моста. Пули сыпятся на них, и многие валятся. Они совещаются и мало-помалу начинают отходить, и располагаются у деревни. Мы опять к границе и даже за нее. Враги принуждают нас скрыться в деревне.

— Довольно, ребята, — закричал, наконец, Пантера, — довольно. Мне только это и нужно, чтобы узнать, здесь ли неприятель. Мы их пощипали, у них есть трупов 20, а у нас ни капли крови, ура!

— Ура-а-а-а армия!!! — вскричали солдаты, и отряд весело отправился домой по горам, около границы высматривая врага и изредка посылая пули на землю Сидонскую.

Serge...nt

II.

В прериях

Не думайте, читатель, что я опять начну Вас пичкать луизинскими воспоминаниями, нет, теперь перенеситесь мыслями в Америку и Вы, я в этом уверен, прослушаете мой рассказ терпеливо.

***

В Северной Америке на востоке от Скалистых гор простирается степь... Это не наша степь с однообразными травами, скорпионами-пестрохвостными [?] и скорпионами-итальянцами [?] ...нет, это — необъятная равнина, на которой местами виднеются леса и обрисовываются холмы, покрытые зеленью и среди этой зелени проглядывают домики с бойницами — это колонии европейцев, смельчаков, которые все дальше и дальше проникают на запад и все более и более теснят бедняков-индейцев. Подымитесь на высоту птичьего полета, взгляните в прерию и вы увидите в одном ее углу на востоке, ближе к городам янки, как борются индейцы против европейцев, видите ли вы, как срываются скальпы с гордого чела сынов пустыни; как звенят серьги, преображенные этими скальпами; видите ли вы, как трещит сухое дерево в блокгаузах янки, как жалобно звучит детский крик ужаса, выпускаемый ребенком, отрываемым от теплого еще трупа матери, и как гордо смотрит индеец на последние капли женской крови, капающей с топора, с какой радостью он смотрит на скальп отца того ребенка, который бьется теперь в его мощных руках, и не знает того, что он завтра, может быть, будет пронзен меткою пулею европейца и что брат убитого им сегодня, завтра с радостью снимет с него, гордящегося победой, кожу и покроет ею своего пса... Но довольно. Взгляните теперь на запад к Скалистым горам. Видите ли Вы мирный праздник в индейской деревне по случаю удачной охоты на бизонов. Груды мяса и кучи шкур разбросаны повсюду. Воины с песнями сидят возле костра и

наслаждаются сочным мясом. Девушки, сидя на кровлях (домов) хижин, поют песни или играют на своеобразных инструментах. Все довольны, даже собаки, которые поражены избытком костей и вперегонки между собой лущат их. И все это при свете заходящего солнца, которое благосклонно смотрит на этот пир и как бы остановилось, чтобы дать время индейцам насладиться своим скромным пиршеством.

Удостоите своим вниманием суровый север и там вы увидите нечаянное rendez-vous молодого индейца с серым медведем. Посмотрим, как метко посылает свои стрелы индеец, и как серый мишка гоняется за ним... Вдруг... о, закройте глаза ваши, читатель, чтобы не видеть гибели молодого смельчака, настигнутого медведем. Но успокойтесь, чрез день вы увидите этого же индейца в своей деревне с блестящим ожерельем из зубов серого медведя.

***

Но слышите ли вы шум выстрелов с юга? Если вы любопытны, взгляните сюда, и вы увидите пятерых молодых людей, отчаянно отбивающихся от толпы апахов, этих волков пустыни.

Наконец-то мы выбились на дорогу, нашли настоящий сюжет для рассказа. Начнем же сначала, скажем, кто эти молодые люди, как они сюда попали и прочее...

В 18... году из Кронштадта вышел американский клипер в Сан-Франциско. Пред самым отъездом к клиперу подъехала шлюпка и привезла на борт пять молодых людей, которые, предъявив билеты и заняв две каюты, отправились с клипером в путь.

Их каюты были неравной величины, и они сделали большую гостиной залой и столовой, а меньшую — спальней, кабинетом, будуаром и диванной. Наконец они собрались вместе поболтать; в это время клипер летел на всех парусах.

— Как мы быстро идем, господа, — сказал старший из них, среднего роста, блондин, ему можно было дать лет 27 и не ошибиться.

— Да, Вася, — сказал низенький молодой человек, лет 23, — я еще не раскаялся с тех пор, как мы отправились в кругосветное путешествие и вполне...

— Разве ты имеешь обыкновение раскаиваться во всем, что не предпринимаешь, Петя? — сказал высокий молодой человек в очках...

— Если ты будешь всегда так весел, как сегодня, то нам не будет скучно, Сережа, — сказал Василий. Мы будем его называть Латкин потому, что в кампании был другой Василий — Круковской.

Пора нам назвать своих героев по имени.

Старший — Василий Николаевич Латкин.

За ним следовал Сергей Федорович Платонов — его можно отлично узнать по очкам.

Дальше Петр Павлович Рубцов, — низенький человек, любитель моря.

Потом — два брата: Василий и Георгий Круковские. Вот вся кампания пред Вами, читатель, прошу помнить всех, да не смешивать.

— Господа, — возобновил разговор Сергей, — из-за пустяков мы поехали в Америку, решили проехать ее поперек, чтобы узнать, правда ли, что пишут о индейцах, этих несчастных творениях, и для этого я потратил половину моих денег.

— А я — все, — сказал лаконически Петр.

— Не возьмем ли мы проводников в Сан-Франциско — спросил Василий Латкин.

— Нет, нет, нет! — вскричало три голоса, — Мы хотели испытать все опасности диких стран.

Василий Л<аткин> и Сергей переглянулись (они были большие друзья).

— Ну не даром же мы с тобою запаслись несколькими двустолками, [2 нрзб] и пистолетами, — сказал В<асилий> Л<аткин>, и с этими словами он принес из малой каюты свое оружие и оружие Сергея. Великолепные ружья в 2 аршина длины играли своими стволами на лучах солнца. Эти ружья могли делать по 20 выстрелов в минуту и отличались дальностью и прямоотой полета и тем, что у них пули были конические и очень маленькие, но они действовали вернее больших. Револьверы систем Кольта известны всем. Между тем остальные молодые люди тоже говорили об оружии и вынесли свои ружья. Их оружие было совсем другое, чем у тех, короткие двустолки с широкими стволами, действовали по 25 раз в минуту; револьверчики маленькие, почти игрушки, и сабли довершали их вооружение. Каждый хвалил свое оружие, и они бы поссорились, если бы узы дружбы не напомнили о себе. Но что описывать сухое путешествие...

Довольно будет сказать, что они после сравнительно скорого и благополучного плавания приехали в Сан-Франциско. Купив лошадей, мустангов, они с любопытством их осмотрели и реши-

ли, что они лучше всех описаний. Запасшись всем необходимым и взяв-таки одного проводника, друзья через три дня были уже на дороге в Апахерию. Едут они день, любуясь природою и записывая все, чтобы не выходило разногласий. Начальником экспедиции выбран был единогласно В<асилий> Л<аткин>. Все было тихо на шестой день путешествия, уже время подходило к вечеру, то ни ехали по долине, справа был лес, а влево виден был холм, на котором виднелись развалины крепости, когда-то разрушенной индейцами.

Проводник ехал молча и изредка поглядывал то к лесу, неизмеримо простиравшемуся вдаль, то на кусты, покрывавшие пригорки. Молодые люди тоже смотрели, но не на лес, а на степь. Картина была великолепная. Солнце медленно скрывало свое лицо за травой; теперь только одно чело его смотрело весело на путников, но не все любовались закатом солнца... Сергей наблюдал за проводником и шупал свои пистолеты. Поведение этого было странно: он смотрел пытливо и пасмурно-скучно на лес и копался на седле, вдруг он нечаянно (для Сергея это не показалось нечаянным) задел за курок ружья, и оно выстрелило. В это же время из лесу раздался ужасный рев и человек 75 краснокожих поскакали к путешественникам. Проводник неожиданно пустил лошадь в галоп и поскакал навстречу к ним, подъехал уже близко к ним, вдруг грянул выстрел и тот свалился с лошади. Это выстрелил Сергей.

— Скорей, туда, на пригорок к бойницам, — раздался крик, и лошади во весь дух летят к кустам. Индейцы за ними, и стрелы свищут мимо русских. Но они уже на пригорке и влетели в четырехугольное каменное здание без крыши, обгорелое, но с крепкими стенами, это была, по-видимому, крепостца. В ней было одно отверстие вроде проломанной двери и в других трех стенах по две узких бойницы.

— Ура! — закричали молодцы, спешиваясь, — Вот они, милые, и апахи.

— Лошадей под стены, у диких есть ружья и стрелы, — закричал Петр, и в это самое время посыпались стрелы и пули.

— Я буду у дверей, — закричал Георгий и с оружием наготове направился к отверстию. Вдруг оттуда высунулась голова индейца и сейчас же скрылась. Индейцы стали вокруг здания и скрылись в кустах. В здании никто не говорил ни слова, все понимали опасность и были возбуждены. Каждый избрал себе пост и расположился на нем. Василий Латкин прислонился к стене и стал наблюдать за лошадьми. Ночь спускалась, становилось темно.

В здании кой-где валялись обгорелые бревна, и русские захотели зажечь костер, в чем преуспели. Пламя запылало, и сейчас же крик индейцев раздался повсюду. Посыпались пули, и индейцы кинулись на приступ. Нужно сказать, что отверстие было завалено бревнами и из-за них торчали 4 ствола. Индейцы с томагавками толпой кинулись на них. В одну минуту 4 из них пали, еще четыре — чрез 3 секунды, и индейцы отхлынули. Из бойниц тоже сыпались пули в индейцев. И там они были отражены. После нападения настала тишина... Из укрепления выползла фигура, приблизилась к одному из трупов, приподняла его и пошла с ним назад, раздался выстрел из кустов, но попал в труп, которым закрылся Георгий (это был он). Он вошел в укрепление и положил труп возле огня. Убитый был человек средних лет, высокого роста, правая рука его судорожно сжала томагавк, разукрашенный бисером и блестками. Лицо его было спокойно, лишь одна морщинка около рта выказывала сдержанные с трудом страдания; высокий лоб и волосы, связанные в пук на темени, придавали лицу дикое и вместе с тем величественное выражение. Как раз посреди груди была круглая дыра, и из нее сочились остатки крови. Индеец, очевидно, зажал пальцами левой руки рану, но теперь палец съехал с самой раны и конвульсивно вдавился в мощную когда-то грудь индейца. Наши друзья смотрели на него с таким чувством, которого невозможно описать.

— Какой тип храбрости и лукавства вместе, — сказал В<асилий> Кру<ковской>.

Насмотревшись на него, они вспомнили, что не худо бы было снять с него портрет, и художник Петр принялся при свете костра за это дело. В это время все сделалось светлее, и русские скоро сами увидели, что все, что могло гореть близ их укрепления, горело. Дикие зажгли все с намерением устроить европейцев. А у тех ни капли воды и куска хлеба, ни клочка сена для лошадей. Они все молча заняли прежние места и приготовлялись к защите... Прошло 10 минут, все было тихо, только слышен был треск огня, и головни летели чрез укрепление или попадали в него. Вдруг одно громадное полено треснуло в костре и раскидало его. Все смотрели на это с затаенным страхом и когда немного поуспокоились от этого, как сразу все вскрикнули: в середине укрепления стоял молодой индеец с ружьем, обороченным вверх прикладом, и с рукой, поднятой в знак мира ладонью кверху; он смотрел так прямо, так откровенно, что никто не сомневался в его правоте и никто не стрелял; только В<асилий> Л<аткин> подошел к нему и ждал его слова.

— Брат мой может успокоиться, Митакоми — команч и правдив; я не пришел воевать с белыми, нет, Митакоми услышал крик апахов, и пришел сюда, — сказал, наконец, индеец на английском языке.

— Но как же мой друг и брат пришел сюда, — спросил его В<асилий> Л<аткин> на том же языке.

— Отверстия, в которые смотрели чудные ружья белолицых, могут пропустить такого вождя как Митакоми.

В это время индеец осмотрелся и, как ни старался, а не смог скрыть своего удивления.

— Ооах, а где же остальные орленки? — спросил он.

— Мы все тут, — ответил ему В<асилий> Л<аткин>.

— Но столько пуль нельзя никому послать в такое малое время, кроме 15 человек.

Вместо ответа В<асилий> Л<аткин> подал ему свое ружье. Индеец схватил его с жадностью, устройство его, невиданное еще сынами пустыни, возбудило в нем сильнейшее любопытство. А когда ему показали, как с ним обращаться, то он с удовольствием выстрелил в куст, при чем оттуда послышался предсмертный крик одного апаха.

Он, видимо, с сожалением расстался с ружьем, когда его взял В<асилий> Л<аткин>, и всё еще смотря на него, сказал:

— Если мои братья хотят, то пусть скажут, и мои молодцы нападут на баб-апахов, и тогда степь будет свободна, и мои молодцы проводят их до большого города янки.

— О, мой брат, если это будет сделано, то я отблагодарю Вас от всех моих товарищей, — сказал ему В<асилий> Л<аткин>.

— Это будет сделано, — ответил лаконически индеец.

— Когда так, то примите от меня этот подарок, — и при этих словах В<асилий> Л<аткин> подал ружье и патронташ пораженному индейцу и вместо них взял у него его отличное тоже, но простое ружье.

— О, — только мог выговорить индеец от радости, — мои молодцы будут здесь, — и он исчез через амбразуру также как и пришел.

Путешественники ободрились и, узнав, что уже 2-й час ночи, поставили двух на стражу, а трое улеглись. Пожар стихнул, и все вокруг почернело. Как только расцвело, индейцы двинулись на приступ, надежда уже потухла в сердцах храбрых юношей, и они уныло опять заняли свои посты. Опять заваленный вход пропускал через себя 4 дула, но бойницы были накрепко заткнуты головешками,

кроме одной, у которой и стоял Сергей. Между тем, пули из кустов сыпались в дом, и в траве что-то шелестело. Осажденные били в те места, где, они думали, находятся индейцы и попадали иногда. Но индейцы изобрели новый способ вредить осажденным: из травы и из-за кустов вылетали, как птички, стрелы, попадали наверно в блокгауз и втыкались в землю, в бревна или перелетали чрез путешественников без вреда. Но перестрелка кончилась, индейцы, как видно, захотели покончить с осажденными и толпою кинулись на дверь. В толпе было человек тридцать пять. 12 из них пало, не добжав до двери, но, когда они были шагов в 20 от нее, два верхних бревна отскочили, и из-за них показалось 4 решительных лица с саблями и пистолетами. Я говорю, их было четыре, Сергея не было между ними, он наблюдал за внутренностью укрепления. Выстрелы, свист томагавков, сабель, ножей, сливались в одно целое и чрез несколько минут Юрий был ранен, положив прежде 4-х индейцев, остальные же индейцы отошли шагов на тридцать; доски раскрылись, но из-за них уже не смотрели 4 дула. Почему же это? Сергей не участвовал в битве, а когда его товарищи, отбив врага, обернулись к нему, усталые, окровавленные, они увидели его среди 50 индейцев, красивых, стоявших с ружьями в руках и томагавками за поясом, он разговаривал с возвратившимся Митакоми. Чрез пять минут апахи призвали резервы (их теперь было около 60) и двинулись на второй приступ, но теперь бревна, завалившие дверь, исчезли, а вместо них вылетела толпа храбрых команчей и кинулась на оторопевших апахов, и пошла резня... В это же самое время на апахов посыпались выстрелы. К тому же и запасные команчи встретили их бегущих.

Я не буду рассказывать про битву, скажу только, что к полудню не осталось ни одного апаха. А команчи же потеряли немного воинов и теперь, все обвешанные скальпами, пировали победу над врагом. Митакоми был доволен больше всех, он получил другое, короткое ружье, и широкий, обоюдоострый, очень длинный нож Сергея.

Он сидел на траве посреди наших друзей, угощал их и угощался сам. Все было вполне довольно.

***

Чрез десяток-другой дней мы видим наших друзей в вагоне поезда, летящего в Чикаго, а чрез два месяца у В<асилия> Л<аткина> в Петербурге, вспоминающих Америку, Митакоми, апахов и все

примечательное в прериях. В конец скажу Вам, что все они убедились, что иногда Майн-Рид врёт, но большая часть у него — правда.

До свидания.

Serge...nt

Примечания

¹ Далее цитируется в тексте по этому автографу.

Литература

Источники

Луизинский Вестник — Платонов С. Ф. «Луизинский Вестник». Политическая и литературная газета и «Приложение» к ней. Август-сентябрь 1875. Автограф // РО РНБ. Ф. 585. Ед. хр. 1536. 24 лл.

Стихотворения 1874-1875 — Платонов С. Ф. «Год 1874-ый и начало 1875-го. Остатки моих детских стихотворений». Автограф // РО РНБ. Ф. 585. Ед. хр. 1534. 6 лл.

Стихотворения 1874—1876 — Платонов С. Ф. «Избранные пьесы из стихотворений псевдонима Serge. . . nt / Годы 1874-1875 и 1876 / Изданы С.Ф. Платоновым / СПб., 1876 года». Автограф. <1874—1876> // РО РНБ, Ф. 585. Ед. хр. 1533. 26 лл.

Исследования

Академическое дело 1929–1931 гг. 1993 — Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 1: Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова: Документы и материалы следств. дела, сфабриков. ОГПУ. СПб.: Б-ка Рос. акад. наук, 1993.

Брачев 1997 — Брачев В. С. Русский историк С. Ф. Платонов: Ученый. Педагог. Человек. СПб.: Нестор, 1997.

Гусаров 2017 — Гусаров А. Ю. Юго-западные предместья Петербурга: история, архитектура, дачная жизнь. СПб.: Паритет, 2017 [доп. тираж].

Мамонова 2002 — Стихи и эпиграммы С. Ф. Платонова / публ. подг. М. А. Мамонова // Мир историка. XX век / под ред. А. Н. Сахарова. М.: Ин-т рос. истории, 2002. С. 445—446.

Шмидт 2010 — Шмидт С. О. Историк С. Ф. Платонов — ученый и педагог (К 150-летию со дня рождения). М.: 2010.

References

- Akademicheskoe delo 1929—1931 gg. 1993* — Akademicheskoe delo 1929—1931 gg. (1993). [Academic Affairs 1929—1931. Issue. 1: The case against Academician S. F. Platonova: Documents and materials of investigations. business, factories. OGPU]. Vol. 1: Delo po obvineniyu akademika S. F. Platonova: Dokumenty i materialy sledstv. dela, sfabrikov. OGPU. Saint-Petersburg: B-ka Ros. akad. nauk.
- Brachev 1997* — Brachev, V. S. (1997). Russkij istorik S. F. Platonov. Uchenyj. Pedagog. Chelovek. [Russian historian S. F. Platonov. Scientist. Teacher. Human]. Saint-Petersburg: Nestor.
- Gusarov 2017* — Gusarov, A. Y. (2017). Yugo-zapadnye predmest'ya Peterburga. Istoriya. Arhitektura. Dachnaya zhizn'. [Southwestern suburbs of St. Petersburg. History. Architecture. Country life] (additional ed.). Saint-Petersburg: Paritet.
- Mamonova 2002* — Mamonova, M. A. (2002). Stihi i epigrammy S. F. Platonova [Poems and epigrams by S. F. Platonov]. In Saharov A. N. (Ed.) Mir istorika. XX vek [Historian's World. XX century] (pp. 445—446). Moscow.
- Schmidt 2010* — Schmidt, S. O. (2010). Istorik S. F. Platonov — uchenyj i pedagog (K 150-letiyu so dnya rozhdeniya) [Historian S. F. Platonov — scientist and teacher. To the 150th anniversary of his birth]. Moscow.

Alla M. Gracheva

Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0002-4708-098X

ON THE EXTRAORDINARY ADVENTURES OF THE NOBLE CHIEFS PANTHER, SERGEANT, AND THEIR FRIENDS IN THE LUISINO MOUNTAINS, THE WOODS OF SIDONIA, AND THE AMERICAN PRAIRIES: CHILDREN'S PROSE OF ACADEMICIAN SERGEY F. PLATONOV

The article considers the complex of prose works preserved in the personal archive of Platonov (RNL), which were written when the future academician was studying in the senior classes of the gymnasium. The focus is on the so-called "Louisino cycle", created by Platonov in 1873–1875. The works of this cycle (issues of the self-made newspaper "Louisino Vestnik", two essays "Conversations about Luisino" and a miniature story "On the Prairie") are connected with Platonov's summer stay at the dacha in Luisino village near St. Petersburg. The article concludes that the "Louisino myth" created by teenagers was a variant of the "myth in the style of Rousseau" about the life of a natural person who is in harmony with nature.

Keywords: Academician Sergey Platonov, Thomas Mine-Reid, russian children's literature, journalism, adventure prose

РЕЦЕНЗИИ

Нина Барковская

ЛИТЕРАТУРНАЯ КИНОЛОГИЯ. РЕЦ. НА КН.:
М. С. КОСТЮХИНА. ОТ МУМУ ДО СОБАЧКИ
СОНИ: ОБРАЗ СОБАКИ В ДЕТСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ И ШКОЛЬНОМ ЧТЕНИИ. СПБ.:
ИЗД-ВО РГПУ ИМ. А. И. ГЕРЦЕНА, 2021

Новая монография М. С. Костюхиной, автора книг «Игрушка в детской литературе», «Детский оракул. По страницам настольно-печатных книг», исследует динамику принципов и приемов создания образа собаки в русской литературе XIX–XX вв. В рецензии характеризуются принципы систематизации литературного материала, отмечается роль иллюстративного и справочного аппарата, указывается на практическое значение монографии для педагогов, учителей литературы, родителей. Выявляются сквозные идеи монографии: соответствие детской литературы о животных общей историко-культурной ситуации и господствующему литературному направлению, высокий воспитательный потенциал подобных произведений, постепенное усиление не только социально-критической, но и философской составляющей литературы, адресованной детям.

Ключевые слова: анималистическая литература, образы животных, история детской литературы о животных, литературный быт, образ собаки в литературе

Нина Владимировна Барковская

Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург
n_barkovskaya@list.ru

Цель монографии, как формулирует ее автор, — дать путеводитель по русской детской литературе XIX–XX вв., персонажами которой являются собаки [Костюхина 2021, 5]. Размышляя о принципах систематизации столь обширного материала, автор перечисляет возможные подходы: по отдельным породам собак, по кличкам, по сюжетам, по жанрам, по авторам, но выбирает в качестве основополагающего принципа именно литературные образы собак. Тем не менее в композиции книги присутствуют отдельные главы, посвященные тем или иным аспектам темы: «Собаки русских писателей», «Имена-клички собак в литературе», «Собаки на корабле», «Полковые собаки», «Полярники и их собаки», «Служебные собаки», «Среди цирковых», «Четвероногие друзья охотника», «Собаки на деревенской улице» и т. д. Так через кинологический аспект представлены отраженные в литературе самые разные сферы общества. М. С. Костюхина подняла огромное количество источников, как художественной, так и собственно кинологической литературы. В монографии нашлось место и для хорошо всем известных произведений, и для забытых сегодня текстов, но сыгравших в свое время немаловажную роль. Пестрый литературный материал касается как собственно литературных приемов и жанров (например, глава «Собачьи дневники» подробно рассказывает об истоках и новаторстве «Записок Полкана» Н. А. Лейкина и «Дневнике фокса Микки» Саши Черного), так и «литературного быта»: сообщается, к каким собакам питал пристрастие тот или иной писатель, какие жизненные ситуации отразились в его произведениях. В монографии рассыпано множество тонких наблюдений не только о психологии собак, но и о характерах самих авторов, например, объясняется, со ссылкой на статью П. Басинского, почему в семье Куприна всегда были собаки, а вот у Бунина их не было. Такие соотнесения литературы с житейским планом позволяют показать, насколько иногда художественный образ собаки отличается от реального прототипа, как, например, в случае знаменитого купринского Сапсана: «Биографический факт и его литературное воплощение не дублируют друг друга, даже если фотография любимой собаки висит на стене в доме писателя» [Костюхина 2021, 186].

«Собачья» энциклопедия русской жизни при всем разнообразии глав подчиняется хронологическому принципу. Проследивая эволюцию художественного изображения собак в литературе более двух столетий, автор обнаруживает магистральный сюжет: собаки из персонажей второго-третьего ряда переходят в число самых популярных героев в мировой детской литературе. Античная литера-

тура мифологизировала собак, средневековые бестиарии наделяли собак не свойственными им качествами, в литературе Просвещения собаки выступали носителями аллегорических смыслов (в баснях, например, или в нравоучительных историях). В русском фольклоре собака, как правило, выполняла функции помощника. Реалистичский образ собаки создали писатели-классики XIX в., в модернизме начала XX в. активно использовалось сопоставление человеческой судьбы и собачьей доли и т. д. Отношение к собаке становится маркером этических норм в обществе. Например, для советской литературы для детей характерны роли: собака-пограничник, собака-минер, собака-санитар, верный защитник и охранник. Образцом служебной собаки, главные качества которой — преданность, послушание, готовность пожертвовать собой, была овчарка, которую «не замечали» писатели XIX в., а вот бульдоги фигурировали в советских карикатурах как образы капиталистов-буржуев. Соответственно, декоративные породы собак третировались как барская затея. В примечаниях на с. 70 читаем: «После революции декоративные, или любительские породы собак у нас почти целиком исчезли. Советские люди выращивают собак, которые могут приносить пользу нашему государству, нашей Советской Армии» [Собаковод-любитель 1955, 10]. Расширяют представление читателей о культуре повседневности сведения о том, как менялась мода на те или иные породы собак, даже сообщения о стоимости щенков. Например, «брать взятки борзыми щенками», как делал чиновник в гоголевском «Ревизоре», это означает достаточно большую сумму.

Социокультурный контекст, привлекаемый при разговоре о тех или иных литературных тенденциях в изображении собак, иногда показывает людские нравы с неожиданной стороны. Так, например, нередко в произведениях XIX в. показывается дружба человека и собаки. Однако при этом доказывается — на многочисленных примерах — что русский крестьянин вовсе не заботился о собаках, жестокое обращение с ними было нормой. Безжалостным было отношение к бродячим собакам. Не случайно в пореформенное время, уже в 1865 г., было организовано российское Общество покровительства животным. Степень гуманности социума отражалась на подходах к дрессировке: жесткие методы, с использованием болевых приемов, только в 1960–1970-е гг. сменились «мягкой» школой в работе кинологов. В главке, посвященной «полковым собакам», прослеживаются изменения в обрисовке образов и в сюжетах в зависимости от того, о какой войне пишет автор: Крымская война (повесть А. Ф. Погосского), русско-турецкая война

на Балканах (рассказ В. И. Немировича-Данченко), война с Японией (рассказ А. А. Федорова-Давыдова, рассказ Ю. Несветовой), Первая мировая война. Таким образом, произведения о собаках дают читателям представление о нормах и проблемах всего общества в тот или иной исторический период.

Очень интересны рассуждения о собачьих кличках и литературных именах. Лидирует в этой специфической ономастике, конечно, Жучка. Проследивая историю этого имени, ставшего нарицательным, автор отмечает, что жучками называли вовсе не черных собак, похожих на жука; кличка Жучка пришло в народ из верхних слоев общества, где собачек часто называли Жужу, что по-французски означает «игрушка».

Достоинством монографии являются примечания, не менее интересные и информативные, чем основной текст. В примечаниях дается «фоновый», но очень характерный материал. Например, в главе, где исследуется эмблематика некоторых пород собак в советской литературе, говорится об И. Г. Эренбурге и его споре с А. Т. Твардовским, редактором «Нового мира». Твардовский упрекал Эренбурга за то, что в его мемуарах «Годы, люди, жизнь» слишком большое внимание уделяется собакам. На что Эренбург ответил: «Вы не брали на себя цензорских функций в более серьезных вопросах, так оставьте же мне и моих собачек» [Костюхина 2021, 74]. Драматичен рассказ о писательской судьбе Виталия Бианки: в его ранних повестях 1920-х гг. («Мурзук», «Одинец», «Карабаш») человек не выглядел хозяином природы, а границы между человеческим и звериным теряли свою безусловность, что не соответствовало идеологическим установкам того времени. После жесткой критики и ссылки Бианки ограничил себя рамками детской литературы, создав жанр природоведческой сказки [Костюхина 2021, 96–97].

Не менее содержательны в монографии и иллюстрации, правда, черно-белые и небольшого формата: обложки книг, воспроизведение рисунков к текстам. Всё это дает представление о полиграфической культуре того или иного времени, о приемах создания визуального образа как человека, так и собаки или другого животного. На с. 106 мы видим картинку из глянцевого издания XIX в., где изображены детки с кошечкой, собачкой, голубем. На с. 120–121 помещена подборка иллюстраций из изданий: Ангел хранитель детей: [Нравоучительные рассказы для детей]. 2-е изд. [Печ. с изд. 1848 г.]. М.: тип. В. Готье, 1857; Записки Амишки: Рассказы для детей. СПб.: изд. Смирдин и К, 1858; на с. 204 картинка

из хрестоматии И. И. Горбунова-Посадова, В. И. Лукьянской «Друг животных: Книга о внимании, сострадании и любви к животным: Гуманитарно-зоологическая хрестоматия: Пособие для преподавания в школе и в семье основных начал человеческого отношения к животным и правил обращения с ними», 3-е изд Ч. 1. М., 1909. Так читатель узнает, какого рода хрестоматии и методические пособия издавались в XIX в. Конечно, и более поздние книги, иллюстрированные замечательными художниками, представлены на страницах соответствующих глав монографии. Нельзя не упомянуть также выразительные фотографии писателей с собаками: Л. Н. Толстого, А. И. Куприна, Саши Черного, К. Г. Паустовского и многих других.

В монографии находится место для сравнительно-типологического сопоставления произведений русских авторов с традициями в зарубежной литературе. Так, на с. 115 кратко, но емко характеризуется национальная традиция изображения собак в книгах Дж. Джерома, Дж. Стейнбека, Л. Е. Керна и Д. Пеннака, в рассказах К. Чапека о собаках.

Книга М. С. Костюхиной адресована учителям, педагогам, методистам, специалистам по детской литературе. Но, как справедливо замечает автор, произведения, посвященные собакам, обладают художественным потенциалом, выходящим за пределы детской литературы, поскольку могут отразить эмоциональный мир человека, вместить глубокое нравственное содержание. Многие произведения с «собачьей» тематикой любят и взрослые, так что монография будет увлекательным чтением и для них.

Но важно не только то, что в историях о собаках автор может выразить переживания героев-людей или экстраполировать на образ собаки человеческие переживания. В книге М. С. Костюхиной говорится о писателях, которые удивительно тонко могли почувствовать и передать в слове именно собачью психику, мысли и чувства четвероногого друга. Так, например, у Чехова Каштанка — «это субъект повествования со своим эмоциональным миром и системой оценок» [Костюхина 2021, 17], почему, кстати, не всегда детям понятны причины, по которым Каштанка все-таки предпочла вернуться к бедному столяру, а не остаться у дрессировщика, где ей было гораздо вольготнее жить (отдельная главка в монографии называется «Выбор Каштанки»). А вот «Дневник фокса Микки» Саши Черного, написанный от лица фокстерьера, позволяет «увидеть действительность глазами наивного существа, свободного от стереотипов» [Костюхина 2021, 197]. В какой-то мере, знакомство с внутренним миром собаки, воплощенном в произведении, помо-

гает читателю понять Другого, почувствовать Я-в-Другом, а значит, открыть что-то новое и в своем Я. Автор монографии цитирует слова М. Н. Эпштейна, по мнению которого животные являются «самой наглядной для человека формой инобытия духа, которую он может оценивать как сверхчеловеческую или недочеловеческую, но которая так или иначе определяет его место в иерархии мироздания» [Эпштейн 1990, 88]. Не случайно возникла сегодня такая форма психотерапии, как ландшафтная аналитика с собаками [Конопельцева 2021]. Запоминаются страницы монографии, посвященные М. Пришвину, умевшему дать «фотографически» точный портрет собаки и тонкий психологический комментарий к нему [Костюхина 2021, 231–235].

Выше уже отмечалась такая особенность монографии, как обширный справочный аппарат: ссылки на ту или иную работу составляют «маячки» в предметном поле, с которым знакомит нас автор. Так, есть ссылка [Костюхина 2021, 104] на книгу французского ученого Д. Гийо «Люди и собаки». В предисловии к своему труду Доминик Гийо пишет: «Изучение собаки размывает границы между культурой и природой, доселе казавшиеся незыблемыми. Эти животные обладают выраженной индивидуальностью — пусть даже и отличной от нашей, — и отношения, возникающие между нами и собаками, действительно можно назвать социальными. Изучение способов взаимодействия с собаками указывает нам путь, позволяющий по-новому взглянуть внутрь нас самих и выявить скрытые в глубинах нашей психологии черты, ответственные за социальность, определяющие возможности общения или причины взаимного непонимания с существами, настолько не похожими на нас» [Гийо 2019].

Завершают монографию два указателя: указатель произведений «Образ собаки в отечественной литературе (детское и школьное чтение)» и «Указатель исследований и материалов по истории российского собаководства и кинологической теме, сборники произведений о собаках».

Монография М. С. Костюхиной, посвященная обзору произведений о собаках в русской литературе, не только полезна в практическом отношении, снабжая педагога обширным литературным материалом, но и представляет собой увлекательное чтение, а также открывает оригинальный аспект в исследовании истории русской литературы.

Литература

Исследования

Собаковод-любитель 1955 — Бочаров В. И., Иньков Н., Шар Ю. Собаковод-любитель. М.: ДОСААФ, 1955.

Гийо 2019 — Гийо Д. Предисловие // LiveLib: [сайт]. URL: <https://www.livelib.ru/book/353300/readpart-lyudi-i-sobaki-dominik-gijo>.

Конопельцева 2021 — Конопельцева Ю. В. Ландшафтная аналитика с собаками — окно в мир активного воображения // Одушевленный ландшафт / ред.-сост. А. С. Белорусец, С. В. Березин. СПб.: Алетейя, 2021. С. 83–94.

Эпштейн 1990 — Эпштейн М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высшая школа, 1990.

References

Epshteyn 1990 — Epshteyn, M. N. (1990). Priroda, mir, tajnik vselennoj... Sistema pejzazhnyh obrazov v russkoj poezii [“Nature, the world, the secret of the universe...”: The system of landscape images in Russian poetry]. Moscow: Vysshaja shkola.

Guillo 2019 — Guillo, D. (2019). Predislovie [Foreword]. In LiveLib: [website]. Retrieved from: <https://www.livelib.ru/book/353300/readpart-lyudi-i-sobaki-dominik-gijo>.

Konopel'ceva 2021 — Konopel'ceva, Ju. V. (2021). Landshaftnaja analitika s sobakami — okno v mir aktivnogo voobrazhenija [Landscape analytics with dogs — a window into the world of active imagination]. In A. S. Belorusec, S. V. Berezin (Eds.), Odushevlenyj landshaft [Animated Landscape] (pp. 83–94). Saint Petersburg: Aletejja.

Sobakovod-ljubitel' 1955 — Bocharov, V. I., In'kov, N., Shar, Yu. (1955). Sobakovod-ljubitel' [Amateur dog breeder]. Moscow: DOSAAF.

Nina Barkovskaya

Ural State Pedagogical University; ORCID: 0000-0001-9131-5937

LITERARY CYNOLGY. BOOK REVIEW OF: MARINA S. KOSTYUKHINA. FROM MUMU TO SONYA DOGGY: THE IMAGE OF A DOG IN CHILDREN'S LITERATURE AND SCHOOL READING. ST. PETERSBURG: PUBLISHING HOUSE OF THE RUSSIAN STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY NAMED AFTER A. I. HERZEN, 2021

A new monograph by M. S. Kostyukhina, author of the books "Toy in Children's Literature", "Children's Oracle. Through the Pages of Desk-Printed Books", explores the dynamics of the principles and methods of creating the image of a dog in the Russian literature of the 19th-20th centuries. The review characterizes the principles of systematization of literary material, notes the role of illustrative and reference apparatus, and points out the practical significance of the monograph for educators, teachers of literature, as well as parents. Cross-cutting ideas of the monograph are identified: the relevance of children's literature about animals to the general historical and cultural situation and the dominant literary trend, the high educational potential of such works, the gradual strengthening of not only the socially critical, but also the philosophical component of such literature addressed to children.

Keywords: animalistic literature, images of animals, history of children's literature about animals, literary life, image of a dog in literature

КОНФЕРЕНЦИИ

Екатерина Асонова, Елена Романичева

СОБЫТИЙНОСТЬ КАК ФАКТОР ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОСТИ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (IV МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ-ФОРУМ «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК СОБЫТИЕ»)

Обзор посвящен прошедшей в Москве IV Международной конференции-форуму «Детская литература как событие», однако авторы, уйдя от традиционно информационного обзора научных и методических треков конференции, на материале докладов, выступлений и дискуссий на заседаниях секций и круглых столов предлагают свой ответ на вопрос, каковы же условия «превращения» отдельных текстов, адресованных детям/подросткам, в единое поле детской литературы. Описание происходящего на конференции становится фиксацией того, как через самые разные «событийные» читательские коммуникации и практики объединяются все вовлеченные в них субъекты (авторы, издатели, исследователи, педагоги, библиотекари), а создаваемый ими здесь и сейчас читательский контент меняет и структуру, и состав детской литературы. По существу авторы, находясь «внутри ситуации», фиксируют, что именно в современных социокультурных условиях становится фактором институциональности детской литературы.

Ключевые слова: событие, детская литература, контексты чтения, читательские коммуникации, институциональность

Екатерина Андреевна Асонова, Елена Станиславовна Романичева
Московский городской педагогический университет (МГПУ),
Москва
asonova_ea@mail.ru, els-62@mail.ru

25–27 февраля 2022 г. в Московском городском педагогическом университете (МГПУ) состоялась IV Международная конференция «Детская литература как событие». Так как конференция проходила в гибридном формате, все выступления и дискуссии были записаны на видео, сейчас эти материалы представлены на сайте Чтение.ру¹. Свободный доступ практически ко всем материалам конференции делает ненужным ее привычный обзор, поэтому задачу своей статьи мы видим в том, чтобы определить, что именно в феврале 2022 г. сделало уже ставшую традиционной конференцию-форум событием в сфере детской литературы, то есть условием, при котором «отдельные тексты, предназначенные детям, превращаются в единое пространство/поле, именуемое детской литературой»².

Вслед за Ю. М. Лотманом мы трактуем событие как «значимое отклонение от нормы (то есть „событие“, поскольку выполнение нормы „событием“ не является) — зависит от понятия нормы» [Лотман 1998, 224]. Событием, как нам представляется, конференция становится для ее участников, когда происходящее в настоящем (доклад, выступление на круглом столе, проведение мастер-класса или участие в нем, etc.) оказывается значимым для постановки новых целей; когда в процессе совместной работы на конференции возникает то, что В. И. Слободчиков называл со-бытийной общностью людей, их ценностно-смысловым объединением [Слободчиков 2010]. В нашем случае событийность была связана со стремлением сделать заметными современные исследования детской литературы для достаточно широкого круга участников: педагогов, библиотекарей, режиссеров детского театра, создать условия для совместного осмысления пространства детской литературы, детского чтения и его анализа. За последние десять лет в России полем институализации детской литературы являются именно эти профессиональные сообщества, которые все активнее интересуются проблематикой расширения читательского репертуара детей и подростков, а также специфическими методами и приемами организации коммуникации вокруг произведений, адресованных детской аудитории или востребованных в ней.

«Взрослые, включившие в круг своего чтения детские и подростковые книги, постепенно создали совершенно особую культурную и образовательную инфраструктуру, связанную с этой литературой» [Асонова, Бухина 2020, 87]. Конференция, несомненно, становится частью такой инфраструктуры, что и определяет некоторые особенности ее проведения. Вовлечение в работу кон-

ференции большого числа практиков (специалистов, чья деятельность не предполагает аналитической, исследовательской повестки) определяет гибридный жанр встречи: секции с представлением научных докладов совмещаются с режиссируемым общением (круглые столы, семинары, флешмобы) и расширением дисциплинарных границ обсуждаемых вопросов: история и поэтика детской литературы обсуждается наряду с социологией и антропологией чтения.

Содержательным ядром конференции стали секции, посвященные исследованию истории детской литературы (модератор Мария Майофис) и ландшафтам в произведениях для детей и подростков (модераторы Ольга Бухина и Екатерина Асонова), а также социальным аспектам чтения (модератор Олеся Сененко) и феномену фандомов (модератор Анастасия Россинская).

Организаторский запрос на секцию по истории детской литературы был следующим: показать современному учителю, что история создания произведений, адресованных детям может становиться образовательным ресурсом. На наш взгляд, этот ракурс вполне удался в докладах Марины Иванкива «Автобиография животного как жанр, или Как говорить с детьми о благополучии дружного» и Марии Майофис «„Кладовая солнца“ М. Пришвина: между символизмом Киплинга и реализмом Диснея». М. Иванкива обратила внимание слушателей на истоки традиции создания образа животного-повествователя в произведениях для детей, на те повествовательные особенности, которые имеют значение и для организации читательской коммуникации. Доклад М. Майофис о связи творческого замысла Михаила Пришвина с мультипликационным фильмом «Бэмби», несомненно, дает импульс для методических идей, которые могут найти воплощение на уроках литературы. Очень подробное и развернутое сообщение Евдокии Варакиной «„Завязки“ современных сказочных повестей и образ волшебного помощника» было воспринято многими из слушателей как ресурс для расширения репертуара совместного чтения. Важные аспекты истории детской литературы были подняты Ольгой Мязотс, которая предложила сопоставить образы «территории детства» в творчестве Алана Милна и Барбру Линдгрэн.

Интересные для современного преподавания литературы идеи были заложены в сообщениях Елены Никкаревой, предложившей рассмотреть повесть А. Зайцевой «Девочке в шаре все нипочем» через музыкальные аллюзии; Маргариты Пономаревой, рассмотревшей роман Ю. Линде «Улица Ручей» через призму работы с понятием «документ»; Анастасии Губайдуллиной, обратившей внимание

слушателей на возможности анализа визуальных знаков и символов в современной литературе нон-фикшн для детей. Каждый из названных докладов предлагал пусть не новый, но актуальный взгляд на современные книги для детей, вписывающий их чтение и обсуждение с подростками в современную образовательную повестку — освоение информационных компетенций, развитие критического мышления.

Другая тематическая линия докладов о детской литературе касалась связи с новейшей историей, поиском языка для разговора о событиях недавнего прошлого и настоящего. Об этом говорили Ольга Бухина в сообщении о «ландшафтах» детской литературы, посвященной Холокосту, и роли образа моря в этих произведениях; Екатерина Шаталова, описавшая способы создания миграционных нарративов в современной детской русской литературе, Екатерина Асонова, обратившаяся к современным подростковым повестям, действие которых связано с такими историческими событиями, как падение Берлинской стены и война в Афганистане.

Совершенно иной, обратный подход к детской литературе предлагали исследователи, выступавшие на секциях о социальных аспектах чтения. Предметом изучения становились ситуации коммуникации читателей, социокультурный контекст чтения и включения тех или иных произведений в поле детской литературы. Понятие «социальное чтение» предлагает рассматривать читательскую практику как обладающую социальным значением — это и ресурс для поддержки человека, и формирование новых социальных моделей, и поддержание социального здоровья [Сененко 2016; Романичева, Сененко 2017]. На секции же шла речь о таких современных и динамично развивающихся читательских практиках, свидетельствующих о том, что социальное звучание чтения «набирает обороты»: «эффективные книжные клубы базируются на активном слушании, взаимном уважении и компромиссе», «клубные читательские практики — возможный инструмент формирования функциональной грамотности» — эти тезисы прозвучали в докладе Ксении Киктевой о модераторах и модерации клубных читательских практик. О книжных приятелях (bookbuddies) рассказывала Анастасия Россинская [Россинская 2022], о роли культуры участия в современном детском чтении и читательских коммуникациях — Олеся Сененко. В своем выступлении исследовательница показала, что партиципаторность инфраструктуры детского чтения усиливает создание ситуаций и стимулов, побуждающих ребенка читать определенные тексты, что в свою очередь приводит к увеличению

потребления и производства читательского контента, а значит — определенным образом меняет и структуру, и состав детской литературы.

Отдельная секция была посвящена исследованиям и методическому осмыслению фанфикшен и фандомов, участники которой отмечали образовательный потенциал фандомов (зачастую они становятся местом институализации круга детского чтения) и фанфиков как особого жанра детской литературы. Отметим, что эта секция вызывала особый интерес и внимание многих участников — до сих пор эти явления в современной культуре стереотипно воспринимаются как маргинальные даже самими исследователями, однако для организаторов конференции тема уже сформировалась как самостоятельная и важная, о чем свидетельствуют публикации по материалам прошлых лет [Сененко 2017; Россинская 2020].

Продолжая логику идеи об институализации детской литературы в непосредственном контакте с читателем, мы переходим к описанию той части конференции, которая собрала выступления практиков, работающих с произведениями для детей, изучающих специфику детских произведений как учебного материала или творческого.

Круглый стол «Событие по книге» позволил участникам совместными усилиями сформулировать, что делает встречу с книгой событием для человека, то есть наделяет восприятие произведения личностным, а иногда и образовательным смыслом. К числу самых значимых факторов они отнесли: большую степень вовлеченности участников, возможность открыть новое для себя и в себе благодаря совместности проживания. Отметим, что эти и другие факторы вычленились на основе дискуссии после выступления докладчиков, педагогов и библиотекарей, которые представляли профессиональной аудитории свой опыт проведения событий, как уже аналитически описанный [Неткач 2022], так и ждущий своего научного осмысления. В процессе обсуждения представленных практик очень важной нам показалась высказанная кем-то из участников мысль о том, что «опыт передать нельзя»: его можно осмыслить и описать только в формате технологии, которая отчуждена от субъекта и поэтому «готова» к передаче и к освоению другими.

По традиции одним из центральных в конференции был методический трек — участие педагогов (дошкольного, начального, основного, дополнительного, высшего, среднего профессионального образования) в конференции о детской литературе для ее организаторов является одной из основных задач ее проведения. Внимание

участников двух методических секций привлекли неочевидные источники методических идей в сфере обучения чтению и изучения литературы, чаще всего «скрывающиеся» в самой природе детского текста. Именно их освоение – а на этом сошлись все, кто выступал на одноименной секции, – может стать одним из путей преодоления кризиса в методике обучения литературе. Именно поэтому с таким вниманием были выслушаны доклады о библиотечных и музейных читательских практиках (см., например, статью, написанную по материалам доклада одним из участников [Сосновская, Сосновский 2022]), о необходимости осмысления школьником своей читательской биографии как процесса формирования собственной эстетической траектории (об этом говорила самарский методист Ирина Коган). Особое внимание на секции привлек доклад Натальи Проскурниной об опыте изучения повести Александра Киселева «Вайнахт и Рождество», в обсуждении которого принял участие автор. Вступив в дискуссию, он ответил на вопрос аудитории «что хотел сказать автор?», но при этом отметил, что об этом можно спрашивать только автора, а не школьника-читателя. Таким образом, конференция стала местом коммуникации читателя с автором — особого способа бытования современной литературы, необходимого элемента инфраструктуры чтения.

На секции «Педагогический инструментальный анализ детской литературы» в центре внимания были детские книжки-картинки (об их образовательном потенциале говорили исследователи (Рахат Орозова из Киргизстана, Елена Корвацкая из Санкт-Петербурга) и издатели (Полина Властовская, издательство «МИФ»). На секции также был представлен опыт работы с детской художественной и научно-познавательной литературой в урочное и неурочное время педагогического коллектива гимназии № 10 г. Перми, постоянного участника конференции-форума.

На итоговом круглом столе методического трека было определено следующее: в выборе технологии организации читательского пространства и освоения практик чтения важно идти от ученика как субъекта собственной читательской деятельности и от его возможностей, при этом принимать во внимание тот факт, что практики и стратегии смыслового чтения нехудожественных текстов – за редким исключением – неприменимы к текстам художественным. Внимательное отношение к природе текста для детей, его структуре, художественным и технологическим решениям автора, художника-дизайнера и издателя позволяют педагогу, режиссеру, библиотекарю создать образовательную и/или художественную

среду, продолжающую замысел писателя (художника), максимально вовлечь ребенка в «мир книги».

Примечания

- ¹ Пост-релиз проходившей в смешанном формате конференции, включающий в себя записи всех секций, выложен на сайте лаборатории социокультурных образовательных практик НИИ УГО МГПУ, которая и стала организатором конференции, – «Чтение.ру» (<http://www.chtenije.ru/2022/04/blog-post.html>). Весь материал конференции представлен на этом ресурсе в формате видеозаписей секций и круглых столов.
- ² Мы сознательно используем цитату из описания одного из номеров «Детских чтений» (2020. Т. 17. № 1) так как она подсказала нам идею для анализа событий конференции. URL: <http://detskie-chtenia.ru/index.php/journal/announcement/view/17>.

Литература

Исследования

- Асонова, Бухина 2020* — Асонова Е. А., Бухина О. Б. Детская и подростковая литература и современная дидактика // Вестник МГПУ. Серия: Педагогика и психология. 2020. № 3(53). С. 85–94. DOI: 10.25688/2076-9121.2020.53.3.08.
- Лотман 1998* — Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Ю. М. Лотман Об искусстве. СПб.: Искусство – СПб, 1998. С. 13–285.
- Неткач 2022* — Неткач А. С. Конференция «Сабуровские чтения» (памяти Е. Ф. Сабурова) как свободное пространство чтения поэзии детьми и взрослыми // Партиципаторная библиотека и школа: сборник статей / под ред. Е. А. Асоновой и Е. С. Романичевой. М.: НП «Авторский клуб», 2022. С. 336–355.
- Романичева, Сененко 2017* — Романичева Е. С., Сененко О. В. О новом методическом термине «социальное чтение» // Вестник Московского городского педагогического университета Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2017. № 2 (26). С. 81–87.
- Россинская 2020* — Россинская А. Н. Где читают «нечитающие» и пишут «непишущие» // Читатель в школе: сборник статей / под ред. Е. А. Асоновой, Е. С. Романичевой. М.: Библиомир, 2020. С. 178–189.
- Россинская 2022* — Россинская А. Н. Технология чтения Bookbuddies (книжные приятели) для детей и взрослых // Партиципаторная библиотека и школа: сборник статей / под ред. Е. А. Асоновой и Е. С. Романичевой. М.: НП «Авторский клуб», 2022. С. 169–183.

Сененко 2016 — Сененко О. В. Социальное чтение и школьная библиотека // Школьная библиотека сегодня и завтра. 2016. № 12. С. 11–13.

Сененко 2017 — Сененко О. В. «Фандом» и «фанфики» как ресурс общения к чтению подростков // Материалы постоянного круглого стола «Приобщение к чтению: теория, история, практики». Доклады научного совета по проблемам чтения РАО /сост. Ю. П. Мелентьева. М.: Канон⁺, 2017. С. 69–73.

Слободчиков 210 — Слободчиков В. И. Антропологическая перспектива отечественного образования. Екатеринбург: Информационно-издательский отдел Екатеринбургской епархии, 2010.

Сосновская, Сосновский 2022 — Сосновская И. В., Сосновский И. З. Создание музейных экспозиций на уроке литературы как путь к смыслу художественного текста // Литература в школе. 2022. № 2. С. 58–73. DOI: 10.31862/0130-3414-2022-2-58-73.

References

Asonova, Buhina 2020 — Asonova, E., Buhina, B. (2020). Detskaya i podrostkovaya literatura i sovremennaya didaktika [Children's and Adolescent Literature: Its Place in Contemporary Didactics]. Vestnik MGPU. Seriya: Pedagogika i psihologiya, 3(53), 85–94. 10.25688/2076-9121.2020.53.3.08.

Lotman 1998 — Lotman, YU. (1998). Struktura hudozhestvennogo teksta [The structure of a literary text]. In YU. Lotman Ob iskusstve [About art] (pp. 13–285). Saint-Petersburg: Iskusstvo – SPb.

Netkach 2022 — Netkach, A. (2022). Konferenciya “Saburovskie chteniya” (pamyati E. F. Saburova) kak svobodnoe prostranstvo chteniya poezii det'mi i vzroslymi [Conference “Saburov Readings” (in memory of E. F. Saburov) as a free space for reading poetry by children and adults]. In E. Asonova, E. Romanicheva (Eds.), Participatornaya biblioteka i shkola: sbornik statej [The Participatory library and School: a collection of articles] (pp. 336–355). Moscow: Avtorskij klub.

Romanicheva, Senenko 2017 — Romanicheva, E., Senenko, O. (2017). O novom metodicheskom termine “social'noe chtenie” [On the New Methodological Term “Social Reading”]. Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie, 2 (26), 81–87.

Rossinskaya 2020 — Rossinskaya, A. (2020). Gde chitayut “nechitayushchie” i pishut “nepishushchie” [Where do teenage “non-readers” read and “non-writers” write?] // Chitatel' v shole: sbornik statej / pod red. E. A. Asonovoj, E. S. Romanichevoj [Reader at school: collection of articles / ed. by E. Asonova, E. Romanicheva], pp. 178–189. Moscow, Bibliomir.

Rossinskaya 2022 — Rossinskaya, A. (2022) Tekhnologiya chteniya Bookbuddies (knizhnye priyateli) dlya detej i vzroslyh [Book buddies as a reading practice for children and adults]. In E. Asonova, E. Romanicheva (Eds.), *Participatornaya biblioteka i shkola: sbornik statej* [The Participatory library and School: a collection of articles] (pp. 169–183). Moscow: Avtorskij klub.

Senenko 2016 — Senenko, O. (2016). Social'noe chtenie i shkol'naya biblioteka [Social reading and school library]. *Shkol'naya biblioteka segodnya i zavtra*, 12, 11–13.

Senenko 2017 — Senenko, O. (2017). “Fandom” i “fanfiki” kak resurs priobshcheniya k chteniyu podrostkov [“Fandom” and “fan fiction” as a resource for introducing teenagers to]. In YU. P. Melent'eva (Ed.), *Materialy postoyannogo kruglogo stola “Priobshchenie k chteniyu: teoriya, istoriya, praktiki”*. Doklady nauchnogo soveta po problemam chteniya RAO [Materials of the permanent round table “Introduction to reading: theory, history, practice”. Reports of the Scientific Council on the problems of reading RAO] (pp. 69–73). Moscow: Kanon+.

Slobodchikov 2010 — Slobodchikov, V. (2010). Antropologicheskaya perspektiva otechestvennogo obrazovaniya [Anthropological perspective of domestic education]. Ekaterinburg: Informacionno-izdatel'skij otdel Ekaterinburgskoj eparhii.

Sosnovskaya, Sosnovskij 2022 — Sosnovskaya I., Sosnovskij I. (2022). Sozdanie muzejnyh ekspozicij na uroke literatury kak put' k smyslu hudozhestvennogo teksta [Creation of museum expositions at a literature lesson as a way to the meaning of a literary text]. *Literatura v shkole*, 2, 58–73. 10.31862/0130-3414-2022-2-58-73.

Elena Romanicheva

Moscow City University; ORCID: 0000-0003-2649-3715

EVENTFULNESS AS A FACTOR OF INSTITUTIONALIZATION OF CHILDREN'S LITERATURE (IV INTERNATIONAL CONFERENCE-FORUM "CHILDREN'S LITERATURE AS AN EVENT")

The article is devoted to the 4th international forum-conference "Children's Literature as a Phenomenon" that took place in Moscow. The authors, however, took a step away from the traditionally informational review of the conference's scientific and methodologic tracks, and, based on the material of the presentations and on the lectures and panel discussions that were all carried out during the conference, they provide their answer for the following question: what are the conditions under which certain texts, that are addressed to children/teenagers, are "transforming" into a single field of children's literature. The description of what was taking place at the conference becomes a fixation of how all involved subjects of various "event" reader communications and practices (authors, publishers, researchers, teachers and librarians) are united by them. It is also fixating the process of how the reader content created by those subjects is changing both the structure and constitution of children's literature. The authors while being "inside of the situation" are essentially fixating what exactly is becoming a factor of institutionalization of children's literature under modern socio-cultural conditions.

Keywords: children's literature, reading contexts, reader communications, institutionality

Адрес редакции «Детские чтения»: detskie.chtenia@gmail.com

Сайт журнала: www.detskie-chtenia.ru

Оформление обложки Е. Мороз

Подписано в печать 16.12.2022. Формат 60×84 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Тираж 200 экз.